

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

5

НОВЫЙ
МИР

2004

5

2004

НОВЫЙ ВЕК, НОВЫЙ МИР

БУДЬ КОНСЕРВАТОРОМ, ВЫБЕРИ СВОБОДУ

В 2004 ГОДУ И В НАЧАЛЕ 2005 ГОДА
«НОВЫЙ МИР» ПРЕДПОЛАГАЕТ ОПУБЛИКОВАТЬ:

АНАТОЛИЙ АЗОЛЬСКИЙ. Смерть Кирова (комментарий к выстрелу);

АННА АРУТЮНЯН. Газета русская и американская (сравнительные характеристики);

ТАТЬЯНА БЕК. Служенье птиц (стихи);

ОЛЕГ БОРУШКО. Класс «А» (роман);

ЮРИЙ БУЙДА. Переправа через Иордан (книга рассказов);

ИГОРЬ БУЛКАТЫ. Кавказский лабиринт (роман);

ДМИТРИЙ БЫКОВ. Отвращение (роман);

АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ. Все люди умеют плавать (рассказы);

СВЕТЛАНА ВАСИЛЕНКО. Мария из Магдалы (повесть);

РУБЕН ДАВИД ГОНСАЛЕС ГАЛЬЕГО. Новая книга (публикация нового произведения лауреата Русского Букера предполагается осенью одновременно с испанским изданием);

ВЛАДИМИР ГЛОЦЕР. Я помню;

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ. Эти квартиры (рассказ);

НИНА ГОРЛАНОВА, ВЯЧЕСЛАВ БУКУР. Повесть о герое Василии и подвижнице Серафиме;

ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ. Гардеробщик (повесть);

БОРИС ЕКИМОВ. Рассказы и очерки;

ОЛЕГ ЕРМАКОВ. Холст (роман);

АЛЕКСЕЙ В. ИВАНОВ. Вниз по реке Теснин (исторический роман);

ФАЗИЛЬ ИСКАНДЕР. Новые рассказы;

ЮРИЙ КАГРАМАНОВ. Святая земля и вокруг нее (эссе);

АНАТОЛИЙ КИМ. Сеть (повесть);

НИКОЛАЙ КОНОНОВ. Нежный театр (роман);

МИХАИЛ КУРАЕВ. Дом без адреса (повесть);

ОЛЕГ ЛАРИН. Вот так и живем (дневник сельского москвича);

ВЛАДИМИР МАКАНИН. Новый роман;

АЛЕКСАНДР МЕЛИХОВ. В долине блаженных (роман);

(См. на обороте)

ВЛАДИМИР НОВИКОВ. Моншер (роман);
ОЛЕГ ПАВЛОВ. Чаровщина;
ЮРИЙ ПЕТКЕВИЧ. Заморозки (повесть);
ПИНДАР — МАКСИМ АМЕЛИН. Героические оды (с древне-греческого);
ИРИНА ПОВОЛОЦКАЯ. Пустырь (повесть);
МИХАИЛ ПОЗДНЯЕВ. Погоди минутку (стихи);
ВАЛЕРИЙ ПОПОВ. Новая повесть;
ЕЛЕНА РАБИНОВИЧ. Филологические новеллы;
ЕВГЕНИЙ РЕЙН. Избранник (роман);
МАРК РОЗОВСКИЙ. Театральный человек (документальное повествование);
ДИНА РУБИНА. На солнечной стороне улицы (роман);
ГЕННАДИЙ РУСАКОВ. Горло дней (стихи);
ОЛЬГА СЛАВНИКОВА. Период (роман);
АЛЕКСЕЙ СЛАПОВСКИЙ. Новая проза;
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН. Этюды из «Литературной кол-лекции»;
МАРИНА СТЕПНОВА. Хирург (роман);
ИРИНА СУРАТ. Мандельштам и Пушкин (статья третья);
МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ. Бабушкин спирт (повесть);
АЛЕКСАНДР ТИТОВ. Прощание с гармонистом (роман);
АНТОН УТКИН. Крепость сомнения (роман);
РЕВЕККА ФРУМКИНА. Феномен репетиторства как социальная практика (эссе);
СЕРГЕЙ ШАРГУНОВ. Откос (повесть);
ДМИТРИЙ ШЕВАРОВ. Парад облаков (рассказы);
ГАЛИНА ЩЕРБАКОВА. Новая повесть;

а также стихи МАРИНЫ БОРОДИЦКОЙ, ИРИНЫ ВАСИЛЬКОВОЙ, БАХЫТА КЕНЖЕЕВА, ГРИГОРИЯ КРУЖКОВА, ЮРИЯ КУБЛАНОВСКОГО, ИНГИ КУЗНЕЦОВОЙ, ОЛЕСИ НИКОЛАЕВОЙ, ВЕРЫ ПАВЛОВОЙ, ОЛЬГИ ПОСТНИКОВОЙ, СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО, ОЛЕГА ЧУХОНЦЕВА, ЕЛЕНЫ ШВАРЦ; статьи, обзоры, эссе КИРИЛЛА АНКУДИНОВА, ДМИТРИЯ БАКА, СЕРГЕЯ БОРОВИКОВА, СЕРГЕЯ БОЧАРОВА, ДМИТРИЯ БЫКОВА, НИКИТЫ ЕЛИСЕЕВА, ЕВГЕНИЯ ЕРМОЛИНА, АНДРЕЯ ЗУБОВА, ТАТЬЯНЫ КАСАТКИНОЙ, МАКСИМА КРОНГАУЗА, АЛЛЫ ЛАТЫНИНОЙ, АЛЛЫ МАРЧЕНКО, ВАЛЕНТИНА НЕПОМНЯЩЕГО, МАРИИ РЕМИЗОВОЙ, ВАЛЕРИЯ СЕНДЕРОВА, ЭРИХА СОЛОВЬЕВА и других авторов.

NEW!

Частные лица и организации, находящиеся в любой точке земного шара за пределами Российской Федерации и стран СНГ, могут подписаться на журнал «НОВЫЙ МИР» без посредников, круглый год, с любого месяца, на любой срок и на любое количество экземпляров.

СПОСОБ ЗАКАЗА: по факсу, по электронной почте или по Заявке (см. ниже).

СПОСОБ ОПЛАТЫ: 100 % предоплаты на счет ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“» № 40702840938040101095 в Московском банке Сбербанка г. Москвы, Российская Федерация, Тверское отделение 7982, корр. счет 30301840638000603804.

Tverskoe OSB 7982 MB SBERBANK PF, Moscow, Russia, ACC. 30301840638000603804, ACC. Beneficiary: 40702840938040101095.

Заявка принимается к исполнению с момента поступления денег на счет редакции. О возможности купить номера журнала за прошлые годы можно узнать в редакции.

СТОИМОСТЬ одного экземпляра в 2004 году: \$ 10.

СТОИМОСТЬ годового комплекта: \$ 120.

ЗАО «Редакция журнала „Новый мир“» обязуется: отправлять заказчикам журналы в экспортном исполнении (белой обложке) по почте бандеролью в течение 5 дней с момента выхода тиража за счет редакции, обменивать бракованные экземпляры или повторно высылать не полученные заказчиком экземпляры за счет редакции, немедленно информировать заказчиков о всех затрагивающих их изменениях (объем журнала, периодичность, цена и проч.).

С момента передачи оплаченного тиража журнала на Московский почтамт обязательства продавца считаются выполненными и право собственности переходит к подписчику.

Адрес редакции: Россия, 127994, ГСП-4, Москва, К-6,
Малый Путинковский переулок, 1/2, Редакция журнала «Новый мир».
Телефон/факс: (095) 200-08-29, (095) 209-62-13.
E-mail: novy-mir@mtu-net.ru

Заявка на подписку на журнал «НОВЫЙ МИР»

(вырезать или ксерокопировать Заявку,
заполнить и отправить в редакцию по почте или по факсу либо
отправить все требуемые в Заявке сведения по факсу или по электронной почте)

Я (фамилия, имя или название организации) _____

прошу подписать меня на ежемесячный журнал «Новый мир»
с _____ (месяц, год) на _____ месяцев.

Количество экземпляров _____

Стоимость заказа _____ (число месяцев x число экземпляров x \$ 10).

Дата оплаты (Заявка заполняется и отправляется в редакцию после оплаты) _____

Контактный телефон (факс, e-mail) _____

Адрес для отправки журнала (почтовый индекс, страна, город, улица, дом, имя и фамилия получателя) _____

Подпись заказчика и дата заполнения Заявки _____

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписные индексы «Нового мира» в зеленом Объединенном каталоге «Подписка-2004. Пресса России»: 70636 — для индивидуальных подписчиков и библиотек (на полугодие — 444 рубля плюс стоимость доставки), 16410 — для предприятий и организаций. Спрашивайте этот каталог во всех отделениях связи.

Те из вас, кто имеет возможность приходиться за журналом в редакцию «Нового мира», могут оформить *льготную* подписку по адресу: Малый Путинковский переулок, 1/2 (м. «Пушкинская», «Чеховская», «Тверская»), в понедельник, вторник, среду, четверг с 9.30 до 17 часов. Для членов творческих союзов, преподавателей высших и средних учебных заведений, студентов вузов, постоянных подписчиков, пенсионеров и инвалидов в редакции предусмотрены дополнительные льготы.

В редакции можно приобрести отдельные номера «Нового мира». Журналы выдаются подписчикам в понедельник, вторник, среду, четверг с 9.30 до 17.30 часов. (Справки по тел. 200-08-29.)

Спрашивайте наш журнал в московских книжных магазинах «Ad Marginem» (1-й Новокузнецкий переулок, 5/7), «Библио-глобус» (Мясницкая, 6), «Гилея» (Нахимовский проспект, 51/21), «Графоман» (1-й Крутицкий переулок, 3), «Летний сад» (Большая Никитская, 46), «Мир печати» (2-я Тверская-Ямская, 54), «Эйдос» (Татарская, 5, стр. 2).

Распространением журнала «Новый мир» за рубежом занимаются: германская фирма «Кубон унд Загнер» (Kubon & Sagner. D-80328 München Germany. Tel. (089) 54-218-130. Telex: 5216711 kusa d. Fax (089) 54-218-218; Электронная почта: postmaster@kubon-sagner.de Адрес в Сети: <http://www.kubon-sagner.de/ksinfo>)

американская фирма «Ист Вью Паблликейшенз» (East View Publications, Inc. 3020 Harbor Lane North Minneapolis, MN 55447 USA. Tel. (763) 550-0961. Fax (763) 559-2931. В Москве тел. (095) 318-09-37, факс (095) 318-08-81).

Уважаемые зарубежные подписчики!

Экземпляры журнала, предназначенные для распространения за пределами России и стран СНГ,

выходят в обложке белого цвета с надписью «Novy Mir».

Приобретая «Новый мир» в голубой обложке, вы отдаете свои деньги фирмам, не связанным официальным контрактом с журналом, что наносит редакции финансовый ущерб.

Вы очень поможете «Новому миру», оформляя подписку через наших официальных распространителей (см. стр. 4) или через редакцию журнала (см. стр. 3).

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕРА ПАВЛОВА — Путь и спутник, стихи	7
ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ — Нодельма, роман	10
ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ — Звездоречь, стихи	72
РОДИОН БЕЛЕЦКИЙ — Путешествие в Иваново автора, Коврова и Баранова, повесть	78
МАРИЯ КАМЕНКОВИЧ — Поле зрения, стихи	110
РОМАН СОЛНЦЕВ — Ключи, рассказ	116
ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ — Полная тишина, стихи	128

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Архимандрит АВГУСТИН (НИКИТИН) — «В большой счастливой зоне». Кубинские тетради. Окончание	135
---	-----

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

«ВРЕМЯ ИМЕЕТ СВОЮ ТОПОЛОГИЮ...» Письма Юрия Домбров- ского Виталию Семиному. Публикация В. Н. Кононыхиной-Семиной. Подготовка текста, предисловие и комментарии Л. С. Дубшана	150
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Борьба за стиль

МАКСИМ КРОНГАУЗ — Раздвигающие язык: «эффект хонтуя»	160
--	-----

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Марина Абашева. Тайны Леонида Юзефовича	166
Михаил Эдельштейн. Жизнь и время Джона К.	171
Алексей Балакин. Первый том академического Тютчева	175
Сергей Бочаров. Тютчевская историософия: Россия, Европа и Революция	184

(См. на обороте)

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

КНИЖНАЯ ПОЛКА МАРИИ РЕМИЗОВОЙ	190
ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПАВЛА РУДНЕВА	200
КИНООБОЗРЕНИЕ НАТАЛЬИ СИРИВЛИ	203
WWW-ОБОЗРЕНИЕ ВЛАДИМИРА ГУБАЙЛОВСКОГО	206

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги (составитель Сергей Костырко)	213
Периодика (составители Андрей Василевский, Павел Крючков)	216
SUMMARY	240

**ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШЕГО АВТОРА,
ЧЛЕНА ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА
СЕРГЕЯ БОЧАРОВА
С 75-ЛЕТИЕМ!**

**ПОЗДРАВЛЯЕМ НАШЕГО АВТОРА,
ЧЛЕНА ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА
ВАЛЕНТИНА НЕПОМНЯЩЕГО
С 70-ЛЕТИЕМ!**

ВЕРА ПАВЛОВА

*

ПУТЬ И СПУТНИК

* *

*

Сражаться с прошлым — вдвойне
нелепое донкихотство:
во-первых, на его стороне
численное превосходство,
во-вторых, его войска
вылеплены из воска.
Поднимется ли рука
сражаться с таким войском?

* *

*

Боясь сделать то, что уже
сделано, делаешь это снова
и снова. И страх оседает в душе.
В жизни нет ничего наживного,
кроме смерти. Но даже она
боится, трясущимися руками
снимая с лацканов ордена,
словом *память* увеча камни.

* *

*

Время течет слева направо —
с красной строки до черствой корки.
Многих жалко. Многие правы.
Все оправданы. Даже Горький.
Ради пары строк, озаренных
обещаньем метаморфозы,
все прощают: дом разоренный,
смерть деревьев, детские слезы.

* *
*

Удобряю ресницы снами.
Гуще некуда. Нет длинней.
Я-то знаю, что будет с нами.
Но судьбе все равно видней —
убаюкает и разбудит,
и подскажет разгадку сна...
Я-то знаю, чего не будет.
Но надеюсь, она не зна

* *
*

Нежность больше не делится
на состраданье и страсть.
В цельное легче целиться,
но труднее попасть.
Здравствуй, министр утренних
дел, кофейных кантат
автор! В моем целомудрии
ты один виноват.

* *
*

По счету — почести. По смете —
утраты. Радости — в кредит.
Я — сон, который снится смерти.
Тссс, не буди, пускай поспит.
И ты поспи. Любовью выжат,
младенчески прильни ко мне.
Как тихо спит. Как ровно дышит.
Как улыбается во сне.

* *
*

Нет, нет, не ревность — благодарность.
Под сенью тысячи гостиниц
мне столько нежности досталось,
наследнице твоих любимиц.
Но сколько, добрый мой заступник,
стоптано слов, сношено кожи,
чтобы открылось: путь и спутник —
одно и то же.

* *
*

Жизнь в посудной лавке..
Мы, слоняясь по ней,
знали цену ласке,
знали: она ценней
боли, знали, сколько
в ней процентов земли..
Из сотен осколков
склеить чашку могли.

* *
*

Перед дальней дорогой
приляжем, старина!..
Первых любовей много,
последняя — одна.
Продлись, помедли, лето —
исправительный срок
улады напоследок,
ласки через порог...

* *
*

Вероотступница, мученица
раскаянья и стыда,
нянчу за пазухой сердце — птенца,
выпавшего из гнезда.
Кто же о нем позаботится, кто
вырастит? Вот и пою,
чтобы подбросить в чужое гнездо
хищную нежность свою.

* *
*

Вергилий в предсмертном бреду
просил сжечь «Энеиду».
Блок — «Двенадцать».
Успеть
сжечь то, что хочешь сжечь
до того, как начнешь бредить.

ДМИТРИЙ БАВИЛЬСКИЙ

*

НОДЕЛЬМА

Роман

О. Е.

Маргарита

Я, право, дорого б дала,
Когда бы я узнать могла,
Кто этот видный господин!
Должно быть, это дворянин:
Так благородно он глядел
И так уверен был и смел.

И. В. Гёте, «Фауст»
(часть первая, сцена восьмая).

Глава первая

АПАТИЧНАЯ ПНЕВМОНИЯ

I

«Привет! Меня нет! Говорите после гудка! Пока!» — и голос бодрый, жизнерадостный, голос человека, привыкшего все брать от жизни. Каждую неделю на его автоответчике новая запись, можно звонить, создавая для себя иллюзию общения. Они работают на одном этаже вот уже несколько месяцев, но до сих пор не перекинулись и парой слов. Вот уже некоторое время Нодельма начинает день со звонка его автоответчику, кажется, это вошло у нее в привычку.

До этого ей отвечала другая запись: «Привет, мы спим, перезвоните позже или оставьте запись...» *Какое низкое коварство!* Нодельму злит множественное число этого признания: она же точно знает, что у него никого нет, что это обычные дешевые понты.

Хотя, возможно, таким образом он просто заговаривает одиночество? Ох уж эти творческие личности, замороченные и непредсказуемые. Никогда не знаешь, какое сообщение он наговорит на следующий день, — интрига, однако.

II

Телефон стоит возле самой софы, достаточно руку протянуть, свесить и пальцами нащупать кнопку, запрограммированную на его номер. Нодельма всегда просыпается быстро, за мгновение до пробуждения осозна-

Журнальный вариант.

Бавильский Дмитрий Владимирович родился в 1969 году в Челябинске. Окончил ЧелГУ. Литературный критик. Автор романов «Едоки картофеля», «Семейство пасленовых» и «Ангелы на первом месте». Живет в Челябинске.

вая возвращение к реальности. Глаза еще не открыла, а объемные образы уже превращаются в плоские мысли. Мысли — они же плоские, они только тени — чего? Подлинных мыслей? образов, которыми мы на самом деле мыслим?

Итак, просыпается, руку протягивает, прислушивается. «Привет... меня нет...» Горько улынулась: точно нет, причем нигде, ни на суше, ни на море, но в другой, *своей* жизни. Так что новый день начинается, как всегда, безутешно. Впрочем, почему уж *безутешно*? Запись поменял, уже хорошо, уже что-то сдвинулось с мертвой точки.

«...говорите после гудка... пока...» Нодельма никогда не записывается на его автоответчик. Не потому, что боится, опасается выдать себя, ей даже в голову это не приходит — говорить. И что она тогда ему, *молодому повесе*, скажет? Про чувства? Про то, что следит за ним постоянно? Вот он обрадуется! Можно представить... Нет, она никогда ничего не скажет. Потому что нечего ей говорить.

III

Она обращает на него внимание сразу же, как только он объявляется на тринадцатом, управленческом, этаже, очень уж он отличается от всех остальных обитателей исследовательского центра «Платон & Со», занятых фундаментальными исследованиями в области физики. До него все здесь ходили только в строгих костюмах, *служба отлично-благородно*. С галстуками однотонных (как приказывает устав компании) расцветок. Исключения позволяют лишь отдельным, особо приближенным к генеральному топ-менеджерам: их галстуки могут быть, ну, например, в клеточку или в полосочку, гм.

«А этот выпал из гнезда»: свободные свитера ярких расцветок из N&M, мягтые курточки от Chevignon (Нодельма насчитала пять разновидностей), вручную состаренные джинсы из коллекции Paper Denim & Cloth, неброская, но от этого казавшаяся еще более актуальной обувь. У нас такую не купишь. *Как dandy лондонский*. Чужой среди чужих, экзотическая птичка, непонятно как на тринадцатый этаж залетевшая. До него подобным образом позволял себе одеваться только **генеральный**, Платон Олегович. Нодельма никогда хозяина не видела, но молва доносит про его кроссовки и косоворотки. Вот они и нашли друг друга.

IV

Она обращает на него внимание в первый же день, столкнувшись в коридоре, удивляясь птичьему хохолку на неприбранной голове, а влюбляется чуть позже, когда количество удивления переходит в иное качество — сильного безответного чувства.

Нодельма осознает свершившийся поворот, когда решает придумать ему секретное имя. Так у нее принято. С детства: назвать по-своему человека или явление природы означает присвоить их, получить к нему полный доступ.

Сначала она хочет назвать его Птичкой. За нездешность, погруженность в себя, постоянную вздохмаченность. За *неподражаемую странность*. Или Птенчиком. Птенцом. Долго не может найти подходящего варианта — все они обладают высокомерием и уничижительными оттенками. Странно унижать объект обожания — все равно что себя (прилюдно) высечь. Пару дней ходит, мусолит компромиссные варианты — Птенц и Птиц, — в которых смущает недоволощенность, хищный клюв окончания. Имя приходит неожиданно, во сне, точнее, сразу же после сна. Когда она открывает глаза, потягивается к телефонному аппарату, мысленно споткнувшись ртом о воздух, и выдыхает: «Кня».

V

Через пару дней, когда в отдел заглядывает Светлана, ответственная за корпоративный стиль, Нодельма узнает, что новенькому уже заказаны визитки. И, как на них значится, руководить он будет корпоративным пиаром, то есть придавать их фундаментальным исследованиям одухотворенный образ. Значит, и правда ну очень творческая личность: больно уж задача перед Кня стоит сложная.

— Точно не помню, — близорукая Светлана грызет большое зеленое (зимнее) яблоко, — то ли писатель, то ли художник.

— Ничего себе разница, — ухмыляется Нодельма, гордившаяся опытом общения с богемной публикой, — а поконкретнее нельзя?

— Да мы сами еще толком ничего не поняли, нам же толком никто ничего не объясняет, ты же знаешь, наш родной исследовательский центр, — Светлана пожимает плечами и добавляет с интонациями всезнающего офис-менеджера Елены, — имеет большой опыт визуального мышления, какая-то там величина в области современного искусства.

— Понятно, — говорит Нодельма, хотя понимания после разговора со Светланкой у нее не прибавляется.

VI

На корпоративной вечеринке по случаю получения умопомрачительного гранта на какие-то особенно замороченные исследования, *среди знакомых лиц на сцене скучной*, она даже перекидывается с Кня парой слов. К тому времени она уже кое-что о нем знает. Влезть в базу данных с досье на сотрудников не представляет для Нодельмы большого труда. Сам он не местный, 1969 года рождения, холост (Светланка говорит — разведен), окончил Уральский университет, некоторое время жил где-то в провинциальной Европе (творческая стипендия). Теперь вернулся обратно, как Нодельма узнает из Yandex'a, набрав в искалке лакомую фамилию. Подробностей оказывается слишком много. Более чем. Нодельма тогда странно разволновалась, даже ладони взмокли.

На вечеринке они сталкиваются возле кофейного аппарата Nescafe Gold, Нодельма пошла за капучино, он наливал двойной эспрессо, *веселья зритель равнодушный*, увидел ее, заулыбался, представился. Хотя она уже давно и точно знала, что его зовут Кня.

— А меня Инной зовут, — смущается Нодельма.

— Инной или Ингой? — не расслышал Кня (или сделал вид, что не расслышал).

— Инной, — еще более смущается бедная Нодельма, — без буквы «г».

VII

Где же ты, *волшебный край*?! Прослушав запись на автоответчике Кня, Нодельма начинает собираться на службу. Включает «Love-радио» с песенкой про часики («За окнами дождик плачет, я выпью за неудачу...»), принимает под холодную музыку (дверь в ванную комнату приоткрыта) холодный душ, заваривает зеленый чай, выплескивает в чашку с мюсли холодной ряженки из холодильника. В радио поет группа «Тату» про то, что «нас не догонят». Нодельме становится скучно, и она включает телевизор. Начало войны в Ираке снова, третий или уже четвертый раз, переносится: американцы ведут бесконечные переговоры и «консультации», ООН выступает в защиту суверенных прав суверенного народа, министр иностранных дел летит в Германию, чтобы подбить союзников на коалицию. Все эти ритуальные заклинания и переносы сроков вторжения становятся чем-

то вроде совершенно не азартной игры или прогнозов погоды. Ну да, скоро весна, поэтому нужно горстями пить витамины.

К метро она идет мимо Шуховой башни — ажурной громады, подпирающей низкое московское небо. Некоторое время назад Нодельма обращает внимание, что на одной из верхних перепонок башни копошатся белые бесплотные существа. Пять или семь... Сначала думала, что птицы, или ей показалось, остановилась специально посмотреть, пригляделась — ангелы, блин.

VIII

Позже у нее с этими ангелами что-то похожее на дружбу завязывается, они ее не трогают, и она про них никому не рассказывает. Живут своей жизнью, занимаются повседневными делами, учитывают ее, но в существование не вмешиваются, так только, если посмотрят в ее сторону или рукой махнут. Они отовсюду видны, в какой части Москвы ты бы ни находился: если Шухову башню видишь, значит, и ангелов, излучающих белый свет, тоже. И имена у них странные, из цифр состоят. Тот, что выше, зовется 791, рядом — 313 и 692, а та, что явно девушка (разве может быть у ангела пол?!), — 698. Есть еще 222 и 111. Иногда на башне тусуется 792, но чаще всего его там нет. Нодельма быстро привыкает к их параллельному существованию. Бегло бросает взгляд на Башню, фиксирует копошение — и далее по делам бежит. Или думу свою думает.

В метро Нодельма покупает газету, чтобы меньше смотреть по сторонам. Ее раздражает девочка с бельмом на глазу, попрошайничающая на операцию в переходе с «Октябрьской-радиальной» на кольцевую. Утром здесь всегда пробка, толпа, чужие запахи. Слепая девочка стоит рядом с торговкой громко бренчащими игрушками — у них в глазах мигают лампочки, и они делают тупые, механические движения: все проходящие автоматически реагируют на шум и грохот, а потом замечают попрошайку с бельмом. Некоторые подают, Нодельма сама пару раз видела. Противно.

От «Добрынинской» до офиса пять минут ходьбы. Здесь тоже есть постоянный попрошайка. Он сидит возле обменника с двумя большими собаками. Утро еще, а он уже тягостно пьяный, сидит, уронив голову, будто в ней зашит чугунный шар с железными опилками.

IX

Раньше, пробегая до конторы по улице, Нодельма на курсе валют сосредоточивалась — почем нынче доллар да евро продают-покупают. Информация почти бесполезная, главное, поверх людей смотреть, выше нищих и торговцев, их лиц помятых. Теперь же она себе другую отвлекаловку нашла — выходя из метро, тут же лезет в карман за сигаретами, прикуривая на ветру.

Да-да, Нодельма курить начала. Чтобы быть поближе к Кня. Потому что он тоже курит. «Parliament light», про них Фоска говорит, скорчив презрительную мину: «дамские сигареты». В офисе курить нельзя: компанией владеют американцы, а они с этим шутить не любят. Поэтому все двадцать шесть этажей, словно школьники на перемене, бегают вниз. Вот и Кня был там, у парадного входа, неоднократно замечен, слаб человек. Пару дней назад Нодельма спросила у Фоски первую сознательную сигарету. Вечером они сидели в кафе «Суп» возле Белорусского вокзала, поедая что-то остро-кислое. *И мальчик сливки подавал...* Та сделала вид, что не удивилась, дурное дело — нехитрое, но вопрос прилежания и упорства. Точнее, техники. А с техникой Нодельма дружит всю сознательную жизнь.

Вот и сейчас Нодельма с удовольствием закуривает. Тем более, что ничто теперь ее не радует и даже погода кажется похожей на музыку с

последних пластинок группы «Radiohead» — мутная, зудящая, замкнутая на себе, с редкими проблесками гармонии в зимнем небе. Словно бы с самого утра, сразу же, без объявления воздушной атаки, начинаются сумерки, вечер.

X

— Я тоже сначала решила, что Ольга с двенадцатого этажа — его любовница, — делится сокровенным Светланка, они с Нодельмой стоят в курилке, высокомерно обозревая окрестности, — они все время вместе ходят курить, а это, согласись, серьезное основание...

Нодельма смеется:

— Да никого у него нет, я точно знаю.

— Послушай, подруга, ну откуда же ты это можешь знать? — вызывает на откровенность Светланка.

— Просто знаю, и все. Можешь мне поверить. Тем более, что мы же с тобой тоже все время ходим курить вместе. Но это же не значит, что у нас с тобой связь. Если только душевная...

— И то верно. — Светланка смеется и поправляет очки.

Дует ветер, мимо бизнес-центра, раскачиваясь и напевая, неторопливо шествует колонна кришнаитов. Все, как один, в оранжевых куртках, рассыпьте апельсинов. Натуральный апельсиновый сок. Дикое зрелище. Кришнаиты, несмотря на злую московскую погоду, поют что-то позитивное, из-под курток торчат юбки, подоткнутые за пояс. Нодельма отвлекается буквально на полминуты, не больше, а когда оборачивается, боковым зрением отмечает, что ни Кня, ни Ольги с двенадцатого этажа уже нет.

XI

Нодельма не преувеличивает — она действительно знает про Кня все, что один человек может знать про другого человека. Мы живем в режиме автоноса, постоянно оставляя следы. Бога нет, другие люди заняты собой, но если кому-нибудь придет в голову составить чей-то портрет, недостатка в свидетелях и свидетельствах не случится.

Любопытство Нодельма удовлетворяет, превышая профессиональные полномочия, ибо служит в исследовательском центре «Платон & Со» сетевым администратором, сисадмином. Deus ex machina. Бог почти. В ее ведении находится подразделение безотказных механизмов, с помощью которых можно контролировать жизнь других людей. Лишь отчасти, в рабочие часы, но тем не менее можно. Ведь чем только у нас не занимаются в присутственное время помимо работы!

Кня исключением из правил не является. Приходя на службу, он развивает бурную деятельность, лишь косвенно помогающую компании продвигать плоды торжества интеллекта. Как уже точно выяснила Нодельма, первым делом Кня просматривает почту, все четыре своих ящика (плюс официальный, корпоративный), затем, вдоволь наотвечавшись друзьям-приятелям, родственникам-знакомым, кои водятся у него в неисчислимом количестве, Кня, словно Мороз-воевода, ежедневно обходит свои виртуальные владения, заглядывая на сайты самого разного содержания.

XII

Порой, между прочим, достаточно фривольного, если не сказать разнузданного. Никакой системы, а тем более особого интереса во всех этих посещениях Нодельма найти не может, списывая непонятные проявления оп-жизни Кня на особенности мужской психологии, кризис среднего возраста, сложности обживания творческой личности в чуждых условиях кор-

поративного бизнеса, да на что угодно, лишь бы уйти от прямых и простых ответов на вопрос — зачем нормальному (нормальному ли?!) человеку нужны все эти страсти, занимающие *его тоскующую лень*?

И как вообще ей может нравиться столь перверсивный перец?! Осуждать она его вроде бы как не имеет права, хотя, чего греха таить, осуждает, конечно. Тут самое место спросить Кня — зачем же это он такими неуважительными глупостями балуется, — но разве может она решиться на такое — подойти к незнакомому человеку, который и в лицо-то тебя не узнаёт (не узнаёт, как это печально, не узнаёт, по два-три раза на дню здороваются, такой вежливый, прямо страсть!), и признаться в том, что ты гнусно за ним шпионишь. Не станешь же ты из-за этого шум поднимать?! Тем более, что, если покопаться, такими «невинными» шалостями большая часть конторы занимается!

Причем именно в обеденное время. Часам к двенадцати интернет-трафик начинает расти с немереной силой, это значит — мужская часть населения, *томясь душевной пустотой*, поперлась на порносайты за своими порциями потненького счастья.

XIII

У сисадминов о ту пору приступы веселья начинаются, будто бы сами они не люди и порнухой никогда не промышляют. Болтаются во всем этом дерьме, да еще как, ничуть не хуже всех остальных, — Нодельма для прикола пару раз проверяла. Мужики ведь все одинаковые, у них всегда одно на уме. Вот и Фоска журнал цитирует: мужчина думает о сексе, в среднем, конечно, и по очень приблизительным подсчетам, раз в шесть минут. Десять раз в час. Это ж удавиться можно!

Нодельма не считает себя ханжой. В современном мире, особенно в мужском коллективе (вы когда-нибудь встречали девушку-сисадмина?), поневоле начинаешь смотреть на некоторые моменты сквозь пальцы. На матерки, неаккуратность, патологическую инфантильность, бабскую болтливость сильной части населения... На их, господи прости, скотские запахи! И не потому, что очень уж мечтаешь казаться для всех рубахой-парнем, своей в доску, просто надоедает все время вставать в стойку, щетиниться и огрызаться, даже если и про себя. Даже и перед месячными. Куда проще перестать замечать несоответствия нормам поведения, постепенно принимая их, ну да, за норму. А куда деваться?!

XIV

Странная тема — «женщины и техника», непонятная, непостижимая. Отчего это слабомышленному полу с большим трудом даются даже самые легкомысленные взаимоотношения со всяческими техническими приспособлениями? И не таится ли в этом неумении обращаться с плодами человеческого разума секрет вечной женственности? Женщина запрограммирована на развитие органических структур — гибких, изменчивых, тогда как мужчина, воин и разрушитель, одержим идеей прогресса, то есть постоянного отдаления от первопричинных прелестей растительного существования.

Нодельма никогда, даже в самом неосознанном детстве, не играла в куклы. Впрочем, в машинки и солдатики она не играла тоже, к черту схемы, живой человек шире и многообразнее наших умозаключений. Нодельме изначально была присуща созерцательность, часами она *сидела молча у окна*, будто без дела. А еще, *задумчивость ее подруга*, Нодельма любила смотреть на небо (формы облаков) или на огонь.

Потом на смену сложно организованным стихиям пришла техника. В отличие от всего остального, техника, если в ней хорошенечко покопаться, кажется *объяснимой*, понятной. Знание создает иллюзию власти и

обладания. Нодельма думает, что с помощью предсказуемой, прирученной техники она становится сильнее и что техника защищает ее не только от людей, но и от неизбежных превратностей судьбы.

XV

Коллеги тихо шуршат за соседними столами, евроремонт давит на психику. Нодельма лезет в компьютер, проверяя почтовый ящик, нет, не свой, *его*. Ей не привыкать играть в прятки с чувствами и устремлениями, Нодельма может кому угодно голову запудрить, не то что себе, к тому же с собой-то всегда легко договориться.

А Кня, как обычная творческая личность, «мышей не ловит» и, как правило, витает в облаках, пользуется для своих частных нужд официальным ящиком. А возможно, сказывается отсутствие опыта работы в крупных компаниях, где обязательно есть службы безопасности или слежения за соблюдением норм корпоративной этики. Как там Шариков возмущался: «По матушке не выражайся, песен не пой...» Нодельма умозрительно улыбается: Кня даже не догадывается, что находится у нее под колпаком.

Ей не просто дается это признание — сказать себе, что ты «запала», означает пропасть. Окончательно. Бесповоротно. Нодельма еще долго мухлюет, маскируя тягу под «простое любопытство», заставляющее читать чужую почту. Но потом, чуть позже, когда слежка становится систематической и, значит, привычной, постепенно перестает стесняться даже себя.

XVI

Окончательно же она «включается» после взлома ящика Кня на yandex'е. Однажды ей перестает хватать писем с корпоративного сервера, страсть требует все больше информации, все больше и больше подробностей и полноты переживания чужой жизни. Она набирает www.yandex.ru, вводит буковки заветного адреса и, баран на новые ворота, смотрит на узкую бойницу, предназначенную для ввода пароля, — с чего начать? С каких комбинаций? Цифры? Слова?

Обычно все начинают подбирать отмычки к чужим ящикам именно с имен. Нодельма идет проторенной дорожкой, пишет его имя сначала латиницей, потом, не переключая языкового регистра, набирает его имя по-русски. Мимо. Однако, о, чудо, третья попытка оказывается удачной, когда от отчаянья или из озорства Нодельма берет и пишет «nodelma». Сим-Сим открывается так быстро, что Нодельма не успевает удивиться, увидев ряды писем и папок, заполненных всевозможной корреспонденцией. Нодельма так пугается, что тут же закрывает окно и более не открывает этого ящика: так страшно узнать нечто новое, убедиться в том, что вы никогда не будете вместе. Вот она и решает отложить эту казнь мечты до иных времен.

Но напоследок проверяет пароли во всех оставшихся ящиках. Фантазия Кня не отличается особым разнообразием, знакомая комбинация «nodelma» повторяется еще дважды. От священного ужаса и точности попадания у Нодельмы шевелятся корни волос, она поражена словно молнией: откуда Кня может знать их с Магой тайну, ее интимное имя, откуда? Чудны дела твои, Господи! Совпадения случаются не только в кино или романах, иногда они выпадают на зего повседневности, и тогда ты останавливаешься, потому что не знаешь, как жить дальше.

XVII

Вокруг Нодельмы работают десятки приборов, создавая особый техногенный уют. Едва слышно гудят мониторы, запускаются и шумят сидюки, совсем уже по-живому попискивают письма, которые звездопадом сыпят-

ся в корпоративные почтовые ящики коллег; невидимые, но тем не менее осязаемые излучения прошивают заторможенное пространство отдела.

Рабочий день близится к середине. Когда Кня уходит на обед, она уже внаглую, не смущаясь, забирается в его компьютер и перебирает файлы заготовок, ничего не понимая в их логике и взаимосвязи: Кня оказывается тревожно непредсказуемым в своих шагах и поступках, у него есть своя правда, своя тайна существования. Впрочем, как у каждого человека. И то, что ей предстоит ее разгадать, бодрит и печалит одновременно: ведь люди — не книги, прочитав человека, нельзя его поставить на полку или выбросить на свалку: станет жалко потраченных на изучение усилий. Впрочем, пока Нодельма молода и энергична, ей никаких сил не жалко — хорошего человека всегда много.

XVIII

Единый образ Кня у нее не складывается. Голос существует отдельно — в телефонной трубке, искаженный записью автоответчика; в коридоре она встречает сутулую фигуру, на которую этот голос ложился чисто механически. Вот и сейчас в качестве дежурного развлеченья Нодельма с деловым видом исполняет заветный номерок, выслушивает знакомое «Привет... Меня нет...», кладет трубку после первого «звукового сигнала», а потом еще долго приводит в порядок сердцебиение, пытаюсь дышать по правилам тибетских монахов.

Ей *нравятся его черты*. Но голос и фигура никак не подходят письмам Кня, бодрым и смешливым. Впрочем, и письма его разнятся между собой: тон и подробности зависят от того, кому Кня пишет. Потому что одни и те же события и мысли разным корреспондентам он подает порой едва ли не с противоположными знаками.

Есть у Кня несколько постоянных адресатов. Самые спокойные и взвешенные письма он пишет домой на andorra@surnet.ru. В них Кня описывает сложности обустройства на новом месте и привыкания к жизни в шумной Москве, лишая подробности драматических моментов, оберегая родителей от сильных эмоций. Живут они где-то во глубине России и тоже часто пишут сыну про свои бесцветные дела, совершенно обычные (погуляла с собакой, съездила в сад, встретила с тетей Верой Заворухиной), совершенно неинтересные, понятные и важные (на письма родителям Кня отвечает немедленно) только Кня. Эти его письма Нодельма наделяет статусом самых правдивых. Правда, они всегда такие короткие, такие суховатые — не письма даже, а так, записки. Отписки.

XIX

А вот некой «госпоже Людковски» Кня пишет часто и подробно. В письмах к ней, живущей, кажется, в Швеции, он всегда веселится и пытается представить все с ним происходящее в карикатурном плане. Послания эти переполняют хохмы, забавные зарисовки, вертлявые словечки, многочисленные тире и прочие знаки препинания, просто текстуальный балет какой-то. Иногда даже и в стихах. Возможно, Кня бодрится и хорохорится потому, что в жизни никогда «госпожу Людковски» не встречал, в лицо не видел, а познакомился с ней (как реконструировала их общую историю Нодельма) на одном из сетевых форумов.

Однажды Людковски присылает Кня свою фотографию. Сам он, технарь-недоучка, чайник, файл вскрыть не смог, ковырялся в программах (Нодельма с приятным нутром злорадством наблюдала за его длительными мучениями), пока не бросил, победив курить с пресловутой Ольгой. Тогда Нодельма извлекает злополучный файл, открывает его и пристально рассматривает соперницу. Ну да, строгий нордический тип, светлая челка,

скулы, прозрачные глаза, полные холодной морской воды, ничего особенного, хотя, чего скрывать, красавица! Даже лучше, чем она представляла. Соперница! — одергивает себя Нодельма и, значит, подсознательно на что-то все-таки надеется?

XX

Соперница! Да тут в соперницы сгодится любая, так как внешность свою Нодельма не любит, презирает ее и морщится, вспоминая о том, как выглядит, вот и я не стану ее описывать, просто вы *любой роман возьмите и найдете верно ее портрет*.

Зато вот вам еще одна характерная черта: именно поэтому Нодельма редко смотрится в зеркало. Она уже давно заметила, что дни, когда ей удастся не видеть своего отражения, чем-то неуловимо отличаются от тех дней, когда она прихорашивается перед зеркалом в ванной комнате или видит себя в случайной витрине.

Нодельма сознательно вырабатывает эту особенность, от рождения ей совершенно несвойственную, — так школяр волевым усилием пытается поставить почерк, превратить неуклюжие каракули в подобие единого, единственного стиля. Зеркала ей заменяют матовые, равнодушные поверхности мониторов, пульта управления, кнопки на трубке мобильного телефона. С их помощью она включает телевизор и видит там не себя, но других людей, ярких и красивых. Или говорит по телефону с кем-нибудь из незаурядных знакомых, например с Фоской. Тогда она подносит мобильную трубку к лицу, но не к глазам, а к уху, что ж, вполне сносная замена-подмена.

Нынче утром Нодельма не удержалась и будто бы мельком взглянула на себя под сводку новостей, под очередные рассуждения о предстоящей войне Америки с Ираком. День оказывается безнадежно испорченным, катится под откос, тем более что сегодня... сегодня же годовщина гибели Маги...

XXI

Мага был ее единственной личной жизнью, точнее, попыткой устройства личной жизни. Она его за имя полюбила, за **настоящее** имя. Точнее, за то, что имя Мага было его настоящим именем. А еще сегодня Кня получил очередное письмо от берлинского приятеля Китупа. Китуп Нодельме не нравится — он всегда подписывается разными именами (Прохор, Семен, Пульчинелло, Карабас Барабас, Маленький Огнеед etc.) и всегда прощается с телячьими нежностями типа «люблю» или «целую». А однажды написал «целую низко — твой друг редиска», что особого восторга у Нодельмы не вызывает.

Во-первых, потому, что ее всегда воспитывали в строгости полного невыражения чувств; во-вторых, потому, что Нодельма не привыкла открыто проявлять эмоции, да, она немного диковата, но на то есть существенные причины (отсутствие любви, личной жизни, *контактов* «первого уровня»); в-третьих, ей вполне хватает подруги-лесбиянки, к тому же женская любовь выглядит куда красивее, гармоничнее, а главное, **легитимнее** сугубо мужской; в-четвертых, у нее уже приключился в жизни прокол, когда она позволила себе влюбиться и, как назло, не в того «парня», еще в институте, был у них один необычный преподаватель, молодой ученый с печальными, как у спаниеля, всепонимающими глазами, она еще долго потом восстанавливалась после этой истории.

И наконец, в-пятых, это что же получается — история ходит, как часы, по кругу и она снова вляпалась в то же самое, что ли? Неужели жизнь ничему не учит? Нет, на этот раз она будет умнее, будет чувства держать в узде, не расслабится, не увлечется. Ни за что и ни-когда.

XXII

То, что Кня — человек неординарный, как ныне говорят — «неоднозначный», Нодельма начинает понимать очень скоро: дело в том, что, если честно, помимо почтовых отправлений она контролирует все перемещения Кня по Интернету. Технологии слежения за трафиком корпоративных пользователей позволяют ей делать это практически на законных основаниях.

Политические и экономические события Кня практически не интересуют. Значительно больше внимания Кня уделяет всяким фотогалереям и домашним страницам, на которых, видимо, пытается найти, выискать всякие диковины и непонятки. Основное количество рабочего времени Кня тратит на заочное общение — электронная почта, «Живой Журнал», всевозможные форумы и чаты... Нодельма впервые видит такого страстного любителя подобных форм проведения сетевого досуга. Можно сказать, что Кня просто одержим умозрительным общением, предпочитая его всякому другому.

А метель за окном походит на тополиный пух, она раскидывает клочки по закоулочкам медленно, словно бы удивленно. Нодельма смотрит на метель, и ей кажется, что она наблюдает жизнь, странные формы жизни, роящиеся в большом безмолвном аквариуме. Нодельма сидит и замороженно смотрит на метель из другого, такого же немного и медленного, аквариума.

XXIII

Не стесняется Кня заходить и на сайты порнографического содержания, наоткрывает окошек так, что интернет-трафик по всему офису становится тихим-тихим — как баржа, груженная лесом. А что делать? Бить по рукам? Где-то в Инете, на одном из новостных сайтов, Нодельма прочитала баннер: «Все менеджеры делают это!»

Предпочтения у Кня оказываются, мягко сказать, весьма экзотическими. Первая же страница, на которую Нодельма попадает, движимая любопытством, вслед за своим подопечным, посвящена маленьким детям, мальчикам и девочкам, застывшим в печальных, несвойственных детству развратных позах. Младенчики не могут быть испорченными, это Нодельма знает наверняка, остается проклинать злых дядек, которые заставляют ребятшек извращаться с помощью своих невинных тел. «Неужели это может нравиться?» — спрашивает она себя в припадке праведного негодования и тут же прикусывает язычок: понятно кому — Кня ее драгоценному. Ведь он заглядывает на страничку «Услада педофила» достаточно часто, прочесывая галереи фотопомоев в поисках новых завлекательных поз и мордашек.

Судя по количеству потраченного на разглядывания материалов того или иного сайта, Кня также регулярно интересуют поедатели дерьма, садомазохисты всех выводов и мастей, членовредители. Иногда для разнообразия Кня заглядывает и к зоофилам. Нодельма не удивляется, когда Кня забирается на сайт видеожурнала «Конечная плоть», где сморщенные тела демонстрируют старики и старушки.

XXIV

Кня отличает чудовищный, ни в какие рамки не помещающийся юмор. На всех этих островах похоти и грязи (после каждого сеанса слежения за похождениями Кня Нодельма бегаёт мыть руки, долго и нервно курит, пытаясь прийти в нормальное состояние) Кня охотно оставляет следы присутствия. «Привет, чувиха, у тебя классные буфера», — пишет он в гостевой книге старухе, выставившей на всеобщее обозрение следы от онкологической операции.

Более обильными оказываются комментарии на «Усладе», Кня старается не пропустить ни одной новой фотографии, раздавая оценки в технологии «Rate me», обзывая каждого второго несчастного китайского пионера «зайкой» или «мышкой».

На прошлой неделе Кня впервые добрался до любителей поиграть с мертвецами (все снимки сплошь плохого качества). Кажется, он специально шокирует возможных соглядатаев. Нодельма согласилась бы, что все эти вольности и безумства делаются ради красного словца, если бы не одно обстоятельство: Кня предается виртуальному блюду в полном одиночестве закрытого кабинета.

XXV

Ей нынче все кажется преувеличенным и многосложным, ей проще демонизировать Кня, чем выдержать очевидную правду: она совершенно ему не интересна — ну, бегают по этажу, как какое-то очередное пустое место.

Так что, можно сказать, на подсознательном уровне Нодельма воспринимает все эти гносеологические сложности, обуревающие Кня, как явление сугубо положительное: значит, все не просто так, ведь легко и комфортно у мужчин и женщин бывает только в кино и в русских народных сказках. А женщине, которая вплотную приближается к собственному тридцатилетию, уже давно известно: за счастье нужно бороться.

XXVI. XXVII. XXVIII

XXIX

За всеми этими волнениями и невеликими открытиями неделя проходит за неделей, день, миновавший отметку зимнего солнцестояния, начинает активно прибывать — тут минутка-другая, там — полкило солнечного света в дырявой авоське...

Нодельма радуется: парниковые огурцы в этом году не исчезают ни на один месяц, составляя серьезную конкуренцию всяческой маринованной сволочи. Правда, больше, чем огурцы, Нодельма любит свежие помидоры. Но зимой томаты не способны произвести сильного впечатления — вырастающие в искусственном грунте, при искусственном освещении, они похожи на комок красной ваты и совершенно лишены вкуса, даже запаха. Для того, чтобы салат из таких помидоров хоть немного напоминал всамделишный, Нодельма добавляет в него томатный сок или кетчуп.

Она все больше и больше втягивается в наблюдение за наблюдающим, засиживается допоздна, пропуская очередную серию «Секса в большом городе», бегло переделывает положенное по должностной инструкции и снова удряется в преследование соседа по этажу.

XXX

Глаза начинают слезиться: значит, пора. Нодельма не любит момент, когда нужно отвлечься от компьютера и начинать собираться домой. Нодельма вообще не любит всю эту дорогу *обратно*. Порой бывает так странно выйти из стерильного евроофиса в заветренную московскую жизнь, к стертым лицам и трещинам в асфальте. Но пока ты в конторе — у тебя идет иная, нездешняя жизнь, надуманная, в то же время и уютная.

Впрочем, люди вокруг, наши люди, советского происхождения, с детским коклюшем и тещей на Клязьме, пятничными пьянками и необидны-

ми матерками, не дают офисному существованию принять окончательно вымороченный, вневременной вид. Коллеги смягчают процесс возвращения к действительности, где давка в метро и вечная сырость малогабаритного блочного дома, а мебель из «ИКЕА» придает трагическому существованию более или менее уважительный, мелодраматический вид.

Но иногда даже и метро бывает приятным и манящим — когда на улице ветер с реки, ледяной, словно бы разрезающий пространство, нарезающий его на сытные ломти. Станция метрополитена, похожая на занесенный снегом монастырский домик, дышит теплом и приятной сыростью человеческого присутствия, ее немые окошки тускло светятся, а в киоске возле входа можно купить горячую безвкусную сосиску, которая все равно окажется вкусной.

XXXI

Кольцевая станция, которой она часто пользуется, устроена неправильно: пассажирские потоки здесь перемешиваются, идут навстречу друг другу; чтобы не столкнуться, приходится снижать скорость, лавировать. Нодельма пользуется минуткой, подходит смотреть журналы.

Разглядывая одну за другой яркие обложки, Нодельма неожиданно ощущает странное, но и одновременно сладостное беспокойство. Спинной мозг, привычно фиксирующий какое-то там количество народа, выбирающего газеты, отмечает нечто непроявленное и важное. Или, может быть, она так сильно реагирует на запах, «на импульс», как советуют в телевизионной рекламе? Запах, знакомый и непостижимый, накрывает Нодельму с головой, еле-еле улавливаемый, едва-едва понятный постороннему человеку, тем не менее он потрясает Нодельму до самого доньшка-дна.

Естественно, она мотает головой в сторону, аккуратно пытаюсь разглядеть боковым зрением соседей по толкучке. И, разумеется (она это уже заранее знает), видит рядом с собой Кня. Естественно, Кня покупает свежую «Афишу» (Нодельма снова загадала и снова угадала), расплачивается и медленно-медленно удаляется на эскалаторе вниз.

XXXII

Нодельма стоит как вкопанная еще какое-то количество времени, невзирая на опасность обратить внимание (меньше всего на свете Нодельма любит обращать на себя внимание посторонних) на собственную неадекватность. Потом она стряхивает оцепенение, подает продавщице сотенную купюру и даже не пересчитывает сдачу, просто продолжает комкать в кулаке деньги, торжественно спускается по ступенькам к железнодорожным путям.

Потом, вытащив рекламу, она раскрывает журнал на какой-нибудь странице, уставившись на буквы и картинки, но не видит ни букв, ни картинок. Вагон мелко подрагивает от возбуждения, набирает скорость. Нодельма не мигая смотрит в журнал только для того, чтобы не видеть окружающих людей.

XXXIII

Вот и сейчас она уставилась в абзац, посвященный новомодному экзотическому блюду — сушеным комарам, килограмм которых стоит в у. е. половину ее зарплаты, а шеф-повар ресторана «Погремушкин» объясняет вкусовые и диетические свойства сушеных комаров.

Нодельма не может читать или вообще двигаться, нужно экономить физические усилия, дабы не расплескать ощущения от совместного сто-

яния в людском потоке, дабы как можно дольше удержать в себе запах запаха, необъяснимые предчувствия, щекочущие ноздри этим самым предчувствием.

В сумочке Нодельма везет дискету с фотографией Кня, скачанной с корпоративного сервера, придумала позабавить себя рассмотрев в выходные дни, но судьба оказывается неожиданно щедрой, столкнув ее с предметом обожания в вестибюле метростанции. Теперь она еще долго будет перемалывать впечатления, внезапные, как озарения, — волосы, растущие у Кня в ушах, шрам от оспины на подбородке и цвет глаз, который она снова не рассмотрела, черт, снова не обратила на него внимания. Ковзикова считает, что зеленый, Светланка настаивает на том, что карий. А больше-то и спросить не у кого.

XXXIV

А потом случается суббота — «праздник тотального молчания». С незапамятных еще времен у Нодельмы так повелось: оставлять один день в неделе на психологическую разгрузку. Пустые, пустопорожние разговоры напрягают Нодельму, однажды она торжественно решает выделять один день в неделю под тотальное молчание. Натуральная психологическая диета, ничуть не хуже тех разгрузочных дней, что Светланка и Ковзикова устраивают себе на пару. Будем думать, таким хитрым образом (только одна Нодельма знает, чего стоит ей это молчание!) приятное ей удастся совместить с полезным.

Умный человек — тот, кто умеет превращать минусы ситуации в плюсы и игровое преимущество на поле. Тотальное молчание помогает Нодельме перетерпеть субботу — самый тяжелый день в неделе, когда ты целиком и полностью предоставлен самому себе, а до начала рабочей недели еще целый буфер воскресенья, заполненного информационными программами сразу по всем телевизионным каналам. В воскресенье даже в «Живом Журнале» ни одной души: лента friend of болтается, по несколько часов совершенно не обновляясь. Не говоря уже обо всяких прочих форумах и чатах, которыми Нодельма вообще-то брезгует.

Пришла пора сказать: Нодельма чудовищно одинока. У нее нет никого, кроме матери, которая вцепилась двумя руками в ее чувство ответственности и чувство вины, не отпуская дочь на волю. Но будем честными: разве дело только в ней одной?

Глава вторая

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

I

Человек, переживший безответную любовь, значительно отличается от всего прочего человечества. Неудача надламывает в нем отлаженные природой механизмы восприятия, человек перестает плавно плыть по волнам своей судьбы. Отныне его путь посыпан невидимым пеплом горечи и разочарований, гладкого скольжения более не получается, один сплошной спотыкач и отсутствие внутреннего света.

Как если однажды тебя выгнали из рая, сбросили с карамельных небес на грешную землю куда-нибудь в угрюмую Кемеровскую область; потерявший любовь становится приземленным, материально озабоченным обывателем, с тайной завистью поглядывающим на целующиеся парочки. Конечно, он понимает, что такая любовь ненадолго, что все это — игра воображения, однако же ничего не может с собой поделаться и — завидует, завидует.

Поскольку подавляющее большинство имеет подобный опыт, улицы городов заполнены тусклыми, невыразительными людьми, пережившими (все еще переживающими) личный крах. Впрочем, причины его могут иметь и совершенно иные корни — память о беспечном детстве, неожиданно кончившемся после смерти родителей, или тоска по однажды покинутой родине, которая каждую ночь приходит во сне и шевелит в нем мокрыми после купания волосами.

II

Нодельма торопится домой, у нее есть срочное дело, разрывающее ее изнутри: дискета с двумя фотографиями Кня лежит в сумочке, рядом с пробным флакончиком «Yamatoto», миниатюрной пилочкой для ногтей, пакетом бумажных салфеток, мобильным телефончиком «Siemens» на шнурке и со съёмными панельками и много еще чем.

Ну, например, с ключами от дома на изящном брелке, парой прокладок «Танго» на каждый день, пачкой сигарет и зажигалкой, пузырьком жидкого вьетнамского бальзама и американским аспирином. Рядом со всеми этими штучками, перемешанными как в компоте, валяются две сухие ягоды рябины, автобусный билет со счастливой комбинацией чисел, два использованных билета в кинотеатр «Пять звезд» на премьерный показ фильма «Часы», бесплатные открытки «Жизнь удалась» и «Idi v joru», взятые в уборной кофейни, и один североамериканский цент, непоправимо пожелтевший от долгого ничегонеделания.

Из метро Нодельма бежит, обгоняя всех этих *недорисованных* людей, не дожидаясь лифта, вбегает домой, тут же включает любимый серебристый лептоп. Вставляет дискету с фотографиями еще до того, как компьютер загрузился, из-за чего процесс прерывается, приходится перезагрузиться, блин. Параллельно стягивает с себя одежду, словно бы освобождается от всего внешнего, наносного — городской пыли и случайных взглядов чужих глаз, даже сбегала и умылась, вода потом еще долго высыхает на лбу...

III

Нодельма делает фотографию Кня рисунком рабочего стола, помещая его в центр экрана, как икону (растягивание фотографии и тем более удваивание или даже утраивание ее не устраивает: чтоб никаких искажений), и только после этого она начинает расслабляться, включает радио, идет на кухню, шарит в холодильнике. За окном темнеет, вот уже и ничего не видно, кроме света в окнах напротив. Там тоже люди. Много людей. Ну-ну.

Нодельма ловит себя на том, что оттягивает момент, которого ждет, — ну, тот самый... когда можно будет как следует рассмотреть *его лицо* (два этих слова, *его лицо*, Нодельма стесняется произносить даже про себя, опуская их, заменяя едва заметным кивком головы, шевелением пальцев, на которые в этот момент и посмотреть-то неловко).

Ее приемник всегда настроен на «Love-радио», где сладко причитает Рикки Мартин и гнусно нашептывает семейство Иглесиасов. Конечно, когда нужно проявлять свободу выбора, Нодельма ставит «Radiohead» (как раньше она ставила «REM», а до этого «King Crimson»), однако радио освобождает ее от необходимости напрягать извилины — диджеи сами выбирают, какую музыку ставить. Поэтому в одиночестве чаще всего Нодельма слушает радио.

IV

И вот теперь, под песенку «Lady in Red», она забирается на диван и берет с собой ноутбук. Кня безмолвно взирает на нее с разноцветного эк-

рана. Нодельма вглядывается в его лицо, в особенности расположения глаз (им не хватает симметрии), подробно рассматривает рисунок бровей, потом переводит взгляд на подбородок, линии губ (верхняя могла бы быть более пухлой).

Нодельме явно не хватает информации. Поэтому она открывает файл с оригиналом фотографии и начинает его увеличивать. На раз, на два, на порядок больше. Лицо Кня расплзается, заполняет собой весь экран, оно уже не вмещается на него целиком, Нодельма рассматривает его по частям. Из-за очередного увеличения лицо Кня распадается на квадраты, совсем как на картинах кубистов начала прошлого века. Расчленение лица, превратившегося в череду цветных пятен, помогает Нодельме проникнуть в суть божественного замысла: словно бы размазав его черты по экрану, она пробивается сквозь его кожные покровы к внутренней сути.

Она снова уменьшает фотографию до обычных размеров, затем снова увеличивает ее, поочередно рассматривая с помощью курсора разные части изображения. Но и этого ей кажется мало. Тогда она начинает изучать портрет Кня, поворачивая экран в разные стороны. Из-за изменения угла зрения лицо Кня то светлеет, то, напротив, темнеет, стирая полутона и наиболее уязвимые для времени подробности — именно так легче рассмотреть форму черепа, словно бы освобожденного от кожи, — пустые глазницы, выпуклость лба, отсутствующие складки вокруг зияющего провала рта.

V

Нодельма медленно поворачивает экран компьютера — чу, изображение Кня возвращается к привычным, узнаваемым очертаниям. Важно, что оно движется, будто живое...

Успокоенная, она засыпает. И пальцы на ногах ее (маленькие наманикюрные ноготки) подрагивают, расслабляясь. Нодельма потягивается и не видит снов, из нее, как из воздушного шарика с дырочкой посередине, выходит энергия трудовой недели — обычно к вечеру пятницы она приходит полностью опустошенной. Совершенно непонятно, куда расходуются силы. Впрочем, в их отделе сопровождения гуляет версия о том, что обступившая их со всех сторон электроника активно вампирит, забирая последние силы и соки.

Нодельма не особенно верит в эту гипотезу, тем не менее вечер пятницы и первую половину субботы (единственную возможность как следует выспаться) можно легко вычеркнуть из ее расписания. Но даже выпавшись, Нодельма не торопится выбраться из кровати: ведь суббота у нее — традиционный день молчания, а молчать легче (и удобнее) всего во сне.

VI

Раньше перед сном Нодельма обычно рукоблудила, отсутствие личной жизни дает о себе знать, гормональное напряжение растет и не имеет выхода, приходится справляться с помощью подручных средств. Эротические фантазии Нодельмы подробны, именно частности, детали заводят более всего. Прежде чем забраться на самый пик чувственного наслаждения, Нодельма прокручивает в голове целый порнофильм; ей важно пройти умозрительный путь от флирта и совращения, минуя все стадии раздевания и первых ласк, до нарастающей страсти, взрывающейся одновременно в сознании и межножье.

Раньше Нодельма представляла себе некоторых знакомых, реже — известных политиков, спортсменов или звезд эстрады. Иногда она западала на особенно изрядных попутчиков в метро и даже, чего греха таить, рыночных торговцев. А время от времени даже на президента РФ. Она не

знала, как выглядят их тела и «окаянные отростки», больше всего Нодельму заводили лица, выражение глаз, активная (или, напротив, высокомерная) мимика, едва уловимые особенности движения, повадки, походки.

А потом словно бы что-то произошло, словно бы в голове у Нодельмы перещелкнули тумблер: фантазии перестали ее волновать, образы мужчин, ранее будоражившие нервные окончания, утратили былую убедительность. Сосредоточиваясь на том или ином образе, некоторое время Нодельма удерживала его на изнанке лобной кости, однако волна возбуждения так и не приходила, тогда Нодельма ослабляла хватку, и фантазия расплзалась, исчезая, табачным дымом, в никуда.

VII

Всю субботу Нодельма обязана молчать, ее никто не заставляет, сама придумала. Ей так легче справиться с одиночеством. Мать возмущается ее мнимым бесчувствием, равнодушием, проявляющимся в суточной норме тишины, пару раз пыталась спровоцировать реплику или хотя бы междометье, но поняла, что бесполезно, приняла правила игры, прониклась странным начинанием дочери, а со временем даже стала гордиться этой непонятной, но безопасной стойкостью.

Нодельма замечает, что, некогда говорливая и общительная женщина, мать тоже стала молчалива, копошится на кухне, готовит еду, слушает радио, раньше любила напевать себе под нос популярные мотивы, а нынче словно воды в рот набрала, думу, что ли, думает. Молча протягивает тарелку с рассольником, молча нарезает хлеб.

Оказывается, можно существовать и так, без единого произнесенного слова. Количество тишины скоро переходит в качество внутренней жизни, становится легко, мысли приходят и уходят, словно бы им открыли дверь или вены, — так циркулируют раньше, в стародавние времена, пускали кровь для облегчения состояния организма. Это же как с диетой: трудно только первые несколько дней, после наступает просветление, кто плавал, тот знает. И даже потом, в воскресенье, по инерции Нодельма ведет себя загадочно и немногословно, возвращаясь на службу в понедельник полностью обновленной.

VIII

Вот и сегодня, в субботу, Нодельма просыпается в предчувствии блаженного ничегонеделанья: тишина способствует расслабленности да рассеянности, не хочется заниматься домашним хозяйством, собой, читать и даже смотреть телевизор. Хочется сидеть в кресле, уставившись в потолок или в окно, перебирать старые фотографии, их не так уж и много, она уже давно собирается завести альбом, разложить их в правильном, одной ей ведомом порядке, да все руки не доходят. Может быть, сегодня?

Она открывает глаза, потягивается, и суббота тут же обступает ее пронзительным зимним светом, солнце светит, но не греет, зато батареи парят, словно ты в Африке на курорте, и хочется скинуть одеяло, но лень. Вместе с Нодельмой в глубине организма просыпается странное нетерпение, природу которого она объяснить не умеет. Нодельма удивлена, несколько встревожена, уж не потому ли, что весна не за горами? Или приближается девятый вал очередных месячных? Ох уж эти гормоны...

По телевизору показывают фигурное катание, чемпионат Европы или мира, Нодельма так и не разобралась, соревнуются одиночницы, кто выше прыгнет, наверное, это красиво. Чтобы не смущать внутренний покой, Нодельма смотрит произвольную программу не включая звука, так даже интереснее, все равно после выступления каждой из участниц показывают оценки и в замедленном режиме наиболее драматические моменты ката-

ния. Женщины, как правило, лишены артистизма, тяжело и надрывно выполняют прыжки и элементы, смотреть на них скучно. Но Нодельма смотрит, сознательно отвлекает внимание от телесного неуютя, который тяготит ее, несмотря на здоровый восьмичасовой сон.

IX

День проходит в маете и бессмысленном слонянии из стороны в сторону. За окном идет снег, по телевизору говорят о начале военных действий в Ираке. Нодельма нервно переключает на другую программу, но там снова танцуют одиночницы, тянут руки вверх, кружась на одном месте, некрасиво бурвят лед. На всех других каналах сплошняком идут несмешные юмористические передачи с консервированным смехом, подложенным в студии. От них Нодельме становится совсем уже нехорошо. И она снова переключает на репортаж из пригородов Багдада: мутное изображение сумерек, разрываемых огненными точками, похожими на НЛО.

Весь день Нодельма пьет холодную кипяченую воду, стакан за стаканом, пока ее не раздувает, как аквариум. Однако жажда не проходит, все время хочется пить. Мать смотрит с осуждением, ничего не говоря, демонстративно уходит к себе, хлопает дверью. В ее комнате почти нет мебели, только *два шкафа, стол, диван пуховый* и больше ничего, даже странно, что она там делает всеми днями. Иконы, много икон — на стенке, на столе, на подоконнике, целый иконостас. За окном продолжает идти снег, белые пушинки на фоне плоской мглы особенно красивые, если долго не мигая смотреть, как они падают.

Внезапно Нодельма кидается к платяному шкафу. Она надевает летние туфельки, легкое летнее платье и ставит диск «Air» с летним настроением в припевах на самую большую громкость, музыка разливается по комнате, затапливает небольшое помещение от угла до угла, качает ее на невидимых волнах.

X

И вот в один миг чаемое равновесие оказывается разрушенным, субботнее равноденствие летит в тартарары. Внезапно Нодельма решительно набирает телефон Фоски, не догадавшись сделать музыку хотя бы немного потише. Чтобы подруга могла ее услышать, приходится кричать («Фоска, привет, как дела, что-то я совсем тебя не слышу... Блин, опять ничего не слышно...»), однако Фоска все равно ее не слышит. Да и Нодельма не слышит Фоску, слишком уж музыкальный фон мешает. («Вот и поговорили», — кричит она с негодованием и раздраженно кидает трубку на диван.) Нодельма так и не расслышала ни единого слова, разговора не получилось.

Нодельма наворачивает круги по комнате, она не знает, что делать, она выбита из колеи. Зачем она накупила такое большое количество соли для ванн, самых разных запахов и расцветок? Ведь она все равно ими не пользуется, а туалетная полочка заставлена красивыми пузырьками, ни уму ни сердцу. Тем не менее с каждой зарплаты — по комплекту. Если сейчас принять ванну, убьешь еще час-полтора, пока она заполнится, пока переделаешь все эти «водные процедуры», побреешь ноги и лобок...

Вот сил на сопротивление плохому настроению и не останется, все они уйдут с горячей водой, с паром, а не испить ли нам кофейку? Еще не хватало закутить на кухне, глядя, как дым улетучивается в форточку, мать этого точно не переживет. Обычно в выходные Нодельма не курит, дает организму отдохнуть от отравы-травы. А сейчас ищет повод, чтобы выйти на улицу, *пойти проветриться*, прогулка обязательно должна успокоить. Пока ванна набирается, ага.

XI

Утром на улице мягкая погода, на Шуховой башне ангелы устроили генеральную уборку: моют, дряют железки, на которых живут. Нодельма замирает, замечая, как по стальным опорам башни стекает мыльная вода. Особенно стараются 313 и 791, как будто бы от их нынешнего усердия зависит что-то глобальное в этом мире.

А вот 792 сегодня отправлен в командировку, его нет. Может, это они к его возвращению готовятся? Нодельму обгоняет седой мальчик в стильной куртке, рядом с ним идет кореец и громко говорит по мобильному телефону. Нодельма переводит взгляд на седого юнца и понимает, что это зрелый и красивый мужчина с пронзительными серыми глазами (морщинки, морщинки вокруг). «Старый макак», — думает про себя незнакомец — Нодельме кажется, что она слышит его мысли. Это возвращает ее к реальности, она убыстряет шаг, чтобы не опоздать на службу, буквально врывается в кабинет и первым делом смотрит почту Кня.

Врачу-реаниматологу из Кемерова Кня описывает новую службу, мол, трудная она очень, контора занимается проблемами соотношения времени и пространства, а это вещь такая неуловимая и пиару почти неподвластная. Нодельме интересно увидеть «Платон & Со» сторонним, чужим взглядом. Тем более, что Кня формулирует точно и смешно.

XII

«...В Москве все только и говорят что о Москве, постоянно отовсюду слышишь: Москва, Москва, в толпе в метро идешь и слышишь: Москва, Москва, просто удачный пиар-проект какой-то... Ни в одном городе этой страны так много не говорят о своем городе и не думают о месте пребывания, как в Москве. Москва всех заставляет думать о себе постоянно, как о сексе, просто наваждение какое-то...»

Утром в понедельник Нодельма потрошит отправленные письма в ящике Кня. В начале недели он особенно активен в эпистолярном жанре, за выходные происходит масса событий, встреч, *прикольных мероприятий*, о которых немедленно хочется поведать миру. Нодельма радуется подопечному, живая музыка в клубе «Дом», пьянка в «Пирогам» с креативщиками из рекламного агентства «РПР» (Кня пишет о них с нескрываемым пренебрежением), Китупу туманно намекается на интрижку с распутной творческой единицей (получилось или его обломали, из этих слов понять сложно, Кня хитрит, и фраза выходит хитрая, двусмысленная, он на такие фразы мастер), потом культпоход в кино, глинтвейн в «Культе», кофе в «Кофемании», все как у людей, можно позавидовать.

Нодельма сталкивается с Кня возле принтера, вид у него свежий, даже и не скажешь, что... Правда, ей он не глядя сказал «Добрый вечер», *отворотился — и зевнул*, значит, был не в себе, точнее, не совсем в себе. Нодельма рассмеялась, и тогда он поднял на нее фиалковые очи, первый раз, кажется, зафиксировался, опознал соседку по этажу. Нодельма чуть не подпрыгнула от счастья.

XIII. XIV

А Кня в это время плотно сидит в чате и клеит девиц. Чат, нужно сказать, весьма фривольный, естественно, эротического содержания, но Кня немногословен и в общей дискуссии присутствует время от времени, вставляя реплики случайные и достаточно необязательные. И вот Нодельма решается на неслыханный по дерзости шаг. Она тоже регистрируется в этом чате под именем «Мантисса» (*впервые именем таким*, никаких Нодельм, ведь так проще вычислить), итак, пусть будет Мантисса.

На нее тут же обращают внимание. Во-первых, потому, что разговор в чате идет вялый, неинтересный, пережевываются одни и те же второстепенные события, опять зачем-то про войну в Ираке, перепады давления (все, разумеется, устали ждать весну и горстями жрать витамины), других тем у них, что ли, не имеется?! Плоские, полые люди. Во-вторых, на новенького всегда вспыхивает кратковременный интерес, обмен приветствиями — самый удачный способ завязать знакомство. В-третьих, пара удачных реплик, претендующих на остроумие, — и вот уже все сетевые тени у твоих умозрительных ног.

Сердце бьется у Нодельмы, кажется, сейчас порвет ткани, сломает прутья грудной клетки, вырвется наружу, она аккуратно здороваются, заводит разговор, закидывая удочки, мимо которых не пройдет ни один уважающий себя юзер. Она ставит в сидиром саундтрек Филиппа Гласса к фильму «Часы», надевает маленькие наушники — и вперед, с обрыва в отрыв. *Вы хотите песен? Их есть у меня!*

XV

Кня, залогиненный под именем «Пастух» (Нодельма вычисляет его ментально), замечает ее присутствие не сразу. Нодельма решает не обращаться к нему первой, пускай сам заинтересуется, да и невежливо как-то, дама все-таки. Хотя она избегает использования глаголов прошедшего времени, они же различаются по родам, нет, ее Мантисса живет в режиме реального времени, в отсеке сегодняшнего дня.

Впрочем, ее *ник* должен говорить сам за себя: конечно, ее персонаж — женщина, умная, молодая, стильная, ухоженная, красивая, ну, в крайнем случае модный стильный трансвестит или, на худой конец, лесбиянка. Хотя нет, лучше все-таки трансвестит, Кня против такого экстрима не проскочит. Не должен проскочить.

И вот он ее замечает, далее следует обмен ничего не значащими репликами, после чего Кня пропадает. *Пошел курить*, решает Нодельма и *на всякий случай* набирает внутренний номер Кня, который тут же хватает трубку. *Извините*, тушуетея Нодельма, *ошиблась* и глубоко задумывается. Через пару минут Пастух появляется как ни в чем не бывало, бодр и весел, они снова перекидываются парой незначительных фраз. Параллельно к Мантиссе клеятся всякие извращенцы с гнусными предложениями *встретиться в реале*, но она быстро и четко отшивает всех этих гнусных извращенцев. Через какое-то время она почти полностью перевоплощается в персонаж, придуманный на ходу. Фортепианные трели, рассыпающиеся в наушниках, придают Мантиссе, не знающей страхов и сомнений, бездну уверенности.

XVI

И она дважды кликает на ник Пастуха, открывается дополнительное окошко приватного общения, *да*, отзывается Пастух, *привет, как дела?* Нодельма потирает руки, клавиши трепещут под ее наманикюренными пальцами, словно фортепиано, на котором Филипп Гласс вышивает лунную звуковую дорожку. *Можно к тебе, ты не занят?*

Филипп Гласс разогнал мелодию и взял новую высоту. *Нет, не занят. Уже хорошо. Давай, что ли, поболтаем с тобой? Если ты не против.* Ну, он, конечно, не против, какие тут могут быть вопросы, вперед, Мантисса, пожалуйста, без особых китайских церемоний, откинь врожденную стыдливость, тебя же никто по лбу не ударит. Нодельма улыбается: точно, не ударит, даже если захочет, то через Интернет не дотянется.

Не против, конечно, давай попробуем... И тут ее пробивает испуг: общение в чате схоже с ходьбой по минному полю — если чем-то заденешь невидимого собеседника (а задеть легче легкого, ведь ты не знаешь, кто сидит там, на другом берегу, каковы его пристрастия и приоритеты), станешь ему неинтересным, закрыть окошко, покинуть «приват» легче, чем убить комара, хлоп — и нет ни человека, ни проблемы.

XVII

Конечно, все «смерти» в виртуальном мире ненастоящие, можно снова залогиниться под иным именем, можно снова раскрутить нелюбезного и обиженного человека на разговор, однако свежести восприятия при общении с ним уже не будет. Ты-то знаешь, с кем ты общаешься, переживаешь, боишься повторить прежние ошибки и т. д. и т. п.

Тем не менее Нодельма бесстрастно кидается в этот диалог, ведь Кня — не чужой, он не только сосед по этажу, которого она каждый день видит, это еще близкий и почти родной человек, о котором она много чего знает, которого, как ей кажется, она хорошо знает... Количество размышлений и фантазий, связанных с Кня, переходит у Нодельмы в иллюзию знания, поэтому никакого минного поля, никаких узелков на изнанке, все взаправду и всерьез. И он обязательно это почувствует. Должен почувствовать.

XVIII

— А что ты делаешь?

— Да в офисе сижу. А ты?

— Ага.

Смайлик.

Смайлик в ответ.

Два смайлика.

Три смайлика в ответ и восклицательный знак.

Потом Пастух на какое-то время пропадает: диалог в окошке не обновляется. Минута-другая. Ему или неинтересно, или он занят.

— Алло, ты где?

Не отвечает.

— Привет-привет, ты куда пропал?

Окошко снова молчит, не обновляется. Нодельма начинает нервничать. В момент, когда она собирается перейти на прописные буквы (означающие крик), он прорезается ленивой репликой.

XIX

— Тут. Не сцы.

И чтобы закрепить присутствие:

— Уж больно ты грозен, как я погляжу. Кстати, ты кто, мужчина или женщина?

— Какая разница?

— Тоже верно. А ты?

— Какая разница. Нешто непонятно. А ты где?

— Мск. А ты?

— И я в Мск.

— Клево.

Смайлик.

Смайлик-смайлик.

XX

— Слушай, а тебя как зовут?

— Мантисса.

- Нет, ну я про настоящее твое имя спрашиваю.
- А, про настоящее? Женя.
- Хорошее имя, снова в глухой несознанке?
- В смысле?
- Ты мне одного моего приятеля напоминаешь.
- Какого?
- Не важно. Не имеет значения. Просто он тоже всегда переспрашивал «в смысле?», чтобы время потянуть.
- Когда не знал, что сказать?
- Ну.
- Тактическая хитрость.
- Не-а, я без хитрости, просто мы же люди друг с другом не знакомые, я иногда не знаю, что отвечать или о чем говорить.
- А о том, что в голову приходит.
- Ну да, а где шас твой приятель?
- Не знаю, я его потерял.
- Жизнь развела?
- Так получилось, просто потерял — и все.
- Понятно.
- Да нет, непонятно, просто он уехал, потом приехал, потом пропал куда-то. Я пытался его разыскать...
- Что молчишь? Что, заплакал?
- На што?
- Ну, я не знаю, друга вспомнил, расстроился.
- Да нет, чего бы вдруг.
- А вы с ним были сильно близки?
- То есть? Ты на что намекаешь, Женя?
- Да на это самое.
- На какое?
- На такое. Ты ж меня понял. Ты любил его, что ли?
- Странные у тебя вопросы.
- Что ты перед собой видишь?
- Останкинскую башню.
- А ты где территориально?
- ВДНХ.
- Как ВДНХ? (У Нодельмы даже вырвался возглас удивления.)
- Так, у нас тут офис находится. А ты где?
- На Добрынинской. (Правду ведь сказала.)
- Смайлик.
- Слушай, а тебя-то как зовут? Что в выходные делал?
- Зачем тебе?
- Ну просто. Чтобы знать. Чтобы было.
- Смайлик.
- А какой самый сильный случай был у тебя в жизни?
- Человека задавил.
- Насмерть?
- Ну.
- Круто. А как?
- Грузовик вел.
- Никогда бы не подумал, что ты грузовик водишь.
- А я не вожу. Так получилось.
- Что-то с памятью твоей стало?
- Ага, рассеянный склероз.
- Так ты уже совсем старик?
- Совсем. Лысый и толстый. Карлсон сегодня.
- Лысая Таня? (Смайлик.)
- А я обычно в парике хожу.

— Правильно поступаешь, кстати. Только голова потеет немного. (Смайлик.)

— Я знаю.

— И снова ушел от ответа.

— Какого? Напомни.

— Про выходные.

— А-а-а-а, Дино Салуззи слушал.

— На концерт ходил?

— По телевизору.

— Понятно. По программе проверю.

— Проверь, коль хочется. Охота, она, знаешь ли, Женя, пуще неволи.

— А меня не Женя зовут.

— А как же тебя тогда зовут?

— Можно мне не говорить?

— Мы же договорились.

— Договорились.

— Вот и говори, а то я тебе тоже ничего про себя не расскажу.

— Вот и верь после этого людям. Дино Салуззи — это классно, меня на него Фоска подсадила.

— А Фоска — это кто?

— Хороший человек один.

— Понятно, что ничего не понятно. Ну и как тебя зовут?

— А помнишь, как в телевизионной рекламе: «Хочешь, я угадаю, как тебя зовут?» Угадаешь?

— Фекла.

— У тебя еще две попытки.

— Даздраперма. Иванушка. Иудушка.

— Угадал, угадал.

— Чё, Даздраперма?

— Вообще-то я шучу.

— Хорошо.

— А вообще-то меня Сашей зовут.

— Вот и отлично, Саша, будем знакомы.

— Конечно, будем. А тебя-то как?

— Госсподи, ну я же тебе сказал — Таня я, Таней меня люди кличут.

— Ну что же, будем знакомы, Таня.

— Ага, пока-пока.

И тут окошечко привата гаснет, сеанс связи завершается с разгромным счетом.

XXI

У Нодельмы голова кружится: не было ни гроша, и вдруг алтын! Столько радости зараз, как унести и не расплескать! Внутри ее все поет, буквально каждая клеточка организма; вскочив, она лезет в сумку за сигаретами, едва ли не бежит к лифту, в дверях сталкивается с Кня, ну что за день (нужно посмотреть гороскоп), спешащего к лифту, — тоже, видимо, на свежий воздух, покурить.

Так они стоят возле лифта — и боковым зрением Нодельма видит, что Кня переминается с ноги на ногу, потом приходит лифт, он пропускает ее вперед (мужчины в этой компании убеждены, что разрешить войти женщине в лифт первой — самое высшее проявление галантности), двери закрываются, и расстояния между ними становятся еще меньше. Замкнутые помещения в жизни Нодельмы — отдельная тема, мы ее еще коснемся, а пока отдадим должное ее выдержке, даже мужеству. Рядом стоял со скучающим видом предмет обожания, она угадывала его запах — одеколон или

лосьон после бритья, уже однажды узанный в метро, от него шло широкое тепло, даже жар, обжигавший мочки.

Нодельму подмывает начать разговор, сказать что-нибудь типа *Меня зовут Даздраперма или Здравствуй, Таня, как дела*, но она сдерживается, не в силах взглянуть ему в глаза.

XXII

Февральский морозец слегка остужает ее пыл, но лишь слегка: Нодельма продолжала волноваться и светиться. Даже флегматичная Светланка замечает:

— Что с тобой?

Нодельма смахивает пепел и загадочно улыбается: разве объяснишь?! Обратно к лифту Нодельма идет одна, так как Светланка решает перекусить и спускается в корпоративное кафе. Нодельма радуется, ей хочется взлететь, а она сейчас и взлетит — на лифте, несколько мгновений невесомости, приводящие в порядок соотношение внутреннего чувства и внешней среды обитания. Нодельма любит ездить в лифте одна, без коллег, когда можно расслабиться, соорудить большим, от пола до потолка, зеркалам рожицу.

Но на этот раз ей не везет — в кабине уже находится грузный грузин, вице-президент «Платона & Со» по фамилии Лиховид, видимо поднимающийся из подземного гаража. Нодельма не обращает на Лиховида никакого внимания — лысый, потный... По работе они не пересекаются, Нодельма вполне легко переносит его существование.

XXIII

Чтобы не замечать Лиховида, Нодельма углубляется в плавные, изумрудно-голубые переливы переживаний: ах, Кня, милый Кня, какой вы замечательный и необычный друг. Друг?..

Вдруг Нодельма спохватывается, внезапно почувствовав, что маленькая золотая рыбка тычется ей между ног, словно бы ищет вход и хочет вплыть внутрь ее тела. Нодельма вздрагивает, пытаясь стряхнуть оцепенение, и только тут начинает понимать, что золотая рыбка ей не пригрелась. Лиховид распускает руки, недозволенным образом производя исследование изгибов своей сотрудницы. С каждым разом движения его рук становятся все смелее, все напористее. Безответность он воспринимает как покорность, охамевает, начиная продвигать пальцы в запретные места сгущения плоти, еще чуть-чуть — и его сардельки залезут Нодельме в трусы.

Нодельме становится стыдно, она видит ситуацию со стороны — багровую морду Лиховида, слышит его учащенное дыхание, чувствует его руку, приближение тяжелого, грузного тела, начинающего вжиматься в нее. Нодельма дергается и пытается отстраниться, подается вперед и снова вздрагивает, стряхивая неприятные прикосновения. Откуда-то снизу поднимается волна горячего, ярко-алого негодования. Вместе с ним поднимается и распространяется по телу сладкое, томительное возбуждение: Нодельма уже давно не ощущала на себе сильного мужского желания, это удивляет ее, смешивается с отвращением, выпадая в осадок тяжелым, невыносимым запахом, который чувствует, скорее всего, только она одна.

XXIV

Время растягивается, начинает вмещать в себя массу событий, чувств и всевозможных психологических оттенков. Вот Нодельма замирает в сладостной истоме; вот на смену этому ощущению приходит рваное отвращение; вот она борется с мертвой и живой водой, скрутившей низ живота;

вот отталкивает Лиховида и украдкой, отчего украдкой, бросает взгляд на табло с номерами этажей: еще три, еще два, два... Боковым зрением она зацепляет кусочек зеркала с размазанным по всей плоскости отражением — ее лицо с испуганными глазами, мрачная громада черного костюма, навалившаяся на нее, крепко вцепившаяся в запястья и выворачивающая ей руки.

Главное — перестать чувствовать прикосновение, не важно чем, не важно как, лишь бы избавиться от чужих рук, чужих касаний, чужого дыхания, чужого запаха и тепла. Кажется, на мгновение это удастся, и тогда она слышит шипение Лиховида, уверенного в своей силе:

— Сука, куда ты, тебе же нравится...

Фраза — как пощечина, липкая, чудная. Нодельму передергивает от отвращения — к нему и к себе, податливой и одинокой. Отвращение порождает протест, вскипающий с нечеловеческой силой, откуда что берется, Нодельма оборачивается к насильнику, смотрит ему прямо в глаза все оставшиеся этажи, а потом бросает сквозь зубы, вкладывая в слова все свое преувеличенное презрение:

— Пошел вон, болван.

Как же неисповедимы пороки пути корпоративной культуры!

XXV

На этом клаустрофобический кошмар заканчивается, потому что двери лифта медленно раскрываются и Нодельма выпрыгивает в мраморное фойе с дорическими колоннами. Вслед ей несется нецензурная брань Лиховида, смысл которой ускользает. Впрочем, Нодельма особенно в нее и не вслушивается.

На самом деле кошмар не заканчивается приставаниями в лифте, он только начинает разворачиваться, когда Нодельма возвращается на рабочее место, изможденная, взможающая от напряжения и сильно уставшая от неожиданного свалившегося на нее «приключения». Правда, кошмар этот развивается в иной плоскости — сначала Нодельма медленно прокручивает в голове пленку со всей этой неприятной историей, вспоминает свои реакции, свой триумфальный финал, горько ухмыляется, «не дала», и тут до нее доходит, что мстительный и злопамятный Лиховид наверняка захочет ей отомстить. И что теперь она вполне может потерять работу.

Куда пойти, она не знает, вроде бы как и рассказать о пережитом унижении тоже некому. Нодельма не сомневается, что Лиховид ее уволит, поэтому решает схорониться, не попадаться ему на глаза, отчего ходит по офису на цыпочках и не поднимая глаз, словно все эти превентивные меры способны отпугнуть от нее потенциальную опасность. Чтобы хоть как-то отвлечься, она забирается в Интернет, но сейчас ей там совершенно неинтересно.

XXVI

Больше сюрпризов день не приносит, Лиховид с вендеттой не проявляется, Кня в чат не возвращается. Должно быть, скучно шуршит у себя в кабинете и даже письма не отправляет (Нодельма автоматически несколько раз проверяет его почту), переволновавшись, она впадает в настойчивую усталость. А под конец рабочего дня звонит Фоска и сдавленным голосом, не подразумевающим возражений, назначает встречу в клубе «Культ», где еще помимо прочего умное кино показывают.

XXVII

В подвале «Культа» невозможно протолкнуться, *кругом и шум и теснота*, к тому же все курят. Бензиновые пары набережной меняются на нико-

тиновый концентрат. Такое ощущение, что люди специально съезжают сюда со всех концов Москвы, чтобы накуриться от всей души. Количество дыма переходит в качество общения, разговаривать здесь невозможно, даже если киносеанс еще не начался (на афишке возле входа объявлен «Догвилль» Ларса фон Триера), даже если музыка в динамиках, развешанных под тяжелыми сводами, не ухает, пытаюсь слиться с биением сердца. Даже если влюбленные, выбравшие «Культ» для первого свидания, сидят робкими пионэрами, не взявшись за руки, ожидая приготовления шпинатового салата с орехами и апельсиновыми дольками, который принесут в глубокой миске, похожей на тазик.

Фоска (на ней *обдуманый наряд*) сидит мрачнее тучи, четвертинкой, оставшейся от себя прежней, собственной тенью, видимо, произошло что-то чрезвычайное. Иначе мы бы уже давно перешли в зал, где демонстрируют кинофильмы, начали бы смотреть «Догвилль». Она нервно курит, больше всех, собравшихся в этом клубе, вместе взятых, сидит в позе любительницы абсента, подперев щеку рукой, глядя перед собой в пепельницу, полную нервных окурков.

Увидев Нодельму, она не изменяет позы, вяло машет ей рукой с тлеющей сигаретой в изящных пальцах. Нодельма, вся внимание, садится и обращает взоры на подругу. Зависает пауза, Фоска некоторое время борется с собой, а потом выдавливая:

— Понимаешь, я была там...

XXVIII

Разумеется, Нодельма ничего не понимает — где, с кем, но вид у Фоски кажется столь убедительным, а потрясение — таким натуральным, что веришь с ходу и боишься задавать вопросы, сейчас соберется и сама расскажет. Фоска пустыми глазами смотрит в пространство, постепенно собираясь с силами, Нодельма молчаливо терпит, хотя ее нынешние потрясения тоже дают ей право на рассеянность и всяческие театральные эффекты.

Глухим, постоянно прерывающимся голосом Фоска начинает рассказывать про сегодняшнее приключение в метро: выходя из вагона, она вдруг выцепила в толпе взглядом женщину «явно южного происхождения». Вообще-то Фоска лесбиянка, поэтому ее интерес к собственному полу ничего необычного не представляет, Фоска постоянно рассматривает пассажиров общественного транспорта, точнее, пассажирок, но тут, шаря глазами по толпе, она вдруг утыкается в эту красивую, но рассеянную, явно не в себе женщину. Сначала Фоска замечает у нее над верхней губой маленькие черные усики, и это ей будто бы нравится, ну, *ты меня понимаешь*, однако, когда она встречается глазами с чеченкой (Фоска отчего-то сразу же решила, что она чеченка, хотя ничего специфического в ее одежде не проскальзывало), ее словно бы током ударяет: шахидка!

— Понимаешь, когда ты едешь по своей знакомой и привычной ветке, с тобой ничего не может случиться особенного, — Фоска зациклилась на этой теории, постоянно возвращается к ней на протяжении рассказа, — все неприятности и нелепости с тобой приключаются при пересадках. На кольцевой, я это уже давно вычислила. Потому что кольцевая — она же никому не принадлежит, она же общая, все ездят на ней по кругу и все время пересаживаются, поэтому именно кольцевые, а не радиальные имеют наибольший рейтинг потенциальной опасности.

XXIX

Фоска встречается глазами с чеченкой, словно со всего размаха налетела лбом на стенку, словно бы прикосаясь к оголенному проводу, соскальзывает глазами вниз — и точно, талия у шахидки странным образом отсут-

стует, розовая кофточка на пуговках в духе OGGY торчит из-под короткой болоньевой куртки со спортивными письменами и топорщится: взрывчатка, пояс «черной вдовы». Девушка явно не в себе, мечется между мраморных столбов в поисках выхода или входа.

Чеченка видит реакцию Фоски и на мгновение прищуривает глаза: «Я знаю, что ты знаешь, но попробуй пикнуть!» Решимость в ее взгляде читается несокрушимая. Мысли Фоски мечутся, точно стая перепуганных мальков, она мгновенно оценивает ситуацию, понимает, что рвануть может в любой момент, нужно спастись. Великая сила инстинкта самосохранения срывает ее с места, Фоска несется вдоль перрона к выходу. Народу в этот час очень много, десятки людей, лица, затылки, сумки, портфели, дети... и дети, конечно, много детей... вот что самое страшное...

Фоска решает, что, если найдет постового или работника станции, она не успеет уйти, спастись сама, когда будет взрыв, лучше всего прыгнуть на пути, пригнуться, доползти до черного зева тоннеля, кажется, только там можно схорониться, спрятаться, все остальное (мрамор, декоративная отделка) может посыпаться, эскалатор, вполне возможно, рухнет, кроме того, паника, люди начнут давить друг друга, лучше уж вниз, к рельсам, и ползти, ползти...

XXX

Если вызывать дежурного, объяснять ему, вдруг потребует помочь найти, найти и обезвредить, нет, она не успеет спастись, черт, черт, черт, Фоска ускоряет шаги, главное — не подавать виду, не создавать панику, то есть не бежать, но идти быстро, будто бы ты торопишься на важную деловую встречу. Фоске страшно двигаться, каждое мгновение может превратиться в последнее, она тревожно прислушивается: монотонный гул голосов, шаркающих ног, спешащих тел, да, все эти люди способны в одну секунду превратиться в тела, в кровавую массу, которую затем долго будут откапывать, выковыривать из-под земли.

И тут с апокалиптическим грохотом и звоном подлетает голубой поезд, спасительный голубой вагон, двери раскрываются, станция принимает в мраморные объятия десятки людских потоков, Фоска вскакивает в ближайшую дверь, *осторожно, двери закрываются*, и расслабляется только тогда, когда состав въезжает в тоннель.

Впрочем, в то же самое мгновение Фоску начинает преследовать другой кошмар: шахидка же тоже может войти в этот поезд, возможно, она едет в соседнем вагоне, что будет, если она приведет в действие боевой механизм во время движения? Две минуты, разделяющие станции, кажутся ей вечностью, холодный пот выступает на лбу и под одеждой, ноги у Фоски подкашиваются, и она прислоняется к надписи «Не прислоняться», на следующей станции пулей выскакивает из вагона и тут же бежит к переходу на радиальную. Потому что эскалатор — он опаснее, опаснее и дольше.

XXXI

Все это Фоска рассказывает Нодельме, сидя в кафе «Культ», длит *безумный сердца разговор*, прикуривая одну от другой тонкие, длинные дамские сигареты с ментолом. Вы когда-нибудь видели, как Фоска курит, по-гусарски отставив локоть? Пепел с кончика сигареты она томно сбивает кончиком своего белого ноготка, отполированного, с тупым, как у туфель, мода на которые прошла несколько лет назад, концом. Пепел еще не догорел, не остыл, Фоска сбивает его, как корочку с незажившей раны, воплощенная раннехристианская великомученица, укрошающая огонь ценой собственного здоровья. Фоска и есть такая страдальница — заложник массы маний, комплексов, фобий и страхов, которые она коллекционирует, холит и лелеет.

Фоска странная, непонятная и непредсказуемая, в сумочке она носит фотографию Делёза и маленький спортивный пистолет, она любит дарить Нодельме цветы и безделушки. Между прочим, у них были кое-какие совместные сексуальные эксперименты, и нельзя отрицать, что подобные фенечки не ждут их в будущем; хотя сейчас, конечно, Нодельма будет против, у нее же теперь Кня есть, не забыли?

Здесь так душно... Фоска нервная и впечатлительная богемная девица, вполне возможно, что вся эта история с шахидкой привиделась ей накануне очередных месячных или очередного полнолуния. Фоска — преувеличенная киноманка, практически каждый вечер она ходит в «Музей кино» смотреть японские фильмы 30-х годов или позднего Рене Клера, навскидку перескажет тебе тысячу и один сюжет, решенный так или иначе, с поправкой на Делёза или Барта. Недавно Фоска наконец признала афганский кинематограф, возможно, история с чеченкой оттуда?

XXXII

— Вот ты весь день сидишь в Интернете и ничего не знаешь, скажи, куда ты ходишь? — Фоска «включает хозяина» и становится агрессивной.

— Не понимаю, это что за наезд? — Нодельма чувствует подвох: как будто Фоска что-то пронюхала про Кня и хочет выведать подробности.

— Потому что, если бы мы с тобой встретились завтра, я бы захватила с собой газеты. Но завтрашние газеты выйдут только завтра. Телевизор ты не смотришь, радио не слушаешь. Тут тоже нет ни радио, ни телевизора. Так вот, надо иногда интересоваться новостями, сходила бы на Яндекс... Дело в том, что через пару минут после того, как я выскочила из метро, на той самой кольцевой станции произошел теракт, понимаешь? Погибла масса народу, понимаешь? — Фоска приподнимается над столом и начинает кричать: — Она все-таки замкнула эти проводки, понимаешь? Все люди погибли — лица, сумки, затылки, дети, которых я предала, понимаешь? Которых я не спасла, я могла бы их спасти, точнее, у меня был такой шанс, но я им не воспользовалась, потому что решила, что смогу уцелеть только я. Если поскорее уберусь из этой преисподней. Я могла бы найти мента, но не факт, что он успел бы обезоружить смертницу, понимаешь? А я бы все равно погибла вместе с ними, понимаешь? Но теперь я сбежала, а они все мертвы, вот в чем дело...

Неправильный, небрежный лепет... Тут Фоска падает на стол, закрывая лицо руками, начинает плакать, громко, истошно, стучит ногами о каменный пол и плачет, плачет. Нодельма, дочь *добродетели природной*, смотрит на нее недоуменно и совершенно не представляет, что нужно в таких ситуациях делать и как себя вести.

Глава третья

СУХОЙ ОСТАТОК

I

Нодельма живет вдвоем с мамой. Иногда к ним приходит бабушка, мамина мама, живущая на соседней улице, по московским меркам, это совсем рядом. В ее возрасте почти неприлично не иметь семьи или хотя бы устойчивой связи, Нодельма старается не обращать внимания на предрассудки, вяло отмахивается от редких вопросов о женитьбе: не очень-то и хотелось. Ей хватает работы и встреч с подругами. Время от времени Нодельма устает даже от подруг и тогда отключает мобильный телефон и включает автоответчик.

Самый большой страх девушек — остаться в одиночестве — она уже давно пережила, искоренила, вытоптала, как просо в русской народной песне. «Значит, судьба такая», — говорит она в таких случаях и молча кивает самой себе. Сейчас собственное одиночество можно списать на мать, которую Нодельма не может оставить одну. Про отца она знает только то, что он умудрился провалиться в сортир типа «очко» на своей свадьбе. Дыра оказалась столь глубокой, что отец из нее не выбрался, запропал, больше его здесь никогда не фигурировало.

Мать Нодельмы, погрузившаяся в пучины религиозного эскапизма, намертво приросла к дочери, оторвать невозможно. Она не отпускала и не отпускает Нодельму во взрослую жизнь, капризничает и даже болеет, если Нодельма задерживается или отсутствует. О том, что таким образом она портит ей жизнь, мать не задумывается.

II

Это очень странные и непонятные со стороны отношения — между матерью и дочкой. Не подруги, не друзья, не конкурентки, сиамские близнецы, скованные едиными невротическими реакциями на проявления окружающей действительности. «Мама совсем разбаловалась», — говорит Нодельма Ковзиковой, не желая вдаваться в подробности: на прошлые выходные она ездила с Фоской в Питер. Мама три дня ничего не ела, не выходила из комнаты, лежала зубами к стенке, молилась или ждала. Чего?

Вдруг мысль в душе ее родилась: «климакс», дежурно сочувствует Ковзикова, занятая редактированием корпоративного дайджеста и не понимающая, что все в семье Нодельмы зашло совсем далеко: в один не зафиксированный сознанием момент мама и дочка словно бы меняются ролями, Нодельма ощущает себя кормилицей, ответственной за это беспомощное, лишенное воли к жизни существо.

Между тем март. Календарь сменил зиму на ожидание весны, незаметную пока и прозрачную, как российско-украинская граница. Ничего не изменилось в городе или в природе. Зато в Ираке начались военные действия. Точнее, американцы вошли в страну, не встречая особого сопротивления со стороны местной армии и населения. Телевизионные комментаторы растеряны: Россия не участвует напрямую в операции, поэтому кажется, что у страны нет ни интересов, ни собственной позиции.

III

Мама все время молится, кладет поклоны пустым углам, отказывается смотреть телевизор, ходит в церковь, отнимающую у нее последние силы. Нодельма отказывается соблюдать многочисленные посты, не чурается мяса, из-за чего возникают постоянные споры, обиды, многодневные молчаливые забастовки. Нодельма вяло сопротивляется: она очень похожа на мать. Не только внешне. Нодельма смотрит на ее православный психоз сквозь пальцы: у каждого человека должна быть отдушина. Каждый сходит с ума по-своему.

Когда Нодельма рассказала Фоске о том, что ходила на похороны депутата Юшенкова, та чуть сигарету из рук не выронила. Скромно потупившись, Нодельма призналась, что специально ездила на похороны депутата Старовойтовой, потому что хороший она была человек и вообще демократия нуждается в поддержке. «А ты что, демократка?» — простодушно удивляется Фоска и, не дождавшись ответа, начинает рассуждать о частном случае патологической некрофилии, в которую бросаются одинокие девушки, сублимируя сильные чувства. Со ссылками на Лакана, разумеется. И на Фромма.

На самом деле Фоска переживает отказ Нодельмы разделить с ней жизнь и судьбу. Фоска устала перебирать варианты, ей по душе сонная по-

корность Нодельмы, ее созерцательность и пассивность, ее душевная немота, прикрывающая целый невидимый миру мир — невыраженный и оттого бездонный.

IV

С другой стороны, Кня пишет госпоже Людковски в далекую Швецию: *«В этом городе можно быть богатым и веселым, можно бедным и одиноким, можно гореть на работе, можно пухнуть от безделья. Но ты никогда не сможешь здесь быть счастливым. Этот город никого не способен сделать счастливым. И люди не могут здесь сделаться счастливыми. Дело даже не в том, что Москва жестко стелет, или потому, что здесь множество соблазнов, а счастье есть сосредоточенность. Может быть, сосредоточенность на чем-то одном. Но до самозабвения».*

А еще Кня пишет в Берлин Китупу, ждущему развода после одной неприятной истории: *«Первое правило разведчика (дипломата?) — никогда ни в чем не признавайся. Даже если все и более-менее очевидно. Когда жена снимает тебя с любовницы, оттягивает за голую задницу, отнекивайся до последнего, уходи в глухую несознанку. Говори, что это был не ты; что тебя неправильно поняли, ты был занят чем-то иным; что, наконец, тебя околдовали, опоили, одурманили, но это был не ты, потому что ты бы так не поступил ни-ког-да».* Наверняка рекомендация из личного опыта Кня. Значит, не пидорас. Уже хорошо. Нодельма задумчиво трет подбородок и вскрывает файл следующего письма в Берлин:

«Первое правило бизнесмена — никогда и ни от чего не отказывайся сразу, взвесь все хорошенько, подумай, может быть, есть в несвоевременном предложении какая-нибудь неочевидная выгода...»

V

Для того чтобы не чувствовать себя особенно одинокой и несчастной (никто не застрахован от приступов отчаянья), Нодельма перезагружает компьютер, все-таки деятельность, все ж какие-то перемены, прошло еще пять минут рабочего времени, февраль закончился, но темнеет все равно рано. Зато после того, как стемнеет, время начинает бежать быстрее. Отчего это март ассоциируется у нее с хлебной коркой, стылой и жесткой, проявляющей вкус, только если разжевать хлеб и прислушаться к ощущениям?

Вечером она зайдет в хозяйственный магазин возле Таганского вокзала и, в ослепительной надежде, купит электрический чайник. Это позволит чувствовать радость весь остаток будничного вечера. Несколько раз она вскипятит воду, заварит сначала чай, затем траву для полоскания простуженного горла, а уже перед сном — стакан лимонада.

Одиночество делает людей бессмертными. Точнее, вечными. Главные пожиратели жизни — окружающие нас люди, если же рядом с тобой никого не случается, время начинает растягиваться и удлиняться. Даже если уже давно ночь, за окном ничего не видно, все дела переделаны, а в телевизоре работает только музыкальный канал. Нодельма знает этот секрет, поэтому и любит оставаться одна.

VI

Однажды она завела себе личную жизнь с самыми что ни на есть серьезными намерениями. Его звали Мага, и он, компьютерный гений, настоял на том, чтобы Нодельма бросила прежние занятия и всерьез занялась программированием. Мага жил и работал в Штатах, роман их большей частью развивался виртуально, в письмах, и по мере приближения конца американского контракта тональность их становилась все более и более темпераментной.

Хотя состоялось у них и несколько off-встреч, например, когда они познакомились на одной пирушке и потом, когда Мага, высокий, темно-волосый, курчавый, приезжал на пару дней в Москву. Кажется, по делам, но что это были за дела, Нодельма так и не поняла, тем более что практически все время его пребывания в России они проводили вместе. И понеслась душа в рай, и разверзлись небеса, Нодельма летала по зимнему городу, не чувствуя земного притяжения. Она до сих пор боится вспоминать те несколько счастливых дней, наложила на них табу, стесняется и отводит глаза, если кто-то спрашивает. Или если кто-то вдруг спросит.

Именно тогда она замыслила рывок и даже сподобилась снимать отдельную квартиру в районе Речного вокзала. Когда Мага уже уехал в Калифорнию, где вечное лето и беспечные люди, страдающие от обеспеченности и ожирения. Мать тихо взбунтовалась, перестала есть и, кажется, даже молиться, впала в оцепенение. Приходилось ночевать одну ночь дома, другую на Речном вокзале, что утомляло.

VII

Но Нодельма почувствовала вкус к самостоятельной жизни. Начинать ее она не спешила, ждала возвращения Маги, копила деньги на отдельное жилье, скопила-таки. Не сразу, только сейчас, спустя год после его гибели, «безвременной кончины», как принято говорить в подобных случаях. Сейчас у нее есть средства на отдельную однокомнатную квартиру где-нибудь в Бибиреве (или даже ближе), да только куда ж теперь от мамы?

Фоска считает, что Нодельма поступает неправильно, что деньги необходимо вкладывать в недвижимость, потому как инфляция и всяческая нестабильность. Но Нодельме видится в этом предательство памяти Маги. Не то чтобы она до сих пор его любит и носит траур, просто есть в этом что-то неправильное. Или ненужное, — ей одной квартира не нужна. У нее есть мать и по соседству бабушка. Короче, так надо. Надо так, как надо, вот.

К тому же с Шаболовки рукой подать до Добрынинской, где она теперь работает в громадном небоскребе, принадлежащем крупной иностранной компании. Нодельма не хочет потерять это место, она никогда не опаздывает на службу, близость конторы позволяет ей выходить из дома в последнюю минуту, намного позже, чем, например, Кня. Поэтому она и может слушать его автоответчик каждое утро.

VIII

Мага возник в ее жизни случайно, Нодельма его *не планировала*. Впрочем, как и Кня, с самым важным оно же всегда так, не было ни гроша, да вдруг...

Знакомство, осторожная симпатия двух интровертов, возникающая почти мгновенно, активная переписка, каждый день по несколько писем, подробный перечень всего того, что было, есть, будет: планы, планы, планы, нет ничего слаще, чем мечтать. Если не писала письма, то постоянно сочиняла новые, *шептала наизусть письмо для милого*. Маге тоже жилось не сладко: возраст, отцовский инстинкт — Мага мечтал о детях, их должно быть много, ну хорошо, два минимум, мальчики, наследники. Нодельма тогда даже запаниковала: вдруг бесплодна? Бегала к гинекологу, проверялась, все-таки ж необременительные приятные хлопоты, все как у людей.

Это очень странное желание — быть как все, непонятно только, откуда, отчего оно берется, за какие лобные доли отвечает. Но действует на челоуков убийственно, подчиняет и парализует волю, выстраивая хороводы ложных программ. Так что, можно сказать, Нодельме повезло соскочить с этого пути ценой одиночества, но все-таки остаться в рамках собственной биографии.

IX

Одиночество кого-то делает жадным, кого-то завистливым, некоторых злыми или мстительными, и лишь немногих одиночество *расслабляет*, отпускает-запускает в свободный полет. И тогда, вне и без людей, время перестает делиться на часы и дни, недели и годы, сводя свое присутствие к разводке погодных условий, влияющих разве что на смену «формы одежды».

Гинекологические тесты Нодельма прошла без сучка, хоть сейчас в космос, врачаха удивленно воззрилась поверх окуляров: «Половой жизнью с мужчинами не живете?» В этом уточнении «с мужчинами» таилась часть правды, но Нодельме некогда было проникаться, она уже затаилась, застыла в предвкушении долгого ожидания, когда важно дойти до конца срока, так и не расплескав этот сладковатый кисель с пленочкой по верхней кайме эмалированной кастрюли.

Пишу, и сердце не тоскует... Они писали друг другу каждый день по несколько раз длинные письма и коротенькие постскриптумы в лодочках отдельно плывущих по проводам записок, не в силах исчерпать все непонятно откуда возникающие подробности — обстоятельства времени и места, подзаголовки эмоций и реестры чувств, однообразных до головокружения, но обладающих таким количеством оттенков, что описывать их легко и сладко с утра до ночи.

X

После каждого отправленного Маге письма Нодельме схватывало низ живота: трезубцы мышечных молний скручивались в жгуты пониже ее барочного пупка, Нодельма сгибалась и сидела некоторое время в изнеможении, пока *плоды сердечной полноты* не расходились по телу, а потом бежала менять трусики.

И еще: Нодельме срочно понадобился неограниченный выход в Интернет, потому как сидеть дома и копить письма, чтобы потом в интернет-кафе разрядить вхолостую целую обойму, для трепетного сердца практически непереносимо. И Нодельма стала искать такую службу, где никто не помешал бы ей сблизиться с Магой. И тогда Нодельма пошла учиться, тем более что времени у нее, несущей в себе кисель ожидания, вагон и маленькая тележка, силы немереные, а талантов — как снега за баней, не хватает только лопаты, чтобы можно было проложить в этом ослепительном снегу аккуратные дорожки.

Как Нодельма училась, где, с кем тогда дружила, нам об этом неведомо. Она и сама не слишком понимала, что делает, шла на автопилоте, доверяя инстинкту и ориентируясь по звездам — главным свидетелям любовных переживаний. Мага писал ей примерно так: *«Посмотри на Большую Медведицу в 10.55 р. т., в это же самое время я тоже посмотрю на нее с той стороны океана, и тогда взгляды наши обязательно встретятся и продолжатся друг в друге».*

XI

В начале сентября Мага поехал в Нью-Йорк с докладом. Он долго готовился к отчету, постоянно рассказывая про нешуточные достижения. Ему должны были добавить зарплату и продлить визу. В случае удачного расположения планет Мага приезжал в Москву за Нодельмой, они регистрировались, делали ей визу и уезжали в США. Так что вслед за компьютерной грамотой Нодельма начала подтягивать английский язык, времени на кисель ожидания и всевозможные сопутствующие этому страхи осталось еще меньше.

Она даже не задумывалась о том, что они практически не знакомы. Пара встреч и целый жесткий диск писем — достаточно ли этого для строительства всей последующей жизни? Она не думала о том, что плохо знает бытовую сторону существования Маги, не говоря уже о физиологических особенностях его мужского организма и ее женских реакций на него. Она была готова заплатить за все возможные ошибки, только бы судьба дала возможность ей их совершить.

Одиннадцатого сентября Мага разбудил ее странным телефонным звонком. Накануне Нодельма легла позже обычного, с нарастившим пылом, один за другим работая лингвистические тесты. В учебнике было две части, Нодельма решила к приезду Маги пройти хотя бы одну, взяла на себя такое обязательство, вот и торопилась, стараясь сделать пару уроков за одно занятие, желательно без ущерба для качества нового знания.

ХII

И только во сне одиночество и ожидание переставали скрываться, рядиться в суету, запаздывание и забывание, изнутри обволакивая голову влажными своими окончаниями. Они сходились у нее на уровне закрытых глаз, подобно тому как небо и море сходятся у линии горизонта, чтобы породить иную реальность. И тогда Нодельма видела сны, протяжные, протяженные, как песня акына.

Из одной такой песни ее и извлек звонок Маги, которого слышно было плохо, казалось, что, преодолевая океан, голос теряет по дороге все свойства, добираясь до ушной раковины обесцвеченным и обезжиренным. Или она забыла, как звучит голос ее жениха? Или просто еще не проснулась?

Мага сказал, что у него все в порядке, что, мол, ты не переживай, со мной ничего не случилось, позвоню попозже, если получится, потому что сегодня особенно сложно дозвониться, в Нью-Йорке творится нечто невозможное, да ты и сама все поймешь, достаточно включить телевизор, но у тебя-то все в порядке? — словно бы спохватившись, вежливый Мага задал дежурный вопрос, Нодельма промямлила нечто нечленораздельное, когда он уже попрощался и отключился, пискнув пару раз зуммером, сонная, в пижаме (розовая, байковая) пошла к телевизору. Включив его, она увидела, как второй самолет врезается во вторую башню всемирного торгового центра.

ХIII

Она знала, что Магу ждут с отчетом в одной из башен, но, разумеется, не знала, в какой именно. Разумеется, как большинство из нас, сначала она подумала про Голливуд, про очевидную ненатуральность происходящего, но, вслушавшись в комментарии журналистов, медленно осела на пол — как та самая первая-вторая башня ВТЦ.

Она долго приходила в чувство, неоднократно пыталась дозвониться, но мобильный телефон Маги отвечал вежливо журчащим женским голосом, из высказываний которого Нодельма не могла понять и половины. Абонент недоступен, позвоните попозже, отнесите с пониманием и все такое. В этой ситуации даже электронная почта беспомощна, хотя Нодельма знает, что в трубке у Маги есть модем и он способен принимать корреспонденцию везде, где бы ни оказался. Ну да. Ну да. Ну да.

Ну да, надо бежать в интернет-кафе, срочно писать, слать sms'ки, добираться до Маги всеми возможными способами, главное — действовать, не сидеть, не раскисать, вычитывая из сообщений телевизионных комментаторов все новые и новые подробности, — в них все равно нет никакого смысла. Подробности никому не нужны, вся правда жизни сводится сейчас лишь

к одной посылке — Мага в первой или во второй башне? Жив он или, успев отзвониться после взрыва (молния не попадает дважды в одно дерево), спокойно отправился на встречу во вторую половинку Близнеца?

XIV

Побежала до метро, выскочила на «Новокузнецкой», где Кафемакс, набила несколько сообщений, и всё — в ураганном, голодном каком-то темпе. Тот сентябрь выдался благостным, бархатным, пронзительно-светлым, хрустальным, хрустящим-звонящим, Нодельма летела по нему, как азбука Морзе, точка, точка с запятой, точка, точка... Нодельма снова не чувствовала вес, только избыточную, свинцовую тяжесть в кончиках пальцев, бегающих по клавиатуре и подобных стайке испуганных птиц, подхваченных северо-западным ветром.

Она бежала, мысленно опережая тело, *сгорая негой и тоской*, ничего не видя сквозь коричневые очки, точнее, воспринимая все окружающее именно телом, с которого сняли кожу и которое стало болезненно восприимчивым, вперед и вокруг смотрящим. Одежда не играла никакой роли, только длинная юбка путалась под ногами, словно шахидка, засланная к Нодельме в Москву из подпольного террористического центра где-то в горах.

Все эти усилия окажутся напрасными. Однако предельное физическое и умственное напряжение, излучаемое в тот миг Нодельмой, как молитва, должно уберечь любимого от возможной гибели, попытаться обмануть судьбу и самой заплатить за спасение Маги не важно чем, не важно как. Потому что только твоя никому не нужная жертва оказывается единственной возможностью участия в происходящем.

XV

XVI

Жертва оказалась принята: дома на автоответчике Нодельма находит несколько записей от Маги, который волновался за ее самочувствие, в замешательстве принимая свои ощущения и за чувства Нодельмы тоже. Нодельма глубоко вздохнула, будто бы у нее внутри сломался ледяной стакан: долгое время стенки его терлись о горячую плоть, истончались, теперь истончились окончательно и рухнули куда-то вниз, во внутренние объятия живота, чтобы растаять там окончательно.

И долго сердцу грустно было... Никогда еще Нодельма и Мага не общались столь интенсивно — звонки (в этот день Мага, не находивший в Нью-Йорке места, перезванивал еще пару раз), письма, телепатические телеграммы... Постепенно прояснилась картина происходящего. Мага банально проспал (не перевел часы), поэтому сильно торопился к начальству, огорчился тому, что не попал в переполненный лифт, оказавшийся последним. И пока он размышлял, стоит ему дожидаться следующей кабины или побежать вверх (почти на самый верх) по лестнице (так будет лучше в смысле экономии времени), арабский террорист направил самолет на башню, лишив Магу возможности отчитаться перед работодателями, получить надбавку и право на продление американской визы.

Ситуация изменилась в одно мгновение — большая жизнь вошла в тысячи маленьких жизней, изменив их до неузнаваемости. Мага еще легко, ловко отделался — практически со всех сторон, хотя отныне у него не было ничего, кроме милой. К ней он с удвоенной силой и засобирался.

XVII

Надо отдать ей должное — в течение всего этого времени она думала только о том, чтобы *ему* было хорошо, чтобы *он* был жив, о себе она даже не вспомнила и, как соломенная вдова, не всплакнула. Уже позже она задумалась, что бы стало с ней, если бы... Вот тогда ледяной стакан и лопнул, упав остатками на дно живота.

Нодельма восприняла коррекцию американских планов с пониманием — когда стала понятной невозможность путешествий, она почувствовала облегчение: зачем излишества, не нужно, чем проще, тем для семейной жизни лучше. Так *отдаленные надежды тревожат сердце иногда*. Магина квалификация не вызывает сомнения, без работы не останется, их общие накопления позволят устроить комфортную и безбедную жизнь, которую, разумеется, все заслужили — и он заслужил, и она тоже — заслужила, не так ли?!

Ну и стала ждать. Огорчало только то, что Мага, катастрофически боявшийся летать на самолетах, после известных событий совершенно не представлял себя на борту воздушного судна, фобия его приняла невообразимые размеры, отчего он и решил добираться «до дому» самым временно-затратным способом — на пароходе, а что делать?! Нужно сказать, что ему вообще вся эта история с Твиксами, нечаянным спасением и переменной участи далась с большим трудом. Пришлось ходить к психологу, принимать специальные лекарства... Обо всем этом Мага сообщал мельком, без особого энтузиазма.

XVIII

Я все грущу, но слез уж нет... Помимо клаустрофобии, законной во время многочасового перелета, Магу пугала возможность любых неполадок, отчего с самого взлета он начинал прислушиваться к работе двигателей, любые перепады в их работе, любые воздушные ямы вызывали у него приступы удушья.

Все было просто: вычитав в одном журнале, что 40 процентов всех неполадок приходится на первые десять минут полета, окаменев от ужаса, пока самолет набирал высоту, Мага начинал отсчитывать 600 секунд непрерывно нарастающего страха. Потом немного отпускало, однако приступы внутреннего переполоха постоянно возвращались, и так до момента, когда самолет начинал заходить на посадку. Ее Мага, как ни странно, не боялся.

Не странно: потому как, по его разумению, возникал шанс для спасения. На высоте спастись невозможно: мгновенный разрыв сердца из-за перепада давления, мороза и отсутствия кислорода, никаких минут осознания собственного конца, только был — и нет. Мага, как истинный компьютерный гений, привык управлять ситуацией от и до, привык чувствовать себя игрушечным (в рамках закрытой системы), но демиургом. Отчего и не любил ситуации, в которых его судьбой могли распорядиться посторонние, а главное, равнодушные люди.

XIX

Боязнь пространства привела Магу к мечте о мгновенном перемещении человека с места на место, о телепортации, когда человек уподобляется файлу и пересылается, раз — и ты на другом конце земного шара. «*В один миг! В один миг!*» — восторженно писал он о своих идеях Нодельме, непрозрачно намекая на стратегическую важность собственных разработок. Победа над временем и пространством, *над ней он голову ломал*, работая в Силиконовой Долине, именно она привела его в сентябрьский Нью-Йорк

и по иронии судьбы подняла на борт многодневного круиза с морской болезнью и антикварными салонами в сухом остатке.

Весной он выгрузился с контейнером пожиток, нажитых в Штатах. Далее контейнер и Мага путешествовали по отдельности, чтобы сойтись наконец в Москве. Причем вещи прибыли на день раньше хозяина, Нодельма разгружала их, следила, чтобы грузчики ничего не уперли (с них же станется), чтобы ящики не упали в снежную хлябь, поджидала их у лифта. Попросила мать подержать двери квартиры, но та даже не вышла из комнаты, совсем от рук отбилась...

А Мага ехал поездами по странам Европы, глазел в окно, в больших городах покупал подарки невесте без какого бы то ни было опасения перед новой, только что начинающейся жизнью.

XX

В своем последнем дорожном письме он писал Нодельме: «Московское время само по себе по силе воздействия схоже с зоной хождения доллара. И то и другое (и московское время, и доллар) задают систему координат для очень большого количества людей и пространств. Именно поэтому они и воспринимаются нами как норма. Когда я попал в Америку, я словно бы приник к нулевому меридиану мировой экономики — мне не надо было пересчитывать, перекладывать стоимость тех или иных вещей с одной валюты на другую, я попал туда, где эти цены едины и неделимы, аутентичны. Точно так же, находясь вне Москвы, я постоянно с какой-то нарочитостью, с какой-то навязчивостью сравниваю разницу временных поясов, подсчитывая плюс или минус, а сколько же там, в Москве, потому что еще по советской традиции время начинается именно здесь, в районе Красной площади, расходится кругами по Бульварному и Садовому кольцам, пересекает МКАД и далее продолжает лучиться по всей стране».

Он погиб в тот же день под колесами грузовика, перевозившего пустые пивные бутылки, вышел за пиццей («Хочется сравнить местную пиццу с американской», — сказал он Нодельме, чмокнув ее в щеку, как оказалось, это были его последние слова) и не вернулся. Она его опознавала в морге, но то был уже не Мага, ничего общего, ничего личного. В углу ее комнаты остались стоять коробки с вещами, аккуратно разложенные и пронумерованные. С блестящими полосками скотча по бокам. Такие самодостаточные, что не притронься.

XXI

Она и не притрагивалась, долго ходила мимо, стараясь не замечать их вопиющей непригодности: как же так, вещи есть, а Маги, хозяина вещей, нет, отсутствует. Можно было бы подумать, что телепортировался, если бы не вещи: с собой-то он их не взял, оставил. Значит, что-то не так.

— Мага? Какое странное имя. Что оно означает? — спросила Фоска после того, как Нодельма в невменяемом от горя состоянии попыталась пересказать ей историю их знакомства.

— Сокращенное от Магомед.

— Это Пророк, что ли?

— Что-то типа этого. — Нодельма уже пожалела, что начала разговор.

— Что-то мне оно напоминает. Какую-то литературу.

— Возможно, — равнодушно ответила Нодельма, глядя в сторону.

— И вообще, такое ощущение, что это женское имя.

— Ну-ну. — Нодельма попыталась улыбнуться: из уст Фоски подобное утверждение звучало комплиментом. Или признанием в ревности.

Теперь, когда Маги больше нет, ей все равно, мужчина он или женщина. Они пробыли вместе всего несколько часов, она так и не успела узнать

или познать его, поэтому теперь, вечность спустя, имеют право на существование разные, самые невероятные версии.

Пока Мага работал в Америке и писал ей заочно, но тем не менее существуя в отложенном будущем, Нодельма обладала хоть каким-то смыслом, оправдывающим существование. Теперь, когда она его потеряла, опустошенная, она же совершенно не представляла, как и для чего ей жить.

Глава четвертая

YEARS WITHOUT HISTORY

I

В тот же самый день, когда погиб Мага, в компьютере у Нодельмы полетел жесткий диск, так уж получилось. То пусто, то густо: порой ничего не происходит и начинает казаться, что жизнь практически остановилась, а то вдруг события начинают сыпаться как из рога изобилия и притягивать друг друга. Как бы то ни было, у компа возникла полная амнезия, вся многодневная переписка Нодельмы и Маги, все черновики писем и все за океанские ответы, файл к файлу трепетно собираемые в гербарий, оказались уничтоженными.

Сначала Нодельма не обратила на это внимания, мало ли что вокруг происходит, а потом, когда врубилась, и вовсе махнула рукой — это все равно что лишиться любимого могилы, никакого места поклонения, развеять по ветру прах, чтобы уже точно ничего не осталось. А от Маги ничего и не осталось — кроме груды картонных коробок, сваленных в углу. Иногда Нодельма приходила с учебы на системного администратора и смотрела на них, *невольно думая о том*, что это и есть Мага, только окаменевший.

Горе ее оказалось безмолвным, отчего-то выработалась такая позиция: ни словом, ни жестом нельзя вспоминать о произошедшей трагедии, следует жить так, словно ничего не случилось, день за днем, минута за минутой, шаг за шагом осторожно пробовать следующую ступеньку. Только так и можно не сорваться вниз, не соскользнуть в пропасть.

II

Нодельма сжалась, словно пружина, напряжение это отнимало последние силы, пока словно бы не приросло, став обыденным состоянием психологической мускулатуры. Тогда Нодельма немного отпустила вожжи, перейдя на состояние автопилота, впала в мутновато-болотный транс, скапывающийся на груди в теплые и влажные ожерелья.

Правда, порой Нодельма словно бы выныривала из пелены, из ряски на воздух, и тогда ее начинало мутить от горя, и зубы скрипели от растерянности и неумения пережить эту боль. В одну из таких минут она подстригла себе ногти, точнее, обрезала их ниже ватерлинии, чтобы болеть этим пустяковым раздражителем, а не чувствовать нестерпимую душевную муку.

Нодельма перестала видеть лица людей, шла по городу, не различая дороги, делала все автоматически, и судьба хранила ее, не давая сделать ошибку или неловкое движение. Со стороны казалось, что она — обычный человек, каких много, ну, например, в метро. Однако если бы вы заглянули в тот момент внутрь, то не увидели бы ничего, кроме зеленой воды, мутной болотной жижи, плавно качающейся влево и вправо, влево и вправо...

III

Спасла ее Фоска, вытащив из пустоты и запустения, отмыв от русалочьей грязи, вывела в люди (к наркофашистам и в подвал клуба на Брест-

ской), заболтала ее боль, заговорила, замусолила пустяками и избыточными подробностями; между прочим, и спать к себе в постель затащила, пользуясь безволием и открытостью подруги к любовной игре, потому что, когда ты влюблен, тебе легче влюбиться (открыться) еще раз, еще для кого-то.

— У меня вчера был странный психоделический опыт с одновременным употреблением двух пластинок, — вела она светскую беседу столь активно, что нельзя было и слово вставить (Нодельма и не пыталась). Они сидели в клубном подвале, Фоска заказала два коктейля «Маргарита». — В стереосистему я вставила «КидА» «Radiohead», а в лептоповский плеер — «Сто окон» «Massive Attack». На одинаковую громкость. Кто кого поборет, кит или слон? — спрашивала Фоска сама у себя и сама же себе отвечала: — Победит дружба.

Нодельма продолжала молчать. Фоска более чем бодрым тоном (главное — не замечать ступора) провозгласила гост:

— Ну, тогда, подруга, давай выпьем за дружбу.

Нодельма (все это время она смотрит в сторону) механически подняла бокал к губам, пригубила. На мгновение вернувшись на землю, она посмотрела на Фоску глазами, полными слез, и сказала слабым голосом (вот она, вежливость!), обозначая свое присутствие:

— А мне вчера, когда я по улице шла, вручили листовку: Олег Митяев выступает в кинотеатре «Улан-Батор»...

IV

Фоска продолжала развлекать Нодельму, накачиваясь «Маргаритой»:

— Как далеко пошел прогресс! Вот, скажем, сотовый телефон... Он же доступен, в том числе и глухонемым, — он же вибрирует, когда кто-то звонит или присылает sms'ки. Представляешь себе такого глухонемого человека, который хочет выглядеть как самый обычный клерк — идет по улице, вертит в руках трубку, набивает сообщение...

Нодельма промолчала, самоуглубившись еще сильнее: тема сотовых телефонов была опасна пограничностью, могла напомнить (напоминала) о Маге, требовала дополнительных степеней защиты. Фоска, однако, этого не понимала и продолжала щебетать на, как ей казалось, успешно (потому что нейтральная) выбранную тему. Отчего Нодельме становилось все хуже и хуже, приходилось все ниже и ниже спускаться по уровням своего персонального ада к самому дну.

— Часто, очень часто я ощущала, что телефон вибрирует и попискивает от входного звонка, и тогда я начинала искать его, хлопая себя по карманам или отчего-то в области сердца, но потом вспоминала, что телефон лежит в сумке или на столе. Представляешь?

Нодельма уже с трудом сдерживалась, чтобы не расплакаться, кончиками пальцев она вцепилась в край стола, словно боялась упасть, пальцы побелели от напряжения, а она все смотрела и смотрела в сторону, не в силах оторвать взгляд от невидимой миру точки покоя.

V

Фоска, она же умная и тонкая (Нодельма очень ей нравится, отчего тонкость и чувствительность возрастают многократно), чувствует неладное и переходит к активным действиям. Она уводит Нодельму из полупустого, депрессивного подвала, выкрашенного в стильный серый цвет, к себе домой на «Сокол» (ул. им. Ол. Хахалина, д. 16, корп. 3, кв. 81), рассказывая по дороге о том, как попала на день рождения к знакомым наркофашистам.

— Интеллигентные такие фашисты, — говорит, — дома у них на стене, поверх фашистских граффити, плакат с концерта Вима Мартенса, в ка-

ком-то фашистском журнале (на журнальном столике валяется целая пачка арийского глянца) нашла я статью Игоря Чубайса, который, конечно, брат и который, конечно, тоже рыжий, но нам, то есть им, на многое глаза открывший, тут главный секрет — препараты с водкой не мешать, а еще, *by the way*, *now* самое время кислоту жрать, потому что луна прибавляется, значит, от кислоты один позитив будет, вот попробовала бы ты кислоту жрать, когда луна на убыль идет, сразу бы поняла, почему фунт фарша на ложной-то эстрадке...

Фоска — воплощение чувственности и широты души, длинные волосы и глубокие (бездонные) глаза, в которых, видимо, и зарождается избыток всего — воли, ума, экзальтации и изысканной гешальт-неврастении, толкающей ее на сомнительные эксперименты, расширяющие сознание и сексуальные возможности. Она, как и Нодельма (правда, по другой причине), уже забыла, кем является и кто она есть на самом деле, что для женщины кажется губительным, хотя и встречается в современных условиях сплошь и рядом.

VI

Мантисса, подруга Фоски, любительница салата фризе и босоножек Baldinini (летом у нее всегда болит горло), привезла из Америки (об Америке ни слова, пароль — тыква) новую моду на разрезание языка, так и пошутила, мол, языческий обряд — тебе разделяют язык на две части (выглядит как жало у змеи), каждая из которых живет собственной незаурядной жизнью, представляешь? Мантисса говорит, что это суперское и странное ощущение, когда у тебя во рту словно бы два языка. *Умы в тумане*, мода эта приняла в Америке (пароль — тыква) размах эпидемии, уже требуют ввести ограничение на разрезание языка для военных, потому что вроде как для военных это несолидно. Мантисса раздвоила себе язык, устроилась в желтую газету, очередной раз сошлась с Бомой (голова налысо, пирсинг в клиторе), а главное — под села на пивное мороженое, в Москве оно есть только в одном месте, жутко дорогое, но есть, поэтому ей теперь можно и не возвращаться в Манхэттен, *сама знаешь, какие там настали времена*, стиль «честная бедность» больше не в моде, самые продвинутые заведения предлагают свежесжатую коку...

Пароль — тыква, а нетерпенье — роскошь, Нодельма слышит про Нью-Йорк, но снова не сдается, Фоска не должна понять, отчего она так бледна и почему ее пошатывает при ходьбе, ведь вести себя нужно так, словно ничего не случилось, *умерла и подглядывает*. Но никаких сил не осталось сопротивляться — погоде, городу, народу, Фоскиной болтовне, молчанию матери, всему тому, что происходит по инерции, хотя (по логике вещей) происходить ну никак не должно.

Потому что так нельзя, потому что, в конце концов, это все не-пе-ре-но-си-мо! Нодельма чувствует, что готова взорваться, еще чуть-чуть — и ее понесет.

VII

Но тут заботливая Фоска растворяет ей в зеленом чае с жасмином марку ЛСД, а чтобы приход не заставил себя ждать, дает пару раз затянуться травкой. Нодельма чувствует, что руки и ноги начинают жить отдельной жизнью, голова, увеличившаяся в размерах, превращается в хрустальный шар, излучающий болотисто-земельное сияние, а на зубах (с тыльной стороны) вырастают волосы.

Нодельма глубже и глубже погружается в непроницаемую мглу, на черном экране которой смотрит кино своей жизни. На изнанке век расцветают узелки узоров, вспыхивают и прогорают звезды, один глаз уподобляет-

ся крылатой видеокамере, погружаясь вглубь ее тела. Нодельма видит, как работает ее сердце, как мозг отделяется от черепа тонкой прозрачной пленкой, как в крови плывут на нерест рыбки-лейкоциты. В животе (или ниже) она замечает Магу, скорчившегося в позе зародыша. Пуповина делает его похожим на космонавта. Тело Нодельмы прозрачно и проницаемо, поэтому Мага выходит из ее живота наружу, он в воздушном шаре или круге, начинает подниматься вверх, к потолку, к звездам, и Нодельма провожает его глазами.

В это время у нее в животе образуется, вызревает еще один Мага — золотой или, точнее, позолоченный, растет, разбухает, потом тоже, как и его предшественник, выходит наружу в розовом шаре, взлетает, разрывая пуповину сильными мужскими руками (часы «De Grisogono» с черным бриллиантом на заводной коронке, масонский перстень на мизинце, густые черные волосы на запястьях и выше).

VIII

Фоска тоже времени не теряет: укладывая покорную Нодельму, она раздевает ее и начинает ласкать сверху донизу, словно пломбир, — языком и пальцами, кончиками пальцев, *ее изнеженные пальцы* чувствительны, как язык; она прижимается к Нодельме и жметя к ней, как котенок, изгибает спину так, что шерсть встает дыбом. Нодельма покорна, но не бесчувственна, любое касание вызывает в ней сладкие ванильные волны, которые расходятся по всему телу, затухают внутри, порождая новые волны и новые фантазмы, одним глазом Нодельма смотрит свое кино, другим следит за Фоской.

Та надолго застревает в ее межножье, охаживая влажные, набухшие негой губы, которые раздвигает языком, добираясь до солоноватой косточки; тут Нодельма взрывается, слезы мешаются с остатками напряжения, отлетающего в сторону, кино прерывается, истома рвется наружу из всех изгибов, из всех пор, Нодельма и понимает, и не хочет понимать, что с ней происходит.

Утром ничего не остается: страсть выпита до дна, хмурый день начинается с чистого листа, будто бы ночной возни и не было вовсе. Но Нодельма, конечно, все помнит. Потом еще пару раз она зайдет к Фоске, чтобы снова, хотя бы на короткое время, почувствовать себя любимой.

IX

Никаких угрызений совести или моральных проблем — если случилось, так тому и быть: не следует слишком серьезно относиться к собственной участи. Дождь покапал и прошел, солнце в целом свете... Нодельма вспоминает Магу, он теперь словно бы удалился, она думает о нем будто бы через матовую пленку, боль притупилась, возможно, просто не протрезвела еще окончательно, находится под анестезией, ходит по квартире босиком, смотрит в чужое окно на незнакомый город: кусок улицы, панельные дома, автобусная остановка, женщина ведет ребенка, старик гуляет с собакой, все при деле.

А у нее — холодный чай и записка от подружки, *слова тоскующей любви*, мол, у меня летучка, оставь ключи под ковриком, люблю больше жизни, дуреха моя сладенькая... На губах она чувствует вкус чужого тела, кажется, она тоже что-то такое... делала... делала, делала... да... Натруженно ноет клитор.

Голова — ясная-ясная, на небе ни облачка, но Нодельма не может сконцентрироваться, собраться в кучу, чувствует себя маленькой, обиженной на мир девочкой (обида пройдет — и мир изменится, вернувшись к привычным очертаниям). Большого труда стоит одеться, выйти на улицу,

вдохнуть морозный воздух с арбузным привкусом совсем уже близкой (бесснежной) весны, направиться к метро.

X

Силы окончательно покидают Нодельму в переходе на кольцевую линию, хочется сесть, замереть, не двигаться, не расплескивать похмельное равновесие, но длить это состояние сколько получится, как можно дольше.

Последний рывок к остановившемуся вагону, хоть бы свободное местечко где-нибудь в углу, и чу, она видит свободное место, рядом с вонючим бомжом никто не хочет садиться. Нодельма валится на сиденье и словно бы засыпает. С открытыми глазами. С руками, замерзшими в вязаных перчатках. Мелькают станции, поезд мчит по кругу, один, другой, третий, люди меняются быстро, точно мультяшки, лица мгновенно стираются из памяти, остаются незначительные детали... вот и бомж испарился, стало легче... уже хорошо... и с каждым кругом, который делает по метро-станциям поезд, жизнь Нодельмы словно бы выравнивается, очищается от прошлого, проясняется, делается лучше. Пока поезд в тоннеле, ей легче, на станциях вместе с вновь прибывшими накатывает липкое волнение, точно в вагоне не душно, но воздух разрежен и карта-схема на стене напротив шевелит шупальцами.

Потом, конечно, она осознает, что кататься по кругу — совершенно глупое занятие, но, пока собирается с силами, пока мысль эта крепнет в голове, она делает еще один круг почета, выскочив едва ли не на самой случайной станции, «Киевской» или «Павелецкой», так и не доехав до «Октябрьской», а потом пересаживается в центре на свою оранжевую ветку, и, когда *при туманенной луне* выходит к Шуховой башне, в Москве уже совсем темно.

XI

Под предлогом дружеской заботы и спасения от окончательной заброшенности Фоска твердо приклеивается к Нодельме, не оставляя ее ни днем, ни ночью, таскает за собой повсюду, знакомит с людьми, зачастую странными и непонятными типами, в общении с которыми Фоска находит отдохновение, а Нодельма... Нодельма ничего не находит. Она словно продолжает спать с открытыми глазами, и в жизни ее наступила длинная белая, без оттенков, полоса.

Внезапно она находит себя в Рахманиновском зале консерватории на концерте музыки XVIII века, аутентичное исполнение, старинные инструменты, колоритные типы вокруг — три с половиной студента в грязных балахонах, но с экзотическими прическами, две замшелые преподавательницы с бородами подбородками, сторож, читающий во время концерта газету, и Фоска, внимающая барокко, незаметно кладущая руку на колено Нодельме.

Ангелов на Шуховой башне почти не видно из-за густого тумана. Нодельма не различает их лица, путает номера. Кажется, 698 заплетает косу. Кажется, 791 кипятит электрический чайник, параллельно нашептывая писателю, недалеко отсюда творящему, историю про людей, которые живут так, будто бы они никогда не умрут. Не умрут, но и не проснутся.

XII

В выходные Фоска приводит Нодельму на ипподром, желтую руину в римском стиле, сильно несет туалетом, навозом, невымытыми мужиками, здесь самые лучшие шашлыки в городе, говорит Фоска, и они запивают жареное мясо холодной водкой из пластикового стаканчика — прямо на

улице, возле бортика, за которым мчатся лошади. Фоска покупает программку и ставит на тотализаторе, ее номер приходит последним.

Вокруг волнуется людское море, Фоска призывает любоваться этими полуразрушенными людьми, такими мятыми, такими занятыми и одухотворенными, но у Нодельмы не получается. Нодельма думает о смерти и считает сталинские высотки, их, торчащих в разных районах столицы, отсюда видно почти все. Незнакомый безумец кладет ей в руку записку: *«Мне было видение, от Бога, Чубарый придет первым»*, — и они ставят на Чубарого.

Фоска изображает радость и непосредственность, хлопает в ладоши, из ноздрей и изо рта у нее, совсем как у кобылицы, валит пар, она в платке, она напоит замерзшую Нодельму глинтвейном и поведет домой, где зашторит окно и поставит тягучую музыку, Нодельма снова не станет сопротивляться: по телевизору показывают репортажи из побежденного Багдада и всенародное ликование. Оргазм настигает ее, когда Владимир Познер с серьезным видом потирает руки, должно быть, кожа у него сухая, желтоватая, как у тех стариков на ипподроме.

XIII

На неделе они идут в клуб «Дом» слушать живую музыку, и Нодельма замечает, что тут тоже собирается совершенно особенная, «своя» публика — томные девицы и стильные парнишки, качающие в такт музыке музыкальными головами. В «Доме» можно курить. Но Нодельма не курит, только мучается от дыма. Фоска покупает две кружки пива и пакетик ржаных сухариков, они лезут на деревянный помост, заменяющий амфитеатр, в зале полумрак, сцены нет, музыканты играют регги.

Хорошо бы познакомиться с парнем именно здесь, думает Нодельма, с таким аккуратным, интеллигентным московским парнем в очочках, худым и замороченным одновременно, чтобы он водил тебя по Замоскворечью и рассказывал истории из жизни столичного купечества, вот эта церковка построена этим, а эти палаты — тем, здорово, правда?! А ты слушаешь молча, киваешь, и снежинки тают на твоих длинных ресницах, пропитанных тушью без комочков, ее еще активно пропагандируют в рекламе по телевизору.

Но Фоска, стоит кому-то посмотреть в их сторону, так бешено вращает глазами... После концерта они спускаются в какой-то подвал, пьют текилу или абсент, Нодельма тут же пьянеет, и время начинает течь плавно, завихряться, образовывая воронки, а потом они ловят машину и едут к Фоске, зашторивают окно, Светлана Сорокина на Первом канале рассказывает о том, как растет ее приемная дочка, студия аплодирует, и Нодельма засыпает под эти аплодисменты.

XIV

В метро Нодельму всегда посещает измененное сознание: небывалая близость с чужими, случайными людьми бодрит нервные окончания. Не то чтобы она снова каждый раз возвращалась в постнаркотическое опьянение, надо сказать, что сознание в метро у нее менялось и до психоделических опытов с Фоской. Однако после ЛСД внутри Нодельмы словно бы открылась еще одна потайная комната, опьянение ушло, а память о нем осталась.

Внезапно она «просыпается» на «Новокузнецкой», поднимается на эскалаторе из глубины вверх, идет в «Пурпурный легион» слушать пластинки — там же есть удобные станции для прослушивания дисков. Нодельма надевает наушники, включает музыку, и мир мгновенно преобразуется: посетители магазина движутся под неслышную им мелодию, точно в

танце, попадают в ритм, совпадают с голосом солистов — вот эта девушка в вязаной шапке, похожая на Уму Турман, или вон тот паренек с серьгой в ухе, ну, вылитый Дастин Хоффман в юности, Нодельма улыбается то ли им, то ли музыке, золотой рыбкой бьющейся у нее в голове.

Послушав пару дисков, она идет в интернет-кафе по соседству, когда-то она бежала сюда, чтобы узнать, что Мага жив. Она вспоминает, что от Маги остался «Сминт» — такие мятные тонкие пластиночки, их нужно класть на язык, и они мгновенно тают. Привез из Нью-Йорка лакомство, таких у вас не выпускают, Нодельма положила в рот слюдяную пленочку, и точно — та мгновенно растаяла. В интернет-кафе Нодельма нащупывает в кармане куртки пустую пачку из-под американского лакомства, мята уже давно закончилась, даже запах выветрился, а она все зачем-то ее с собой таскает и нюхает время от времени, дуреха сладенькая.

XV

Кто придумал, что любовь делает людей лучше? Красивая неправда. Любовь, конечно, заставляет вытворять всяческие чудеса, но становится ли человек из-за этого более совершенным? Любовь делает людей хуже, калечит их и корежит, доводит до такого состояния, когда перестаешь узнавать себя в зеркале, высасывает и опустошает. Особенно если ее нельзя применить, выдать вовне, как это произошло с Нодельмой, потому что Мага пропал, а любовь осталась перегорать в ней, как грудное молоко, от которого младенец категорически отказался.

На губах — вкус пепла, который засыпает мир, и каждый день дается с трудом, как укрепленная крепость, каждый божий день нужно брать штурмом. Но успокоения все равно не наступает, потому что после окончания дня наступает ночь. Люди, обстоятельства, мысли скользят по коже, все только усугубляет страдание. Только молчаливая мать, похожая на тень, не беспокоит. Вещи Маги так и остались сваленными в кучу, Нодельма прыгает через них, старается не замечать. Притрагиваться к ним страшно. Даже пыль не сотрешь.

Спасибо Фоске, что не бросает мученицу, терпит, кормит с ложечки тем, что ей самой кажется жизнью. Таскает от мороженную, тормозную Нодельму за собой, развлекать пытается. Нодельма молчит — ей просто сказать нечего, рада бы, да внутри ничего, кроме пустоты, не происходит, не совершается. Бегаешь по кругу тупая боль, из которой уже давно испарились остатки смысла, осталась лишь усталость, лишенная надежды.

XVI

Первая стадия любви — это когда ты начинаешь встречать на улице или в метро двойников любимого человека, а столбцы в газетах образуют лабиринты, по которым ты как-то автоматически начинаешь прокладывать путь к счастью и безмятежности. Нодельма постоянно встречает в метро двойников Маги, вздрагивает и пугается, а когда берет газету, то уже не может сосредоточиться на чтении или на фотографиях, наманикюренным пальчиком чертит пути к отступлению, к выходу из тупика. Но газетный лист каждый раз заканчивался, а выхода из кризиса не находилось. Присутствие ангелов на Шуховой башне, которым она мысленно рассказывала про Магу, тоже не приносит облегчения.

— Я все время чувствую себя эпизодическим лицом. Если бы я снималась в фильме «Десять негрятят», меня бы убили первой, — говорила она Фоске, приходя в сознание. — Лучше бы меня убили первой, да.

Возражения не принимаются: самоуничтожение приносит облегчение: только оно объясняет, почему больше не будет ни Маги, ни счастья.

— Я самый обычный человек с обычной, незапоминающейся внешностью, — твердит она как заведенная, — на улице никто и никогда не пристает ко мне с предложениями о знакомстве, а если я ловлю на себе чужие взгляды, то начинаю проверять — все ли пуговицы застегнуты правильно. Раньше проверяла... Пока молодая была... Сейчас другое: привыкла к тому, какая я, что выросло, то выросло.

— Зато у тебя всегда спрашивают, как пройти на Вторую Шарикоподшипниковскую улицу, — отвечает ей Фоска. — Я столько раз видела... Именно к тебе подходят. Внушаешь доверие. Когда я еду в метро, рядом со мной садятся в самую последнюю очередь. Ты знаешь, весь вагон уже заполнился, а рядом со мной зияет одно место. Как вырванный зуб. И никто не садится до последнего. Кстати, ты знаешь, мой дилер не ест мяса, — пытается она переменить тему, — кислоту жрет тоннами, как конь, а вот мясо есть напрочь отказывается. Как я его ни уговариваю, ну ни в какую...

XVII

Фоска любит Нодельму, помогает ей, как может, хотя, если честно, Фоске нравится это податливое состояние Нодельмы, спищей красавицы, не зависящей от реальности. Именно это позволяет Фоске пускаться на авантюры, имеющие самые непредсказуемые последствия. Какими они будут, Фоска не знает, боится их, томится ими, отлично понимая, что неопределенность придает ее затертой жизни новый вкус.

В четверг Фоска ведет Нодельму на съемки видеоклипа — художникам нужна массовка. Фоска думает, что мероприятие будет интересным Нодельме, потому что оно интересно самой Фоске. Молодые экстремалы-художники едут покорять Венецианское биеннале, для чего засовывают к себе в штаны горящие петарды.

Фоска приглашает в мастерскую, оказавшуюся тесно заставленной квартирой в одной из крайних многоэтажек. Съемками руководит шумный и лысый художник. Он заставляет всех пришедших надеть маски с лицами известных людей. Принцесса Диана, Мадонна, Буш-младший и Буш-старший, президент Путин, конечно же. Фоске достается маска Гарри Поттера, а Нодельме пытаются вручить маску Моника Левински. Неожиданно для всех Нодельма начинает отказываться, а потом, расплакавшись, убегает. Фоска в недоумении — в руках у нее маска Бен Ладена, и ее усаживают под палящие лампы, зажигая вокруг петарды и благовония. Фоска хочет побежать за подругой, но отчего-то остается. Снова Нодельма идет домой одна, маски сорваны, и притворяться более не нужно: в ее мире не было и нет ни одного человека.

XVIII

Может быть, и Маги никогда не было? Может быть, она его просто придумала? Письма, расстояния, пять минут счастья — и долгая дорога в полном одиночестве, которое она приняла за любовь. Теперь уже и не разобраться, что к чему. «Как все запущено», — говорят врачи в таком случае. Ну уж нет, думает Нодельма и поводит плечами, как это Маги не было? Был, есть и будет — в памяти, в снах, где грустный он оставил след, на фотографиях, присланных из Америки.

Придя домой, она решается подойти к его вещам, открывает небольшую картонную коробку, лежащую на самом верху. Она сверху донизу заполнена упаковками мятных пластинок «Сминт», что приятно тают на языке. Мага несколько раз спрашивал ее в письмах, продают ли подобные штучки в России, и, когда она написала, что не продают, он решил запастись ими, ну хотя бы на некоторое время. Очень уж к ним привык: в жиз-

ни существует масса простых и незамысловатых вещиц, к которым привязываешься совершенно незаметно. Немудрено, что Мага подсел на мятную слюду, ведь если по сути, то пустячок, а тем не менее как приятно!

С тех пор Нодельма постоянно таскает с собой коробочку с мятными пустяками. В день уходит несколько упаковок, и вскоре именно этот вкус намертво связывается в ее сознании с вкусом подлинной жизни. Каждый раз, когда она засовывает мятную пленочку в рот, ей начинает казаться, что все еще наладится, что все еще будет хорошо. Она долго пользовалась этой картонной коробкой, не особенно интересуясь другими вещами Маги. «Сминт» закончился, когда она уже работала в «Платоне & Со», как раз перед самым появлением Кня. Впрочем, вряд ли два этих события как-то между собой связаны.

Глава пятая

ПИВНОЕ МОРОЖЕНОЕ

I

Кня пишет Китупу о корпоративных девушках. Они все время о девушках переписываются. Типологию выводят. Китуп любит «тартуских студенток», это такие трогательные, немного отрешенные создания, которые за толстыми лупами очков прячут тоску по мировой культуре. Никакой бытовухи, один чистый дух и голая сексуальность вперемешку с цитатами из Батая и Барта.

В ответ Кня описывает московских интеллектуалок, любительниц умного кино и постоянных посетительниц галереи Гельмана, стайками порхающих из клуба в кофейню и обратно. Нервные, депрессивные, с подавленной сексуальностью и цитатами из Батая и Барта, куда ж без них?! Толстые стекла очков обязательны, зато в комплекте пара европейских языков и квартира где-нибудь на Домодедовской (три остановки на автобусе до метро).

Последнее открытие Кня — новый биологический вид: «девушки корпоративные», весьма холеные, ухоженные, но холодные внутри, будто бы всегда немного простуженные. Они легко и изящно флиртуют, но не позволяют зайти дальше того, что диктует им кодекс корпоративной культуры. Впрочем, практически у каждой из них есть дома маленький ребенок или инфантильный возлюбленный, которого время от времени нужно вывозить в Грецию или на Канары.

II

Нодельма смеется над этим письмом, посылая копию Фоске. Некоторое время назад они практически перестали общаться, словно бы отрезало, вдруг показались неинтересными все эти походы по «Мухам» да «Культам», квартирным концертам и клубным вечеринкам. Нодельме неловко перед подругой, поддержавшей ее в трудное время, когда казалось, что жизнь закончилась, что более уже ничего не будет, не случится. Поэтому иногда она посылает Фоске пустые письма с гороскопами или смешными ссылками. Та отвечает неизменно вежливо и отстраненно, видимо страдает.

Вот и сейчас, буквально через несколько минут, Фоска присылает ей ссылку на ленту новостей, сообщающую о том, что начали выпускать новый сорт мороженого, с пивным вкусом. Нодельма кусает ногу на мизинце: что Фоска хочет этим сказать? Может быть, ей тоже неловко?

Последний раз Фоска возникла недели две назад. Закатилась к простуженной Нодельме с красным вином, затеяла варить глинтвейн, полетала по квартире как птичка, щебетала по-французски и по-итальянски, не-

ожиданно проявив повышенное внимание к вещам Маги. Один раз спросила, второй, попыталась залезть в одну из коробок, получила по рукам, упорхнула на кухню, а потом, когда Нодельма задержалась на какое-то время в ванной, снова попыталась проникнуть в эти самые коробки. Любопытство, говорят, не порок, но большое свинство.

III

Поначалу Нодельма не придавала этому любопытству значения, но Фоска проявила странную настойчивость. Через пару дней она придумала ситуацию, при которой попросила у Нодельмы ключи от квартиры — привезти ей какие-то покупки. Мол, сюрприз и все такое, «только не спрашивай меня ни о чем». И в самом деле, когда Нодельма приехала домой после работы, то увидела, что вся ее комната засыпана цветами. Тонкие, словно спящие ирисы стояли в вазе на столе и в вазе на подоконнике, на книжных полках и на телевизоре, они были небрежно разбросаны на кровати и на ночном столике.

Нодельма смутилась (*а что скажет мама?!*), попыталась позвонить Фоске на мобильный, но та оказалась вне пределов досягаемости. На работе ее не было тоже. Правда, потом, чуть позже, на ее корпоративный «Siemens» пришло от Фоски sms-сообщение: «segodnja 20 4islo, ubilei nashego s toboi znakomstva. Pozdravljaul!» Нодельма смутилась еще больше, когда нашла ключи от квартиры повешенными на новый брелок, золотое сердце, в которое были вплавлены маленькие бриллианты.

Действительно трогательно! Тем более, что, увлеченная охотой на Кня, Нодельма никогда бы и не вспомнила о столь знаменательной дате. Честно говоря, она никогда и не знала, что они познакомились с Фоской именно 20 числа какого-то там месяца. Черт, даже и не вспомнишь теперь какого.

IV

Фоска очень любит цветы, хрупкие, трепетные, быстро увядающие. Нодельма понимает, что с их помощью Фоска попытается рассказать о том, что чувствует, о том, как боится потерять подругу, о том, насколько коротка жизнь, когда каждый день может оказаться последним. Слаб человек, Нодельма и сама хорошо знает это, пожимает плечами и снова набирает номер Фоски. Глухо. Пусто. «Абонент временно недоступен».

Ирония заключается в том, что Нодельма никогда более не увидит Фоску. Ирисы действительно помогли им проститься, оказавшись погребальным венком странным и им самим совершенно непонятным отношениям. Отложив телефонную трубку, Нодельма оглядывается по сторонам. Она замечает, что, раскидав по комнате десятки цветов, Фоска словно бы решает заполнить ими все пространство, намекая на то, что у нее это не получилось.

Для этого она сдвигает пыльные американские причиндалы в угол, перегруппировав их, особенно трогательно усыпав цветами. Как в голливудских фильмах, где маньяки обязательно сооружают в темных подвалах алтари своим любимым. Нодельма улыбается, выключает свет, зажигает свечи. В полумгле ирисы выглядят таинственными, но не тревожными. Нодельма же еще не знает, чем все это закончится.

V

С тех пор проходит неделя, Фоска отсиживается по клубам, шлет нелогичные sms-сообщения, исправно отвечает на письма. Но, смутившись безумного цветочного порыва, прячется и не подходит к телефону. Дома застать ее невозможно. Да Нодельма не очень-то и старается: она увлече-

на изучением Кня, ей все больше и больше кажется, что вскоре ситуация должна выйти на новый уровень, разрешиться. Когда она думает об этом, сердце начинает учащенно биться, словно бы цепляясь за грудную клетку и пытаясь не упасть куда-то в живот. В низ живота.

VI

Судя по нервным письмам, Кня пребывает в легкой панике: совет директоров (и лично Платон Олегович) зарубил два его основополагающих проекта, над которыми он работал все последнее время. И на которые ставил как на главные козыри. Файлами с вариантами этих программ у него забит весь рабочий стол.

А тут еще мама неожиданно собралась на какое-то богомолье в Оптиную пустынь, и Нодельма вздрагивает от одной мысли о том, что несколько дней ей придется провести в одиночестве. До Фоски ли ей теперь?

VII. VIII. IX. X. XI. XII

XIII

Дома тихо и темно. Тикают часы, на кухне бормочет радио. Нодельма разувается, ей нехорошо, неудобно. Нодельма подозрительно озирается по сторонам, ей начинает казаться, что опасность таится в углах. Медленно она обходит всю квартиру, везде включая свет и осматривая закоулки. Мамина комната, ее комната, кухня. Ванная (в нее войти особенно страшно). Туалет. Антресоли.

Нодельма успокаивается только после того, как раскрывает все шкафы, заглядывает под все кровати и проверяет, закрыт ли балкон (за окном на лестке качается весна). Затем она возвращается к входной двери, закрывается на цепочку и на все замки, смотрит в дверной глазок (на площадке пусто).

Нодельма забывает переодеться, ходит из угла в угол, не находя места, заглядывает в холодильник, включает телевизор на полную громкость. Мимо: сердце стучит, как ходики на кухне. Нодельме кажется, что в ее вещах ковырялись, она обращает внимание на то, что коробки со скарбом Маги стоят не на месте. Не в силах справиться со страхами, она ложится на кровать и неожиданно для себя засыпает.

XIV

Нодельма видит сон. Нодельма видит Магу. Мага упаковывает вещи. Складывает одежду и разные штуки в коробки, комбинирует их так, чтобы побольше вошло. Особенно хлопочет он над одной из них, которой не может найти удобного и безопасного места. И так положит, и эдак. В одну, в другую.

Нодельма просыпается. Нодельма подходит к вещам, которые так долго и так тщательно укладывал Мага. Нодельма видит то, чего не замечала раньше: никакого скотча на коробках нет. Они открыты. В них действительно кто-то забирался.

Нодельме кажется, что она просыпается от зубной боли. На самом деле это телефонный звонок. В такую-то рань... может, мама из Оптиной пустыни? Нодельма тянет руку к телефонному аппарату, не открывая глаз, подносит трубку к голове.

— Алло...

— Доброе утро, а могу я услышать Магу? — спрашивает мужской голос, который кажется Нодельме знакомым. Только спросонья она никак не может его узнать. И от этого просыпается окончательно.

XV

В ее руках — телефонная трубка. В трубке тишина и шуршит космос. Нодельма понимает, что ранний звонок ей не приснился. Сдавленным голосом она спрашивает:

— Простите, а кто его спрашивает?

В трубке молчат. Возможно, уже и не надеясь на продолжение разговора. Нодельме кажется, что прошла вечность. Возможно, всего пара секунд. Неожиданно в трубке раздается ответ:

— Друг.

Теперь наступает очередь замолчать Нодельме. Она не знает, что ответить. Она не знает, как сформулировать в одной фразе (почему обязательно в одной?) то, что произошло. И не находит ничего удачнее, чем просто констатировать:

— Маги нет. — Что, в сущности, является полной правдой.

— Простите, — ничуть не удивляется вежливый и знакомый голос, — а не подскажите, когда он будет?

XVI

— Вот уж не знаю, плакать или смеяться, но Мага умер. — Нодельма продолжает разговор совершенно бесцветным голосом.

— А когда? — после паузы... Кажется, голос на той стороне ничем не удивить.

— Около года назад. — Тут Нодельма вспоминает о своих интересах: — А зачем он вам?

— Слушайте, я так долго его ищу, — говорят ей несколько разочарованно. — Столько ищу...

— Я понимаю, — смягчается Нодельма, — но ничем не могу вам помочь...

— А скажите хотя бы, как он умер?

— Попал под грузовик. Пошел за пиццей...

— Не может быть. — Трубка зашуршала, точно выпала из рук говорившего.

— Может. Может. — Нодельме становится совсем грустно. — Скажите хотя бы, как вас зовут?

— Какое теперь это имеет значение... Извините, мне что-то не по себе. Я потом... перезвоню...

— Конечно, конечно, — начинает говорить вежливая девушка Нодельма, когда трубка стреляет ей в ухо россыпью коротких гудков.

Положив ее на рычажки, Нодельма с глубоким вздохом встает и начинает собираться на работу.

XVII

Когда она заходит в офисный лифт, в нем уже находится грузный грузин Лиховид — на минус первом этаже расположен служебный гараж, черт. Нодельма сжимается в углу, спинным мозгом чувствуя, как Лиховид ощущает ее фигуру глазами.

— А, это ты... — Лиховид шумно втягивает ноздрями воздух. — Гордая юная девица... Ну-ну...

Неожиданно тон его меняется:

— Слушай, красавица, может быть, нам сходить сегодня с тобой в ресторан, а? Представь, если я сделаю тебя начальником отдела. Ты, кстати, в каком отделе прозябаешь?

Нодельма сжимается еще сильнее.

— Ты не подумай, я не развратник, — тоном, полным интимной грусти, продолжает Лиховид. — Для меня превыше всего интересы бизнеса. Просто я знаю, каким образом ты можешь принести компании большую пользу. Мне тут кое-что рассказали... И я понял: за такие заслуги перед отечеством ты вполне заслуживаешь стать начальником отдела. Платон, конечно, будет против, он же не любит женщин на руководящих постах, но если ты мне поможешь, я его уговорю...

Четвертый-пятый этаж, кажется, этот подъем длится вечно. Нодельма мысленно клянется, что отныне будет подниматься на тринадцатый этаж только по лестнице.

XVIII

— Ты думаешь, мне мало своих девок? — Лиховид начинает терять терпение, переходя на громкий, страшный шепот. — Ты думаешь, мне интересно тебя трахнуть?

Нодельма чувствует нехватку воздуха.

— Мне надо одну вещь, которая есть у тебя, которая осталась у тебя после твоего друга, ты, конечно, понимаешь, о чем я?!

Тут кабина останавливается, двери медленно расходятся в стороны, Нодельма выбегает из лифта (мгновенный взгляд в зеркало), торопится к двери на этаж, но, пока возится с магнитным пропуском, Лиховид успевает ее нагнать.

— Но ты подумай, подумай! — кричит он ей вслед, и Нодельма зачем-то кивает ему, словно Лиховид в состоянии проследить за ее эмоциями.

Нодельма успокоится, только включив компьютер и погрузившись в чтение новых писем, которые Кня накропал вечером, оставшись в офисе после работы. Врачу-реаниматологу он пишет про принцип win-win: «...*Это когда в выигрыше оказываются все заинтересованные стороны, а не только сильнейший. Ты меньше получаешь в краткосрочной перспективе, но потом всегда выигрываешь в дальнейшем. И значительно больше, чем опираясь лишь на свои силы*».

XIX

Со шведской госпожой Людковски Кня решает пооткровенничать о чувствах: *«Часто мы принимаем за любовь страх остаться в одиночестве. Мы цепляемся за человека, который кажется нам важным и судьбоносным, потому что не видим альтернативы. Мы „любим“ до тех пор, пока на нашем горизонте не появляется какая-нибудь новая юбка, с которой мы начинаем проводить все свое свободное время, именно она теперь съедает наше одиночество с новой силой. Человек никогда не будет чувствовать себя одиноким, если у него есть несколько вариантов. Любить можно только в ситуации, когда выбор невозможен...»*

Вдруг мысль в ее уме родилась. Оказавшись дома, Нодельма первым делом кидается к коробкам Маги. Со стороны это похоже на истерику, но Нодельма действует хладнокровно, ей надоедают тайны и загадки. В конце концов, прошло достаточно времени для того, чтобы попытаться разобратся с этим пыльным кенотафом.

В коробках аккуратно разложены вещи, за время, прошедшее с их последнего перемещения в пространстве, они слежались, пропитавшись своим автономным запахом. Нодельма боится приступов тоски или ностальгии, однако ничего подобного не случается, вещи оказываются мертвее бывшего хозяина, мертвее чувств, которые Нодельма когда-то испытывала к нему.

XX

На дне одной из коробок Нодельма находит пачку дискет. На них нет никаких опознавательных знаков, просто черные дискеты непонятного содержания. Одну из них Нодельма тут же вставляет в компьютер, который показывает наличие на дискете вирусов. Нодельме кажется, что ее компьютер выплевывает чужеродный кусок черного пластика, и тогда она вставляет другую дискету. То же самое. Пыл проходит, из разочарования рождается усталость.

Утром, переварив очередную порцию откровений Кня (*«Не кантовать! То есть осторожнее обращаться с Кантом, его влияние губительнее, чем кокаин...»*), рассказывающего Китупу об идее очередного художественного проекта (фотографии мертвых бездомных собак, в роли которых можно снимать собак живых, но спящих), Нодельма заталкивает одну из дискет в корпоративный компьютер, и что же она там видит? Коллекцию изысканно гнусной порнографии — маленькие дети, младенчики ведь почти, застывшие в таких чудовищно похотливых позах, что хоть святых выноси!

О мертвых или хорошо, или ничего... Время, прошедшее со дня гибели Маги, словно бы выветривает истинное содержание фотофайлов, оставляя хрупкие (дунь — и рассыпятся) изображения.

XXI

Раньше Нодельма упала бы в обморок от такого молчаливого безобразия. Сейчас, после всего того, что ей преподнес и продолжает преподносить Кня (на последней неделе он трижды наведывался на сайты педофильского содержания), Нодельма, кажется, уже ко всему привыкла. Уже ничему не удивляется.

И это ее чистый и целомудренный Мага, мученик науки, высококолыбий, сосредоточенный очкарик... Правильно Фоска (интересно, куда это она запропала?) говорит, что в тихом омуте такие черти водятся, что выпрыгнут — не поймаешь...

Впрочем, сказать, что Кня перестал ее удивлять, было бы неверно. Буквально в тот же день очередными своими почеркушками Кня поразил ее до глубины души. Как всегда, во время обеденного перерыва она влезла на его yandex-ящик, чтобы поживиться вновь отправленными сообщениями. В письме врачу-реаниматологу из Кемерово ничто не предвещало удивительных открытий. Кня напоминал знакомцу, что он все-таки художник, и в красках расписывал свою акцию, проведенную однажды в метро.

XXII

Загнанный в депо, поезд под завязку, под самый потолок, заполняется воздушными шариками с газом с самыми разными запахами (далее следует долгое объяснение технической стороны дела — как шарики надувались через протянутые сквозь окна соломинки etc.). Потом состав подается на станцию, и потенциальные пассажиры видят в окнах пробегающего поезда разноцветное чудо. На одной из центральных и особенно оживленных станций состав, подошедший к перрону, распаивает двери, и оттуда веселой гурьбой, смешиваясь со смурным народом, начинает сыпаться-высыпаться вся эта разноцветная радость.

Кня очень гордится этой своей акцией, а далее пишет в Кемерово, что его новая акция, связанная с коллекцией педофильских фотографий, которые его напарник несколько лет выуживал из Интернета, сорвалась *«по причине неявки напарника на этот свет»*.

XXIII

И тогда Нодельма решается на то, на что она долгое время никак не может решиться. Она берет дискету, вытаскивает ее из корпоративного компа и идет в кабинет Кня. Благо путь недолгий: два поворота по коридору, первая дверь направо.

Главное — не останавливаться, не задумываться, не сдерживать себя, иначе ничего не выйдет, ничего не получится, порыв прогорит, исчерпается, будешь снова ходить вокруг да около; великая вещь — *повод*, не его ли Нодельма так долго искала, так тщательно ждала?!

И все-таки перед дверью кабинета Кня она на мгновение замирает, изучая обстановку. Коридор пуст, ни одного свидетеля, работники тринадцатого этажа еще не вернулись с обеда. Тут ей приходит мысль о том, что Кня тоже может отсутствовать, и тогда все ее планы полетят в тартарары. *Ну, значит, так тому и быть*, бормочет она себе под нос и стучит в дверь. Громко. Отчетливо. Три раза.

XXIV

Кня оказывается на месте. Он ест салат из пластиковой коробочки, тщательно пережевывает пищу. Взгляд его, несколько испуганный, через мгновение приходит в непроницаемую норму, нет, это не начальство, хотя все равно неприятно. Он смотрит на Нодельму.

— Тебе это надо? — Неожиданно для себя она переходит на ты, словно бы чувствует, что имеет право, нарушая при этом сразу несколько пунктов корпоративного устава.

Кня молча пожимает плечами, продолжая пережевывать еду. Он ничему не удивляется, раз на ты, значит, так и надо. Он вытирает руки бумажной салфеткой, проглатывает еду, тянется за протянутой дискетой. Нодельма делает шаг вперед, она слышит запах его парфюма, ей становится холодно и жарко одновременно.

Кня вставляет дискету в корпоративный ноутбук, и дискета щелкает в приемнике как ключ, щелк — и ты в дамках.

— Надо, — сдержанно отвечает Кня. — Откуда у тебя это?

XXV

— Так, дома лежала. — Нодельма чувствует, что кокетничает (пытается кокетничать), и кровь приливает к ее лицу. Холод из ее тела уходит, остается только тепло, я бы даже сказал, жар.

— Долго? — почему-то нелогично спрашивает Кня.

— Год, что ли... — будто бы размышляя или вспоминая, говорит Нодельма, хотя все даты, связанные с Магой, помнит наизусть. Но решает, что так будет правильнее. *Правильнее, что ли...*

— Ну-ну, — говорит, а точнее, думает Кня, а Нодельма стоит рядом и смотрит в окно. Сквозь полураздвинутые жалюзи она видит простуженное московское небо, стальные облезлые крыши, Шухову башню вдалеке, ангелов на ней, ей хочется бежать, усилием немой воли она приколачивает себя к полу.

Кня молчит, погруженный в княжеские думки, Нодельма переминается с ноги на ногу, хоть бы сесть предложил, Нодельма смотрит на складки его кожаного кресла. Хотя, с другой стороны, если он предложит ей сесть, завяжется беседа. А ей пока сказать ему нечего. И она поворачивается к двери, молча выходит.

XXVI

А дома мама, шумная, веселая, словно бы пару десятков лет скинувшая, Нодельма давно не видела ее такой бодрой, деловой, энергичной. По всей квартире — запахи готовящейся еды, верхний свет, телевизор работает во всю мощь, передавая новости из осажденного Багдада («в Багдаде все спокойно...»), Нодельме на мгновение кажется, что сейчас лето, все окна раскрыты и пахнет свежей зеленью. В смысле свежескошенной травой или какой-нибудь сиренью.

Мама кружит вокруг нее пчелкой, приговаривая всяческие поговорки, только не танцует. Нодельме дико видеть ее такой *распоясавшейся*, откуда что берется, куда что девалось-то?! *Мама, мама, да что же такое с вами произошло?* — думает Нодельма, пребывая в нешуточном смятении. А мама не торопится объяснить перемены, порхает по квартире, как школьница, получившая пятерочку.

В этот самый момент начинает вибрировать сотовый телефон, крутанул пару раз пластмассовым боком и замолк: sms. Нодельма удивляется еще больше, обычно ей не звонят, не пишут.

XXVII

Сообщение, оказывается, приходит от Фоски, Нодельма радостно и шумно втягивает ноздрями воздух, предвкушая замирение, однако, раскрывшись, sms повергает ее в шок.

Milaja podruga, ja rechila uiti iz zhizni, ne pominai menja lihom, esli 4to, prosti i postaraisja poskoree zabit'. K tomu vremeni, kak ti pro4itaesh eto pismo, menja uzhe ne budet. Nikakogo rafosa, prihodi ko mne s moimi lubimimi chvetami — irisami... Без подписи, только номер телефона, зафиксированный на табло, говорит, что это письмо действительно от Фоски.

Впрочем, после похорон всплывут странные подробности, Нодельму даже вызовут в милицию как свидетельницу, будут расспрашивать. Выяснится, что sms пришло к Нодельме через несколько дней после смерти Фоски, что послано оно было не подругой, на теле которой найдены следы насильственной смерти. Видимо, Фоска впуталась в странную, страшную историю, какие-то полукриминальные люди, какие-то научные исследования... Впрочем, расследование вскоре зайдет в тупик, так ничего и не раскрыв.

XXVIII

А пока ласковая мама склоняется над рыдающей Нодельмой, сотовый телефон выскальзывает из рук, гулко ударяется о шахматные клетки линолеума. Мама пытается утешить дочь, размазывающую некрасивые слезы по некрасивому лицу.

— Слушай, дочка, а я с таким хорошим человеком на молитве познакомилась. Лицом пригож, душой светел, богат, как князь, — на такой машине приехал... Холост, между прочим... Я как увидела... его и всю его свиту... Он и меня на обратном пути подвез... Я ему про тебя рассказала... так он тобой заинтересовался, молодой и благочестивый...

Нодельма слушает и не слышит, в висках бьет хвостом красная рыбка, как раз от виска до виска, и слезы вскипают на лице и падают вниз, словно пузырьки кислорода в минеральной воде, из минеральной воды и к горлу подступает алая немота, хочется задохнуться, а пузырьки все падают и падают.

XXIX

Куда пойти? Куда податься? *Какое томное волнение...* Нодельма не знает, где искать Фоску, точнее, то, что от нее осталось. Она же еще не знает, что Фоску убили, она всерьез думает про самоубийство. И, разумеется, винит во всем произошедшем себя, бесчувственность свою, невнимательность. Черствость. Фоска столько раз намекала, что, кроме Нодельмы, ей ничего, никого в этой жизни не надо, Нодельма лишь отмахивалась: очередное бла-бла-бла. А оно вот как повернулось.

А тут еще Кня зашел к ним в отдел будто случайно или искал кого, а сам коршуном кинулся к ее столу, спросил взволнованно:

— А у тебя еще нет?

— Извращенец, — гордо кидает ему Нодельма и вытаскивает из ящика еще пару дискет. Она постепенно все посмотрела. Картинки с детьми только на половине из них. Другую половину дискет занимают какие-то математические формулы.

— Да нет, ты же не поняла... Мне для выставки надо, — смутился он, как будто бы она обязана знать всю его подноготную. Его счастье, что она действительно в курсе всех его дел. Так уж получилось. Впрочем, долго объяснять. Хотя, ну, вы же уже в курсе.

Короче, она выдает ему все свои педофильские запасы, совершенно не представляя, какое впечатление производит на Кня и что он там себе думает. Ее отныне только печальная судьба Фоски занимает — до такой степени, что в один из вечеров они со Светланкой напиваются на пару. Прямо на рабочем месте, нарушая все правила корпоративной этики.

XXX

Их едва Лиховид не накрыл и, если бы сам не оказался изрядно пьяным, выгнал бы без выходного пособия. Между прочим, вполне законный и понятный общественности повод расправиться с гордой юной девицей, отказавшей хозяину в лифте. Указательный палец его едва не упирается Нодельме в лоб. Светланка от страха даже приседает, Нодельме кажется, что Светланка описалась, и ее начинает разбирать истеричный смех.

Лиховид понимает выброс эмоций по-своему, как изощренное издевательство, как свидетельство силы, которую невозможно побороть, и тут же сдувается, переходит на шепот, отчего акцент его только усиливается.

— Я знаю, знаю, они есть у тебя, — узнает он Нодельму. — Только ты, только ты и можешь нам помочь. Нам, ну, в смысле — компании, всем нам, сотрудникам то есть...

Нодельма кивает и с хохотом скрывается в женском туалете. Вслед за ней семенит обессилевшая Светланка.

— О чем это он? Я не поняла? Что он от тебя хочет?

— Изнасиловать, — глядя на себя в корпоративное зеркало, выдавливает Нодельма, и Светланка пьяно кивает, эта причина ей понятна.

XXXI

А потом они хоронят Фоску, на похороны (маленькое кладбище в предместьях столицы) собираются одни женщины, разных возрастов, разного происхождения, ни одного мужчины или парня, идут за гробом, стоят возле могилы... Нодельма приходит с большим букетом ирисов. *Лишь смертной бледностью покрылось ее печальное лицо.* Еще холодно, но скоро мир станет шадяще уютным, еще чуть-чуть терпения, и настанет *пора тепла, цветов, работ, пора гуляний вдохновенных...* Ну-ну. Потом выяснится, что похороны записывались на видео в качестве следственного мероприя-

тия, половина пришедших окажется подсадными утками. Всех прочих «расшифруют» и пригласят для дачи показаний.

Зато мама не оставит своей надежды свести Нодельму с хорошим человеком. В субботу он придет в гости, познакомиться с милой и одинокой девушкой, чья фотография из маминого портмоне вызвала у него шквал эмоций. Обо всем этом Нодельма узнает в пятницу вечером, накануне традиционного дня молчания.

— Ну что вы, мама, а перенести нельзя? Вы же знаете, что по субботам я не могу...

— Ах, доченька, что за блажь! Кончай эту свою тряхомундию, что ты этим хочешь добиться? Да, и очень мило, что ты наконец освободила комнату от старого хлама, выкинула все эти ненужные коробки. Я даже не знаю, зачем они тут были... и что в них...

— Наркотики, мама... — У нее больше нет сил говорить.

XXXII. XXXIII. XXXIV

XXXV

Нодельма думает о смерти, Нодельма пытается разобраться в формулах, оставшихся от Маги. Все они на одно лицо, стройные ряды цифр. Нодельма вспоминает о странном поведении Фоски перед последним исчезновением. Как будто что-то выведать хотела... Все знакомые и незнакомые люди оказываются внезапно вовлеченными в хоровод странных событий с отсутствующим центром тайны. Нодельма понимает, что в одиночку она не в состоянии разгадать этот ребус. Однако вряд ли кто-то сможет ей помочь, оказать поддержку. Она совершенно не знает, к кому обратиться, может быть, к Кня?

Но как она откроется ему, как расскажет без запинки, без умолчаний о том, что происходит всю эту зиму, всю эту весну? С другой стороны, признаться Кня во всем — это ведь весьма затейливый способ обратить на себя внимание. Только непонятно, как вся эта правда на него подействует. Вдруг испугает и окончательно оттолкнет.

Но он же не трус, спорит с неизвестным собеседником Нодельма (собеседник этот все четче и четче обретает черты Фоски), а если трус, то на черта мне такой трусливый мужик? И тут она понимает, что ей совершенно все равно, какой он, этот Кня, трус или не очень, жадина или щедрый малый, главное, что он есть. То есть он есть — и это главное. Потому что многие женщины придумывают любовь из-за одиночества, только чтобы не остаться одной.

XXXVI

Мама весело хлопочет на кухне, лезет в шкаф, где пылится и крепчает с незапамятных времен *наливок целый строй*, фарширует рыбу, Нодельма давно не видела ее такой — разгоряченной, розовощекой.

Сегодня должен прийти ее новый знакомец, прийти познакомиться с Нодельмой, мать постоянно рассказывает о том, как он запал на фотографию, как отсканировал ее, ну мама, ну сколько можно... Ан нет, старую не остановить, как будто бы это она закадрила принца на белом коне, для себя постаралась. Как для себя.

Нужно будет обязательно в понедельник поговорить с Кня, Нодельма еще не знает, как это сделать, но не произнесенные еще слова крепнут в ней, наливаются силой, объемом, суббота, и она молчит, потому что в суб-

боту положено молчать, но в понедельник... скорее бы попасть в непроницаемую чистоту офиса, постучать в заветную дверь. Или пан, или пропал, или пан, пан, конечно... Панночка...

XXXVII

Мама готовит на кухне, Нодельма готовится к встрече, но не с новым знакомцем, а с Кня, потому что мамины планы ее не касаются, все это бред, она уйдет, выйдет подышать, прогуляется до Нескучного сада и обратно, потому что в Нескучный сад она больше не ходит, боится ходить. Вот и в газетах пишут, что в Москве объявился маньяк. Правда, на севере города, и душит он только блондинок, тем не менее нужно быть осторожной.

Гость рушит все ее планы, появляется внезапно, дверной звонок разрушает тишину квартиры, он появляется широким силуэтом, с цветами, с громкими словами, перегораживает собой узкий коридор, дорогу к отступлению, шумно снимает дубленку, скрипит дорожными ботинками, мама возмущенно стучит Нодельме в дверь, та выходит.

Их представляют друг другу. Нодельма стесняется поднять на гостя глаза, ей неловко, ей почти дурно, она даже не слышит, как его зовут. Тоже мне «Сватовство майора», интересно, есть ли у него усы, Нодельма наконец поднимает глаза.

XXXVIII

Не молодой, не старый, *зрелый*, темные аккуратно подстриженные волосы с проседью, вихрастая челка, как у школьника, странный узкий нос, тонкая, едва заметная верхняя губа, острый подбородок, уши торчком. Нодельма добирается и до глаз — длинные ресницы, пронзительный, острый взгляд, в нем веселые чертики пляшут, самоуверенный такой, можно сказать, гордый. Отдаленно похожий на кого-то из телевизора. Из телевизора, должно быть. Но уж точно — не постный, как ей раньше казалось. Вполне современный. Бизнесмен, говорите? Какие интересные люди случаются на богомолье, думает Нодельма, вот где жениха надо искать, смеется она про себя, чтобы перебить неловкость (или из-за неловкости и смеется), вот ей и нашли. Жениха. В самом деле смешно.

Они идут на кухню, мама изображает непринужденность (лучше бы она этого не делала), гость не отстает от мамы, впрочем, играя свою роль более органично. Не то чтобы Нодельма сразу же проникается к нему симпатией, просто... просто могло быть и хуже. Хотя им же не детей крестить. С другой стороны, от хорошей, что ли, жизни приперся он сюда, к двум одиноким, незаметно живущим женщинам?

Нодельма пытается сбежать, проскальзывает в коридор, начинает надевать обувь, но ее вовремя обнаруживают, под белые рученьки ведут за стол, где вышитая скатерть и дымящиеся пироги, и варенье, и приправы, и много еще чего, Нодельма даже не верит, что ее мама вот так, внезапно, из ничего, способна создать такое изобилие.

XXXIX

За столом она молчит, молча передает приборы, соль. Мама что-то говорит о субботнем послушании, и к Нодельме более не пристают. Гость солирует, он любит поговорить, да, у него бизнес, достаточно хлопотливый, потому как с иностранцами, много времени занимающий, да, он много где был и чего видел, а то, что один, так вдовец, а дела не позволяют заниматься устройством личной жизни с присущей ему (как бишь там его зовут-то, пытается вспомнить Нодельма, морщит лоб) основательностью.

А сам не сводит глаз с Нодельмы, буравит ее, словно внутрь заглянуть хочет. Душеполезный! Он же у нас такой скромный, акула империализма, счастливо пережившая период дикого капитализма и первоначального накопления капитала. Нодельму не проведешь!

XL

Мысленно она отчуждается от гостя, хотя еще минуту назад готова была увлечься его красивыми и логичными рассуждениями. Интересно, думает Нодельма, сколько же он будет тут у нас торчать? Но гость не заставляет себя долго ждать, для первого раза достаточно и часа, который пролетает, как какая-нибудь политинформация. Или урок мира.

И вот уже гость откланивается и, расхвалив угощение, начинает собираться, и мизансцена перемещается в прихожую. Накинув легкую дубленку, гость предлагает Нодельме встретиться завтра, пойти куда-нибудь, например в Большой театр или в любой, на выбор, ресторан, а можно и туда, и туда, они же никуда не торопятся, перед ними весь мир и все такое... Или просто поехать в Барвиху, там у гостя есть загородный дом.

Нодельме сложно объяснить без слов, лучше согласиться кивком головы и не прийти, так она и сделает. Нодельма кивает, и тогда гость протягивает ей руку с золотыми часами на запястьи (Нодельма смотрит на них как замороженная, чтобы не смотреть гостю в глаза).

— До свидания, Инна, — говорит гость.

— Нодельма, — неожиданно для себя отвечает Нодельма, нарушая завет субботнего молчания. И сама пугается своего тихого голоса, невнятно произнесенного имени.

— До свидания, Нодельма, — без всякого удивления говорит гость и изящно поворачивается, чтобы уйти. Ну и уходит.

XLI. XLII

Нодельма чувствует себя уставшей, напряжение, державшее ее внутреннюю форму, пока тут был гость, ослабевает, Нодельма буквально падает на кровать, застывая в позе кровати. Она обнимает подушку руками, смотрит в потолок и не видит потолка. Оказывается, она сильно устала, очень сильно. А что бы случилось, если бы Нодельма окончательно нарушила свое послушание и заговорила бы?

Нодельма ничего не предчувствует, подобные знакомства обречены на неудачу, еще не хватало выбирать себе пару с помощью родителей, у нас, слава богу, не каменный век. И уже даже не двадцатый. Но что-то мешает Нодельме чувствовать себя так, как раньше, некая заноза, новый, еще не оформившийся внутри души росток.

Нодельма поворачивается с боку на бок, словно пытается освободиться от неудобного чувства, иронизирует над собственной восприимчивостью, но ничего не помогает. Чаще нужно с мужчинами встречаться, гостей приглашать, самой ходить в гости, решает она, пытаясь обмануть собственную интуицию.

XLIII

— Что, доченька, музыку слушаешь? — Мама набивается на разговор. Конечно, ей не терпится узнать впечатление Нодельмы от недавнего гостя. — Да ладно тебе молчать-то, — мама неожиданно раздражается, как ребенок, не получивший сладкого, — тоже мне схимница...

— Ну хорошо. — Мама меняет тон и картинно вздыхает. — Если хочешь, молчи, конечно. Раз мать тебе не указ.

И зачем-то разводит руками.

— Но хоть кивни, доченька, — любопытство просто разъедает матушку, — понравился ли тебе *наш* Платоша?

Нодельма вскидывает брови: как? Мать понимает ее без слов.

— А разве ты не знала, что его Платошей зовут? Я же тебе говорила: Платон Олегович, вот он и визитку свою оставил.

В голове Нодельмы начинают перемещаться широкие воздушные массы, как на картине Николая Рериха «Воздушный бой», — все резко приходит в движение, тучи мыслей, грозовые облака чувств, между которыми вспыхивают грозы интуитивных догадок.

Когда мать протягивает ей визитку, оставленную гостем, Нодельма уже знает, что она на ней увидит. Она еще немного сомневается в правильности собственных выводов, но нет никакой ошибки: на прямоугольном кусочке картона выдавлен до боли знакомый логотип, встречающий Нодельму каждый день на выходе из лифта. Ну да, «Платон & Со», генеральный директор исследовательского центра. Что и требовалось доказать.

Глава шестая

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

I

Так вот почему лицо гостя казалось Нодельме смутно знакомым. Нодельма начинает смеяться, у нее выступают слезы, она не знает, в какую сторону кинуться. Мама с удивлением смотрит на ее неадекватность, не знает, как реагировать на истерику. И делает шаг в сторону, как будто Нодельма больна, а безумие заразно.

А на следующий день она встречается с Платоном Олеговичем, тот заезжает за ней на роскошном автомобиле. Нодельму не проведешь, она знает, что неинтересна гендиректору, что, скорее всего, он охотится за файликами Маги, только делает это несколько более тонко, чем его партнер Лиховид. Но более изощренно и более подло.

Она садится к нему в машину решительно и беспощадно, она — фурия, готовая крушить все вокруг в борьбе за правду, пытаясь отомстить за еще одно романтическое разочарование. Ангелы на Шуховой башне занимаются привычными делами: 791 и 692 сидят за компьютером, 313 бренчит на гитаре, 698 танцует, похожая в своей белой тунике на Айседору Дункан. Конечно, теперь, когда Нодельма много дальше продвинулась по скорбной дороге понимания, ей незачем скрывать от себя то, что на какое-то мгновение появление таинственного гостя, да еще подсвеченного нравственно-религиозными исканиями, пробудило в ней, нет, не надежду, но предчувствие надежды. Отчего вдвойне гадко и неприятно. Тоже мне божий человек нашелся!

II

О, эти невидимые миру наши внутренние драмы, слепое отчаянье, слезы и, наконец, опустошительная, но спасительная самоирония. Судьба каждый раз дарит тебе надежду, чтобы через какое-то время отобрать ее, посмеявшись. Последняя степень самоотречения наступает, когда в метро начинают множиться двойники, а в любой попсовой песенке проступают истины едва ли не библейской глубины и силы. Ты поешь про себя дурацкий мотивчик, например про часики, и это оказывается единственной нитью, связывающей тебя с реальным миром.

И никто никогда не узнает, что ты пережил очередной раз и почему ты приходишь на службу в понедельник в мрачном расположении духа, а это просто еще одной надеждой в мире стало меньше. А одним шрамом на

душе, на сердце — больше. Ты что-то мямлишь про похмелье, про головную боль, магнитные бури, пмс, тебе тепло и одиноко в большом, без начала и конца, городе, шумящем за окном, в этом бесконечном кладбище иллюзий.

Нодельма решает начать с атаки, главное — неожиданность, огорчить, удивить: мол, а я все знаю, и вы никуда от меня не уйдете, господин Гадюкин! Платон Олегович истолковывает душевное волнение Нодельмы по-своему, он выключает радио, по которому передают песенку про часики (*«сердцу уже не важно, и я ошибаюсь дважды»*), и спрашивает Нодельму с ласковой усмешкой:

— Ну а сегодня-то мы поговорить можем?

III

— А ты уверен, что хочешь услышать то, что я хочу сказать? — Нодельма переходит в наступление. Подожди, это только ягодки.

— Надеюсь, ничего страшного? — Платон Олегович почти смеется, но Нодельма понимает, что это маска, он сам взволнован своей непривычной ролью.

А песенка про часы словно бы продолжает звучать в уважаемом салоне дорогого автомобиля — *«девочкой своей ты меня назови, а потом обними, а потом обмани...»*, слова проносятся в голове, мешают думать: *«за окнами дождик плачет, я выпью за неудачу...»* Она буквально за уши вытягивает себя из оцепенения, навязанного ей надоедливым мотивом.

— Ты зачем объявился? — грубо спрашивает Нодельма, хотя знает, что отвечать вопросом на вопрос не очень культурно. Но сейчас ситуация позволяет. Да и ангелы на башне не слышат, как она сердится.

Платон Олегович смущается, краска заливает его сжавшееся от напряжения лицо.

— Я одинокий мужчина... совсем одинокий... После того, как умерла моя жена... А детей у меня нет... Даже собаки. Я устал от одиночества... Твоя мама показала твою фотографию... Ты мне понравилась. Даже больше... Я подумал: может быть, это шанс? Может быть, судьба? Ведь я поехал молиться о продлении своего рода...

(«А маленькие часики смеются: тик-так, ни о чем не жалею и люби просто так...»)

IV

— Знаешь, где я работаю?

— А зачем мне это? — Платон Олегович недоумевает. — Разве это важно? Разве это может играть какую-то роль?

Нодельма молча лезет в карман куртки и достает пластиковый пропуск на тринадцатый этаж. Молча протягивает Платону Олеговичу.

— Та-а-а-ак... Попали, — только и выговаривает он, и лицо его становится еще острее и уже.

Некоторое время они сидят молча.

V

— Ну что, Платоша, как дальше жить будем? — Нодельма хихикает, чуть позже понимая неуместность фамильярности. — То есть я хотела сказать, Платон Олегович, какими будут ценные указания начальства?

— Зачем ты так, Нодельма? — говорит начальство не своим голосом.

— Ты думаешь, мне из-за всего этого ловко? Легко? Ведь теперь я могу лишиться работы... Можно сказать, средств к существованию...

— Прекрати так говорить, — Платон Олегович возмущен, — я не из таких. Я не из этих, — пытается уточнить он, но выходит так себе.

— Угу. — Нодельма кивает, становится немного легче, даже песенка эта неслышимая немного отпускает хватку. Хотя она сейчас совершенно не про работу думает. Сердечные дела всегда важнее. — Да ко мне уже и Лиховид два раза подкатывал. За последнее время... Не слишком ли много усилий, а? — говорит Нодельма.

— Инна, я не понимаю, о чем ты... Этот старый грузин Лиховид... Ты же должна знать, он ни одной юбки не пропускает...

На имя Инна Нодельма морщится, и Платон Олегович видит это. Отныне он будет называть ее только настоящим именем.

— Да я не про это... Пожалуйста, не прикидывайся, Платон... — Неожиданно для себя Нодельма соскальзывает в лирический тон. Ангелы на Шуховой башне включают телевизор. 111 манипулирует пультом, переключая невидимые каналы. 222 смотрит телепрограмму во вчерашней газете.

VI

Потом они некоторое время сидят молча, смотрят в лобовое стекло, за которым весна *растет, волнуется, кипит*, буйство природы и половодье чувств. Ангелы развешивают на опорах башни выстиранное белье. Чем дольше тишина, тем труднее прервать молчание, свести все на шутку. Краем глаза Нодельма рассматривает начальника, взрослый все-таки человек, морщины в уголках глаз, седина, оттопыренные уши, волос, торчащий из правой ноздри. Нет, из левой. Красавцем его не назовешь, однако есть что-то притягательное во взгляде, лукавом и уверенном, медленная мужская сила.

— Мне нравится, что с тобой можно молчать, что ты мало говоришь. — Платон поворачивает голову, смотрит лукаво и уверенно, ресницы у него красиво загибаются. — В православии есть такая стародавняя традиция, исихазм называется. Когда монахи дают обет молчания...

— Ты хочешь сказать, что я похожа на монашку?

— Я совершенно не то хочу сказать. — Платон делает ударение на частице «то». — Когда человек молчит, то ему есть о чем молчать. Присутствует внутреннее содержание. В такой внутренней тишине молиться хорошо. Ты часто молишься?

Нодельма не отвечает.

— А зря. Нужно все время молиться. Это несложно. Но важно. Жизнь выравнивается. Вот попробуй... Повторяй все время про себя: Господи Иисусе, Сыне Божий, прости меня грешную... и ты увидишь, как изнутри сила появляется...

— Вербуешь, что ли?

— Люди мало молятся, в основном говорят только. — Платон делает вид, что не услышал последней фразы. — Мы слишком много говорим. Только и делаем, что говорим все время... От слабости своей, что ли? А вот молчать не умеем. А ты умеешь. Мне это нравится. В Париже есть особое кафе, куда люди приходят помолчать. Там даже заказ официанту делают шепотом. Или пишут записки...

— Ага, стиль «честная бедность» больше не в моде. На Манхэттене в заведениях подают свежевывжатую колу.

— Был, не видел. Или это ты шутишь так?

Нодельма пожимает плечами. *Минуты две они молчали.*

VII

— А ты когда в Нью-Йорке был?

— Так я туда постоянно мотаюсь. У нас же контракт с одной крупной компанией. А ты знаешь, я был в Нью-Йорке 11 сентября, когда две эти башни рухнули. В одной из них у меня должны были состояться важные

переговоры, ну, сейчас уже не важно о чем... все равно сделка не состоялась... я застрял в пробке, представляешь? Можно сказать, чудом спасся, всего каких-то пять минут...

- Слушай, зачем ходить вокруг да около: тебе эти самые файлы нужны?
- Какие файлы?

VIII

- А ты не знаешь какие?
- Нет.
- И Лиховид не знает?
- А он-то тут при чем?
- Чудны дела твои, Господи: левая рука не знает, что делает правая.
- Не поминай имя Господа всуе.
- Если ты такой набожный, то почему ты все время врешь?

А потом рассказывает про события последних недель. И про Магу рассказывает, и про Фоску, и про приставания Лиховида, и про то, что ей надоедает жить в постоянном напряжении, ожидая неприятных сюрпризов. А вот про Кня она почему-то не говорит, словно выгораживает его, словно пытается сохранить в неприкосновенности. Делает она это не специально, скорее бессознательно, просто не говорит о нем, и все. Тем более, что с некоторых пор Кня начинает казаться ей каким-то ненастоящим. Недорисованным. Она еще не совсем понимает, в чем дело, но скоро, видимо, поймет.

Платон Олегович внимательно, не мигая, слушает Нодельму, словно не может понять — верить ей или нет и что это, вообще-то, за мания преследования такая?!

IX

Нодельма чувствует себя опустошенной, ей хочется выйти из машины, нетерпение перетекает в пальцы, Нодельма сжимает кулаки, *мгновенной думы долгий след*, она не будет дожидаться ответа, пусть Платон сам во всем разберется.

— Ладно, я пошла, — говорит она, оставив Платона в полном недоумении.

Он провожает ее взглядом. На улице тепло, солнце припекает, и кажется, что все проблемы должны обязательно раствориться под этим четким солнечным светом. Ангел 791 играет с зеркальцем, пуская солнечных зайчиков, 692 вышивает крестиком, а 698 стирает пыль с железных перепонок, на которых они живут.

— Что-то ты, доченька, быстро с нашим Платоном распрощалась. — Мать встречает ее настроенно. — Аль поссорились, что ль?

— С нашим... — передразнивает ее Нодельма. — Когда это он успел тебе «нашим» стать?

— Платон — Божий человек, тебе не понять...

— Ну да, Господи Иисусе, Сыне Божий, прости меня грешного...

— А вот это, доченька, правильно, — мать не замечает иронии, — молиться нужно всегда. Как только выдается свободная минутка... да даже если и не выдается... все равно помолись, и тебе легче станет...

X

Уединенье, тишина... А ночью раздается звонок. Нодельме кажется, что это сон, но механические трели выводят ее из равновесия, приходится протянуть руку за трубкой, чтобы мама не проснулась.

— Привет, я вернулась, — говорит знакомый голос.

Нодельма еще не понимает, кто это, однако сердце начинает прыгать теннисным мячиком, опережая мысли. Фоска? С того света? *И мыслей мертвый капитал* зашевелился беззвучным океаном.

— Фоска? С того света?

— Очень смешно шутишь, подруга, — говорит Фоска, — сама ты с того света, извини, если разбудила. Просто я так по тебе соскучилась, что не могла дожидаться правильного времени.

Нодельма молчит. У нее нет слов. В горле пересохло.

— Слушай, я тут зависала со Стасом, это один мой знакомый, кореец между прочим, — говорит она, и в голосе ее слышится гордость. — У него сложные отношения со своим именем. Он считает, что его не Стасом зовут, а комбинацией из трех цифр, не помню каких. Прикинь.

— Ты что, не умерла? — спрашивает Нодельма.

— Слушай, Нодельма, у тебя сегодня какой-то кладбищенский юмор. Конечно, не умерла, не веришь? Сейчас я пришлю тебе sms, хочешь?

Нодельма мысленно кивает.

— Вот смотри, — говорит Фоска, — сейчас я набираю такой вот текст: давай встретимся после работы на «Добрынинской-кольцевой» в центре зала и пойдем в «Атриум», там сегодня нового Тарантино показывать будут. Теперь я отправляю эту записку тебе. Жди. Ждешь?

Нодельма мысленно кивает.

— Пришла?

Нодельма мысленно говорит, что нет. И тут ее мобильный телефон, оставленный на ночном столике, начинает светиться и вибрировать. Нодельма берет его в руки и видит в левом нижнем углу уведомление о полученном сообщении — маленький конвертик, нарисованный маленькими точками. Руки у Нодельмы трясутся, она жмет на клавишу с конвертиком и читает: «*давай встретimsja...*»

— А зачем нам этот Тарантино? — спрашивает Нодельма, пытаясь разглядеть сквозь шторы очертания Шуховой башни: что там ангелы делают? Играет ли 313 на гитаре, как в прошлый понедельник?

— Ну ты что, обязательно нужно посмотреть. Чувак сто лет нового кино не показывал. Я загадала, что посмотрю этот фильм именно с тобой!

XI

На службу Нодельма нагло опаздывает, *забыв и город, и друзей*. Нет, не просыпает, решает не торопиться, пройтись по прогретому солнцем городу, а вот автоответчик Кня прослушать забывает, первый раз за последние сколько-то там месяцев, потом вспомнит на улице и улыбнется. Ну не возвращаться же домой из-за чужого автоответчика! В конце концов, его можно и на службе послушать. Зато они сегодня с Фоской на Тарантино идут, в «Афише» пишут, что фильм исключительный. Нодельма специально в метро журнал купила.

Однако до автоответчика Кня сегодня у Нодельмы руки так и не дойдут. Потому что она его в офисе увидит. Как зайдет, так и увидит: Кня наворачивает нервные круги по коридору, Нодельму ждет. Очень приятная неожиданность. Недорисованный, да. Настоящий. Из ее бледных фантазий, теряющих краски каждое мгновение.

Увидев Нодельму, стремительно бросается к ней, даже не думая о том, как подобные порывы могут выглядеть со стороны и что об этом обязательно скажут любопытные коллеги.

— Привет, привет, мне нужно с тобой поговорить.

— Хорошо, но, может быть, ты позволишь мне хотя бы раздеться и включить комп...

XII

Первым делом она решает послать письмо Фоске и «пожурить» ее за пропажу и театральные похороны. Но в отделе ее встречает перепуганный Доктор Зло, путая Нодельме все карты. Поэтому Нодельма берет инициативу на себя.

— Знаю, знаю, проспала. Трамвай сошел с рельсов. В метро не пустили. На Садовом кольце была пробка. В первый и последний раз...

Но Доктора Зло волнует совершенно не это.

— Ты что такое натворила? Тебя срочно вызывает Сам. — Доктор Зло делает круглые глаза: — Платон Олегович тебя разыскивает. С самого утра, как пришел, САМ позвонил. САМ, понимаешь?

— Ну и что? — Нодельма делает невинное выражение.

— А то, что даже не через секретаря! — Последнее обстоятельство шокирует начальника отдела более всего. — А ты, как назло, опаздываешь... Тут весь офис на ушах стоит, тебя ищет, Светланку на двенадцатый этаж отправили, потому что она сказала, что там тебя видела... до сих пор ищет.

— Ну и пускай, главное, чтобы на пользу. А к генеральному я не пойду, некогда мне.

XIII

В коридоре ее караулит Кня, хватая за локоток, ведет в кабинет (по направлению к начальственной приемной, между прочим), Нодельма думает о том, что Кня в сговоре с Платоном, что все они тут повязаны и ей, маленькой и слабой девушке, трудно тягаться со всеми этими монстрами, нужно написать заявление об уходе, отдать им эти проклятые дискеты и забыть прошедший год как страшный сон. Она смотрит на Кня, и он уже не кажется ей таким привлекательным, как раньше, обычный кризис среднего возраста, с повышенным самомнением и начинающей лысеть головой.

Кня распахивает перед ней двери своего кабинета, приглашает войти, когда Нодельма словно бы просыпается, проскальзывая мимо, показывая глазами, мол, мне туда.

— Вообще-то я занята, меня генеральный срочно вызывает, — говорит она с наигранным сожалением (с волками жить).

Против такого аргумента Кня возразить нечего. Вдогонку он кричит ей что-то типа давай встретимся, сходим куда-нибудь, мне кажется, у нас может что-нибудь получиться, мне бы хотелось, чтобы мы были вместе...

Или что-то в этом духе, потому что Нодельма не слышит конкретных слов, но она точно улавливает суть сказанного. Мессидж. Нодельма ловит себя на том, что сейчас воспринимает объект обожания едва ли не враждебно. *Мир вам, тревоги прошлых лет!* Она отмечает в себе эту перемену, осознает, как быстро меняется ее мир, как споро развивается вместе с этим миром и она сама. Странное ощущение это продолжает длиться — точно весна разогрела и ускорила весь этот город, все процессы, параллельно протекающие сейчас вокруг, а вместе с городом ускорила и Нодельма, ее внутренняя жизнь, до недавнего времени плавная и неторопливая.

XIV

И она попадает в приемную, проходит через нее, будто Нодельма — манекенщица на самых высоких каблуках. Тем более, что в приемной сидят зрители, несколько посетителей с портфелями. Прежде чем зайти в кабинет, Нодельма бросает на них гордый и независимый взгляд и... узнает в посетителях ангелов, живущих на Шуховой башне. 791 оказывается симпатичным парнем, 698 — миловидной блондинкой с длинными распущенны-

ми волосами, 222 и 111 стоят к ней спиной и что-то обсуждают, их лиц она не видит, но чувствует свет, который излучают их глаза.

Что-то ухаает у нее внутри, какой-то источник холодного света, и она заходит к Платону. Действительно, на стенах — иконы, православный календарь, макет монастыря, кожаная стильная мебель и сам Платон, отрывающийся от своих телефонов и мониторов, вихрастый, как пацан, смущенный, поднимающийся к ней навстречу.

— Здравствуйте... точнее, здравствуй, Нодельма, а ты, оказывается, любишь долго поспать?

— Вы за этим меня вызвали, Платон Олегович? — Нодельма, *которой ничего не жаль*, говорит сухо, официально, глядя прямо в глаза высшему (выше не бывает) руководству.

— Нет, ну что ты... — Платон Олегович начинает нервно хихикать, указывает ей на большое кресло, похожее на трон.

Нодельма садится.

— Ты знаешь, Нодельма, я много думал о том, что ты вчера мне сказала... Скажу тебе честно: я не затеивал никаких двойных игр и мне ничего от тебя не нужно. Точнее, нужно, но не это. Точнее, не файлы, не стратегические разработки твоего друга, хотя, возможно, они и помогли бы нашей компании выйти на новый уровень...

Нодельма молча протягивает ему дискеты, встает, чтобы уйти гордо и красиво, но высшее руководство хватает ее за рукав и усаживает обратно.

— Нет, ты меня не поняла. Я совершенно не это хотел сказать. Бог с ними, с этими дискетами, они мне не нужны. То есть совсем. Оставь их у себя...

XV

XVI

Из кабинета генерального Нодельма выпархивает маленькой птичкой, Господи Иисусе, Сыне Божий, прости меня грешную, думает она, улыбаясь, потому что радость переполняет ее, делая тело прозрачным и невесомым. Нодельма выпархивает из кабинета генерального, словно балерина на сцену Большого театра, попутно замечая сидящего в приемной Кня. Кня сидит один, ангелы ушли, или их проводили в малую переговорную. Кня кажется ей маленьким и нелепым в этом своем подчеркнуто небрежном прикиде.

— Ну что... — Слишком суетливо срывается он с места, слишком суетливо говорит. — Каковы результаты *олигархических бесед*? Пойдем пообедаем вместе, тогда и расскажешь. Хочешь?

Нодельма останавливается и смотрит ему прямо в глаза, медленно качая головой: нет. Уже не важно, что она так долго и упорно вкладывает в него все свои силы, следит за ним, тратит время и энергию, а он взял и в один миг оказался не нужен. Потому что теперь у нее есть нечто большее, нечто настоящее. Потому что теперь, *по тайной воле провиденья*, у нее есть Он.

— Господи Иисусе, Сыне Божий, прости меня грешную, — тихо, без выражения говорит Нодельма оторопевшему от удивления Кня и выходит в длинный, без единого окна коридор, устало освещенный лампами дневного света.

ДМИТРИЙ БОБЫШЕВ

*

ЗВЕЗДОРЕЧЬ

Ноктюрн

Звезды — это мысли Бога
обо всем, о нас:
обращенный к нам нестрого,
но — призор, наказ.

Свет осмысленный — от века
и сквозь век — до дна.
Заодно — души проверка:
а цела ль она?

Не совсем без порицанья,
прямо в нас и вниз
льются светлые мерцанья
как бы сквозь ресниц.

Это — звезды, Божьи мысли,
святоточья течь.
Поглядеть на них — умыться
перед тем, как лечь.

Знаю: взрывы и пульсары,
лед и гнев огня.
Может быть, такой же самый
такт и у меня?

Я ль тогда, как белый карлик
в прорвах черных дыр,
вдруг — случайный отыскал их
смысл: зенит, надир?

Этот знак, души побудка,
Божья звездоречь
обещают: будут будто
ночь меня стеречь.

Бобышев Дмитрий Васильевич родился в 1936 году. Окончил Ленинградский технологический институт. Принадлежал к плеяде молодых поэтов из ближайшего окружения Анны Ахматовой, посвятившей ему стихотворение «Пятая роза». С конца 70-х годов живет в США. Автор нескольких лирических книг, вышедших в Европе, США и России, и мемуарной книги «Я здесь» (2003).

Ну а днем что с ними делать:
 карту мира смять?
 Было мук у Данте — 9.
 у меня — их 5.

5 неправых нетерпений:
 чтоб сейчас, и здесь
 непременно, и теперь, и —
 «бы», — чтоб стало «есть».

И, мою смиряя малость,
 в душу луч проник,
 чтобы гнулся, не ломаясь,
 мыслящий тростник.

Внезапно голос...

Вид обесточенного монитора
 невыносим для меня.

Я — торк!

И тут на лице его монотонном,
 северозападном — юговосторг.

По сети сияющей паутины...
 Посещаю...

Шась — и в машинный мозг,
 мышью в занавешенные притины,
 отомкнувши клавишами замок.

Я брожу, пытаю мой путь и тычу
 (методом ошибок и проб)
 в нечто почти насекомо-птичье:
 эйч-ти-ти-пи, двучье, двудробь.

И заимствует ум
 у зауми то, что
 было б Крученыху по нутру:
 даблью, даблью, даблью.

Дот (точка).

Комбинация букв. Дот — ком?

Нет — ру!

И — в некое не совсем пространство,
 где ветер — без воздуха, со слезой,
 где чувству душно, уму пристрастно,
 а с губ не слижешь ни пыльцу, ни соль.

Но так ярмарочно-балаганны
 выставляющиеся здесь напоказ
 виртуальные фокусники, хулиганы,
 стихоплеты и грешный Аз.

Где хватает за полы товар двуногий
 с бубенцами,
 цимбалами на пальцах ног:
 нагие юноши-единороги
 и девы, вывернутые, как цветок.

Это — Индия духа? Африка хлама?
 Гербарий чисел, которых нет?
 Наступающего Армагеддона реклама
 или пародия на тот свет...

А не это ли, часом, и есть он самый,
 где от счастья смеется трава, —
 Рай?

Или: «Откройся, Сезам», и —
 Ад,
 где — гумилевский «Трамвай»?

...Внезапно голос, вне его тела,
 запел не о смерти, но о той,
 что чайкой в сердце ему влетела
 и, тоскуя, мучила красотой.

Незадолго перед концом и
 как бы чуя, что всё — тщета,
 эту рыцарскую канцону
 на валик с воском он начитал.

Артикулировал, даже выл и:
 «Мне душу вырвали» — он горевал.
 Между Ржевкой и Пороховыми
 вырыт ров и накопан вал..

Да что они могут, эти власти,
 против него, стрелявшего львов, —
 изгнать? казнить?

Конечно, несчастье...
 Но неодолима его любовь.

И да возносится ей осанна!
 И пускай оперенно летит строка
 по другую сторону
 смерти и океана
 и, вот оказывается, — через века.

Последнему

Последнему из нас, увидевшему осень,
 достанется совсем не Бог весть что, а вовсе
 лишь листья палые на подступе зимы.
 Они и суть по сути дела мы.

А некогда, в одной топорщась купе,
 всяк по себе шумел, все трепетали вкупе,
 и был напечатлен у каждого из нас
 прожилками — узор (один и тот же): знак.

Знак древа общего, конечно, не простого,
 с вершиной — в прорубь вечного простора,
 с ветвями — каждая как говорящий жест,
 держащая секиру, лиру, жезл

или гнездо, в котором 5 яицек...
 В прыжках и порхах беличьих и птичьих,
 извилисто ища в подпочвенной ночи
 истоки, родники, колодцы и ключи...

То дерево царственной могло быть сикоморой,
 от масел — в ароматах, под которой
 навечно задремал, едва прилег,
 бедняга и гордец, страдалец Гумилев.

Иль это темный дуб, где Михаил, сын Юрий,
 сквозь трепета листвы пред-слышал пенье гурий.
 Там, на цепи золотой, не кот, скорее бард
 вдруг заднею ногой поскреб свой бакенбард,

элегию мою насмешливо испортив.
 Ну что ж, и так ее закончить я не против,
 но прежде попытат свою судьбу, а ну-к?
 Я б нагадал не дуб, а черный бук,

что рыжеват весной, но, матеряя летом,
 он в полдень, словно полночь, фиолетов,
 а под густой и траурной листвою
 почти неразглядим бывает гладкий ствол.

В далеком, но моем — среди прерий — Лукоморье
 сей бук спокойно, как memento mori
 из уст философа, себя всю гласит,
 и правота его мне прибавляет сил.

Пока стоит — стою. Стоим. Летят листочки,
 все буквами испещрены до шпента и до точки.
 А как придет лесник с бензиновой пилой,
 взревет и зачадит, и дерево — долой.

Подметное письмо

На будильнике 8,
 а на ветках напротив — закат;
 сообщение «Осень»
 здесь на всех мировых языках.

Полагаю тот клен полиглотом,
 да и я на чужом норовлю.
 Много наших уже полегло там,
 на подходах к Нулю.

Молодых даже больше.
 Вот у них и пышной саркофаг,
 громче ропот: «За что его, Боже?» —
 нестерпимей сам факт.

Закругляя у жизни периметр,
 и не это еще говорят...
 Если жил, значит, принял
 неприглядный жестокий обряд,

симметричный зачатью,
 никого не достойный, ни нас,
 ни Творца — за не знаю что — счастье
 на минуты, на час?

Нету в кронах — ни в прах — полыханья,
 кроме: «Выхода нет».
 Время — только дыханье
 для таких, вроде нашей, планет.

Где же осень тогда и зачем? И —
 для чего все цвело?
 На оранжево-желтые темы
 оскользает, виляя, стило.

Но — гляди — как в разлапом конверте,
 что мне под ноги лег,
 клен о смерти
 посылает бестактно намека.

Что ж, посланник!
 Преждевременна может быть весть...
 Мы и в сурах исламных, и сами,
 а себя осязаем, как есть.

Нет? И, как ни жестоко
 ангел с бензопилой скажет: «Вжжжж!» —
 сколь отпущено, столько («стоко») —
 нам и жить.

Шампейн, Иллинойс.

* *
 *

Ю. К.

Радость отныне вижу такую:
 соловьиная ночь над Окою...
 Можно ль теперь так писать?
 Можно. Пиши — если видишь чрез око
 Анны Ахматовой; голосом Блока
 пой аллею и сад.

Свисту заречному несколько тактов
 дай для начала и сам оттатакай.
 Трелью залившись, услышь
 (миром сердечным на мир и ответив),
 как отвечает мерцанию тверди
 мимотекучая тишь.

Странно и струнно рекою струима
 песнь хоровая, как «свят» херувима, —
 весть — это тоже и свет.

Даль — это высь, это глуби и блески,
и горловые рулады, и всплески;
«да» это может быть «нет».

Жизнь — это может быть миг. Он огромен,
и ничего как бы не было, кроме
длящегося через годы «сейчас».
Жизнь отныне вижу такую:
блеск, мрак, соловьи за Окою,
труд, боль и гора, перед коей
яро горит свеча.

5 июня — 21 октября 2003.
Поленово — Москва.

РОДИОН БЕЛЕЦКИЙ

*

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИВАНОВО АВТОРА, КОВРОВА И БАРАНОВА

Повесть

Все началось с того, что мы собрались у меня. Я, Ковров и Баранов. Было это весной. Помню, недавно начался пост. Собрались, значит, мы, и сделалось нам еще хуже, чем было. Поодиночке мы были в тоске, а вместе нас и вовсе развезло. У каждого были проблемы. Меня с работы выгнали. Ковров болтался непонятно где, с работой тоже беда. Баранов был актером. А у них, даже если все хорошо, все равно все плохо.

— Надо ехать в Иваново, — сказал Ковров.

Нам предложение понравилось. Проблемы у нас троих имелись и с женским полом. Общение с женщинами приносило больше неприятных моментов, чем хотелось бы. Иваново нам представлялось оазисом, где бродят толпы сговорчивых и нескандальных девиц. Мне к тому же казалось, что там тропический климат.

После я бывал в Иваново. Там стояли такие холода, что пришлось покупать меховую шапку на рынке. Да и девушек, жадных до мужчин, я там не заметил.

Сидя у меня в квартире, мы стали выяснять, далеко ли это самое Иваново. Оказалось, далеко. Тут случилась заминка. Ехать в такую даль было неохота. Хотя до этого мы все хором говорили: «Давайте сорвемся куда-нибудь без подготовки, спонтанно, как в былые времена». Как в былые времена — не получалось. Каждому из нас было почти по тридцать. Безумные поступки остались в прошлом. Надо было искать что-то поближе. Баранов вышел куда-то. Мы с Ковровым взяли журнал «Досуг». «Досуг» в приличном смысле этого слова.

— Давай в дом отдыха поедем.

Ковров согласился. Ему, похоже, было все равно. В «Досуге» нашли телефоны. Можно было позвонить в дом отдыха. Что мы и сделали. Я помню, в нескольких домах отдыха нам ответили какие-то странные голоса. Мне представилось, что на том конце провода сарай и бродят пьяные, невыспавшиеся люди. Наконец приятный женский голос сказал, что, мол, будем рады вас видеть, приезжайте, номеров свободных полно.

Вернулся Баранов. Наше сообщение по поводу дома отдыха принял поначалу в штыки. Он всегда подвергал все сомнению.

А еще у Баранова есть такая особенность: он, когда спектакль у него в театре заканчивается, всегда звонит сразу в несколько мест. Сейчас я объясню, что я имею в виду. Он звонит сразу по нескольким телефонам, убеждается, что его ждут в, положим, шести домах, и после спокойно выбирает. А в гости ему обязательно надо поехать. Потому что у артистов

Белецкий Родион Андреевич родился в 1970 году в Москве. Окончил ВГИК. Печатался в журналах «Современная драматургия», «Знамя», «Новая Юность», пьесы ставились более чем в 20-ти театрах России, Казахстана, Литвы, Грузии. Живет в Москве. В «Новом мире» печатается впервые.

обычно после спектакля мандраж. Энергии много, а растрчивать ее уже не перед кем.

Баранов сначала поломался, но затем все же согласился ехать с нами.

Дом отдыха находился неподалеку от города под названием Клин. Решили долго не собираться. Ничего особенного с собой не брать. Кроме еды. Немедленно отправились за едой. Пошли в магазин. Три здоровенных лося. И с шутками-прибаутками стали выбирать себе продукты. Как это ни странно, Ковров и Баранов в это время постились. Странно это потому, что обычно пошусь я. Но в этот пост я всюю ел мясо. Баранов и Ковров выбирали рыбные консервы. По мне, это жуткая гадость. Что шука, что какой-нибудь карп — один и тот же вкус горького томатного соуса. Я лично, долго не думая, взял себе куриные окорочка. Штук, наверное, шесть. Окорочка были копченые. Они уместились в один небольшой целлофановый пакет. Окорочка были похожи на бумеранги. Ковров и Баранов, разумеется, стали надо мной издеваться. Мол, я покушать люблю. Всю жизнь они надо мной издеваются, типа я толстый. Успокаивает то, что сейчас и Ковров, и Баранов — сами не слишком худые молодые люди.

Короче, набрали мы еды. Не помню уже, во что сложили, и выдвинулись. Ехали на электричке. Часто бегали курить. Баранов курит маленькие самокрутки. Сворачивать их долго, курить тяжело. Один у них есть плюс. Времени много уходит на возню с ними. Я, к примеру, часто не знаю, как мне время потратить, а это, между прочим, отличный способ.

Говоря о поездках на электричке, вспоминаю одну сцену. Мое наблюдение. Ехал из Подмосковья в Москву. Поезд уже подходил к городу. Народу в вагоне немного. Вижу, сидит на скамье парень, бледный и худой. И сумка на коленях. Вдруг откуда ни возьмись цыганка. Садится она возле этого парня, наклоняется к нему и принимается что-то быстро-быстро говорить. Смотрю, глаза у парня стекленеют. Гипноз или что-то в этом роде. Глаза у него уже моргать перестали. А цыганка все шепчет и шепчет. Люди в вагоне стали это замечать. Видят, что дела у парня плохи. Заморочит сейчас его цыганка и обворует. Стали орать на цыганку. А она все быстрее бормотать принялась. Будто бы боясь, что ей заговорить парня не дадут. Продолжения я не видел. Вышел потому что. Но картина запомнилась. Парень с полуоткрытым ртом и цыганка, у которой губы быстро-быстро шевелятся. И пассажиры орут на цыганку, широко разевая рты: «Что ты делаешь, паскуда!»

Возвращаюсь к нашему путешествию. Погода была приятная. Мне такая нравится. Снег, тая на глазах, оседает. И мокрый ветер. А когда к этому ветру подмешивается табачный дым, дышишь — и надышаться не можешь. Очень вкусно.

Решение ехать в дом отдыха мы приняли часов в пять вечера. Пока собирались, пока добирались, то да сё. Думаю, приехали мы туда часам к девяти. Темно уже было, когда мы к дому отдыха подходили. Становилось все холоднее и холоднее. Вошли мы, три красавца, на территорию. Дом отдыха оказался самым обычным. Разваливающийся, ободранный бассейн с огромным кирпичом льда вместо воды. Кривые качели, двери в корпусах не закрываются, и все остальное в том же духе. Мы немного побродили от корпуса к корпусу. Промочили ноги. Вдруг видим, движется на нас странная личность. Волосы кудрявые, длинные, в свитере и в джинсах. А джинсы заправлены в высокие ковбойские сапоги. Для завершения картины человек этот держал в руке бутылку красного вина. Он к нам, покачиваясь, подходит.

— Бон суар, — говорит.

Французского мы не знали. Смотрим на него и ничего не понимаем. Он, грассируя, начинает что-то рассказывать, все чаще и чаще вставляя в речь русские слова. Наконец как-то поняли: он француз, идет в столовую

ужинать. Кого мы ожидали встретить в доме отдыха под Клином, только не француза. Вообще-то мы ожидали встретить девушек. Трех романтических, коротающих дни в соседнем номере. Но, увидев француза, сразу поняли, что девушек тут нет. Стал бы француз с мужиками знакомиться, если бы тут девушки были. Мы потопали по тропинке за иностранцем. Он беспрерывно что-то говорил. Как-то из его речей мы разобрали, что французов здесь много. Они приехали устанавливать линию на местном пивзаводе. Неплохо им живется среди елок. Свежий воздух... С красным вином кушают... Умеют все-таки иностранцы устраиваться.

Когда я был в Париже, первое, что меня поразило, — это то, как много людей едят на ходу. У нас нет такого количества жующих пешеходов. Еще я понял, что там большинство владельцев кафе выносят дом на улицу. Вот что я имею в виду: уклад и порядок, который у них есть дома, они его на улице, в своем кафе, утверждают. Ощущение такое, что если у него дома красные салфеточки, то он их и в кафе своем на стол положит. И еще очень тесно в этих парижских кафе. Сядешь, и обязательно кто-то за плечом с хрустом жует салатный лист. Но это так, к слову.

Возвращаюсь в дом отдыха под Клином. Из темноты мы вышли в освещенную столовую. Чистотой она не отличалась. Запахи пищи. Запахов много, и все неприятные. Встретила нас работница дома отдыха. Подошла она к нам с вопросом, будем ли мы оплачивать питание. Вид у работницы дома отдыха был такой, будто она секунду назад что-то воровала и мы ее от этого дела отвлекли. От питания мы отказались. Решили, что еду будем в магазине покупать. Работница сказала нам, в какой корпус идти, чтобы поселиться. Мы вышли, оставив веселых французов за столиком. Они, кстати, русской еды не чурались. Ели всюю и вином запивали.

Пришли в номер. Я лично такую картину и ожидал увидеть. Фигуренко было в номере. И кроватей всего две. Одна из них широкая. Стали спорить, кто на какой кровати будет спать. Каждый хотел спать отдельно. Долго решали, кто займет маленькую кровать. Ковров и Баранов спорили. Я на них смотрел и испытывал чувство острого удовольствия. Нет, я не радовался тому, что они никак не могут найти общий язык. Просто когда твои друзья в шутку ссорятся, ты понимаешь, что все это несерьезно. Что, короче, жизнь продолжается. Не знаю, понятно ли я объяснил. В итоге кровать досталась Баранову. Не помню, как это решили. По-моему, скинулись, как в детстве: камень, ножницы, бумага... Потрясли кулаками и выбросили вперед комбинации из пальцев. Кто-то мне рассказывал, что камнем, ножницами и бумагой дело не заканчивается. Есть еще одна, более сложная, модификация этой игры: «Камень, ножницы, вода, телевизор, провода». Правда, сложно себе представить, как пальцами одной руки можно показать телевизор. Хотя, наверное, можно.

Спать было еще рано. Мы решили устроить костер, ну и, понятно, выпиться под это дело. Взяли еду и выпивку и покинули номер. Я гордо нес куриные окорочка в пакете. И водку. Баранов и Ковров несли бесчисленные банки рыбных консервов и тоже водку.

Помню, как Ковров устроился барменом в стриптиз-бар. К своему делу он отнесся серьезно — сходил на соревнования барменов. Увидел, как они там бросают и ловят бутылки из-за спины, ловко переворачивают их, взяв за горлышко, и тут же наливают спиртное в стакан. Ковров тоже решил научиться кидать бутылки. Вскоре это желание пропало, и появлялось оно только тогда, когда Ковров выпивал. На одной из наших тогдашних посиделок он взял и кинул бутылку в воздух. Не поймал. После разбил и вторую бутылку. Разумеется, бутылки были последними. Хорошо, что в этот раз все спиртное без потерь было доставлено по назначению.

Пейзаж на месте предполагаемого костра был странный. Высокая сухая трава и ржавые железные арматурины. Пристроившись между ними, мы

развели костер. Выпили. После выпили еще раз. Я закусил окорочками. Баранов и Ковров стали снова надо мной потешаться. Но это, думаю, только оттого, что им тоже захотелось курятины. Хотелось курятины, а приходилось довольствоваться рыбой в томате. Я, кстати, тоже попробовал их рыбу. Дрянь. Ковров ругался и ел. А я смотрел на него, и мне было смешно. Ковров — потрясающий человек. Он похож на животное, в хорошем смысле этого слова. Реакции его естественны. Он всегда делает, а потом думает. Помню, в школе я исподтишка наблюдал за ним, и меня это ужасно веселило. Во время перемены я сидел на последней парте и смотрел за тем, как он ручку у кого-то взял. А потом этого человека послал куда подальше. Все у него получалось как-то особенно. Как в мультфильме говорилось, «дико и симпатично». Однажды Ковров сказал: «Я в этот театр больше не пойду. Там даже выпить нечего». Эта фраза его характеризует. Не то что он выпить любит (а он любит), а то, что так сказать может только Ковров. Еще одна особенность этого человека в том, что он, достигнув каких-то успехов в жизни, немедленно все разрушает. Бросает жену, напивается на работе. Его увольняют, он остается без работы и без жены. Зато на первой ступеньке лестницы, по которой надо снова забираться наверх.

Мы пили. Я пил немного. Из меня алкоголик тот еще. Могу не пить месяцами, но потом напиваюсь вусмерть. Моя жена говорит, что это первый признак алкоголизма. Я ей не верю. Хотя познакомились мы, когда я был пьянящим сильно. Сидел у нее дома в ванной, текла вода, а я требовал принести мне из кухни еще воды. Налить в стакан и принести. Воды мне не хватало, видите ли.

Помню, ездил на один фестиваль на Волгу. Там с нами жили двое американцев — парень и девица, бледные англосаксы. Конечно, они постоянно улыбались. Он играл на гитаре. Это его и сгубило. Фестиваль заканчивался прощальным костром, как в пионерском лагере. Американцы тоже были приглашены. Костер зажгли в сосновом лесу. Комары набрасывались на людей, стоящих у костра, с особой свирепостью. Это были какие-то монстры, а не комары. Даже дыма они не боялись. Собравшиеся, не имея средства против насекомых, спасались от них оригинальным способом. Они пили местный самогон, разлитый в пивные бутылки. Бедные американцы не пили. Они стояли у костра и улыбались. Комары их не кусали. Янки привезли с собой мазь-убийцу. В самый разгар праздника, когда у народа все качалось перед глазами, к американцам подошел участник фестиваля. Участник был пьян и агрессивен. Он сказал американцу:

— На гитаре играешь?

— Йес, — ответил американец.

— Играй.

— Я не хочу, — сказал американец.

— Играй, — повторил участник фестиваля.

И американец заиграл. Представьте себе такую картину. Темный лес, поляна, костер, жужжат комары. А вокруг костра шатаются пьянящие люди. И в стороне стоит испуганный янки. И тихим голосом поет: «Oh, I get high with little help from my friends». И это при том, что его вообще никто не слушает. Потом американец с американкой сбежали с праздника жизни. Уж не знаю, как они добрались до номера и не заблудились.

Возвращаюсь в дом отдыха под Клином. Костер потух. Мы напились. Но удовлетворены не были. Нам захотелось приключений. Пошли гулять по территории. Темнота. Острова снега на земле. Увидели бассейн и забрались на него. Вода там казалась замерзшей, но погулять по льду мы не решились. Да ну его, подумали, еще провалимся.

В детстве я лично много раз проваливался под лед. На канале, регулярно. Каждый год возле берега. А однажды летом, прогуливаясь во дворе, я наступил в лужу и ушел в нее целиком, буквально с головой. Теплая мутная жижа меня накрыла. Наверное, там был какой-то провал в асфальте. Есть такие детские воспоминания, когда кажется, что ты их придумал. Причем придумал еще тогда, в детстве. И потом всем рассказываешь. Воспоминание о луже именно такого рода.

Я, Ковров и Баранов слезли с этого дурацкого бассейна и пошли в лес. Неожиданно между деревьев мы увидели газетный киоск. Именно киоск, который обычно стоит возле метро и из которого торгуют газетами. Внутри киоска горел свет. Прячась за деревьями, мы подобрались к киоску и увидели, что в нем спит человек — охранник. От киоска на две стороны расходился железный забор. Три взрослых лба решили над охранником подшутить. Постучали в стекло и, сорвавшись с места, побежали в лес. Убежали довольно далеко. Остановились и поняли, что получили огромное удовольствие от этой шутки.

В институте на курсе со мной училась девушка из провинции. Не помню ее имени. Это была высокая блондинка с большим ртом и короткой стрижкой. У нас даже начинались какие-то отношения. Я даже однажды остался у нее ночевать в общежитии. Но там ничего не было. Я ее не тронул, по ее же просьбе. Потом, конечно, жалел. Возможно, что-то бы и получилось. Так вот, мы с этой девушкой ехали на трамвае. Вошли контролеры. Несколько человек во все двери одновременно. Деваться нам было некуда. Нас вывели из салона, и тут мы с ней, не сговариваясь, бросились бежать в разные стороны. Контролеры ринулись за нами. Я лично бежал довольно долго. У контролера, который меня преследовал, в глазах был нездоровый азарт. Он сильно отставал. Обернувшись на бегу, я увидел, что девушку ведут к остановке двое контролеров. Ее поймали. Что делать, я тоже остановился. Мой контролер схватил меня за руку и повел к остановке. Он был очень доволен. И мне было весело. Таня (вспомнил имя) тоже улыбалась. Нас завели в трамвай и отвезли на конечную остановку. Мы веселились и вспоминали, как мы бегали. Контролеры помрачнели. Мы не относились к ним серьезно. Они потеряли к нам интерес и скоропустили, не взяв денег. Еще помню, с этой самой Таней мы собирались уехать на Кубу. Это отдельная история.

Таня была откуда-то с севера. И в голову ей всегда приходили ненормальные идеи. Однажды она предложила мне поехать на Кубу и поучиться там в киношколе.

— Там в киношколе Маркес преподает.

Меня это, видимо, убедило. Мы отправились в кубинское посольство. Возле самого посольства я отчего-то перепугался. Думаю, какая Куба. Куда я поеду? Только что здесь в институт с трудом поступил. Но она меня уговорила. Что-то сказала про трусость. Короче, я сдался. У посольства стоял охранник с усами. Таня стала очень нагло с ним разговаривать. Я бы на месте охранника обиделся. Таня требовала атташе по культуре.

— Зачем вам? — спросил охранник.

— Мы будем говорить только с ним, — ответила наглая Таня.

И нас почему-то пустили внутрь. Усадили в кресла. Появился атташе в синем костюме. Выслушал наши наглые пожелания. Хотим, мол, в киношколу, сказали мы. Он записал телефон и пообещал позвонить. Конечно, никакого звонка не последовало. Я просто хорошо помню тот приступ страха перед воротами кубинского посольства.

Точно такой же приступ я испытал перед дверью ювелирного магазина, когда мы с женой ходили покупать обручальные кольца. Мне страшно было жениться. Было, кстати, чего бояться.

Убежав от сторожа в ларьке, мы пошли гулять по лесу. Гуляли, разговаривали, вспоминали разные истории. Например, такую. Мать моего друга,

когда напивается, каждый раз рассказывает одну и ту же притчу. Она смотрит на собеседника глазами, на которых выступают слезы, и начинает:

— Жил-был сын, и была у него мать. И однажды сын полюбил очень злую женщину. И эта злая женщина сказала сыну... — Тут рассказчица делает длинную трагическую паузу и выдыхает: — «Убей свою мать. Убей и принеси мне ее сердце».

Дальше притча становится похожа на фильм ужасов.

— Сын пошел и убил свою мать. Затем он вырвал у нее сердце и понес показать злой женщине. (Как бы в доказательство, вероятно.) И когда сын нес сердце, он споткнулся и упал. А материнское сердце спросило: «Ты не ушибся, сынок?»

Это, конечно, самый драматический момент рассказа. У мамы моего друга дрожит голос. Она ожидает, что слушатели тоже станут переживать. Но чаще всего слушатели смеются.

Я, Баранов и Ковров — мы гуляем по ночному лесу. Вспоминаем Иваново еще раз. Удивляемся, почему мы оказались здесь среди мокрых деревьев.

Когда я уже после этого съездил в Иваново, меня с группой товарищей встречал режиссер театра. Естественно, он отвел нас на свой новый спектакль. В самом начале представления на сцену вышел человек с длинными волосами и весь в белом. Скорбный ангел, судя по программке.

— Спустя! — сказал скорбный ангел. А далее продолжил выкрикивать это слово: — Спустя! Спустя! Спустя!

После того, как это стало уже невозможно слушать, он произнес:

— Спустя много лет Никола Пиросмани стал известным художником!

— Ну как? — спросил режиссер, собрав нас в кабинете после спектакля.

Возникла пауза. Все мы, кажется, поняли, что сейчас придется испортить с ним отношения. Но в самый последний момент нас спасала уважаемая Ольга, наша коллега и отличная подруга. (Спасибо ей.) Она ответила режиссеру за всех нас.

— Это стильно, — сказала она.

Режиссер резко повеселел.

Ночью в лесу под Клином я, Ковров и Баранов начинаем играть в кого-то вроде партизан. Мы бегаем вокруг деревьев, особенно усердствует Баранов. Сколько его помню, он всегда отличался мальчишеским задором. Набор из перочинных ножей, зажигалок и по возрастающей — скейтбордов, мотоциклов, машин. Все он перепробовал. Как в стихотворении «Из чего только сделаны мальчишки?». На самом деле человек он загадочный. Для меня по крайней мере. Вроде бы добрый. Но его проблема, мне кажется, в том, что он... Даже не знаю, в чем его проблема. Помню, как он позвал меня на день рождения. Мы с женой пришли. Пришли и увидели за столом весьма странную компанию. Это были друзья Баранова. Новые друзья, которыми он обзавелся. Это были какие-то упыри. Я не преувеличиваю. Они внешне были страшные и уродливые. Они платили за выпивку и еду на этом празднике. Может быть, именно поэтому Баранов их и позвал. Не знаю. Странно только видеть новых друзей своего старого друга. Ты себе их не такими представлял.

Впрочем, день рождения Баранова в рейтинге отвратительных застолий занимает не первое место. Первое место по праву достается серии застолий под управлением моей матери у меня дома. В главных ролях — подружки моей мамочки. Жир — главное слово этих праздников. Все жирное — и еда, и люди. Жирные куриные окорочка, плавающие в жире. Кулинарные шедевры моей матушки — пирожки из блинной муки с начинкой из тушенки. Подружки мамы то и дело заводили меня в уголок и шепотом говорили, что, если бы я не был так мал, у нас бы все получилось.

Ладно, не будем о грустном и противном.

В доме отдыха под Клином я, Ковров и Баранов шли к нашему номеру. Остановились покачаться на качелях. Воздух был влажным и вкусным. Елки вокруг. Снег белыми пятнами лежал на жирной, мокрой земле. Видим, стоит собака. Неизвестно, откуда она взялась. Стоит и смотрит на нас. Овчарка с мокрой шерстью, черные глаза — выпуклые и блестящие. Не тявкает, ничего. Стоит и смотрит. Мы, помню, особенно не испугались. Позвали ее. Баранов пытался подманить овчарку, присев на одно колено и хлопая по другому. Но ничего не вышло. Собака еще немного постояла, резко развернулась и убежала. Откуда она пришла и что значило ее появление, мы так и не поняли.

Вернувшись домой — а мы стали называть домом наш не особенно уютный номер, — мы заснули. Нет, естественно, вначале мы немного поржали. Само собой, обсудили цвет трусов каждого, а уже после легли. И хотя нас распирала неумная и какая-то юношеская радость, мы довольно быстро уснули. Не помню, что мне снилось в тот раз, но обычно сны у меня очень интересные. Например, такой.

Я иду с группой каких-то туристов по пещере. Вокруг сталактиты и сталагмиты. У проводника постоянно меняется лицо. Каждый раз, когда он на меня глядит, у него лицо кого-то из моих знакомых. Туристов, которые идут вместе со мной, я разглядеть не могу. А одну девушку помню. Очень красивая девушка в короткой бежевой маечке со сложным узором. Мы быстро проходим по подземным коридорам. И вдруг отчего-то начинаем бежать. Что за опасность нам угрожает, непонятно. Но мы бежим все быстрее и быстрее. И наконец выбегаем на свет. Я и мой проводник с меняющимися лицами. Мы оборачиваемся и видим, что вход в пещеру засыпает у нас на глазах. Мелкие камешки сыплются сверху, и черный вход постепенно ими заполняется. Я понимаю, что все туристы оказались засыпанными внутри горы. Но это меня не особенно расстраивает. Я бросаю еще один взгляд на вход, уже полностью засыпанный мелким щебнем. И вижу странную картину. Камешки, завалившие вход, сложились в точно такой же узор, который был у той девушки на майке.

Или еще один сон: я выбираю кресты в каком-то магазине крестов. Крестов в магазине много. Все они разных форм. Есть даже крест, похожий на конвейер.

Утром просыпались медленно и с удовольствием. Классно просыпаться, когда тебя никто не будит. Когда никто не орет над ухом: «Рота, подъем!» Это я еще в армии понял, как плохо вставать по команде.

Когда я в учебке служил, нас напугали проверкой. Какой-то главный по всем ВВС должен был приехать только за тем, чтобы заглянуть в нашу казарму и посмотреть, нет ли чего-нибудь лишнего в тумбочках у солдат. Всю ночь мы натирали полы вонючей мастикой. Лечь спать разрешили только под утро. Сквозь сон я услышал крик: «Рота, подъем!» — и вскочил как ошпаренный. И тут меня повело. От запаха мастики у меня закружилась голова, затошнило, и я упал в обморок. Друзья-солдаты выволокли меня подышать на лестницу. Сержант хотел было на меня наорать, но, увидев мою бледную морду, передумал. И разрешил немного полежать. Случай уникальный. Я лег обратно на свою кровать — единственную среди полутысячи заправленных — и моментально заснул. Проснулся от шагов. Кто-то ходил возле меня. Я был накрыт с головой, как в детстве, и боялся выглянуть из-под одеяла. Потому что шаги были уж очень значительные. Были и еще одни шаги. Кто-то семенял за человеком, ступающим тяжело и уверенно. Послышался властный голос. Главком ВВС все-таки посетил нашу казарму. Я тогда подумал, что мне конец. Один наглый солдат из всей роты не соизволил встать, когда главком пришел к нему в гости. Шаги приблизились. Я затаил дыхание. Главком остановился прямо

возле меня. Я подумал, что меня, наверное, расстреляют. Но главком слово вовсе и не заметил спящего бойца. Должно быть, он подумал — раз спит, значит, спать ему положено. Он что-то прорычал по поводу общего беспорядка нашему ротному — семенящие шаги — и ушел прочь. В тот день я первый раз за полгода выспался. Да и к тому же получил массу острых ощущений.

В армии был еще один случай. Мы — я, Ковров и еще два москвича — служили вместе. И вместе старались отлынивать от службы. Ну, к примеру, бегали в клуб, пытались там делать концерты к праздникам. За это и солдаты, и командиры ненавидели нас четверых еще больше. Видя нас на сцене в ролях патриотических героев, начальство хотело немедленно отправить нас на кухню. А солдаты полагали, что мы как сыр в масле катаемся. Хотя это было не так. Однажды старший лейтенант собрал нас в Ленинской комнате и сказал:

— Неуклонно наступает День Военно-Воздушных Сил. Это для нас с вами праздник, что ни говори. Поэтому я прошу вас сделать в его честь праздничную программу. Ну, вы понимаете?

— Понимаем, — ответили мы.

— Разучите песни, танцы подготовьте, *пантанину* какую-нибудь...

— Что-что? — переспросили мы, готовые упасть под стол от смеха.

— *Пантанину*, — повторил старлей.

Мы заржали, но тут же включились в разговор:

— Товарищ старший лейтенант, а *пантанина* длинная должна быть?

— Нет, не очень.

Старший лейтенант даже не замечал, что над ним издеваются.

В доме отдыха под Клином я, Ковров и Баранов проснулись, продрали глаза и пошли купить себе чего-нибудь к завтраку. При свете дня дом отдыха выглядел еще более облезлым. Но нас это не смутило. Настроение было хорошее. Спросили у какого-то скрюченного, сидевшего на трубе мужика:

— Где магазин у вас?

— Там, на трассе.

На трассе так на трассе. Пошли прямо к ней. Погода была чудо. Воздух очень свежий. На солнце невозможно смотреть — таким оно было ярким. А если рискнешь взглянуть на него, закрываешь глаза от слепящего света и наполняешься невыразимой радостью. Мы шли по сухой прошлогодней траве. Сзади нас остались полуголый лес и дом отдыха. Впереди виднелась трасса и деревня за ней. Да, забыл, небо было убийственно синего цвета. Я шел плечом к плечу со своими друзьями Ковровым и Барановым и думал, что, в сущности, я о них ничего не знаю. Мы знакомы с детства, мы служили в армии, мы живем в одном доме, но я все равно до конца не понимаю, что это за люди. Например, Баранов — он любит быть в центре внимания. Все актеры это любят. Он не выносит разных щекотливых положений. Впрочем, этого тоже никто не любит. Ему нравится веселиться. Вот чего уж никогда не понимал. Не только в Баранове. Меня поражала способность Баранова и некоторых других моих знакомых включаться в веселье. То есть минуту назад был хмурый человек, задерганный жизнью, но переступил порог дома, где справляют, положим, день рождения, и тут же начал радостно кричать, рассказывать анекдоты и плясать под музыку. Еще Баранов курит самокрутки. Если, конечно, это что-то говорит о человеке. Самокрутки из пахучего иностранного табака. Самокрутки у него получаются тоненькие, как спички. Но самое главное — Баранов счастливчик. По крайней мере так вам кажется, когда вы его узнаете. У него нормальная семья, что в наше время редкость. Прекрасные папа и мама. Он рано начал делать актерскую карьеру. Его взяли сниматься в кино еще в школе. После премьеры фильма по телевизору я, Ковров и Ба-

ранов пошли прогуливаться возле местного кинотеатра. Нас чуть не разорвали в клочья поклонники Баранова.

Баранов всегда был всеобщим любимчиком. С ним носились, им восхищались. Понятное дело, он всегда тянулся к людям значительным, имеющим вес. И только когда люди значительные были чем-то заняты и не имели возможности общаться с Барановым, он обращал внимание на нас — своих старых друзей. Тогда он уделял нам много времени и делил с нами радости и невзгоды. Вот как сейчас, например.

Мы вместе шли к магазинчику на трассе, чтобы купить еды к завтраку. Машины летели по трассе быстрым потоком по ближней и дальней полосе. Надо было перебегать. Что мы с грехом пополам и сделали.

Помню, как однажды меня чуть не сбила машина у Никитских ворот. Я перебежал улицу с мороженым в руке. Да еще на бегу пробовал его лизать. Внезапно услышал сзади жуткий визг тормозов. И что-то тихонечко-тихонечко толкнуло меня под колени. Я обернулся. Это был бампер затормозившей «Волги». За рулем красный от испуга шофер разевал рот. Но крика я не услышал. Чувства мои отключились. Сердце превратилось в шар и упало вниз по ноге куда-то в пятку.

Как все-таки хорошо, что я остался тогда жить! Хорошо, что «Волга» меня не сбила. Жизнь — это замечательная штука. Что еще может быть лучше, я не знаю. Возможно, две или три жизни.

В детстве я мечтал о комнате, полной старых толстых журналов. И жизнь я себе представлял следующим образом. Я сижу в уютной комнате и читаю эти журналы. Какое счастье, что мое мнение изменилось. В гробу я видел эти старые толстые журналы. Люди, которые живут вместе с тобой, — вот что самое интересное!

Я, Ковров и Баранов подошли к сельскому магазину, обсуждая на ходу, что мы будем брать. На улице было довольно прохладно. А внутри магазина, честно сказать, душновато. За прилавком стояла очень красивая женщина. Конечно, у каждого свой вкус. Лично мне нравятся женщины в возрасте. По-английски их называют «mature». Женщина за прилавком была именно «mature». Стройная, каштановые волосы, большие голубые глаза, длинные ресницы. Непонятно, как она попала в такой магазин. Разве что в селе это была самая престижная должность. Разумеется, самая красивая женщина села занимает самую престижную должность. Нам понравилась эта женщина. Все мы сразу стали шутить, избрав объектом шуток кого-то из нас. Точно не помню. Наверняка объектом был я. Друзья проходились по поводу моего аппетита. Женщина не смеялась. Кажется, даже не улыбалась. Она смотрела на нас широко открытыми глазами и отвечала на вопросы как-то уж очень серьезно. Затем появилась директор магазина. Женщина назвала ее оригинальным именем — Аврора Степановна. Директриса вышла, покрутилась возле нас, отдала несколько идиотских приказов прекрасной женщине за прилавком и скрылась. Мы звали продавщицу составить нам компанию. Но она не захотела. Да мы особенно и не настаивали. Что говорить, мы в тот день были настроены на неудачу.

Сейчас я расскажу про свой роман с одной зрелой женщиной. Понимаю, что это не очень-то красиво. Но уж очень хочется рассказать. Надеюсь, что она не обидится. Случилось это следующим образом. Со своим другом Тимуром мы ехали с нашей общей работы. Работа была не пыльная. Больше того, там было принято каждый божий день пить горькую. Домой нам ехать не хотелось. Завернули в летнее кафе — столики на улице, а на большом экране джазовые певцы поют свои песни. Выпил я достаточно. Весь мир уже качался у меня перед глазами. В кафе присели за столик к знакомым Тимура. Еще выпили. Как-то неожиданно я обнару-

жил, что уже всю ругаюсь с очень привлекательной женщиной лет сорока, в бейсболке и с кудрявыми волосами. Не помню, из-за чего мы повздорили. По-моему, она как-то слишком нагло смотрела на меня голубыми глазами. Не ответив на мой очередной выпад, она поставила стакан на стол, встала и направилась к своей машине. Как и большинство, выпив, я становлюсь очень наглым. Бросив Тимура, я последовал за Светой. Так ее звали.

Далее вспышки, короткие клипы... Я сижу на пассажирском кресле, она ведет машину. Я пытаюсь залезть к ней под кофточку, она отбивается, умудряясь рулить. Далее меня из машины выгоняют. Автомобильная дверь хлопает, я остаюсь на ночной улице. Что делать. Иду домой.

Вторая встреча со Светой произошла по моей инициативе. У Тимура я все расспросил. Она работала в школе учительницей рисования и, кажется, лепки. Я взял и заявился к ней в кабинет после уроков. Света была удивлена и рада. Поболтали. Она мне показала детские рисунки и поделки. Потом заперла кабинет. Там все и случилось. После мы встречались еще несколько раз. На одном из последних свиданий я повел себя по-хамски. У нас не было места для встреч. Она колесила со мной по городу, а я ей говорил:

— Ну ты что, никакого места не можешь мне предложить?!

Она остановила машину и сказала обреченно:

— Я могу тебе предложить только свой класс.

— Ну, так не пойдет! — заявил я нагло.

После этого мы увиделись через несколько месяцев. Я, понятное дело, начал к Свете приставать. Она дала мне потрогать свою грудь.

— Вот видишь? — сказала она.

— Что я должен видеть?

— Я ничего не чувствую. Я тебя больше не люблю.

Мы остались хорошими друзьями. Может, это смешно, но я до сих пор не могу понять, что она за человек. Если бы я снимал немой фильм, я бы непременно предложил ей главную роль. Она бы справилась. Она в жизни умеет заламывать руки так, что это вовсе не кажется смешным. Что я еще могу о ней сказать? Она была доброй. Ей не хватало любви. Ей нравились красивые вещи. Она часто смеялась, чтобы скрыть смущение. Я говорю о ней, как будто она умерла, но она, слава Богу, жива. Просто когда мы были вместе, я и не подумал узнать ее поближе. Как много я потерял.

Я, Ковров и Баранов купили в сельском магазине мелкой копченой рыбы, пива и еще какой-то съедобной ерунды. Переходя трассу, мы заметили двух проституток. Ковров и Баранов точно определили, кто это. Это проститутки, сказали они. Но у меня такой уверенности не было. Я наблюдал двух обычных девиц, стоящих у дороги. Думается мне, мужчины делятся на два вида. Одни могут определить проститутку на глаз, а другие не могут этого сделать. Я не могу.

— Девчонки! — кричу я девицам.

Баранов и Ковров надо мной смеются. (Обычное явление.) После они неоднократно будут пересказывать, как я приставал к тем девицам у дороги, прибавляя к рассказу все новые и новые фантастические краски. Они будут гордиться, что на тех девиц они не позарились, а я к ним приставал. Да. Я такой. Мне не стыдно. Тем более девицы не стали меня слушать, а пошли вдоль дороги, удаляясь от нас. Мы направились совсем в другую сторону.

Надо заметить, что в крови у нас еще бродил вчерашний алкоголь. У меня болела голова. Мне всегда казалось, что так сильно, как у меня, ни у кого голова болеть не может. Разумеется, это не так. У каждого своя головная боль. В самом широком смысле этого слова.

Мы все еще не протрезвели со вчерашнего дня. Пьянство — замечательное средство для того, чтобы выбиться из накатанной колеи. Я имею в виду неожиданное, спонтанное пьянство.

Однажды мой друг, Лопатник, получил зарплату — довольно внушительную сумму денег. Зарплату на его работе было принято обмывать. В промежутках между рюмками он постоянно перекладывал деньги, желая их спрятать подалеже. Затем он отключился. По его словам, он проснулся дома через восемь часов. Где он был, что делал все это время — загадка. Проснувшись, Лопатник начинает напрягать память, пытаясь вспомнить, что с ним все-таки было. В голове его появляются отдельные картины. Вот он, сильно качаясь, идет по улице. Вот он входит в уличное кафе. Делает заказ. Ему приносят выпивку и закуску. Но он почему-то сразу поднимается с места и выходит. Вот он снова бредет по улице. И все сильно качается вокруг. Неожиданно моего друга пронзила мысль о зарплате. Он бросился искать рюкзак. Он перерыл весь дом. Он даже заглядывал в туалетный бачок. Отчаявшись, Лопатник сел на подставку для ботинок и привалился спиной к вешалке. И тут он почувствовал рюкзак. Все это время рюкзак висел у него за спиной. Слава Богу, деньги были в рюкзаке.

У меня самого давным-давно случился довольно неприятный случай, связанный с пьянкой. Еще в школе весь наш класс пригласили сниматься на Одесскую киностудию. Фильм о школе. Как обычно, ни грамма правды о жизни подростков. Въехали мы большой толпой в гостиницу «Экран», расселились по номерам. Меня, как назло, поселили в номер с педагогом Н. Н. На второй, кажется, день мы купили очень много водки. Очень много — это для нас было две бутылки на восьмерых. Закуски не было. Несколько баранок — и все. Стояли в номере между кроватями, переминаясь с ноги на ногу, и через силу вливали в себя алкоголь. Хрустели баранками. Кашляли от крошек, попавших не в то горло. Опьянели мгновенно. Да так, что стали падать. На пути к туалету образовалась очередь. Причем все люди в этой очереди стояли на четвереньках. Когда я оказался напротив унитаза, я услышал злой голос.

— Где ключи? — спросил Н. Н.

— Спроси у Н. Н., — ответил я, и меня немедленно вывернуло наизнанку.

Но это еще не все. Н. Н. послал меня вниз к кастелянше за ключами. Уж не знаю, что я там кастелянше внизу говорил, только закончилась вся эта история для меня плачевно. Наутро я проснулся в своем номере. Еле встал с кровати (здоровствуй, головная боль) и поплелся на сбор съемочной группы на Одесской киностудии. Там педагог Н. Н. зачитал официальную бумагу. В бумаге было сказано, что съемочная группа фильма в моих услугах больше не нуждается. Я оказался козлом отпущения. В итоге все мои одноклассники на два месяца оставались развлекаться в Одессе, а я отправлялся домой, в душную Москву. Поезд Одесса — Москва отходил в день моего рождения. Я уезжал, обидевшись на весь белый свет. Думаю, до конца эта обида не прошла. Никто из друзей-одноклассников не пошел меня провожать. Только один Копальский, с которым мы и не дружили вовсе, довез меня до вокзала и помахал мне рукой.

Копальского люблю до сих пор. Высокий, статный брюнет, он уже в седьмом классе разбирался в политике и использовал в своей речи довольно сложные слова. Он единственный, кто был со мной в ту трудную минуту. Иногда кажется, что добро забывается слишком быстро. На самом деле — нет, не забывается.

Когда поезд тронулся, я чуть не расплакался. Уж очень весело мы жили в гостинице «Экран». Как-то раз решили сыграть в карты. Договорились, что тот, кто проиграет, пойдет вниз в вестибюль, где несколько здоровенных актеров смотрят футбол, и спросит у них десять раз: «Это финал?» Проиграл Сенин. Мы всей толпой спустились на лифте вниз и остановили ка-

бину на первом этаже. Мы зажали двери лифта ногами, чтобы видеть любителей футбола, сидящих напротив экрана, а также чтобы в случае чего быстро уехать вверх. Подтолкнули Сенина в бок, и он пошел. Остановился он среди телезрителей, следивших за ходом матча.

— Это финал? — спросил Сенин.

— Это полуфинал, — ответил ему кто-то.

Сенин помолчал немного, а после опять спросил:

— Это финал?

Один из артистов отвлекся от футбола и посмотрел на Сенина:

— Это полуфинал.

Через несколько секунд Сенин снова задал вопрос:

— Это финал?

Теперь к нему повернулось уже несколько голов.

— Мальчик, тебе же русским языком сказали: это полуфинал.

— Я понял, понял, — проговорил Сенин примирительно. — Я просто хотел спросить: это финал?

— Это полуфинал, иди отсюда! — зарычали на него.

— А все-таки — это финал? — не унимался Сенин.

Болельщики вскочили со своих мест. Сенин бросился к лифту. Баранов нажал на кнопку. Мы попадали на пол едущей кабины, задыхаясь от смеха.

Прибыв с позором в Москву, я, помню, как-то туманно объяснил матери причину своего возвращения. Больше ехать мне было некуда. Я два месяца провел, загорая на канале имени кого-то там. Научился прыгать с моста рыбкай. Только после узнал, что под водой, в том месте, куда я сигналь рыбкай, утопили огромную ржавую арматуру. Выходит, все лето я рисковал жизнью.

Хотелось бы еще рассказать о моем друге Копальском. Человек он странный и очень обаятельный. Работать он не любит. Его головушку постоянно занимают фантастические проекты. Естественно, он хочет разбогатеть. Чего же еще. Помню, в трудовом лагере под Николаевом он с двумя приятелями-тугодумами затеял бизнес. В то лето мы собирали огурцы. Копальский решил у себя в комнате засолить несколько банок мелких огурчиков, а после продать втридорога. Долго он носился с этой идеей. Чуть ли не из Москвы ему прислали рецепт. Затем Копальский охранял свои огурчики, чтобы мы их не сожрали. В итоге мы все равно их слопали. Копальский отдал нам их совершенно бесплатно. У него все начиналось серьезно и по-деловому, а заканчивалось разгильдяйски. Западные ценности всегда очаровывали Копальского. Еще в школе он превозносил все иностранное. Рассказывал истории о жизни американцев и французов. Хотя сам за границей не был. Иногда он приносил в школу иностранную дребедень. Его отец изредка ездил в командировки. Мы клянчили у Копальского зарубежные сувениры. Копальский держался с достоинством. Один его ответ останется в веках. Мы спросили:

— Копальский, у тебя жвачка есть?

— Есть, — ответил Копальский. — Но ее крайне мало.

Выражение лица у него при этом было настолько значительным, что мы немедленно отстали. Однажды он пришел в школу в кофте с английской надписью «СНАМР» на груди. Кофта была нарядная. Все ему завидовали. В этой же кофте Копальский поехал отдыхать к родственникам под Челябинск. Под Челябинском кофта произвела фурор. Правда, один абorigine подошел и аккуратно спросил Копальского:

— А почему это у тебя на груди «снамыр» написано?

После этого мы пытались называть Копальского «снамыр», но кличка не прижилась. Есть люди, которым клички не идут. Копальский из таких.

Окончив школу, Копальский подался на Запад, в Германию. Там его официально признали евреем. Большая ошибка немецкого правительства.

Копальский и его друзья высосали из немецкой казны столько денег, что на них, должно быть, можно было еще раз отремонтировать Рейхстаг. Копальский в Германии не воровал, не грабил на большой дороге. Он учился. Просто учился. Как, спрашивается, жить в Германии безбедно? Нужно учиться и не заканчивать высшие учебные заведения. Уходить с последнего курса и поступать в другое учебное заведение. Служба социальной помощи исправно платила Копальскому за эту тягу к знаниям. На кого он только не учился. Апогеем образовательного марафона стало поступление Копальского в некий университет. После этого на вопрос, на кого он учится в этот раз, Копальский с гордостью и с какой-то непростой интонацией отвечал: я учусь на еврея.

Там же в Германии Копальский женился на очень симпатичной и милой девушке. Девушка эта не стеснялась рассказывать о себе смешные истории. Один рассказ был о том, как она, пытаясь выпить из баночки йогурт, опрокинула его себе на лицо. В этот момент она в одиночестве стояла на перроне. А на противоположном перроне ожидала поезда огромная толпа. Когда йогурт вывалился на лицо девушке, толпа напротив чуть ли не зааплодировала. Не каждая девица решится рассказать о себе такое.

Я, Ковров и Баранов с закуской и выпивкой подошли к какому-то бревенчатому сараю, стоящему посреди поля, и расположились на крыльце. Из закуски, помню, у нас была мелкая копченая рыбка в размокшей картонной коробке. Я ел рыбку вместе с головой и костями. Баранов пытался каждую рыбку очистить. Бесплезное занятие. Начали разговаривать. Конечно, о женщинах. Баранов любит описывать свои любовные похождения. Иногда его рассказы изобилуют такими деталями и подробностями, что тебя пробирает, словно на мороз вышел.

И Ковров, и Баранов относятся к женщинам как к людям. Я — нет. Не то чтобы я не признавал, что в них есть что-то человеческое. Вовсе нет. Просто для меня женщины — не люди, они что-то вроде инопланетян. Чужие мне существа, которых я абсолютно не понимаю. Они ведь и внешне совсем не похожи на мужчин, если вы заметили. Почему же вы уверены, что и в головах у них то же, что и у мужиков? Судя по моему опыту, они притворяются, что понимают мужчин. На самом деле они ходят по мужикам, как по ступенькам. Постараюсь еще раз объяснить. Я лично им не доверяю. При общении с женщиной я испытываю робость и страх. Страх того, что она поставит меня в какое-то чрезвычайно затруднительное положение. Положение, из которого я никогда не выберусь. Я боюсь женских насмешек. Я внимательно прислушиваюсь к женским словам и очень чутко на них реагирую. Когда женщина оказывает мне знаки внимания, я искренне удивляюсь. Почему-то я на сто процентов уверен, что между мужчиной и женщиной не может быть нормальных человеческих отношений. Ведь если они сразу могут лечь с вами в постель, думаю я, почему бы им сразу не пойти и не лечь в постель. К чему разговоры? Главное, мне кажется, уметь заговорить женщине зубы. Запудрить ей мозги — вот залог успеха. Я уверен, что нормальных слов женщины не понимают. Мне кажется странным, что женщина тоже может чувствовать. Что она, к примеру, тоже может хотеть мужчину. Когда женщина говорит мне «я тебя хочу», мне кажется, что она нагло врет. Но, несмотря на все вышесказанное, если женщина попросит меня о чем-то, я выполню все, что она захочет. А женские слезы настолько пугают меня, что я чувствую слабость в коленях и готов пойти на все, только бы этих слез больше не видеть. Мои женщины плачут довольно часто. И я сразу становлюсь послушной марионеткой.

Попивая пиво и заедая его рыбкой, мы сидели на крыльце сарая. Постепенно я вышел из разговора. Наблюдая, как болтают мои друзья, я по-

лучаю истинное удовольствие. Меня почему-то очень радует факт, что они просто треплются. Они не ругаются между собой, не врут друг другу, не заискивают, а просто чешут языками. И это, я считаю, само по себе замечательно.

Баранов обладает интересной способностью. Он может в разговоре быть энергичнее, чем это требуется. Словно общение для него — это тяжелая работа. Преувеличенно удивляться, громко смеяться, говорить восхищенное «правда, что ли?» — все это Баранов зачем-то делает. Ковров — наоборот. Этот долго слушает, а после припечатывает какой-нибудь ударной фразой.

Сидя на крыльце, мы сетовали на то, что напрасно сюда приехали. Бессмысленная поездка. Ничего умнее не могли придумать. И девиц тут нету, и время теряем. Хотя, в общем, неплохо. И пиво есть, и солнце светит. Слово за слово, решили смотаться в Клин. Разведать обстановку. Может, думаем, нам повезет и мы там с кем-нибудь познакомимся. Да и сидеть на одном месте, честно говоря, надоело.

Снова вышли на трассу. Поймали «Волгу». В «Волге» мужик, который с трудом видит дорогу из-за висящих перед лобовым стеклом игрушек: бельчата, звездочка с лучистыми глазками и комичные лягушата как-то не вяжутся с небритой мордой шофера. Зачем он их повесил? Может быть, дочка попросила. Погладила папу по голове и попросила повесить: «Хотя бы одну, папа». Папа скрепя сердце повесил — пусть болтается. Затем еще и еще. И вот уже болтается целая коллекция.

Мы сели в машину. Мужик не побоялся посадить нас троих одновременно. Эта тема, кстати, потом будет иметь продолжение. Тронулись с места. Справа и слева потянулись поля и раздолбанные автобусные остановки. Солнце куда-то скрылось. Небо стало сероватым. Почему моя родина имеет такие унылые пейзажи? Зачем в моей родине так много места? Так много, что люди бродят по ней и никак не могут по-настоящему внимательно разглядеть друг друга? Мы разговариваем с людьми подолгу, а после не можем узнать их на улице. Мы попросту не смотрим им в глаза. Нам это неинтересно и почему-то стыдно. Мы забываем имена, переспрашиваем по многу раз и все равно их не помним. А в памяти остается какой-то дурацкий, непонятно кому принадлежащий номер телефона. Бесполезные семь цифр. Чей же это телефон, в конце-то концов? Чей же это телефон?

Прибыли в Клин без помпы. Встречающих не было. Оркестра тоже. Сразу пошли в магазин, обшитый листовым, покрашенным зеленой краской железом. Издали магазин напоминал танк. Прибывая в новый город, сразу хочется в нем что-нибудь съесть, чтобы попробовать город на вкус. Так должно быть не только у меня одного. Мы купили в магазине чего-то перекусить и, конечно, приобрели знаменитое «Клинское» пиво. Дрянь пиво оказалось. Думается, это из-за воды. Вода здесь паршивая. В голове сразу выстроилась цепочка: ржавая вода, которая еле течет из крана в нашем номере в доме отдыха; эту воду в баки набирает знакомый нам француз; он везет воду на завод и там разливает ее в фирменные бутылки, — вот тебе и пиво.

Выходя из магазина, увидели объявление. Все желающие приглашались на дискотеку в 22.00. Решение созрело сразу. Сейчас вернемся в наш дом отдыха, еще погуляем, выпьем, приведем себя в порядок, а в 22.00 отправимся на дискотеку в Клин и произведем там фурор. Настроение немедленно поднялось. Клин, конечно, не Иваново, но, возможно, какие-нибудь три девицы тоже чахнут под окном. И тоже собираются посетить дискотеку. Хотят отправиться на нее так, для очистки совести. Чтобы потом, окончательно разочаровавшись в мужчинах, уйти в монастырь. Чего мы им сделать, разумеется, не дадим.

Обратно в свой родной дом отдыха мы ехали на «рафике», который поймали на шоссе.

С «рафиком» была связана следующая история. Я работал в одной фирме. Счастливым было время. Фирма богатела, работники еще не стали коллегами, а были просто друзьями. Водителем на фирме служил некий Сергеич — бывший характерный артист. Пятьдесят лет, лысина, здоровенные бицепсы и сочная речь. К примеру, он орал в окно «рафика» водителям, стоявшим на светофоре: «Езжай, зеленая не будет». Так вот, мы вместе с работниками фирмы ехали в ресторан. Обычно рабочий день такими поездками и заканчивался. Как правило, напивались вечером. Но в тот день все были пьяными уже с утра. Сергеич вел «рафик», резко поворачивая руль то вправо, то влево. Мы, сидя внутри «рафика», гремели костями, икали и громко матерились. Короче, было весело. Я немножко боялся аварии. И авария произошла. Микроавария. Сергеич направил «рафик» в коридор между двумя рядами машин, и «рафик» срезал литое зеркало какой-то иномарки. Сергеич затормозил. Мы до конца не поняли, что произошло. Внезапно в открытом окне «рафика» появилась голова хозяина покалеченной иномарки. Он оглушительно орал. При этом он потрясал серебристым зеркалом с торчащими из него проводками. Зеркало в его руке было похоже на крупную рыбу. Возмущенный крик хозяина иномарки заполнил салон «рафика». Крик ровной густоты и силы, в котором, однако, можно было разобрать какие-то слова. Хотя мы и были пьяными, крик этот начал нам надоедать. Тогда заместитель директора рывком вытащил из сумочки на поясе две крупные купюры и сунул их под нос хозяину иномарки. Крик разом прекратился. Как будто, нажав на кнопку, резко выключили звук. Пострадавший автовладелец вырвал купюры. Голова его немедленно исчезла. Никогда ни до, ни после я не видел, чтобы человек исчезал столь быстро. Подобное случается лишь с сильно напуганными героями мультфильмов.

Помню, в детстве в пионерском лагере я сделал один мультфильм. Сам от начала и до конца. Вообще-то это была история любви. Я закончил четвертый класс, а ей было двадцать пять лет. Но она уже была пожилой девушкой. Есть такой тип. Героиня Островского, которая крадет деньги, чтобы отдать долги беспутного повесы. Все дети в пионерском лагере пошли знакомиться друг с другом, а я направился устраиваться в кружок. Люблю заниматься каким-нибудь делом. Это прекрасно спасает от скуки. Все кружки находились в деревянном доме с надписью «Самоделькин». Тут же рядом с надписью был изображен и сам рахитичный человек из мультфильма. Я вошел внутрь, прошел по коридору и толкнул дверь с надписью «Мультстудия». Девушка поднялась мне навстречу:

— Здравствуйте.

— Здравсьте, — сказал я.

— Хотите записаться?

Записаться я хотел.

— Мы здесь делаем мультфильмы. От начала и до конца. Все делаем сами: рисуем, снимаем, а после, если мультфильм получится, его покажут на прощальном вечере для всех ребят.

— Я рисовать не умею.

— Это не страшно. Я вам помогу.

Кажется, она меня стеснялась. Я ее стеснялся тоже. Она говорила мне о том, как нужно выстраивать кадр, рассказывала об устройстве кинокамеры и смотрела куда-то в сторону. Всю смену мы были с ней одни. Я ходил в мультстудию каждый день. Больше записываться в кружок никто не пришел. У нее были темные волосы, очень румяные щеки и длинные пальцы. Я решил снимать мультфильм под названием «Человек и муха». Сценарий будущего шедевра я тоже написал сам. Хронометраж — минута. И захватывающий сюжет.

ЧЕЛОВЕК И МУХА

Крупно — лицо человека в очках.

В кадре появляется муха. Она кружит возле лица человека.

Человек следит за ней глазами.

После в кадре появляется рука человека и ловит муху.

Затем человек закрывает глаза и представляет себе ужасную картину:

Огромная муха гонится за ним, а он такой маленький-маленький.

На крупном плане человек открывает глаза и отпускает муху.

Муха улетает с раскрытой ладони, а человек улыбается.

Замечательный, гуманный финал. Я до сих пор люблю хеппи-энды. Девушка из кружка помогала мне на всех этапах работы. Она клала ладони на мои руки и сдвигала разрезанную на мелкие кусочки муху, чтобы снимать ее по кадрам. Мне было стыдно, но сбежать из мультстудии не хотелось. Еще я почему-то ясно понимал, что девушка эта несчастна. Что-то с ней было не так. Она была грустная. Счастливая девушка не стала бы торчать в этом глупом кружке.

Мультфильм я снял. Черно-белая пленка, 16 миллиметров. Его при большом стечении пионеров показали на прощальном вечере в клубе. К сожалению, я при этом не присутствовал. Не помню, по какой причине мать забрала меня из лагеря раньше времени.

Пионерский лагерь я ненавидел. Возможно, отношения своего я тогда не мог сформулировать, но общественные организации меня всегда бесили. Именно в пионерском лагере я понял, что жизнь наша движется по кругу. Что все заранее предопределено. Что, даже если ты не хочешь совершать какие-то поступки, ты обязательно их совершишь. Я лично могу доказать это на примере моих встреч с одним рыжим парнем. В пионерский лагерь я ездил четыре или пять лет подряд. И всякий раз повторялась одна и та же история. Мы с рыжим знакомились на общем сборе перед посадкой в автобусы. Каждый год мы знакомились заново. Потому что за год напрочь забывали о существовании друг друга. Далее наша дружба крепла. Рыжий был отличный парень, отзывчивый и веселый. Мы выбирали кровати, расположенные друг возле друга. Везде ходили вместе. Рассказывали друг другу разные истории. После рыжий увлекался какой-нибудь фигой. К примеру, он начинал как ненормальный делать помпоны из шерсти или ковбойские шляпы из плотной бумаги. Не знаю, как сейчас, но тогда это было нечто вроде эпидемии. Все дети бросались складывать из бумаги ковбойские шляпы, и ничто не могло их остановить. В конце смены я обязательно у рыжего что-нибудь воровал. То есть как будто какая-то сила заставляла меня стащить у него любимую вещь. И так каждый год. Помню, тихий час. Рыжий спит. А я сижу на кровати и собираюсь вытащить из нашей общей тумбочки красивый шерстяной помпон на ниточке. Я знаю, что этот помпон у рыжего самый любимый. Мне известно, что он очень расстроится, обнаружив его пропажу. Мне понятно, что он точно подумает на меня. Но я не могу не украсть. Я краду. Мы ссоримся. Смена кончается. И мы разъезжаемся по домам.

Я, Ковров и Баранов снова в нашем замечательном доме отдыха. Делать по большому счету нечего. Единственное занятие — прихорашиваться перед поездкой в Клин на дискотеку. Известное дело, мужчины следят за собой внимательнее, чем женщины. Был у меня приятель — Самсонов. Они жили с уже известным вам Копальским в Одессе в одном номере. Самсонов был чистюля знаменитый. Волосы он мыл два раза в день. Душ принимал при любой возможности. В Одессе тогда отключали воду. Те же короткие промежутки времени, когда вода текла, Самсонов проводил в ванной комнате. Все остальные проводили это время в очереди перед ван-

ной комнатой. Рубашки Самсонова отличались неземной белизной. В свободное от съемок время он яростно гладил свои вещи. Он даже майки гладил. Лично я считаю это извращением. Ботинки Самсонов чистил по нескольку раз в день. При этом он сидел с ногами на разобранной кровати. Его день начинался с чистки ботинок. Он просыпался, открывал глаза, брал ботинки и принимался их драить. Однажды Самсонов вылил на свои ботинки флакон дорогой туалетной воды. Вода принадлежала Копальскому. Зачем он истребил целый пузырек, осталось загадкой. Может быть, он хотел свою обувь продезинфицировать? Самсонов отличался высокомерием. Ходил с высоко поднятой головой. Был со всеми подчеркнуто любезен, но собеседников не замечал. Возле Самсонова всегда находилась его мама. Она ругалась за Самсонова, она отстаивала его интересы, короче, делала за Самсонова всю грязную работу. Кончил Самсонов плохо — погиб в расцвете лет. Жаль его. Такие люди — самовлюбленные, с надменным взглядом из-под полуопущенных век — обсуждаются и осуждаются всеми. Они злят окружающих и притягивают к себе много отрицательной энергии. Соответственно агрессии в мире становится меньше.

В доме отдыха под Клином я, Ковров и Баранов вспоминали былые дни. Честно говоря, нам было что вспомнить. Например, история о том, как зимой мы сидели на крыше. Было нам лет по восемь. В то время наш район был полон двухэтажных и одноэтажных домов, которые строили пленные немцы. Даже продуктовый магазин возле кинотеатра в народе называли «немецким». Была зима. Мы гуляли по району. Точнее сказать, шатались без цели и дела. Поднимали с земли какие-то предметы и тут же выкидывали. Глазели на все, на что только можно было поглазеть. Несколько раз мы бросались бежать, увидев вдалеке местных хулиганов. В итоге мы подошли к одному из «немецких» домов. Он был одноэтажным, окна у него были выбиты. Дом окружали высокие снежные сугробы. Дверей в доме тоже не было. Судя по всему, жители его оставили, и довольно давно. Лазить по старым домам — это было одно из наших любимых развлечений. (Однажды мы, кстати, долазились. Ковров развел костер на полу почти такого же дома, и дом сгорел дотла.) Зайдя внутрь, мы побродили в темноте среди загнивающих стен и не нашли ничего интересного. Поднялись наверх, на крышу. Сели там рядком на ржавых листах железа, покрытых пластинами подтаявшего снега. Разговор сразу пошел о том, кто бы мог с этой крыши прыгнуть. Каждый из нас говорил, что он может, но только не первым. Обвиняли друг друга в трусости. Но первым прыгнуть никто не осмеливался. Сели еще ближе к краю. Внимательно рассмотрели сугроб, куда можно было бы приземлиться. Подходящая куча снега — белый, пушистый и несмерзшийся. В такой и провалиться по пояс было бы приятно. Опять заспорили о том, кто подаст пример. Не знаю, как Коврова или Баранова, но меня охватило чувство или даже предчувствие, что прыгать в этот сугроб не стоит. Точно помню, что предчувствие такое было. Видимо, и друзей моих что-то испугало. Короче, не решились мы прыгнуть. Слезли с крыши, подошли к сугробу. Ковров ногой сдвинул верхний рыхлый слой снега. Мама моя, чего там только не было. Палки с ржавыми гвоздями, острое битое стекло, обрезки жести и тому подобная неприятность. Если бы мы в этот сугроб прыгнули, наши родители носили бы нам в больницу передачи.

Также мною была рассказана история про моего дядю. История, в общем-то, довольно страшная. У людей, которым я ее рассказываю, всегда появляется странное выражение на лицах. Нечто между испугом и брезгливостью. Я их понимаю.

Дядя был человеком замечательный. Родился в Москве. Получил высшее образование. Вышел из института, кажется, инженером. Стал работать по специальности. Как все интеллигенты того времени, читал запрещенную

литературу и слушал «Голос Америки». Также дядя писал стихи и вырезал клевые скульптуры из дерева. До сих пор помню фигуру из корней и половины ствола. «Олень» называлась композиция. Дядя умел по-особому взглянуть на грязный кусок дерева и сделать из него произведение искусства. Отсекал он совсем немного, но в итоге получалось здорово. Он умел найти с деревом общий язык. Находить общий язык с людьми у него получалось гораздо хуже. Дядя связался с диссидентами. По слухам, они активно осуждали культ личности. Осуждали уже после того, как культ личности был развенчан на самом вершине. За это, наверное, и поплатились. Просто немного перестарались. Дядю посадили. Сидел он где-то на севере. Там простудил голову. Как говорят, именно от этого он начал потихонечку сходить с ума. Первый случай, когда его ненормальность проявилась, семейное предание сохранило во всех подробностях. Однажды дядя вернулся домой, отозвал свою сестру в сторону и сказал:

— Я сейчас в троллейбусе нашу мать видел.

— Глупости, — сказала сестра. — Мать целый день дома сидит.

— Нет, — не унимался дядя. — Я ее видел. Она стояла в другом конце троллейбуса и на меня смотрела. Она за мной следила.

— Глупости, — не унималась сестра. — Наша мать дома.

Так они спорили некоторое время, пока сестру не осенило: он ненормальный, больной. Болезнь дяди стала прогрессировать. Его положили в психушку. Затем дали ему инвалидность и маленькую однокомнатную квартирку в новом районе. Болезнь накрывала дядю какими-то волнами. То он смотрел на тебя бешеными глазами и нес околесицу, а то был нормальным милым человеком. Милым человеком он был после того, как получал серию уколов в психбольнице.

Ко мне он относился прекрасно. И я его любил. Он, например, позволял мне разрисовывать стены фломастером. Я с удовольствием расписал ему кухню. Впрочем, дядя и сам оставлял на стенах надписи. Одна из них гласила: «А в Музее Ленина вся шинель прострелена». Не знаю, чьи это стихи. Может, дядины? Сам он писал стихи в маленьких самодельных тетрадках. У меня сохранилась одна, обклеенная бархатной цветной бумагой. Стихи в ней, прямо скажем, далеки от совершенства. Вот такое, например:

*Думы о судьбах России
всё тревожат меня...*

И далее:

*Думы о родине судьбах,
о негодях и судьях...*

Дядя открыл мне творческую часть жизни. Оказалось, что можно сочинять и быть абсолютно свободным и независимым. Дядя просто клеил тетрадки и плевал на чье-либо мнение. Зимой дядя толстел, а летом очень сильно худел. Он гулял босиком по своему району и занимался карате на берегу речки, которая протекала неподалеку. Карате — это было просто активное махание ногами и руками. Я с удовольствием бегал на речку вместе с ним. И вообще, мне нравилось жить у дяди. Он меня никогда не обижал.

Впрочем, был один случай, когда дяде давно не кололи лекарств, и он стал неуправляемым. Однажды он появился у нас дома, вращая глазами и неся какой-то бред. Затем он ушел, и я обнаружил, что он украл мой маленький кассетный магнитофон. Тогда я учился в восьмом классе, был уже почти взрослым и даже курил. Делать было нечего, я отправился вызволять свой магнитофон. Надо заметить, что вид тогда у меня был странный. За день до этого я позволил всему классу постричь себя. Буквально каж-

дый брал ножницы и отстригал у меня по пряди. Я искренне надеялся, что после этого поступка меня в классе будут уважать. На самом деле все только посмеялись надо мной, и уважения мне эта акция не прибавила. Прическа на голове была жуткая. Короткие волосы топорщились, а длинные пряди свисали. Удивляюсь, как меня не остановил на улице милицейский патруль. Приехал я к дяде. Он долго не хотел меня впускать. В итоге приоткрыл дверь, и я, извернувшись, как-то в его квартиру забежал. Пока нашел магнитофон, пока затолкал его в сумку, дядя меня в квартире закрыл. Ладно бы входную дверь, так дядя запер еще дверь, ведущую в комнату. Страшно не было. Я пошатался по комнате, покурил, затем вышел на балкон. Седьмой этаж. Темное небо. Внизу по дороге с шелестом проезжали машины. Я перекинул лямку сумки, в которой лежал магнитофон, через голову. Еще немного постоял, а после стал перелезть на соседний балкон. Говорят, в такие моменты не стоит смотреть вниз. Я посмотрел. Ничего особенного не произошло. На соседнем балконе стояли велосипеды — детский и взрослый. Пришлось перелезть еще и через них. Оказавшись на чужом балконе, я заглянул в окно, ведущее в комнату. Соседи смотрели телевизор. Все чинно и прилично. Муж, жена, дочка и сын. Они как бы смотрели в мою сторону, только немного ниже — туда, где мерцал экран. Звука телепрограммы я не слышал. Постоял еще немного, собрался с силами и постучал в стекло. Соседи оторвались от экрана и уставились на меня. Для них это был шок. Я лично таких испуганных и удивленных взглядов больше в жизни не видел. Пришлось постучать еще раз, чтобы привести их в чувство. Глава семейства открыл мне балконную дверь. Теперь соседи меня узнали. Думаю, поначалу их сбила с толку моя дикая прическа. Сопровождаемый всеми членами семьи, я проследовал к выходу. Что сказать, они мне даже посочувствовали. Привыкли к выходкам моего дяди.

Мне кажется, после этого происшествия дядя стал сдавать. Какое-то время спустя он завел себе подружку. Тоже из сумасшедшего дома. Была она похожа на бывшую хиппушку — тихая, улыбчивая. Плела из бисера фенечки и даже небольшие картины. После свои поделки продавала. Дядя в ней души не чаял. Короче, они нашли друг друга.

Вдруг я узнаю, что у нее случился приступ душевной болезни. Она съела кучу каких-то таблеток и утонула в ванной. Жуть. Дяде, понятно, немедленно сделалось худо. Он попал в больницу. Пролежал там довольно долго и вышел, помню, в начале осени. Вышел другим человеком. Совсем уже сам не свой. Закончилось все печально. Дядя тоже отравился таблетками — теми самыми, которые в малых дозах делали его нормальным человеком. Самоубийство произошло летом. Мертвый дядя несколько суток пролежал в квартире. Обнаружили его соседи, к которым я в свое время перелез через балкон.

Дядю увезли в морг. Через неделю мы с матерью поехали прибраться в дядиной квартире. Помню, я внутрь не вошел, остался стоять у подъезда. Мать оказалась смелее. Она поднялась наверх и спустилась с матрасом, на котором умер дядя. Матрас весь был в грязно-ржавых пятнах. Мать бросила матрас на помойку, но тут же какие-то люди подхватили его и поволокли к себе домой.

— Стойте, на нем же человек умер!

Но людей эта информация не смутила. Им нужен был матрас.

Вообще-то я верю в Бога. Мне кажется, что Иисус Христос реально существовал. Иначе чем объяснить слезы, которые сами собой наворачиваются в церкви? Или благоухание, исходящее от святых мощей в Сергиевом Посаде? Бог есть. Только не вполне понятно, что он этими неожиданными смертями хочет сказать.

Я, Ковров и Баранов в тот вечер перед поездкой на дискотеку в Клин не говорили о Боге. Мы вспоминали, как нас предали девицы в трудовом

лагере. Точнее, мы с Ковровым вспоминали, а Баранов с интересом слушал. В то лето Баранов с нами в трудовой лагерь не ездил. Он был на съемках. А мы провели целый месяц в деревянных домиках под Николаевом. Там было жарко, весело и заставляли собирать водянистые огурцы размером в полруки. Жили по трое в комнате. В шесть часов утра педагог Н. Н. — тот, о котором я уже рассказывал, — ставил перед корпусами колонку размером с платяной шкаф и включал «Deer Purple» «Highway Stars». Просыпались под хард-рок. Продирали глаза, тащились в столовую. Ели холодную жареную рыбу, которую давали три раза в день, и выдвигались на поле. Не помню, сколько следовало набрать огурцов за смену, помню только, что никто из нас нормы этой за все наше пребывание не выполнил. Вместо того, чтобы вкалывать, согнувшись в три погибели, сидели между грядками, ржали как лошади, бросались огурцами. После возвращались в трудовой лагерь, и начиналась веселая жизнь. Мы играли в группе. К колонке перед корпусами подтаскивалась остальная аппаратура. Ковров был соло-гитаристом. Педагог Н. Н. запрещал ему вставать. Он заставлял его играть сидя. Для Коврова это были адские мучения. Ему хотелось вскопчить и, как Блэкмор, тряхнуть шевелюрой и грифом. Но педагог Н. Н. не давал ему разойтись. Мне, кстати, всегда казалось, что стоя Ковров играет гораздо лучше. Ганеев играл на барабанах.

Я, Ганеев и Ковров в трудовом лагере жили в одной комнате. Как и все мы, Ганеев был странным человеком. Добрым и злым одновременно. Добрым он был от природы, а злость и желчность, как я теперь понимаю, были реакцией на поведение отца. Папаша Ганеева ежедневно учил сына тому, каким должен быть настоящий мужик. Настоящий мужик должен уметь все делать своими руками, почти всегда молчать, выпятив тяжелую челюсть, хамить в ответ на любое обращение. Короче говоря, настоящий мужик должен быть полным уродом. Ганеев, слава Богу, не до конца следовал указаниям папочки. С Ганеевым можно было договориться, хотя мы часто ссорились. Вернее, он на меня наезжал, а я потом перед ним извинялся. Иначе он бы устроил мне бойкот. А бойкоты я не выношу. Лучше уж по морде получить.

Вместе с нами в группе участвовали две девицы. Брюнетка с большим бюстом и блондинка, истеричная и худая. Девицы пели. Вокал был не ахти какой, но их участие придавало группе некоторый шарм. Деревенским нравилось. После работы на поле и музыкальной репетиции мы впятером развлекались. Сиречь курили дешевые украинские сигареты и пили вино. Если, конечно, нам удавалось вино купить. Дружба наша была крепкой. По ночам девицы приходили к нам в комнату. Брюнетка забиралась в кровать к Ганееву, а блондинка — к Коврову. Пары целовались и внимательно исследовали друг друга. А я лежал в кровати возле окна и отпускал остроумные замечания. Больше мне ничего делать не оставалось.

В одно прекрасное утро нас, как повелось, разбудил громкий вопль певца Йана Гилана. Мы, матерясь, слезли с кроватей. Тащиться собирать огурцы не хотелось. Как-то одновременно нам троим пришла в голову глупая идея: а что, если мы спрячемся? После того как педагог Н. Н. включал «Deer Purple», все живущие в трудовом лагере должны были собраться перед корпусом на своеобразную линейку. На эту линейку мы не вышли. Остались в комнате. Спрятались за дверь, по очереди выглядывали в окно и следили за разгорающимся переполохом. Педагог Н. Н. с выпученными глазами бегал среди наших одноклассников. Вероятно, спрашивал, кто последний нас видел. Мы покатывались со смеху. Немного погодя довольно большая группа во главе с педагогом Н. Н. направилась в сторону нашей комнаты. Мы столпились в углу возле двери. Окно находилось сантиметрах в двадцати от нас. В него по очереди заглядывали наши товарищи. А педагог Н. Н. долго пялился на наши пустые кровати. Но так и не заметил нас. Это просто уму непостижимо. Комната была крохотная.

Толпа, пришедшая проверить, у себя ли мы, переговариваясь встревоженными голосами, удалилась. Мы, конечно, продолжали веселиться. Но нам стало немного не по себе. Если бы нас заметили сразу, это было бы похоже на шутку. Но теперь дело принимало серьезный оборот. Мы не знали, как нам дальше поступить. Пошептались, пошушукались, стоя за дверью и переминаясь с ноги на ногу, и вышли на свет. Что говорить, нас встретили замечательно. Просто великолепно. Сравнили нас с землей. Говорили, какие мы подлецы и подонки. Как мы заставили волноваться педагога Н. Н. и всех своих одноклассников. Мы были в шоке. Не ожидали такой реакции на свою, в общем-то, безобидную выходку. Но больше всего нас поразило то, как повели себя наши знакомые девицы. Они, бывшие «наперсницы всех наших затей», заявили, что прекращают с нами общаться. Думаю, они поддались общей истерии. Да и хотели угодить педагогу Н. Н., вероятно. Но это было очень некрасиво. Мы расценили их поступок как предательство. Особенно расстраивался Ганеев. У него с брюнеткой был серьезный роман.

Представляю себе разговор Ганеева с папой. Ганеев рассказывает о поступке брюнетки. Папа кладет Ганееву тяжелую руку на плечо и говорит:

— Не расстраивайся, все бабы — суки.

И Ганеев радостно соглашается с папой.

Я своего отца увидел, когда мне было двадцать лет. Причем я сам его разыскал через справочную службу. По имени, отчеству и фамилии. Позвонил, сказал, что я его сын. Договорились о встрече у памятника Маяковскому. Придя к памятнику, я обнаружил свою копию, только старше на пятьдесят лет.

— Знаешь, — сказал он мне, — раньше я думал, что твоя мать врет, что ты от меня, а теперь вижу, что она правду говорила.

Оказалось, что мой папаня был женат семь или восемь раз и детей у него от разных браков штук семь или даже девять. Не хотелось бы быть похожим на него.

Отца мне заменил дед. Вспоминаю деда. Относился я к нему хреново. Мне казалось, что он меня мучает. Например, он чинил на балконе мой велосипед и заставлял подавать ему ключи. Я ненавидел это бессмысленное стояние с гаечными ключами в руках. Полагаю, дед меня по-своему любил. Просто хотел достойно воспитать. «Настоящего мужика» из меня сделать. Что и говорить, ему это не удалось.

Замечательная, полная драматизма история произошла с моим дедом сразу после войны. Он служил в Новороссийске. Помимо военных обязанностей дед обучал солдат плаванию. Надо ли говорить, что сам он плавал отменно. Однажды он купался в море, аккуратно сложив матросскую форму на берегу. Выкупавшись, дед вылез из воды и увидел двух беспризорников. Беспризорных детей после войны было очень много. Спали они где придется и пробавлялись чем Бог подаст. Беспризорники слезно попросили моего деда поймать им краба. Есть они хотели очень. Мой дед пожалел их и пошел обратно в воду. На этот раз он нырнул с пирса. Он знал, что недалеко затонул небольшой катер. И крабов внутри затонувшего катера видимо-невидимо. Нырнул мой дед замечательно. Мог задерживать дыхание больше чем на минуту. Катер лежал на небольшой глубине, завалившись на бок. Дед заплыл через выбитый иллюминатор в трюм. Крабы там ползали огромные. С тарелку величиной. Дед схватил двух и сунул себе в плавки. А клешни оставил снаружи, перетянув их веревочкой, чтобы не укусили. Тогда у плавков не было резинок. Они на веревочке держались. Сделав дело, дед захотел выплыть из трюма. И вдруг понял, что потерял иллюминатор, не знает, куда плыть, как на воздух выбраться. Представьте себе положение. Полумрак, вода давит на уши, воздух кончается, и нарастает паника. Дед попытался взять себя в руки. Но сделать это было сложно. Потому что мерзкие крабы освободили клешни и стали кусать его туда, куда

и подумать страшно. Дед под водой начал суетиться, пытаться вытащить крабов из плавок и на этом потерял последние силы. В глазах у него потемнело. Понял он, что никуда ему из этого катера проклятого не выплыть. Воздуха уже не осталось. Вода стала сильнее давить со всех сторон. И вдруг дед заметил неяркий свет. Оказалось, он не там искал иллюминатор. Не в той стороне. Дед рванул и выплыл-таки из трюма. Еле живой добрался до берега. Глотая воздух, как рыба, выполз на гальку и там же и упал. Над ним склонились беспризорники, жалея его. Пытались чем-то помочь. Дед отдал им крабов. Они съели их вместе с панцирем и клешнями.

Я, Ковров и Баранов выдвинулись на дискотеку в город Клин. Самая чистая одежда. Запах одеколona и ожидание чего-то очень приятного. Все той же дорогой дошли до шоссе. Ненадолго задержались возле сухого камыша, торчащего из небольшого болотца. Баранов достал зажигалку «Зиппо» и поджег камыш. Горело красиво. Каждый из нас взял в руку по горячей камышине. Устроили небольшое скромное факельное шествие. Ковров обгоревший камыш выкинул на обочину. Баранов метнул своим огрызком в меня. Я увернулся.

Дошли до шоссе. Стали голосовать, вытянув руки. Машины с шумом проезжали мимо. Никто не хотел останавливаться.

У меня в жизни был такой период, о котором никто не знает. Я хипповал. Хипповал скромно, тихо и не привлекая к себе внимания. Мне всегда нравились фильмы и книжки, в которых герои бросали все свои дела и шли по свету куда глаза глядят. Книжки тогда были моими единственными воспитателями. Я решил повторить поступок героев-романтиков. Собрал в сумку от противогаза вещи, положил туда батон хлеба и вышел из дома. От Тушино, где я тогда жил, я дошел пешком до метро «Сокол». Затем свернул на Ленинградское шоссе и пошел вперед по обочине. Я ждал приключений. Через какое-то время, проведенное в дороге, я натер себе ногу. Приключением назвать это было сложно. Уже в дороге я решил, что дойду до Питера. Когда у меня появилась цель, двигаться стало как-то веселее. Час спустя я решил голосовать. Хиппи я, в конце концов, или не хиппи? Почти сразу остановилась машина. В салоне сидели два хохла. Меня пустили на заднее сиденье.

— Куда едешь? — спросили хохлы.

— В Питер.

— Зачем?

Тут я призадумался. Когда я думаю, выражение лица у меня своеобразное. Немного тупое. Хохлы, наверное, решили, что я от них что-то хочу скрыть. Они насторожились.

— Я в театр Ленсовета еду. Хочу спектакль «Овод» посмотреть. С Боярским.

Зачем я про спектакль придумал, не берусь объяснить. «Овод» я видел до своего романтического путешествия в Москве на гастролях Ленсовета. В главной роли — Михаил Боярский, весь в черном.

— Я вообще-то сам артист, — продолжал врать я. — Мне даже билета не надо покупать. Я на спектакль «Овод» по своему удостоверению пройду.

— Покажи удостоверение, — сказал один из хохлов.

Я сунул руку в сумку от противогаза и достал красную книжечку. Это было удостоверение моего хорошего знакомого. Документ с фотографией. Со снимка глядел бородатый человек. На меня он был совсем не похож. Хохлы отдали мне удостоверение, переглянулись, но ничего не сказали. В салоне висели на плечиках два костюма. Пиджаки и отутюженные брюки. Я старался их не помять. Поэтому сидел не двигаясь, сложив руки на коленях.

Потом хохлы стали меня пугать.

— А тебе не страшно? — спрашивали они, оскалась. — Завезем куда-нибудь и грохнем.

Я, честно говоря, струхнул. Хипповать мне нравилось все меньше и меньше.

— Останови машину, — попросил один хохол другого хохла.

Когда машина встала, мне сказали:

— Пошел вон.

Я с радостью подчинился этому приказу. Вылез на шоссе, посмотрел на утреннее солнце и вдруг почувствовал жуткую усталость. Понял, что прохипповал всю ночь и все утро, ни разу не сомкнув глаз. Вернуться домой — другого желания не было. Перешел на другую сторону шоссе и поднял руку. Остановилась вторая проезжавшая машина.

— Мне в Москву.

— Мы в Солнечногорск. До электрички можем подбросить.

— Давайте.

Меня пустили в салон. На водительском сиденье — женщина, на соседнем — мужчина. Муж учил жену управлять автомобилем. Машина двигалась медленно и рывками. Я моментально заснул. Когда меня растолкали, солнце было уже высоко. Автомобиль стоял напротив платформы. Я вылез наружу, забыв поблагодарить добрую семейную пару. Вернулся в Москву на электричке, зажатый людьми, едущими в столицу.

Несмотря на неудачный опыт, я предпринял еще одну попытку совершить путешествие. На этот раз я отправился на речку Истру. Взял с собой покрывало и гитару. Воображение рисовало радужные картины. Я оказываюсь на берегу Истры, сразу же нахожу добрых, веселых друзей. Сажаю их на мое покрывало, и всю ночь они радостно слушают, как я пою им песни. Или же такой вариант. Я прибываю на Истру и тут же каким-то фантастическим способом добываю себе ночлег и еду. Ну и еще пара занятых и безопасных приключений. На деле все вышло иначе. Закутавшись в тонкое покрывало, я отбивался от комаров всю ночь напролет. От Истры веяло жутким холодом. Гитара отсырела. От постоянного курения меня уже тошнило. Утром я встал совершенно разбитым. Еле домой доехал.

Зачем, спрашивается, я решался на эти дурацкие поездки? Возможно, мне казалось, что мир — это мой дом. Что он благожелательно ко мне настроен. Нет, я не убедился в обратном. Я просто понял, что мир ко мне безразличен. Безразличен, и все.

Темнело. Второй час я, Ковров и Баранов ловили машину, чтобы отправиться на дискотеку в город Клин. Водители делали вид, что они нас не замечают. Будь я владельцем автомобиля, я бы тоже не остановился. Стоят на обочине три мужика. У Баранова вообще вид зверский. Сапоги-казаки и надвинутый на глаза капюшон. Таких посадишь в машину, а они ударят тебя по голове молотком и выкинут где-нибудь в темном лесу. Стало совсем темно. Свет фар не позволял разглядеть автомобили, которые проезжали мимо нас.

— Еще немного поблядуем и домой пойдем, — сказал Баранов.

Возвращались в родимый дом отдыха молча. Даже известный балагур Ковров погрузился. А он всегда поражал меня своей кипучей энергией. Появлялся неожиданно, нес околесицу, но его присутствие сразу поднимало настроение. Я заметил, что не только на меня он так действует. Люди любят Коврова именно за это качество. Высказывания его можно записывать в книгу. Когда я вместе с Ковровым служил в армии, он тоже помогал людям жить. Я имею в виду — не какими-то конкретными делами, а просто тем, что он есть. Существуют такие типы, которые появляются, ты с ними беседуешь и все равно чувствуешь себя одиноким. С Ковровым этот номер не пройдет. Его всегда рады видеть в любой компании. Он оживляет ее. «Оживляет» — очень точное слово.

Ковров считает меня своим лучшим другом. Я его, в общем, тоже. Однажды, кстати, Ковров почти отбил у меня девушку, но девушке стало плохо.

Мы закончили школу. В первый раз собрались после выпускного вечера, и я понял, что влюбился в Тоню. Тоня — еврейская девушка с густыми каштановыми волосами и слегка выдающимися скулами. Цвет лица у нее был как у младенца. Глаза огромные. Говорила она всегда с какой-то даже неприличной прямоотой. Она была из семьи врачей. Может быть, прямолинейность ей досталась по наследству.

Я был удивлен, когда понял, что она мне тоже симпатизирует. Вместе с папой, мамой, сестрой и еще какой-то женщиной Тоня жила в старом доме в самом центре Москвы. Я довольно часто приходил к ней. Меня оставляли обедать. Однажды я опростоволосился. Пришел и радостным тоном сказал:

— Поздравляю вас. Христос воскрес.

Члены Тониной семьи посмотрели на меня как-то странно. А Тоня отвела в сторону и прошептала:

— Мы Пасху не празднуем.

Оказалось, что они евреи. До того момента я об этом и не догадывался. То постное печенье, которое я часто у них кушал, оказалось мацей.

Всякий раз, когда я собирался домой, Тоня выходила на лестничную клетку проводить меня. И каждый раз я целовал ее в засос. Одно свидание, один поцелуй. Почему-то я так для себя решил. Один поцелуй, и не больше. Хотя Тоня, полагаю, была бы не против увеличить количество поцелуев.

Наверное, из-за моей нерешительности, а может быть, просто от врожденной любвеобильности Тоня стала встречаться со своим атлетическим однокурсником. Не помню, как я об этом узнал. Я со своим одним поцелуем за свидание не мог конкурировать с накачанными однокурсниками.

Как-то сами собой наши свидания прекратились. Наступила зима. Я лег в больницу косить от армии. Мои однокурсники, в том числе Ковров и Баранов, собрались на вечеринке. Встреча происходила недалеко от школы, в маленьком двухэтажном особнячке, откуда недавно выехала какая-то организация.

Из напитков у моих однокурсников был только коньяк. Строгий и благородный напиток. Сначала все веселились в бывшей бухгалтерии. Танцевали на столе и оглушительно орали. Потом, разбившись на пары, разошлись по комнатам. Ковров сразу положил глаз на мою Тоню. Тоня к тому времени была навеселе. Ковров показал ей свою заначку — бутылку коньяка. Тоня, покачиваясь, послушно пошла за ним. В каком-то бывшем кабинете Ковров прижал Тоню к стене и попытался снять с нее одежду. Тоня не сопротивлялась, и только чуть позже Ковров понял почему. Она пила из горлышка коньяк. Довольно быстро она выпила всю бутылку. Забегая вперед, скажу, что алкоголь в таких количествах она принимала первый раз в жизни. Коврову, конечно, не понравилось, что коньяк закончился, но он подумал, что в сильном Тонином опьянении есть большой плюс. Он повалил Тоню на банкетку и стал расстегивать на ней пуговицы. Но через несколько секунд обнаружил, что Тоня — это не Тоня вовсе, а какой-то манекен. Она отключилась. Дышала неслышно, была абсолютной куклой. Ковров убрал руки, и Тоня сползла с банкетки на кафельный пол. Сползла и замерла там в позе брошенной куклы. Ковров перепугался. Стал звать на помощь. Полуодетые пары шли на его крики долго и неохотно. Когда все собрались вокруг Тони, оказалось, что она почти уже не дышит. Последовала паника. Тоню подняли на руки и понесли на улицу. У выхода Котова заорала, чтобы не выносили вперед ногами. Вышли на мороз, держа бездыханную Тоню на плечах. Позже среди моих однокурсников этот момент будет называться «Торжественный Вынос Тони». Поймали такси. Почему-то повезли Тоню домой к моей однокурснице Котовой. Может, спьяну, а может, и правильно сделали, что повезли.

Мать Котовой сразу вызвала реанимацию, а заодно и позвонила Тониному отцу — профессору медицины. Представьте, вы отец, и вам говорят, что ваша дочь умирает, просто представьте, что с вами будет. Не таков был Тонин отец. Когда он приехал (кстати, прибыл он быстрее реанимации), всех поразила его невозмутимость. Он справился о том, что произошло, и начал спокойным голосом отдавать команды. Он приказал Тоню раздеть и положить в комнате с открытыми настежь окнами. Что и было сделано. Прибыли реаниматологи. Они поставили голой Тоне капельницу. Один из реаниматологов почему-то засмутился и проговорил:

— Может, вы ее прикроете?

Тонин папа разрешил принести только крохотное полотенчко. Полотенчко положили на красивую Тонину попу. Основательно продрогшая Тоня, не приходя в сознание, перевернулась на бок, стянула полотенце со своей красивой попы и попыталась в него укутаться, натягивая на плечи.

Стыдливый реаниматолог только махнул рукой.

Закончилось все нормально. Тоня пришла в себя, и отец увез ее домой. После того случая она лет пять не брала в рот спиртного.

Эту историю рассказал мне сам Ковров. Ему и в голову не пришло, что я могу ревновать или испытывать какие-то другие чувства. Такой уж он человек.

Между прочим, Ковров человек очень творческий. Вместе с еще одним москвичом они сочиняли в армии роман с продолжением. Роман назывался «Эти веселые скаты». По жанру это была эротико-шпионская проза. Что-то среднее между романами Флеминга и заметками в газете «Спид-Инфо». Цитировать нет возможности, но это было нечто в следующем духе: «Джон, он же агент английской разведки, и Дженни (агент разведки французской) лежали полуобнаженные под жарким солнцем Малибу. Дженни загорала, подставив свои выпуклые прелести слепящему солнцу. Джон попивал мартини, который обжигал холодом его губы. Дженни лениво, со вздохом, повернулась на бок, и бретелька упала с ее плеча. Джон бросил взгляд на Дженни. Горячее желание захлестнуло его. Он поднял свое мускулистое, загорелое тело с шезлонга и лег, прижавшись к Дженни своей упругой плотью. Он осыпал нежными поцелуями ее шею с едва заметным золотистым пушком. Дженни тяжело задышала...»

В армии у нас был ансамбль. Мы играли в доме офицеров. Старались чаще репетировать, чем бывать в казарме. Ко Дню Военно-Воздушных Сил мы подготовили целую музыкально-драматическую программу. Кульминационный момент программы мы начальству не показали. По нашей задумке, он должен был произвести настоящий фурор. Что сказать, мы своего добились. Была переделана песня группы «Queen». Вместо «...we will we will rock you...» припев звучал примерно так: «...все съем сам, хоть лопну...»

Начался концерт. Обязательные патриотические стихи. Речь начальника части. Жены офицеров показали что-то такое. Затем дочери офицеров исполнили танцевальную композицию. А после в зале погас свет. Солдаты засвистели и застучали сапогами. И тут мы, стоя у микрофонов, и человек за ударной установкой стали отбивать незабываемый ритм. Вспыхнул яркий свет на сцене. И, торжественно ступая, появился Ковров. Голый по пояс. Горс его был перетянут солдатскими ремнями. За спиной, растянув на расставленных в стороны руках, он держал флаг ВВС. Зал взорвался. Орали так, что у меня заложило уши. Ковров не хуже Фредди Меркьюри носился по сцене и делал оригинальные движения тазом. На каждое движение зал отвечал дружным воплем. Ковров замер на самом краю сцены. Солдаты вскочили на ноги. Сержанты в проходах кричали, приказывая им сесть. Пустой труд. Зал бесновался до самого конца песни. Ковров стал настоящей звездой в нашей военной части. Нам за выходку с флагом ВВС сильно досталось. Но это уже неинтересно.

Вернулись в дом отдыха злые. Пить не хотелось. Легли спать. Мы с Ковровым — на одной кровати, Баранов — отдельно. Долго ворочались. Заснули. Сновидений не было. Хотя обычно мне снятся оригинальные сны. Такой вот сон. Я в магазине готового мужского платья, и мне нужно выбрать строгий костюм. Продавцом в этом магазине работает мой бывший начальник. Он лебезит и заискивает. Говорит комплименты и таскает все новые и новые модели костюмов. Но ни одна из предложенных троек мне не нравится. Я выхожу из примерочной, сквозь толпу покупателей проталкиваюсь к вешалкам и тут понимаю, что на мне только белые мятые трусы-боксеры. Все покупатели смотрят на меня. Мне становится очень стыдно. Вдруг я обнаруживаю, что у всех скалящих зубы покупателей лицо моего бывшего начальника.

Кстати говоря, костюм я в своей жизни носил только один раз. Рок-группа наша никак не называлась. Мы не выпустили ни одного диска и не дали ни одного концерта. Было несколько репетиций. Проходили они следующим образом: по команде гитаристы, ударник и вокалист начинали петь и играть что кому вздумается. Заканчивали тоже по команде. Впрочем, по опыту знаю, что многие молодые группы не умеют даже этого. Репетиции репетициями, но нужно было на что-то жить. Каждый из нас зарабатывал как мог. Я, как и большинство граждан, решил заняться бизнесом. Собирался съездить в военную часть, где провел первые полгода службы, и установить контакты для последующих выгодных сделок. У бас-гитариста — рыжего высокого детины — я попросил костюм. Без костюма в часть, где я вымыл немало туалетов, являться было неправильно. Костюм был цвета, который трудно описать. Нечто бурое в светлую полоску. Рыжий бас-гитарист сказал, что он в этом костюме отмечал выпускной вечер. Я представил его в этом костюме. Учителя, должно быть, были сильно напуганы.

Ранней весной я в костюме бас-гитариста и в пальто с рваной подкладкой ехал в поезде в свою учебку в город между Петербургом и Москвой. Несмотря на крайне неприятные воспоминания о днях, проведенных в учебной части, я чувствовал нечто вроде ностальгии. Воздух становился все более влажным. Я курил в тамбуре одну за другой. Вышел из электрички и сразу промочил ноги. Добрался пешком до родной части. Постоял на КПП, пока мне выписывали пропуск. И, поднимаясь к казармам, пошел по длинной, забирающей вверх асфальтовой «взлетке». Сердце совсем сжалось. Трудно было дышать. Странное дело — давно заметил: одинаковое щемящее чувство возникает, когда ты возвращаешься на место, где тебе было хорошо, и на место, где тебе было плохо. Разницы нет. Подошел к штабу. Меня провели к полковнику. При встрече с ним во время моей службы я трепетал как осиновый лист. Теперь же он поил меня кофе и даже немного заискивал передо мной. Оказалось, что он готов был продать многое. Предлагалась фотопленка для аэрофотосъемки, фиксаж и проявитель в огромных количествах. Не знаю, готов ли он был продать оружие, но насчет партии военной формы намеки были. Я понял, что передо мной не начальник части, а нормальный вор. Не то чтобы я его осуждал, просто меня всегда удивляло, как быстро человек может вором стать. Только что был нормальным — и тут вор.

Мне на веку доводилось воровать не раз. И всегда я замечал, что это происходит как-то само собой. Не хочешь воровать — глядь, а уже взял чужое. И ничего поделать уже нельзя.

Был случай. Подрабатывал я, торгуя книжками. Мои работодатели по ошибке или по дешевке купили место на православной книжной ярмарке. Половину торгового стола занимал я со своими книгами, половину — какой-то приход. Мои книги не вписывались в общий ассортимент. На обложке одной из них человек курил папиросу, выпуская клубами дым. На фоне ликов и суперобложек с храмами он смотрелся странно. Православные покупатели подливали масла в огонь. Они чуть ли не плевали, прохо-

дя мимо моего рабочего места. Стол со мной делила православная девушка. Но не замороженная, как они часто бывают, а нормальная. Без платки и почти без комплексов. Она торговала, помню, репродукциями какой-то известной иконы. Мы разговорились. В некоторые моменты девушка останавливалась на полуслове и принималась загадочно улыбаться. Что это означало, я не понимал. Ну, думаю, у каждого свои причуды. «Nobody's perfect», как говорится в известном фильме. Кассового аппарата у меня не было. Я торговал так: записывал проданные книжки и заработанные деньги в тонкую тетрадочку. Как-то автоматически я начал называть цену большую, чем стоила книга. Увеличивал цену на рубль. То есть рубль с каждой книги шел в мое личное пользование. Оправданием мне может служить только то, что я действительно нищенствовал в то время. Доходы мои были ничтожнее некуда. Таким образом, по рублику кладу я себе в карман, подворовываю потихонечку, а сам беседую с девушкой о чем-то высоком. О религии, о Боге, прости Господи. Люблю поговорить на возвышенные темы. Беседуя с девушкой, автоматически называю завышенную цену, а записываю в тетрадочку цену другую. Девушка случайно заглядывает ко мне в записи и понимает, что я мелкий воришка. Тут же она изменяет свое отношение ко мне. Перестает улыбаться и отворачивается. Мне становится стыдно. Я ощущаю себя страшным грешником, чуть ли не торгующим в храме. Я попытался с ней поговорить после этого, но безрезультатно.

Ковров и Баранов спали. Я проснулся, чтобы сходить в туалет. Вокруг было темно и довольно страшно. Что бы человек ни говорил, а мне кажется, он ясно понимает, что ночью может произойти все, что угодно. Короче, черт-те что может произойти.

Один мой очень хороший знакомый охранял мебельный склад. Днем он учился в институте, а ночью сидел в подвальном помещении, заполненном мягкой и твердой мебелью. Была в этом подвале маленькая комнатка, всегда запертая на ключ, входить в нее было запрещено. Как в сказке про Синюю Бороду. Хранилось там что-то очень ценное. Моему знакомому, Алик его имя, начальники фирмы строго-настрого наказали не приближаться к той двери. Дежурства у Алика проходили спокойно. Он или читал Гомера, или спал. Иногда водил к себе в подвал девушек, иногда смотрел видео. Однажды ночью Алик уже собирался лечь спать, как услышал в этой маленькой комнатке странный шум. Как будто кто-то осторожно ходил за запертой дверью. У Алика ноги отнялись от страха. Он застыл на месте, задержал дыхание. Кто-то за дверью тоже выжидал. Но терпения ему не хватило. Он стал ходить, судя по звукам, осторожно переносит вес тела с ноги на ногу. Тут Алик перепугался не на шутку. Алик на цыпочках вышел в коридор. Сердце его бешено колотилось. Он набрал номер «02» и хриплым голосом попросил о помощи. Вместо спасительных слов «Сейчас выезжаем» дежурная равнодушным тоном стала спрашивать его анкетные данные. Вопросы были бессмысленными. Вроде того, есть ли у Алика родственники за границей. Наконец равнодушная тетка в трубке сказала, что наряд скоро будет. Алик пулей выскочил на улицу и запер железную дверь склада. Только тогда он почувствовал себя в безопасности. Милиционеров пришлось ждать довольно долго. Появились они неожиданно. Двое в сером, злые и агрессивные. Можно было подумать, что их только что разбудили. Алик открыл железную дверь. Милиционеры спустились в склад. Алик последовал за ними, по дороге описывая сложившуюся ситуацию. Он непроизвольно сгущал краски. Ему было неудобно, что он потревожил столь занятых людей. Милиционеры подошли к злощастной двери. Прислушались. Тишина.

— А тебе не показалось? — спросили они Алика.

— Не. Правда, там кто-то есть.

Милиционеры вышли из склада на улицу и нашли окно комнаты, в которой кто-то ходил. Окно было закрыто толстой ржавой решеткой.

— Никого там внутри нет. Нельзя туда внутрь залезть, разве не видно? — сказал один из милиционеров и зло посмотрел на Алика.

Вернулись обратно в склад. Остановились возле двери. Тишина. Шагов внутри комнаты не было слышно. Милиционеры покинули склад. Настроение у них, судя по всему, испортилось окончательно. Алик заперся изнутри. Сходил в туалет. Покурил. Успокоился. Даже разулыбался, вспоминая свои страхи. Пошел ставить электрический чайник и тут снова услышал за дверью комнатки шаги. Силы опять оставили Алика. У него даже голова закружилась от страха. Он замер на месте. «Что делать», — думал он. Бежать за милиционерами? Или навсегда покинуть свое мистическое и опасное рабочее место? Пропадай эта мебель пропадом.

Но тут Алику стало стыдно. «Все-таки я охранник как-никак, — подумал он, — хотя и работаю по совместительству». Алик нетвердым шагом подошел к двери в маленькую комнатку.

— Эй, — сказал он громко. — Кто там?

Ему не ответили, но шаги прекратились. «Он меня боится», — подумал Алик и приободрился. Он размахнулся и стукнул кулаком в дверь. Ни звука в ответ. Алик отошел в сторону и сел на стол. Он решил еще немного послушать. Через секунду за дверью снова раздались шаги. Алик перевел взгляд на пол и сразу все понял. В плинтусе возле дверной петли была большая дырка. Из нее торчала серая крысиная морда. Крыса пыталась протиснуться к себе в нору большую горбушку заплесневелого хлеба. Горбушка в нору не пролезала. Засохший хлеб бился о плинтус. Этот звук Алик и принял за шаги. Понятное дело, второй раз вызывать милиционеров он не стал.

Я сменил Алика на посту охранника. Крыса более не появлялась. Зато на склад стали заходить неприятные человеческие особи. Однажды я сидел со своим приятелем Лопатником на складе. Появился здоровый хрен с пьяными глазами и пальцами в наколках. Это был друг директора склада. Он немедленно начал мешать нам жить. Стал угрожать и пугать. Мой приятель Лопатник обладал ценным качеством: он признавал, что есть на свете люди, которые сильнее его. То есть ему было несложно проиграть и признать себя побежденным. Я был не такой. Понимая, что я с этим пьяным мужиком справиться не могу, я стал зло и презрительно на него смотреть. Мой взгляд вывел молодца из себя совершенно. Он стал еще сильнее на меня наезжать. Я перепугался, и мне тут же стало противно, что я боюсь. Кажется, я пытался испепелить этого мужика взглядом. Все бы это наверняка кончилось печально, но Лопатник как-то уболтал мужика и увел меня в другую комнату.

Потом Лопатник еще раз спасал мне если не жизнь, то здоровье. После одной вечеринки мы шли пьяной компанией мимо здания ТАСС. Увидев милицкий наряд, я, будучи пьяным в хлам, пропел в блюзовой манере: «Вон идут менты с автома-а-а-тами». Один из «ментов» собирался уже ударить меня прикладом, но Лопатник заболтал и их. Нас со скрипом отпустили. Вот что значит уметь заговорить врага и лишить его возможности проявить агрессию.

В доме отдыха под Клином я вернулся на свое место и попытался уснуть. Неприятное волнение охватило меня. Отвратительное чувство. Лежишь под одеялом, сучишь ногами, и тебе плохо и грустно. Как будто то, что тебе предстоит заснуть, очень пугает тебя. Почти все в жизни можно сделать, приложив усилия. И только уснуть, приложив усилия, у тебя не получится. Тут расслабиться нужно.

Однажды я проснулся посреди ночи. Одеяло в пододеяльнике сбилось не как обычно, к ногам, а к голове. Не открывая глаз, я попытался вернуть одеяло на место. Ноги мои при этом двигались так, будто я кручу педали велосипеда. Жена спросила, что я делаю.

— Я ищу ФИНАЛ ОДЕЯЛА.

Выражение «конец одеяла» спросонья показалось мне слишком неприличным.

Я, Ковров и Баранов проснулись в доме отдыха под Клином. Настроение паршивое. Дошли до станции. Сели в электричку. В вагоне было полным-полно народу.

Как лично вы разделяете людей на плохих и хороших? Лично я всегда прикидываю, как повел бы себя тот или иной человек, оказавшись в армии со мной в одной эскадрилье? Грубый способ, но он практически никогда меня не подводил.

Я, Ковров и Баранов ехали с позором домой. Поездка нам ничего не дала. Разве что мы сменили обстановку. Не знаю, может ли это решить хоть какие-то проблемы человека.

Я вспомнил, как ездил со своим другом Андрюшей в туристический поход. Андрюша — интересная личность. Старше меня на пятнадцать лет. Заядлый, я бы даже сказал, «прожженный» турист. Умеет собирать рюкзак и петь туристические песни. Других недостатков у него нет. Позвал он меня в поездку за клюквой или за какой-то другой кислой ягодой, я уже не помню. Я взял с собой одноклассницу Мусю. Андрюша, в свою очередь, не мог обойтись без единомышленников — любителей авторской песни. С нами поехали две девушки в возрасте и мужчина с красным лицом и русой бородой, водолаз по профессии. Сев в электричку, Андрей и его друзья стали распевать бардовские песни. Недавно один знакомый сказал мне, что появление сочинителей и исполнителей авторской песни спровоцировало КГБ. Для того, чтобы легче было контролировать инакомыслящих бородачей с гитарами. Думаю, знакомый был прав. Только КГБ могло создать такую гадость, как бардовская песня. Заунывные пассажи разносились по вагону. Кому-то из наших попутчиков это явно нравилось. Я был далеко не в восторге. Сейчас я, наверное, поступил бы взвешенно и рассудительно: просто встал бы и разбил Андрюшину гитару вдребезги. Но тогда я был моложе. Я начал нервничать и подпевать ослиным голосом: «Как здорово, что все мы здесь...» Очень хотелось сорвать Андрюшино выступление. Туристы обиделись на меня смертельно.

Когда мы с электрички пересели на поезд и решили поужинать, водолаз заявил, что я сильно подвел их туристическое братство и ужинать сегодня не достоин. Он, вероятно, думал, что я пойду в тамбур расстраиваться и плакать. Но на меня законы палаточного городка не действовали. Я немедленно залез на верхнюю полку и стал воровать оттуда колбасу. Туристы не ожидали подобной наглости и вовсе потеряли ко мне уважение.

Далее следует замечательная картина. Глухой лес. Три палатки, стоящие на поляне входами друг к другу. Шесть часов утра. Дрожа от холода, я высовываюсь наружу и вижу, как одна из туристок сидит у входа в палатку и накладывает на лицо макияж. Особенно долго она красила глаза и поправляла обесцвеченный чубчик. Накрасившись, она вместе со всеми отправилась в болото по ягоды. Я остался в лагере. Неуважение туристов превратилось в презрение. Вернулись они к полудню и сразу завалились спать. Я попробовал поприставать к Мусе. Она меня выгнала из палатки. Я вышел и сел возле тлеющего костра. Минут через пятнадцать ко мне присоединилась Муся. Заснуть она так и не смогла. Мы сидели и тихо беседовали. Вокруг тишина. Солнце светит сквозь кроны высоких деревьев. И ветер, сильный и приятный. Тут случилось невероятное. Из палатки вылез Андрюша. Конечно, ничего невероятного в том, что Андрюша вылез из палатки, не было. Странность была в другом. Андрюша был злой. Андрюша — человек, никогда не повышавший голоса. Взгляд у него был зверский, а руки сжаты в кулаки. Прибавьте к этому спутавшиеся ото сна волосы.

— Вы чего здесь сидите?! — заорал он на нас с Мусей.

Мы от неожиданности потеряли дар речи.

— Ну-ка быстро, суки, картошку чистить!

Мы с Мусей не посмели ослушаться и кинулись выполнять приказание. А Андрюша нырнул обратно в палатку.

Сидя на берегу реки и бросая в котел белый, лишенный кожуры картофель, мы обсуждали метаморфозу, произошедшую с Андрюшей. Пришли к одному мнению: Андрюша сошел с ума. Объяснить как-то иначе это странное превращение было невозможно.

— Может, его кто-нибудь укусил? — предположила Муся.

Вдруг появился Андрюша. Мы думали, что он пришел нас побить. А он оказался прежним — добрым, ласковым и отзывчивым.

— Андрюш, ты чего такой злой-то был? — спросила Муся.

— Я злой?!

Оказалось, Андрюша ничего не помнил. То есть, заснув после похода за ягодами, он во сне встал, наорал на нас с Мусей и лег спать. Одно из двух: или он умело скрывает свою агрессивную сущность, или же Андрюша — это настоящий доктор Джекилл и мистер Хайд. Картошки мы начали огромную кастрюлю.

Я, Ковров и Баранов подъезжали к Москве. Я посмотрел на своих друзей. Мне почему-то стало стыдно. Стыд вызвал вид Баранова. Вид Коврова не вызвал ничего. Я вспомнил ужасный случай. Два с половиной года я работал в организации, сотрудники которой все без исключения были большими юмористами. Баранов к этой организации не имел отношения. Просто изредка там подрабатывал. Однажды я сидел в кругу своих коллег и судорожно вспоминал что-нибудь смешное, чтобы не опростоволоситься, когда до меня дойдет очередь. Очередь подошла. И я не нашел ничего лучше, как рассказать о девушке Баранова. Помню, у него были сложные отношения с одной девицей. Так вот, я и описал их роман как что-то уж совсем ненормальное. Повеселил окружающих. Встал, начал показывать Баранова и девицу в лицах. Добился всеобщего хохота и криков «Еще!». В этот момент, как говорят в театре — «на реплику», вошел Баранов. Могу со стопроцентной уверенностью сказать, что в тот день ему нечего было делать у меня на работе. Но он пришел, как будто специально, именно в тот момент, когда я его поносил. Стыдно было очень. Я сразу замолк. Надеюсь, что он ничего не поймет и мне все сойдет с рук. Но не тут-то было. Бритая почти наголо секретарша (которую я до сих пор ненавижу) заорала:

— А чего ты замолчал? Продолжай!

— О чем речь была? — насторожился Баранов.

Бритая ему с удовольствием все рассказала. Баранов обиделся крепко. Мне пришлось извиняться.

Судьба у меня такая — всегда извиняться. Одни люди всю жизнь принимают извинения, а другие всю жизнь краснеют и извиняются.

Было еще одно подобное появление — «на реплику». Праздновали день рождения сына Баранова. Мы с Ковровым и Данилой переоделись в ростовые куклы, чтобы поздравить детей. Я был, кажется, Микки Маусом, Ковров — Дракончиком, а Данила выступал в костюме Бабы Яги. При нашем появлении барановский сын страшно перепугался. Залез под стол и больше оттуда уже не выходил. На остальных детей мы не произвели столь гнетущего впечатления. Надо заметить, что в больших поролоновых масках мы видели окружающую картинку лишь отчасти. При очередном повороте головы сквозь сетчатый глаз я увидел Гиту Атласман. Атласман работала одно время со мной в той самой организации. Любила она меня доставать. Постоянно подкалывала. Чем-то я ее злил, уж не знаю чем. Атласман была брюнетка с пухлыми розовыми щеками. Тип женщины, который вызывает у меня что-то вроде любви-ненависти. Ходила она в черном, чтобы скрыть полноту. Очень любила прийти на работу и громким

голосом рассказывать, как у нее дела. Дела у нее были мелкие и ничтожные. Атласман имела свое мнение по любому вопросу. И мнения ее были настолько глупыми, что, когда она их высказывала, некоторые отводили в сторону глаза. Им за Атласман было стыдно. Атласман я ненавидел. Работая с ней, терпел все ее придирки. Тогда я еще не мог представить, что женщину тоже можно послать куда подальше. Увидев Атласман сквозь глаз огромной маски, я расстроился. Решил не показывать ей своего лица. Мы, три идиотские маски, поплясали, повеселили детей, позагадывали им загадки, поводили хоровод вокруг стола, под которым прятался именинник, и спели поздравительную песню. После того, как маски исполнили все, что задумали, они убралась в раздевалку. В раздевалке, снимая мокрый костюм, я сказал Коврову:

— Слушай, здесь баба, с которой я работал.

— И что?

— Не ожидал ее встретить, эту уродливую рожу.

На словах «уродливая рожа» в раздевалку заглянула Атласман. Даю голову на отсечение: она все слышала. Тем не менее широкая улыбка не покинула ее цветущего лица.

— Привет, — сказала она. — Рада тебя видеть!

— Я тоже, — выдавил я из себя.

Краска залила мое лицо. Атласман сказала, что ей понравился праздник, и вышла. Тогда же я задумался, почему она не отреагировала на оскорбление. А потом понял, что думать здесь не о чем. Что, она должна была выругаться в ответ, что ли? Короче, выхода у нее не было, кроме как улыбаться. Может быть, она шла, чтобы извиниться за то, что она когда-то меня доставала? Хотя такого от Атласман ожидать не приходится. Люди со временем чаще всего не становятся лучше. Они лишь становятся менее понятливыми.

Я, Ковров и Баранов подходили к нашему дому. Путешествие не удалось. Но мы развеялись — этого не отнять. В этой девятиэтажке с обкусанными козырьками подъездов мы жили с самого рождения. Много чего происходило с нами в этих местах. Помню, мне купили велосипед на вырост. Велосипед был выше меня. Я вывез его во двор и прислонил к лавочке. Ковров и Баранов были тут как тут.

— Дай покататься.

— Я бы дал, — ответил я, — но мне нужно съездить хлеба купить. Съезжу куплю, вернусь и дам.

— Давай мы сами съездим.

Я долго не соглашался, будто что-то предчувствуя. Наконец они меня уговорили. Баранов сел на сиденье, Ковров — на раму. Или наоборот. Сейчас уже не помню. Я наблюдал за ними и видел, как мой новенький велосипед с вихляющим передним колесом, которое Ковров не мог удержать в одном положении, скрывается за пятиэтажками. Ждать их пришлось долго. Очень долго. Даже, я бы сказал, слишком долго. Стемнело. В воздухе появился рой мелких мошек, которые не кусали, а просто летали неизвестно зачем. Наконец оба этих гаврика появились из-за поворота. Они толкали покалеченный велосипед. Переднее колесо было смято и изогнуто, как блин, который поковыряли вилкой, да так и бросили на тарелке, не захотев есть. Оригинальная пара приблизилась ко мне.

— Мы не виноваты, — промычал Ковров.

Оказалось, всю дорогу они проехали нормально. Но у самого универсама на узкой асфальтовой дорожке повстречали какую-то пожилую женщину. Разойтись с ней на дорожке они не смогли. Ковров попытался повернуть руль, но ему помешали коленки Баранова, сидевшего на раме. В итоге произошло столкновение. Пожилая женщина истошно заорала. Орала она о том, что ей распорили ногу. Пожилые женщины всегда пре-

увеличивают. «Да, — сказал Ковров, — на ноге была ранка, но маленькая. И кровь из нее не текла». Ковров и Баранов попытались извиниться перед женщиной и улизнуть. Не тут-то было. Женщина вцепилась в мой велосипед мертвой хваткой и воплями принялась звать милиционера. Ковров и Баранов жутко перепугались. На их удачу, все окрестные милиционеры знали эту скандальную женщину. И никто из них на ее вопли не пришел. Женщина, не дождавшись милиции, стала громко плакать и сетовать на свою несчастную жизнь. Наконец она убралась, сильно прихрамывая и громко охая при ходьбе. Мой новый велосипед пострадал гораздо больше той гражданки. Смешно то, что хлеб Баранов с Ковровым все-таки купили. Они уже после столкновения доехали-таки до универсама и приобрели буханку черного (я просил белый).

Я видел, что им стыдно. Вид у них был расстроенный. Я посмотрел на друзей, и мне стало их жалко. А потом мне стало смешно. Жалко и смешно одновременно. Странная комбинация.

Возле дома Ковров, Баранов и я пожали друг другу руки.

— Пока, — сказал Баранов и направился к себе во второй подъезд.

— Пока, — сказали мы с Ковровым и пошли в свой четвертый подъезд.

Прощаясь с Ковровым у себя на восьмом этаже, я сказал:

— Завтра, если соберешься куда-нибудь, позвони мне.

— Позвоню, — ответил Ковров. — Куда я денусь.

И он стал подниматься вверх по лестнице.

А я пошел к себе.

МАРИЯ КАМЕНКОВИЧ

*

ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

* *
*

...И жизнь течет, как и до встречи с Вами
На перекрестке у пяти Углов.

В. Семенов (1976).

Владимирский, прилавочки свечные...
Мне — пять, вот деньги, по числу голов.
Умершие друзья — как статуи ночные
На перекрестке у пяти Углов.

О время, подверстай меня, верстая,
В твой томик, чтобы вечности вручить...
Пять — у пяти. В шестом углу — шестая,
Но мне ее лица не различить.

Памяти Евгения Хорвата

Так плыли — голова и лира...

Марина Цветаева.

Стихи! Вы были ниоткуда:
На струп — елей, на лоб — остуда.

Вы ничего не упрощали,
Стихи, и столько обещали!

То ваших арок анфилада
Орфея вывела из ада,

И нам давая шанс прорваться...
Венецианскими палаццо

Вы отражаетесь в каналах,
Вы сохраняетесь в анналах, —

И, сгорбясь, города ночные
Сжимают в кулаках речные

Свои аорты, и, как в воду,
С мостов мы смотрим — ищем броду,

И к небу обращаем лица, —
И ждем, чтобы дождю пролиться.

Ужели тучи обнищали?
Стихи, вы столько обещали!

Ужели засуха настала
И кровь из раны течь устала?

Зачем же реки не мелеют?
Зачем они челны лелеют,

Что, ничего уже не знача,
Плывут по ним в долину плача,

Как древле, голова и лира,
Средь отвернувшегося мира?

* *
*

...В час вечерний, в час заката...

Н. Гумилев.

Просеивать — бесполезно
Песок из Святой Земли:
За каждой песчинкой — бездна,
И в бездне той — корабли.

Расплавленной зарею
Плывут, как стихи, легки...
За каждой Святой Землею —
Святые Материки.

Песчинку Иерусалима
Под веко — не взвидишь дня...
За каждой святой Вселенной —
Сплошной океан огня.

Туда, пилигримом сирым,
Откуда огонь сквозит,
Туда, разминувшись с миром,
Корабль, в цепях, скользит:

За верность провисшим звеньям —
Хотя б и огонь угас! —
Он платит исчезновеньем
Из поля зрения нас,

Оставшихся здесь, с простыми,
Петь песни и водку пить,
Пенять на пески пустыни
И на караван копить.

Читая воспоминания Марины Малич

Как по левую руку да от Литейного моста
уж да как пробоина в нашей подводной лодке —
дырка в ноль, в никуда, и хлещет вода:
шесть крестовских месяцев Даниила Хармса.

Как он там умирал и умер от голода,
воздух и разорвался.
Разорвалась и ткань времен,
а мы-то себе живем
и дудим себе на его дудке,
веселые идиоты.

А когда мы учились в школе —
специально ездили к этой невидимой дырке: смотреть салют.
А дыра молчала,
забиралась в рукав,
исподволь облучала,
исподлобья смотрела: кто это такие тут.

За спиною Финляндский вокзал и броневик, на котором Ленин,
и ЦК Комсомола, где нужно знание Устава.
Впереди, по левую руку, сплошной Пелевин,
то есть хрустальный мир, то есть Расстрельный Дом, и Дом Писателей —
справа,

впрочем, он скоро сгорит,
и с моста видны мосты,
а по левую сторону, сзади, кирпичневые Кресты,

а над ними тучи, как провода, обвисли...
Но минута — и строятся башни,
и флот плывет по Неве.
«Разбуди меня, сильного к борьбе со смыслами!»
А не хотите ли сзади бутылкой по голове?

Флот плывет, уплывает от набережной Дворцовой
прочь, в нездешнюю высоту, — от воды свинцовой,
покидая обетованный, убитый город,
не желая в этом городе больше смотреть салют.

Мы — заткнем эту дырку тряпьем,
мы — привычные от начала,
нас рябая заря на руках качала,
и в Музее Октябрьской Революции (справа, подальше) с экскурсией
привечала.

Мы-то, может, и вылечимся.
А вот нынешние далеко не уйдут.

* *
*

...Лик ангелов, какие встарь
Сходили к спящему в Вефиле...

Вячеслав Иванов, «Римский дневник».

О юные дочки Лавановы,
Гадающие на жениха!
Никто не читает Иванова
В эпоху затмения стиха.

Рахиль себе равных чурается,
В чем Лия провидит беду.
На что он, хромец, опирается,
У звезд и планет на виду?

Шагают верблюды в истоме, и
Вином обернулась вода.
В ничто и нигде, до истории,
И после нее, в никогда.

Что пролито? Звезды ли? Млеко ли?
Гадать, так уж наверняка.
В пустом довременье, как в зеркале, —
Все будущие века,

Они же — и прошлые. В схиме ли,
В фате ли их жребий благой —
Иаков один для Рахили, но
Для Лии он — кто-то другой,

И обе мечтают о третьем и
Забыли о прежних богах.
Но прошлое с будущим встретилось
Уже, и Иаков — в бегах,

И Некто восходит по лестнице
Над спящим, в обитель планет,
И, в черном две девы, две вестницы,
Два ангела, смотрят вослед:

То Марфа с Марией прощаются
С Тем, с Третьим, но выключен звук.
К кому он, поэт, обращается
С амвона бумаги и букв?

О мудрые дщери Лавановы,
Праматери праотцов!
Никто не читает Иванова
В забвеньи начал и концов.

Чья нитка в иголку проденется
Под куполом зрячих планет?
На что он, мудрец, понадеялся?
На то ли, что времени нет?

Голоса уничтоженных и убитых

Каменные диковины —
Великанов работа...

«Руина», древнеанглийское стихотворение.

Голоса уничтоженных и убитых,
Изгнанных из мироздания
Подобны звездам на вечном крыле ночи,
Небу, которое в полдень от нас сокрыто.

Запертые в одном пространстве
С уцелевшими и палачами,
Мы повязаны с ними единым страхом,
От которого вы навсегда освободились.

Вечная ваша память,
Приснопоминаемые отцы, братия и сестры наши, —
Кто мы без вашей дружбы и ваших песен,
Кто мы — без дыма ваших пожарищ и ваших пирушек?

Как нам без вас говеть? Как жить? Мы ничего не знаем,
Ничего не умеем и не понимаем,
Словно Офелия, похоронившая десять тысяч старших любимых братьев,
Что ушли из мира на полуделе и полуслове!

Я трепещу, лечу, на ветру сгораю.
Я поднимаю чашу на вечной тризне.
Кто-то поет: «Я еще не жил — и вот умираю,
Но никогда еще так не жаждал жизни».

Сколько их — воинов, братьев, — от коих в мире
Только эта жалоба и осталась?
Все народы и нации — тысячерукие гекатонхейры,
У которых обрубков больше, чем рук. И приходит старость,

А гекатонхейры, забыв обо всем, что знали
Отвалившиеся и обрубленные руки, впадают в детство.
Я несу вашу память, как зачехленное знамя,
Не касаясь пером запечатленной дести,

Ветви выкорчеванного леса раздвигаю, не видя:
Немудрящий дикарь у останков великой расы.
Как оробевший сакс, вхожу в покой, где звучал Овидий,
И нахожу на цветном полу обломок вазы или остов кирасы...

Нет ключа у меня к развалинам чудотворным,
А они молчат, предавая то, что в них обитало.
Опустелый облик пространства оказывается притворным,
А потому, как делал и сакс, я б его заселять не стала.

Я бы не реставрировала руин, а строила рядом,
Напоминая себе о том, что явилась в мир на излете —
После великих, и крошкам с трапезы должна быть рада,
А не свое малевать на фресках Буонаротти.

РОМАН СОЛНЦЕВ

КЛЮЧИ

Рассказ

1

Старуха потеряла ключи.

Она приплелась домой уже поздно, в мокрых осенних сумерках.

Мы с Аленой не сразу поняли, что с ней произошло. Старушка наша не поднялась домой ни лифтом, ни пешком, а почему-то позвонила с крыльца.

Сняв трубку домофона, Алена услышала:

— Это я... — Голос глухой, еле слышный.

— Сейчас, сейчас, мам! — Судорожно повесив трубку, Алена побежала вниз, чтобы толкнуть тяжелую, на пружинах, дверь подъезда, — мать не всегда могла ее оттянуть на себя, даже если отперла электронным чипом. А может быть, настолько устала, что связку ключей не может нашарить в кармане.

— Где ты была, дорогая?.. — Алена извелась, она уже в два часа пополудни звонила Елизавете Васильевне, горластой бабуле из соседнего дома, — иногда с мамой Алены они вместе из церкви возвращались. Но та не знала, где подружка.

Странно, церковная служба — утром, с девяти часов, где же наша старшая в свои восемьдесят пять лет бродит весь день? Ведь боязно: не дай Бог, завалится где-нибудь да и не встанет...

— Наверное, в Совет ветеранов заглядывала, — предположил я, когда теща, уронив на руки дочери пальтишко, прошла, как согбенная тень, в свою комнату и в согбенном же виде, боком легла на койку и, подобрав худые ножки, затихла. А на остром личике ее — я заглянул — сизая тень, словно с улицы комок сумерек принесла...

Право же, я помню, она пару раз заседала в Совете ветеранов, о чем со смущением нам с Аленой и доложила. Среди таких же, как сама, преклонных старух обсуждала с неистребимым интересом международное положение и политическое положение в России. И из-под красных знамен приносила домой купленные там, в относительно дешевом ларьке Совета ветеранов, кулек маленьких алых яблок.

— Да, да... — согласилась Алена. — Наверно, там была, там. Ишь коммунистка.

Но мы еще не знали про утерянные ключи.

Впрочем, старуха и под вечер, поднявшись к своему обеду, про ключи не поведала. Только по смятенному ее виду можно было понять, что днем что-то с ней произошло. Может быть, в церкви, во время службы, нелов-

ко локтем двинули, а то и свечу погасили? Или в Совете ветеранов совместно пришли к выводу, что Россия гибнет?

Мать попила чаю, съела кусочек хлеба, от конфеты и сыра отказалась (у нее очередной пост!) и вновь удалилась в свою комнату. И мы слышали, как долго она чем-то шелестит (Евангелие читает?), вот карандаш на пол уронила... чего же она ищет?

И ночью вставала, выходила в прихожую, в темноте — не включив света — рылась в кармашках своего узенького пальто, платочек искала или листок бумаги с молитвой, особенно действующей в эту пору жизни? Недавно упросила Алену переписать ей красиво (у самой-то пальцы пляшут) молитву святых отцов Оптиной пустыни, и моя жена отпечатала у себя в институте эту молитву на лазерном принтере крупным шрифтом.

Надо сказать, молитва замечательная, я и сам ее иной раз с волнением перечитываю.

«Молитва оптинских старцев.

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день.

Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя.

Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой. Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать и любить!

Аминь!»

Но кто знает, может быть, у моей тещи появилась некая новая, самая лучшая молитва? И она ее ищет?

А возможно, в Совете ветеранов дали ей какую-нибудь особенную вырезку из газеты, стихи душевные или цифры ужасные, самые подлинные, например про войну в Чечне.

Утром Алена спросила:

— Мама, что с тобой?

— Ничего, — отвечала та, с какой-то непонятной твердостью глядя в лицо тоже седой уже дочери.

Истинная партизанка. Только Алена слишком хорошо знает свою матушку, бывшего секретаря парторганизации на тракторном заводе по прозвищу Машка-Спичка (загоралась по любому поводу, отстаивала высокие идеи, а надо катить чугунные колеса — набычась, катила первая).

— Обидел кто? Обсчитали?

И тут мать не выдержала. Опустив голову, навзрыд проговорила:

— Ключи...

— Ключи?! — И мы, конечно, все поняли.

— Да ну-у, — с деланной веселостью закричал я, разводя руками, — всего-то дел! Раз — и заменим замки.

— Такие траты, — тихо плакала мать.

— Да какие траты!

— Ну как же.

— А чего раньше времени горевать? Может, еще и найдутся... — старательно улыбаясь, предположила Алена. — Может, дома лежат. Помнишь, ты паспорт теряла? И в холодильнике нашли.

— Я везде смотрела, — был еле слышный ответ старухи.

— А мы еще посмотрим! Дай я тебе валерьянки накапаю...

Как могли, мы успокоили мать и, когда она ушла, затихла в своей комнатке, стали с Аленой высматривать в квартире, не валяется ли где связка маминых ключей.

Они на стальном кольце, эти ключи, один — длинный, с тремя носами — от «предбанника» (у нас с соседями общая железная дверь), второй — от нашей собственной железной двери, плоский, с хитрой выемкой, и третий — латунный, попроще — от двери деревянной. Но особенно тревожно было из-за того, что потерял четвертый ключ, электронный, он в виде крохотного ковшика — им отмыкается дверь подъезда. Мало того что отмыкается, приложишь донышком чип к пуговке замка — сразу высвечивается номер квартиры, затем устройство пикает, и магнит отключен. Входи, дорогой товарищ вор, в указанную квартиру. Тем более, что все другие ключи у тебя также в наличии.

Мы с Аленой, стараясь не шуметь, осмотрели кухню, заглянули в углы, под стол, а на столе — в сахарницу, в мамину кружку, прошлись в нашу спальню. Конечно, и за обе входные двери выглянули — вдруг в «предбаннике» валяются. Алена перебрала в прихожей обувь — вдруг в какой-нибудь ботинок мать уронила. И в карманах наших курток глянули — могла и в чужой карман ключи сунуть. И в холодильнике посмотрели.

Нет нигде.

Нет ключей.

2

Чтобы поискать еще и в комнатке у самой матери, Алена утром отослала ее в магазин за майонезом и белым хлебом. Просто гулять возле дома старуха не ходит, отказывается:

— Что это я, как барыня, буду без дела по улице болтаться?.. — хотя и без врача любому понятно, кто посмотрит на ее измученное лицо, — Марии Степановне необходимо время от времени именно пойти погулять, подышать свежим воздухом, в доме-то душно. Эти пластиковые окна, будь они прокляты, насмерть запечатывают помещение, а приоткроешь во всю высоту — свищет сквозняк. Даже кирпич, припирающий раму на подоконнике, может съехать...

Но вот если старухе дали задание — она идет его выполнять.

— Зонт возьми, видишь — дождь.

— Не сахар, не промокну. — Но все же взяла. Только вряд ли раскроет, потому что дожди с порывами — вдруг да еще поволокут старушку, а то и купол вывернется, сломается.

Итак, мы с Аленой в комнате мамы.

Конечно же, старуха наверняка раз сто у себя все посмотрела. Но бывают случаи — чужой глаз узрит то, что ты в упор не видишь.

На подоконнике, справа от балконной двери, прислонены к яркому стеклу (здесь южная сторона), в ореоле света, семь картонных иконок, среди них — портрет иеросхимонаха Серафима Вырицкого (Муравьева), а также складень. Я из любопытства заглянул на обратную сторону — вязью написано «*Спаси и сохрани*» и меленько — «*Молитва дорожная*». И еще несколько выцветших бумажных иконок Христа и Богородицы. И одна тяжелая иконка, нарисованная на глиняной лепехе. И что-то вроде лозунга, окаймленного цветочками голубыми и розовыми: *РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ПРАВОСЛАВНУЮ ВЕРУ!*

За этими крохотными иконками ключей не было, да и быть не могло — негде уместиться. Нет их и под книгами старухи, которые тут же на широком подоконнике лежат в особом порядке: слева «*От святой купели и до гроба*» (краткий устав жизни православного христианина), издательство «Трим», Москва, 1994 год, а справа — *Псалтирь, на всякую потребу и на*

всякий день. Из-под него выглядывают старое, коричневого тона, с ветхим корешком Евангелие и тетрадка с закладками. В ней молитвы, переписанные от руки. И ключей здесь тоже не может быть.

В углу, на полу, ее чуни, теплые, сухие, — в них старуха могла тяжелую связку уронить? Могла. Но нету и в них ключей. Нигде нет. Что же делать???

Мы с Аленой переглянулись. Остается действительно одно — сегодня же ставить новые замки. И как можно быстрее менять код чипа.

3

Я позвонил своему знакомому, Юрию Михайловичу Боголепову, инженеру из КБ «Автоматика», объяснил ситуацию, и он тут же, мигом, сквозь дождь, прикатил на своей вишневой иномарке и позвонил снизу с сотового.

— Бывает. Сделаю.

Я выдал ему тысячу рублей — если не хватит, он доплатит, потом рассчитаемся. А почему я именно Юрию позвонил — он и ставил нам замки на этой квартире три года назад, когда мы сюда переехали.

Боголепов, ловко вывинтив шурупы, вынул и обмерил тонким стальным метром один замок, затем, пристроив его на место, вытащил из железной двери и бросил в кейс другой замок, а на третий глянул и махнул рукой — замчище на общей с соседями двери стандартный, плоский, Юрий знает, где такие продаются.

Инженер укатил в город, а я поспешил — это поблизости — в фирму «Рекс», которая устанавливала домофон.

Специалисты по всяким охранным и противоугонным средствам располагаются на двенадцатом этаже Вычислительного центра. Лифт не работает, но ничего, я как белка взбежал наверх.

Здесь вдоль стен, за стеклом на витринах, чего только нет: и рупоры сирен, и тревожные кнопки, и микросхемы для сейфов. Молодые люди — кто говорил в телефон, кто листал газету «Коммерсантъ» — поднялись, увидев мое красное лицо, поняли с моих слов, что произошло, пообещали завтра выдать новые чипы (можно и старые перемагнитить, но пусть до утра поработают, нельзя же без ключей!), и я вернулся домой.

Жена тем временем уже сбегала в школу, упросила коллег заменить два ее урока, — нам надо сообразить, где наша бабулечка могла обронить ключи. Вдруг да еще найдутся?

Но не писать же на столбах и не давать же в газетах объявление?

Мы позвонили Елизавете Васильевне, той самой подруге нашей мамы, крикливой, с вечно вытаращенными от восторга или ужаса глазами за стеклами очков.

— Я, я!.. — закудаhtала молодая еще старуха в трубку. — Что, Машка упала, помочь? Или что, горчичники надо?

— Да нет, нет... — Моей Алене ничего не оставалось, как прямо сказать о потере. — Конечно, ничего страшного, — продолжала жена. — Но все же лучше бы поискать. Не спросите ли вы в церкви, Елизавета Васильевна... не нашлись ли там случайно ключи?

— Поняла! Сделаю! — радостно (из-за того, что нужна людям) завопила подруга нашей мамы. Она сейчас же, немедленно побежит в «церкву» и опросит всех. Там честные бабки работают.

Я решил заглянуть в Совет ветеранов.

— А ты сиди дома, — попросил жену.

— Нет, — остановила меня жена. — Надо начинать с самого нуля.

Она математик и всегда права. Действительно, лучше пройти по маршруту мамы, начиная прямо с порога. Или даже нет, со сборов.

Вспоминали. Вчера утром, в половине восьмого, Алена заплела матери косичку, усадив, как обычно, на кухне, подале от стола. И с девичьей ко-

сичкой на шею мать медленно надела то самое серое пальто, боты, платок на голову и ушла.

Да, она прихватила с собой и мешочек (зачем она этот черный мешочек носит?! Как-то страшновато смотрится этот черный мешочек!), положив туда дешевых леденцов, ранее купленных ею же. Для кого купила, кому отдаст, кто их ест?..

Но сегодня мешочек дома, лежит, перекинутый через спинку стула в ее комнате. Он пуст.

Итак, мы с Аленой выходим из подъезда, смотрим вокруг. На грязном асфальте двора черная, давно не подметавшаяся листва. Но ключей нет. Если только какой-нибудь гигантский грейдер, разворачиваясь, не подцепил их узорами своих колес и не увез невесту куда. Только вряд ли мама их здесь вынимала.

— Автобус, — бормочу я. И Алена мгновенно поняла меня.

Да, в автобусе теща могла случайно вытащить их вместе с кошельком, когда покупала билет. Ехать ей вокруг лесочка всего две остановки, она как-то заявляла о своем желании ходить напрямую пешком, но мы уговорили старую не делать этого — здесь часто шляются полупьяные бомжи.

— А ты сиди дома.

Жена возвращается в квартиру, надо быть настороже — в последнее время участились дерзкие, среди бела дня, кражи, воруют вполне интеллигентного вида, хорошо одетые молодые люди.

Если кто-то из таких парней нашел ключи, мгновенно сообразит, как воспользоваться.

А я иду на остановку. С недавней поры автобус № 3 ходит мимо нашего дома — из-за новостройки маршрут удлинили.

Я заскакивал во все автобусы третьего маршрута и, оплачивая билет, чтобы со мной говорили подробней, спрашивал, не попадалась ли кондуктору или водителю связка ключей, и, когда часа через полтора мне вновь попался на глаза автобус с примелькавшимся номером, я понял, что опросил весь транспорт, кружащий на этом направлении.

Если не врут, теща ключей в автобусе не роняла.

Теперь я мог пойти и в Совет ветеранов.

4

Совет ветеранов занимает две комнаты в старом панельном доме возле почты и гастронома. Здесь же, рядом, под открытым небом, — небольшой местный базарчик, приезжие крестьяне рубят мясо на пне, отгоняя собак, продают творог и молоко в бутылках из-под пепси-колы.

Вход в Совет ветеранов с торца. Я постучался — зычный голос председателя Агнессы Федоровны, некогда известного врача-гинеколога, мне ответил:

— Входите, мальчик, я вас видела.

И «мальчик», то есть я, уже седой, с синевой под глазами историк, обстукав ботинки на входе о пласт мокрой рогожи, робко вошел — я побаиваюсь громких, активных женщин, а особенно врачей-гинекологов, помнящих все секреты наших семей.

Агнесса Федоровна, мощная дама со светло-фиолетовыми кудрями, шевеля острым бюстом, говорила по телефону. Она сверкнула сивыми глазами, указав мне, куда сесть. Я опустился на продавленный стул, передо мной на другом стуле сидела маленькая, блеклая старушонка с потертой кожаной сумкой возле драных сапожек.

— Да, да... — буркала Агнесса Федоровна. — Да. Мы подержим.

Положив трубку, она ослабилась, показав крупные желтоватые свои зубы, и, движением руки отпустив старушонку, осведомилась у меня:

— По поводу холодной воды? Мы уже отнесли письмо мэру. — И, не давая слова сказать, упрекнула: — Кстати, вам тоже пора приобщаться к заботам Совета ветеранов. Вы ведь уже на пенсии? У нас мало мужчин, нам нужны боевые штыки.

Произнеся эту довольно двусмысленную фразу, она с очень сердитым видом усталилась на меня, только в глазах ее, глубоко утонувших в лице, мне казалось, все же посверкивает ироническая искорка. Ой, наверно, лихая была когда-то деваха.

Я, запинаясь, рассказал ей, что произошло.

— Вчера она заходила сюда, — поднимаясь и сразу оглядывая полы, начала Агнесса Федоровна. — Была, была. Мы обсуждали Ирак. А Юлия прибиралась, вот только что вышла. Если бы она что подобрала, она бы сказала. Хотя тоже слепощарая.

Вместе с председателем мы обошли комнатку, задевая фикус в кадке и бюст Ленина на шаткой деревянной этажерке, — ключей нигде не было видно. Я вопросительно глянул на дверь во вторую комнату — над ней приколочена картонка с надписью «МАГАЗИН».

— Может быть, вчера мама...

— Нет, — сразу оборвала меня Агнесса Федоровна. — Вчера торговли не было.

Она вновь устроилась за своим столом, закурила папиросу «Беломор» и наморщила лоб.

— Если она здесь выронила ключи, кто же мог подобрать? Да никто. Все уходило на моих глазах.

Но мать выронить могла. Она могла достать платочек, если вдруг заплакала. А из-за того, что пальто у нее новое (Алена подарила и заставила носить), карманы неглубокие и не на том месте, как говорит старуха, она могла неловко шарить в них, и ключи — раз и на пол.

А слезы могли появиться. Из слов председателя я понял: старухи одобрили поведение президента Путина, который не послал в Ирак наших солдат наводить порядок, но пожалели поляков, которых польские власти послали. В Сибири много еще осталось семей с польской родословной, взять ту же Елизавету Васильевну — она в девичестве Цыбульская. И вполне могла наша бабуля в качестве ее верной подруги зарыдать, если Елизавета Васильевна рыдала. Когда мама волнуется и плачет, руки у нее беспорядочно ходят по кармашкам, платочек ищут. Но, осторожно расспросив председателя Совета ветеранов, я понял: о поляках говорили недолго и никто не плакал.

— Может быть, она рассказывала про Казахстан?

— А что в Казахстане? Родня?

— Понимаете... — замялся я.

— Да, там притесняют наших, — тряхнула фиолетовыми буклями председатель и поиграла кулаками на столе. — Этот Назарбаев бай и есть. Что он, что туркменбаши. Их бы в другие времена раскулачили.

Я растерянно кивал. Я-то ожидал услышать от бывшего врача, не рассказывала ли наша мама про то, как ее семью перед войной ссылали, как в голой степи под Акмолинском высадили из грузовиков в самую метель. Но коли председатель не знает, при чем тут Казахстан, значит, речи об этом не было.

Стало быть, разговор вчера здесь велся относительно спокойный. И мать, скорее всего, ключи не здесь выронила.

5

Сойдя с крыльца, я побрел, петляя, мимо недавно посаженных старушками кустов рябины с багряными гроздьями ягод, выскочил на тропу и поспешил в сторону районной больницы, где в пристройке и расположилась с недавней поры церковь.

Я торопился — вскоре должен подъехать с новыми замками Юрий Боголепов. Жена дома, но мне-то надо будет рассчитаться за труды, а у Алены инженер денег не возьмет. Я же ему, на худой конец, могу подарить какую-нибудь видеозапись — Юрий обожает исторические фильмы, недавно переписывал ему «Ивана Грозного» и «Броненосца „Потемкин“».

В местном храме я бывал всего раз — отводил прошлой весной в снежную бурю на Пасху нашу старушку и, собственно, в самое помещение только заглянул. Для молящихся главврач больницы, который, говорят, с той поры, как умерла его жена, сам стал верующим, выделил большую длинную комнату с отдельным входом со двора. Здесь прежде полагали открыть приемный покой для инфекционных больных, но из-за того, что к этому крыльцу в глубине двора вечно мешают подъехать грузовики, бидоны, ящики, отдали площадь под церковную службу.

Службу ведет отец Сергей, Сергей Владимирович, очень еще молодой, как я мельком заметил в первый свой приход, высокий, узкоплечий мужчина. Наша мама не нахвалится им:

— Такой обходительный... грамотный... и все новости знает.

— «Капитал» прочел? — как-то в шутку спросил я.

Теща насупленно помолчала, потом все же улыбнулась:

— Наверно, читал. Говорят, был секретарем комсомола где-то.

От других людей я слышал, что Сергей Владимирович окончил химвфак Томского университета, блестяще владеет английским. Сюда, в новый микрорайон, его сослал местный владыка, архиепископ Никандр, за то, что отец Сергей якобы заигрывает с юными прихожанками, порой позволяет себе смутные, едва ли не еретические речи. А главная причина: когда отец Сергей был его помощником (составителем речей), будто бы похвалялся, что может вписать в речь гундосого владыки что угодно — и тот механически пробубнит, даже если не поймет, потому что неграмотный.

Рассказывают, что последнее обвинение было снято самим Никандром (явно оговорили Сергея конкуренты на должность!), но все-таки пришлось отправить слишком красноречивого и красивого молодого священника создавать новый приход.

И он его создал. Сюда послушать его проповеди заглядывают даже студенты университета. Во всяком случае, когда я поднялся на крыльцо церкви, возле двери курили несколько молодых людей, запах табачного дыма мешался с запахом отгоревших свечей.

— А уже все, — сказали мне парни. — Теперь вечером.

Кивнув, я зашел. Крохотная старушка, похожая на ту, что я видел в Совете ветеранов, брызгая на пол пульверизатором, подметала веничком упавшие белые пульки стеарина. Электрические светильники перед алтарем и царскими вратами были пригашены.

— Мне бы отца Сергия, — тихо, в пустоту храма сказал я.

И тотчас из дальней двери быстро вышел в рясе высокий молодой парень с хилой бородкой, очень румяный, и воззрился на меня нежными, как у женщины, сверкающими глазами.

— Вы ко мне? — Он подошел еще ближе и молча ждал.

— Здравствуйте, отец Сергей, — поклонился я. Чувствуя великую неловкость из-за того, что пришел не вовремя да еще с такой странной просьбой, я представился: историк, живу неподалеку — и в двух словах рассказал о пропаже ключей.

Едва дослушав, священник, кажется, еще более покраснел и напевным, слегка томным голосом обратился к уборщице:

— Юлия, не про эти ли ключи говорила Елизавета?

— Что, нашлись?! — обрадовался я.

— В том-то и дело, что нет, — пояснил мне отец Сергей. — Если бы Мария обронила их здесь, истинно говорю — их тут же передали бы мне. Ах, как жаль! Где же могла их выронить Мария?

Юля, шмыгая носом, в платке и не мужском ли пиджаке, стояла перед нами, опустив глазки, держа в одной руке полынный веник, в другой совок. Но поскольку никаких более указаний не последовало, принялась убирать дальше.

— Я думаю, найдутся, — мягко сказал отец Сергей. — Мы вечером оповестим прихожанок. Они на улице посмотрят.

Неловко простившись, я поспешил домой.

Возможно, и мать уже вернулась с покупками из магазина.

И Юрий Михайлович Боголепов ставит новые замки.

И Елизавета Васильевна, тараща глаза, торопит мастера новыми слухами про банды квартирных воров.

6

Но как ни странно, Юрия еще не было — видимо, не может купить замок необходимого размера. Елизавета Васильевна, оказывается, уже побывала у нас и ушла.

Мать сидела в своей комнатке, спиной к батарее отопления, опустив седую, розоватую кое-где на макушке голову, совершенно удрученная.

Жена мне шепотом рассказала, что видела соседей и вынуждена была известить их о случившемся и что соседи успокоили: у них есть для общей двери схожий замок, они сами его заменят. Только придется заказать копии ключей для нашей квартиры.

Сели обедать — мать отказалась от еды. У нее пост.

— Мама, опять?! Какой же пост в ноябре?! — сердилась Алена.

— Пост, — глухо ответствовала старуха из своей комнаты.

Наконец приехал Юрий Боголепов. Он вынул из кейса полиэтиленовый пакет со старым замком и достал картонную коробку с новым запирающим устройством. Приложил один к другому. Лицо у него было расстроенное.

— Купил, объехал полгорода, но это не то, что нам надо. Придется немало болгаркой поработать и сварочкой поправить. Я сейчас — на работу, заберу инструменты и вернусь.

Он уехал. Жена шепотом спросила:

— Что это — болгарка?

— Это такой диск... ну, вроде картона, покрытого абразивом... вертится и режет.

Меня огорчало другое — Боголепову придется тащить сюда сварочное устройство, это трансформатор килограммов на пятьдесят.

В эти минуты вышла как тень и встала в дверях — мы даже сразу ее не приметили — наша старушка.

— Вы уж простите меня ради Бога... — простонала она. — Такие неудобства причинила... Мою пенсию-то не берете на хозяйственные нужды, хоть ему заплатите. — И она протянула старый почтовый конверт со вложенными туда деньгами.

— Мама, да перестань! — прокричали мы оба с женой. — Какая ерунда! Копеечное дело. У всех бывает! Забудь! Иди поешь!

— Нет... нет... — Уливаясь слезами и загребая ногой за ногу, старуха побрела в свою комнату.

Жена зашла следом за ней и прикрыла дверь. А я сел возле выходной двери и стал ждать. А потом заглянул к старухе и сам.

Теща лежала на койке, закрыв глаза. На стуле рядом белели аккуратной стопкой газеты «ЗОЖ» (за здоровый образ жизни). Алена смотрела в окно.

Чтобы как-то отвлечь или развлечь старушку, я спросил:

— Мам... а вот когда в Совете ветеранов по душам говорите... ты рассказывала про то, как вас ссылали?

Я думал, она не сразу поймет, о чем я спросил. А она, широко открыв глаза, приподнялась и, мне показалось, с ужасом посмотрела на меня:

— Да что ты! — и резко покачала головой: — Не-ет. Зачем?! Им про это не надо. Они счастливые люди, зачем им?..

И вновь легла. И я подумал: о чем же они тогда говорят, собравшись, старые женщины? О детях, внуках? Но ведь и о политике тоже, если обсуждают положение в Ираке и России? Или все же мать считает: все было в СССР правильно, а если случались какие-то несправедливости, так что ж теперь, все прошлое зачеркивать?

Она о высылке впервые нам-то с Аленой рассказала уже во времена демократии, а до того — все невнятно, в трех словах. Их везли из Читы через Челябинск (там не приняли) два месяца и выбросили в Казахстане прямо на каменную степь, в снежную бурю со словами: радуйтесь, что не шлепнули. А сослали семью Большаковых из-за того, что отец их, Степан, не захотел в колхоз идти, отдавать лошадей. Он убежал за Аргунь, в Китай. А когда семья Степана и семья младшего брата оказались из-за него уже в Казахстане, к ним явился ночью нерусский человек, позвал мать Маши за рубеж, к Степану. Дескать, позже он, этот Олжаз, переведет туда и остальных. Но мать Маши побоялась: если она уйдет, расстреляют и ее детей, и семью младшего брата. И все Большаковы остались под Акмолинском.

Вскоре вокруг появились кавказцы, немцы, такие же голодные, растерянные. Один немец заметил: почему-то именно в праздники высылают народы: 7 ноября, 5 декабря, 23 февраля, 1 мая. Долго жили без горячей воды, дров нет. Однажды в степи подобрали доску, слетевшую с грузовика, чай вскипятили. Жилье себе строили и школу для детей из вонючего самана. В одно лето все сгорело, кизяк горит хорошо...

А отец через многие годы прислал им письмо из Сан-Франциско: звал в гости. Этот конверт и еще два, судя по датам сверху и внутри, шли долго, их пересылала служба НКВД в местную комендатуру. Но на его призывы ни мама, ни младший брат не ответили. А потом замолчал и сам Степан. Наверное, умер.

Вот ведь какое горе было в детстве у Маши-Спички. А она во все годы юности бегала с улыбкой до ушей, декламировала стихи Маяковского, водила свой цех на выборы, на демонстрации. А все страшное носила в себе.

— Наверное, отцу Сергию-то рассказывала?.. — спросил я. — Он-то Божий человек.

— Ему рассказывала, — открыла белесые глаза старуха. — Ему рассказывала. — Вдруг засмеялась: — Как в детстве шишки сосновые в мешке таскала из лесу, когда уже в Россию переехали. Для самовара и для печки, жар от них. В Казахстане такого нет. Еще ветки сухие мужики сшибали баграми. На голову дяди Саши, помню, упал сучок, ухо порвал. А еще помню: когда в техникуме училась, бегу поздним вечером пешком из города домой, в деревню, — несу хлеб. Это из моих студенческих завтраков-ужинов. А в город под утро тащу свеклу.

— Свеклу?! — ахнула Алена.

— Свеклу. Все ж витамины. А бежать страшно... цыгане, говорили, воруя девочек... волки стоят в оврагах, на луну воют... — Мать виновато улыбнулась: — Трусиха была, форменная трусиха.

Ничего себе трусиха!

Вот же как! Живет мама у нас уже семь лет, вместе с нами из старой квартиры сюда переехала, казалось бы, о чем только не говорили мы с ней за эти годы, а столько держит, утаивает на незримом замке... Коммунистка, ныне верующая, соблюдает все мыслимые и немыслимые посты, целыми днями стоит, пошатываясь от усталости, перед своим подоконником, перед иконками, и все бормочет молитвы. О чем она думает? В каких таких грехах кается? Кого прокликает? Дети все выросли, внуки выросли, а на правнуков сил уже не осталось, да и молодые их родители сами управляются... Чем заняться живой еще женской душе?

— Нет, в церкви народ хороший, — словно поразмыслив, сказала старуха. — И в Совете ветеранов тоже хороший.

7

Наконец приехал Юрий Михайлович Боголепов, он был не один, а с очкастым лаборантом, — пыхтя, они вместе занесли через порог старый сварочный агрегат.

— Полчаса — и будете как за каменной стеной, — хмыкнул Юрий, включил визжащую болгарку и выключил. — Сейчас мы тут вымерим еще раз.

Мы стояли в дверях маминой спальни, старушка тоже поднялась и с виноватым видом смотрела на работу мастера.

Полетели из-под круга искры, длинный красный пучок бился в одежный шкаф, не причиняя, впрочем, вреда, — я взглядом успокоил жену. Лаборант тем временем вставил в деревянную дверь простенький новый замок, чуть-чуть подчистив гнездо в дереве стамеской. А когда Боголепов, опустив на глаза щиток с синими очками, начал заваривать ослепительной звездой какой-то уголок в зияющей железной дыре, забрякал звонок.

Мы не сразу услышали, закричали:

— Юрий Михайлович... там кто-то идет!

Выключив электросварку, мастер пошел открыть дальнюю, общую с соседями, дверь.

К нам вбежала рослая бабуля, подруга мамы, Елизавета Васильевна, она была в ярком синем плаще и шляпке. Поправив очки, перешагнула провода, постояла, с таинственным видом озирая всех, и наконец звонко провозгласила:

— Машка, пляши! — И, разжав кулак, показала связку потерянных ключей: — Нашлись!

— Господи!.. — воскликнула наша старушка. — Я не зря молилась...

— Где, где нашлись? — в голос спросили мы с женой.

— А в церкви, — стала рассказывать Елизавета Васильевна, сверкая искусственными зубами, улыбаясь молодым мужчинам. — Юлька нашла.

— Постой, я не понял. — Мы с Аленой переглянулись. — Она вчера вечером убиралась в церкви, сегодня утром... и только сейчас?..

— Ну какая разница?! — радовалась подруга мамы. — Юлька говорит, они лежали в выбоине, рядом с отлетевшей плиткой. И сослепу она не сразу заметила.

Однако выбоина, как я понимаю, глубиной полсантиметра, не больше, а связка ключей, хоть так ее клади, хоть этак, сантиметра на полтора в высоту. Не подбирал ли кто-нибудь эти ключи и не снял ли копии, вот о чем я размышлял и о чем, конечно же, думала со страдающим лицом моя жена.

Елизавета Васильевна поняла наши сомнения:

— Да что вы, церковь такое место... там никто...

А если наша мама обронила ключи в Совете ветеранов, так могло быть? И кто-то из старушек подобрал их, сразу не смог отдать (может быть, та же Юля? Не нравится мне ее показное смирение), а дома внук или сынок поинтересовались, взяли посмотреть да и сняли копию? Поскольку все эти бабушки живут неподалеку друг от друга, обойти с копией ключей наш микрорайон и отыскать нужную квартиру не составит никакого труда.

Или я грешу, так размышляя?

— Так ставим новые замки или нет? — хохоча, спросил Боголепов. — У меня все готово.

— Простите меня ради Бога, — снова заплакала наша старушка. — Такие хлопоты, такие траты...

— Да какие хлопоты! — Юрий Михайлович подошел к старушке и погладил по руке. — Нам это все равно что семечку щелкнуть. Для очистки совести давайте все-таки... вмастрячим? — Он прекрасно понимал, о чем мы с Аленой думаем.

Мать встревоженно посмотрела на нас.

— Так ведь нашлись!.. — прошептала она.

— Нашлись, нашлись! — радостно подтвердила Алена. — Все в порядке, мама.

В неловком молчании мы постояли минуты две. Мать не уходила — смотрела в наши лица.

— Конечно, вряд ли в церковь мог зайти плохой человек, — с неким усилием сказал я, убеждая себя и жену. — В самом деле, зачем менять... если нашлись. Юра, прости нас, все бывает...

Боголепов — легкий человек.

— О чем речь?! Можно только порадоваться. — Он мигом вынул из деревянной двери уже вставленный туда замок и внедрил старый, закрутил шурупы. — А вот в железной... чуть-чуть восстановим статус-кво. Мы тут лишнего расширили. А то все же новый воткнуть?

Я покосился на тещу — она страдающими глазами смотрела на меня.

— Да нет, давай уж прежний...

Юрий Михайлович включил сварочный аппарат и, ослепляя нас, принялся вновь что-то кроить в железной дыре. Затем пошоркал рашпилем, вставил старый замок, закрутил болты, проверил — язычок замка ходит легко, — закрыл дверь, запер, отпер.

— Все как было! — хмыкнул он. — Так что, бабушка, не расстраивайтесь.

И они с напарником принялись собирать инструменты.

— А новые ты сложи где-нибудь... — негромко буркнул мне Боголепов. — Вдруг когда пригодятся.

Прихватив его кейс и болгарку, я вышел проводить работников на крыльцо. Когда они осторожно перевалили в багажник «тойоты» трансформатор, я протянул Юрию Михайловичу деньги. Он отмахнулся:

— Обижает! Дело же не сделано. Вот только бы какая-нибудь сволочь не это самое... — И, задумавшись, добавил: — А если хочешь, когда бабушки дома не будет, я тебе могу все-таки заменить. Она вряд ли заметит.

— Заметит, — тоскливо ответил я. — Ключи сильно отличаются. Она не такая беспамятная, Юра.

— Ну, тады живите, — рассмеялся Боголепов. — Может, правда пронесет.

Он с лаборантом уехал, я поднялся в квартиру. Жена уже убрала в кладовку новые замки, протирала пол.

— Все хорошо, — сказал я громко маме. — Все хорошо! Давайте попьем чаю!

Вскоре мы сидели на кухне, пили чай с медом. Ложечку меда, оказывается, маме можно съесть, пост позволяет.

За окном сыпавшийся с утра лиловый дождь вдруг сменил цвет — это уже валил снег. Белый-белый снег. Даже в доме посветлело. И жить можно было дальше, не меняя замков. Их замену мать восприняла бы как крушение своей новой веры.

В Совете ветеранов честные люди... если вдруг она там обронила... А уж в церкви... и помыслить нельзя ни о чем плохом...

Так и живем — в тайном ожидании, не использует ли кто копии ключей.

Будем надеяться, что нет. Люди в церкви добрые и честные. А если кто-то в Совете ветеранов нашел и забросил в церковь — тоже хочется верить, что не использовал находку во зло. Воспитание старых людей все-

таки было хорошим. Этот кто-то отнес не для того, чтобы мы успокоились и оставили старые замки, а потом бы к нам явился без нас нехороший человек. Отнес для того, чтобы мать думала — именно в храме ключи и пролежали.

А вот если мама на улице их выронила... но вряд ли кто с улицы понесет в церковь. Это если только Елизавета Васильевна, чтобы мама меньше волновалась. Что, дескать, с самого начала там, там лежали. Подруга у мамы — славный человек. Да и молодых племянников у нее нет, кто мог бы позариться...

Так что живем без страха.

С надеждой.

С открытыми для кого-то дверями.

ЮРИЙ КУБЛАНОВСКИЙ

*

ПОЛНАЯ ТИШИНА

* *
*

Говорил тебе «не гони волну» —
новый сленг повсюду входил в привычку
в ту, теперь глубокую старину.

...И оставили мы тебя одну
на погосте у чертиков на куличках.

Зимы с лабиринтами звездных троп.
Очажки-скопления успенских свечек.
Твой лиловый в черных оборках гроб.

Твой окаменевший холодный лоб
и на нем лежащий бумажный венчик.

С замираньем сердца, хотя не трус,
я сейчас к нему приложился в храме.
Ничего не бойся, а я боюсь.

И зову тебя, как Антон Мисюсь,
по тропе катавший ее на раме.

Было время, видели вместе сны
и паломничали в конце весны
по усадьбам ближнего Подмосковья.

А твои глаза до сих пор ясны,
как свои закрою в зенит зимовья.

Вот дышу и чувствую, что не то,
что бывало, в воздухе разлито.
И хотя душа остается в теле,

не по возрасту уже тяпнуть сто
и начать базланить о беспределе.

Кублановский Юрий Михайлович родился в Рыбинске в 1947 году. Окончил искусствоведческое отделение истфака МГУ. С 1982 по 1989 год находился в политической эмиграции в Западной Европе. Поэт, эссеист, критик и публицист. Живет в Переделкине.

...Как ты много помнила наизусть.
На погосте свежая глина пусть
замерзает — твердый гарант разлуки.

Ты ушла, а я не могу, сдаюсь,
умываю и поднимаю руки.

15.XII.2003.

* *
*

Смолоду самородки,
делали мы под мухой
за вечер две-три ходки
дальних за бормотухой.
И вавилоны тары
хотелось поджечь в морозы
на улицах Карла, Клары
или такой же Розы.

Минули годы, годы.
В моду вошли обноски.
Стали пасти народы
новые отморозки.

Кладбищ бескрайних дали —
там получают льготу
те, кто всю жизнь вставали
затемно на работу
и досыпали в тряских
выстуженных вагонах,
голосовые связки
оных не из луженых.

Мы отдохнем, я знаю,
никто меня не оспорит.
Вот и перечитаю
понову «Крошку Доррит».

Запрусь я на все запоры,
никому не открою.
Мысленно разговоры
стану вести с тобою.
Прежний мой дух мятежный
уж не огнеопасен.
Если решишь, что снежный
я человек, согласен.

Сны

Зимою — впадиной каждой, полостью
пренебрегавшие до сих пор
льды заполняют едва ль не полностью
речные русла, объем озер.
Лишь луч, нащупавший прорубь черную
там, где излуки в снегах изгиб,

работу видит локомоторную
мускулатуры придонных рыб.

Россия! Прежде военнопленную
тебя считал я и как умел
всю убеленную, прикровенную
до горловых тебя спазм жалел.
И ныне тоже, как листья палые
иль щука снулая блеск блесны,
я вижу изредка запоздалые
неразличимые те же сны.

Портрет

Так и нету внятного ответа,
что такое стынь тоски вселенской.
И откуда вдруг источник света
в дальнем устье улицы губернской?
Это жизнь с ее подушным правом.
Это на год сделался взрослее
«Мальчик в красном» с воинским уставом
в костромской картинной галерее.

Объясняют нам на не богатом
языке, что уж не в первый раз мы
стали вдруг побочным результатом
выброса сверхраскаленной плазмы.
Если так — откуда сила духа
у совсем мальчишки офицера?
А еще: надежда — повитуха
и многоглаголанья, и веры?

И хотя, что вырастет безбожник,
каменщик ли вольный, может стать,
неизвестный крепостной художник
так и не решился догадаться,
мрак светлей — от вьюжного убранства,
от фосфоресцирующих терний,
от необозримого пространства
сопредельных с нашею губерний.

6.1.2004.

* *
*

...Когда их отнесло к фарватеру
за бакен с блёсткою межою,
погиб мой однокашник с батеем
под шедшей в темноте баржою.
Ну вот тебе и порыбачили —
о утонувших, не отпетых
тод мухой земляки судачили
тогда у волжских парапетов.

...Припоминая духовитую
с послевоенной юшкой миску,
жизнь склеенную и разбитую,
хотел бы я теперь в открытую
подать за их помин записку.
Но как их звали? Поздно спрашивать,
тех, кто их помнил, — не осталось,
а сам забыл. И сам — за старшего.

И небо к ночи разметалось.

Без заглавных и запяток

был у меня корешок писатель
сторожил топил
прочных гнезд не вил
и ворочал кипами в самиздате
а как пару выкурит сигарет
начинает гордиться спьяну
мол согласен тоже вернуть билет
горний — вдогон ивану

нам казалось минимум на сто лет
хватит здешней засвинцевелой дряни
интересно выдюжим или нет
балансируя кое-как на грани?
сам себе тогда указав на дверь
первым он отсюда исчез украдкой
так что неминуемо мне теперь
поделиться с вами одной догадкой:

добирая крохи последних лет
из лубянского своего сусека
припозднившись вышло гб на след
корешка
умершего человека —
ну и схлопотало тогда в ответ
роя другому яму
полный абзац и физкультпривет
совку и агдаму

Через 25 лет в Прилуках

Гейлесбергский герой, италийский младенец
под прилуцким снежком...

1979.

Холмики погостов пеленая,
защищая нашу суверенность,
нынче снег — едва ль не основная
достопримечательность и ценность.

Божьей правды, так уж мир устроен,
фифти-фифти в тишине и в звуках —
там, где вьюжит, там, где упокоен
ненормальный Батюшков в Прилуках.

Кто, сложив походный рукомойник,
двадцать с лишним лет провел в астрале,
тот не просто рядовой покойник,
о котором бобики брехали.

Он еще в Венеции когда-то,
где брусчатка в голубином пухе,
всюду плёстко и зеленовато,
соскользнул от сплина к депрессухе.

И уже хариты, аониды
после общих бдений их сиротских
не держали на него обиды,
отлетев от окон вологодских.

...По обледенелому накату
вихревая зыблется поземка.
И почти подобна дубликату
жизни предка стала жизнь потомка.

Ощущение, что не впервые
и недаром нашего тут брата
кто-то видит в щели смотровые
зимнего недолгого заката.

15.1.2004.

* *
*

Ракита дряхлая — на месте перелома
зубцы с волокнами, чье лыко как солома.

В зените ядрышко каленое светила.
Неосторожная, взяла и полюбила

мое неровное от жизни многолетней
лицо и голову седую с кучей бредней.

Всё чаще снились мне — присыпанные сажей
то своды тусклые заброшенных пассажиров,

то непротопленных усадеб анфилады,
в которых не сыскать ни книги, ни лампы.

Психологически я стал привязан узко
к существованию придонного моллюска.

Домоседение — вот сделался мой фетиш,
а то на улице кого-нибудь да встретишь.

Неосторожная, взяла и увела ты
меня, дичавшего, в заветные пенаты,

где ветлы ветхие и дряхлые ракиты
огнем расщеплены и дуплами раскрыты.

И вечно дремная меж берегов излука,
где в мае соловьи, а в декабре ни звука.

5.1.2004.

* *
*

Мы спасались в тонущей Атлантиде.
Но наступит срок — и при всем желанье
странно будет мне тебя, дорогая, видеть
с неизменно энного расстоянья.
Прочий мир, включая родные веси,
отделенный уж от меня межою,
станет мне не нужен, неинтересен.
Только ты останешься не чужою.

Головокружительной вышиною
дорожат лишь звезды, идя на нерест.
Мне же легче — с полною тишиною,
при которой слышен твой каждый шелест.
Уж тогда не сможешь мои заботы
на себя ты взваливать, слава Богу.
Ты еще румяней в момент дремоты,
хаотичных сборов, пути к порогу.

Разыщи уже к середине века,
над моим пред тем опечалюсь камнем,
то ли «Сон счастливого человека»,
то ли «Сон пропадающего человека»
в «Дневнике писателя» стародавнем.
Вот тогда возьму я тебя с поличным.
И тебе, не зная о том, придется
стать в ответ сравнимую с мозаичным
серебром монеток на дне колодца...

* *
*

Как по знаку срываются с крон
в ближнем Страхове — бедном поселке
нешумливые стаи ворон,
словно брошены тучам вдогон
вверх скуфейки, ермолки...

Третий год притекаю сюда,
ветеран, незадачливый воин,
тот, что брал и сдавал города,
в холода
отдышаться у дымных промоин.

У твоих полыней, омутов
и раки я ветшать не готов.

Для Второго Пришествия тут,
для какой-то невиданной цели
уже прибраны хлев и закут
со снежком, залетающим в щели.

В темноте родового гнезда
ты со мною на вы:
— Вы не спите? —
Нет, не сплю: дожидаясь, когда
над некрепкою кровлей звезда
вдруг проклюнется в мутном зените.

ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ

Архимандрит АВГУСТИН (НИКИТИН)

*

«В БОЛЬШОЙ СЧАСТЛИВОЙ ЗОНЕ»

Кубинские тетради

На сосновом Хувентуде

Остров Хувентуд — остров Молодежи, для Кубы — что-то вроде Шушенского. Там при Батисте мотал срок молоденький Фидель после неудачного штурма казармы Монкада. Партии не хватало оружия, и боевики решили ограбить военную базу в Сантьяго-де-Куба. Большинство участников этого мероприятия были арестованы. Вообще-то остров назывался Сосновый, но диктаторы всегда заигрывали с молодежью, стараясь заработать очки в ее глазах.

Очередной реверанс в сторону кубинской молодежи стареющий диктатор сделал весной 1993 года. В тогдашней печати появилось сообщение о том, что новым министром иностранных дел Кубы назначен тридцатисемилетний лидер Союза молодых коммунистов Роберто Робайна. Это назначение вызвало удивление среди аккредитованных в Гаване дипломатов. Новый министр, предпочитавший до этого появляться на публике в джинсах и майке, был известен только одним — демонстративной личной преданностью «верховному главнокомандующему». Постоянные кадровые перетасовки — стиль Кастро, как всякого диктатора.

Но за назначением Робайна скрывалось другое. На Кубе в гору пошли энергичные комсомольские лидеры. По мнению Кастро, в условиях острейшего кризиса и растущего отчаяния народа они смогут обеспечить режиму и самому вождю большую поддержку именно со стороны молодежи. Робертико, как звали на Кубе нового министра, снискал себе популярность, например, тем, что под его руководством в Гаване открылось несколько дискотек и кафе для молодежи. Как отмечалось в российской прессе, молодые прагматики ловят каждое слово команданте и готовы исполнить любой его приказ. И новые назначения ясно показали, что Кастро ни на какие политические изменения идти не намерен, а лишь пытается усилить свои тылы на случай «дня Х».

Из приморского городка Батабано до Хувентуда ходу два с половиной часа на раздолбанной «Комете», с окнами в мелких трещинах. Для местных пассажиров билеты по предварительной записи, для иностранцев — особая касса, и цены особые — десятикратные. Правда, перекусить на борту можно без дискриминации: за 3 песо стоящим в очереди выдают бутерброд с колбасой (условное название) и стакан условно апельсинового сока.

Когда-то на Хувентуде был своего рода революционный заповедник; здесь годами отирались повстанцы из разных стран. Вот журналистская зарисовка начала 90-х годов.

«...Обед закончен, и жизнерадостная компания подростков собирается, чтобы заняться выкрикиванием сандинистских лозунгов. Это Никарагуа в 1981 году? Нет, это кубинский остров Хувентуд в 1992-м. Два года назад в результате выборов сандинисты потеряли власть, но их революционный огонь по-прежнему ярко пылает в школе имени Карлоса Фонсеки, названной так в

честь погибшего мученической смертью одного из основателей повстанческого движения в Никарагуа.

Почти четыреста никарагуанских ребят — учащихся старших классов — живут и работают здесь в как бы застывшем революционном времени. Кроме курсов по истории Никарагуа и марксизму-ленинизму они проходят основы военного дела включая строевую подготовку, обучение стрельбе. Им также преподают тактику и стратегию боевых действий. В главном здании школы хранятся сандинистские святыни: знамена, фотографии, майки и бейсбольные кепки с написанными на них лозунгами» («За рубежом», 1992, № 28).

Бескорыстная братская помощь? Интернациональный долг? Такую терминологию вбрасывал агитпроп и в наше сознание в 1979-м, когда вводили войска в Афганистан. Это теперь мы знаем, чем все кончилось. «Борьба за победу мировой революции», а после — за торжество социализма на всей планете подразумевала вполне конкретную экономическую и военную помощь разнообразным террористическим группировкам, действовавшим по всему миру под коммунистическими, социалистическими и «национально-освободительными» знаменами. Так что к нынешнему дню, провозгласив борьбу с международным терроризмом, наши вожди в своем следовании «генеральной линии» как бы совершили разворот на 180 градусов.

Вот еще несколько строк об острове Хувентуд образца 1992 года:

«В то время как коммунизм повсюду быстро отступает, разговоры о революционной борьбе и социалистической революции могут показаться странными. Фидель Кастро говорит, что его страна больше не направляет за границу оружие и партизан. Однако кубинское правительство по-прежнему тратит миллионы долларов на обучение и лечение революционеров, а Куба остается безопасным убежищем и идеологической путеводной звездой для крайне левых всех возрастов во всем мире.

Сегодня в 20 школах острова учатся 12 тысяч человек. Школа „Героический Вьетнам” — это дом для 448 жителей Сахары, детей партизан Полисарио, 17 лет боровшихся против Марокко. В других школах живут и учатся ангольцы, намибийцы, йеменцы, представители Северной Кореи» (из той же публикации).

Опора на гулящих людей или маргиналов сохранилась на Кубе до сих пор и в практике, и в теории. В 90-х годах во время первомайского парада в Гаване можно было видеть представителей движения «Тупамарос» из Уругвая, революционеров из Гватемалы, Эквадора и Панамы, а также их единомышленников из Канады, США и Западной Европы.

...Наша «Комета» чалится у пирса. Идет противный мелкий дождь. Негр-посредник, выигравший у конкурентов «тендер» на частное жилье (10 долларов в сутки), ведет меня, нет, не к такси — к извозчику. В «салон» набивается шесть человек, и вот уже савраска цокает копытами по остаткам асфальта. Один за другим пассажиры сходят и расплачиваются с «водителем кобылы». Такса — 1 песо. Вскоре и нам на выход. Достают песо, но извозчик не хочет брать монету: за проезд 1 доллар! Это он принял меня за канадца. Но я — за историческую справедливость. Конечно, именно с нашей помощью Куба дошла до ручки. Но и мы не без нахлебницы Кубы чуть было не протянули ножки. Так что мы квиты, и я заявляю: плачу столько же, что и мой спутник!

Возница подмигивает негру, и тот протягивает ему 20 песо (в пересчете — 1 доллар). Дескать, свои люди, потом сочтемся. Старый фокус, это мы уже проходили. Но наивные иностранцы-леваки, путешествующие по Кубе, на него покупаются. Жестами даю понять то, что на «новорусском» звучит как «не гони фуфлю!». Кладу песо на сиденье и выхожу из кабриолета. Рыбка сорвалась с крючка. Извозчик в гневе швыряет песо на тротуар и рвет поводья, нахлестывая безответную савраску.

Итак, первый «сет» за мной. Но розыгрыш на этом не закончен. Хозяева рады постояльцу — «источнику нетрудового дохода». Едва успеваю размес-

тятся, как меня начинают пугать: на острове иностранцам все продают только за доллары и очень дорого! А у нас еда своя, домашняя. Трехразовое питание — это еще десятка в день. Обман очевиден. Вежливо благодарю, но от «пансиона» отказываюсь.

Дождь закончился, и, пока еще светло, можно пройтись по улочкам городка. На одном из перекрестков слышу: «Сеньор, сколько времени?» На Кубе «человеку с часами» такой вопрос могут задать несколько раз в день. Это верный признак того, что кубинцы живут действительно бедно. Дама предбальзаковского возраста благодарит за ответ и пытается продолжить беседу. Как иностранец, «ухожу в несознанку» («не понимаю!») и продолжаю идти своей дорогой. Но мамзель семенит рядом. Чтобы увеличить дистанцию, начинаю возиться со шнурками на ботинках. Так, вроде разбежались...

Но не тут-то было: ведь нельзя упускать башлястого клиента! Теперь «шнурки развязались у мадам», и мы снова «идем на сближение». И это — в обоих смыслах слова, потому что, поравнявшись с «ночной бабочкой», слышу вкрадчивое: «Каса! Соло!» Что в вольном переводе значит: «Есть отдельная хата!» Отвечаю кратко, как в анекдоте: «Сеньор — советико!» Но на это интернационалистке плевать. Тогда иду с козырного туза: «Нет денег». А дальше — как у раннего Высоцкого: «Может быть, я что-нибудь не понял, но она обиделась, ушла».

Кубинцы живут в крайней нужде. Это привело к тому, что проституция приобрела в стране огромные масштабы. Но страшней всего то, что развивается детская, подростковая проституция. И все это происходит на фоне пропагандистских плакатов, расхваливающих прекрасную, счастливую жизнь кубинских детей.

Официально же на Кубе, как и в Советском Союзе, секса нет. Даже в разгар торжеств, речей и лозунгов, украсивших кубинскую столицу по случаю 50-летия революции (знаменитого штурма казармы Монкада), не принято вспоминать, что стало одной из главных причин восстания 26 июля. А ведь всего лишь полвека назад Кубу называли «плавающим борделем» — более четверти всех женщин будущего острова Свободы было занято в секс-бизнесе. И именно проститутки были в числе первых, кто поддержал переворот. Они украшали свои комнаты фотографии лидера повстанцев Фиделя Кастро, выпытывали в постели у офицеров правительственных войск и передавали в штабы партизан секретные сведения, вступали в отряды боевиков, сражаясь с оружием в руках. В 1957 году Гавану потрясла забастовка «жриц любви» — девушки наотрез отказались принимать клиентов в знак протеста против казней пленных повстанцев. Протест имел такую силу, что уже через неделю тогдашний военный диктатор Батиста поспешно распорядился остановить расстрелы.

«Проститутки поддержали Кастро потому, что он заявил: в их занятии нет ничего позорного, девочки просто вынуждены кормить своих родителей и детей, а режим не дает им устроиться на нормальную работу, — считает живущий в Майами профессор Хорхе Мартинес. — После революции девушки смогут достойно жить, получать высшее образование и работать учителями, врачами и артистками, им не нужно будет продавать свое тело за гроши. И сначала Кастро сдержал свое слово. Одним из первых указов Фиделя после вступления в Гавану было закрытие борделей и основание сети центров по устройству на работу бывших „тружениц любви“» («Аргументы и факты», 2003, № 31).

В молодости Фидель был «жизнелюбом», ему всегда нравились красивые женщины, особенно иностранки, но он не умел ухаживать, предпочитая случайные встречи. Когда он пришел к власти, обязанностью его телохранителей стало подыскивать ему любовниц на одну ночь. Главное прозвище Фиделя на острове было «caballo» — «конь». Но с годами он угомонился.

Как известно, Фидель косит под «верного ленинца» и считает нынешних российских вождей ренегатами. (Это официально, а в узком кругу — просто гадами.) «Женский вопрос» он решал согласно заветам Ильича. Ведь после 1917 года проституток в советской России принудительно отправляли на пере-

ковку: они должны были работать, например, уборщицами в многочисленных совучреждениях. Посланные на исправление, носили красные колпаки, чтобы их можно было отличить от «простых честных тружениц» пролетарского происхождения. В те годы ходил такой стих:

Мне наша муза с детских лет знакома:
В хитоне белом, с лирою в руке.
А ваша муза — в красном колпаке,
Как проститутка из отделнаркома.

Было и еще одно горькое присловье: «За что боролись, на то и напоролись». По данным Американской ассоциации по борьбе с сексуальным рабством (LJ Women's Freedom), нынче на Кубе подрабатывает проституцией примерно ТРЕТЬ (!) всего женского населения, то есть больше, чем при режиме Батисты.

...Наш портовый городок — Новая Герона. (Старая Герона, или просто Герона — в Испании.) Близ пристани, на берегу, какая-то старая посуда на «вечной стоянке». Такие обычно идут на слом, но эта подозрительно ухожена. Не на ней ли в свое время этапировали Фиделя к месту заключения?

Два года, проведенные в тюрьме, были для Фиделя курортом: целыми днями он читал и занимался. Именно там он написал свое воззвание к суду, заканчивавшееся словами: «Осуждайте меня, это не важно. История признает меня невиновным!» Эти слова переключаются с речью Гитлера в 1923 году: «Вы можете считать нас виноватыми тысячу раз, но богиня вечного суда Истории улыбнется и разорвет обвинительный акт прокурора и приговор судей. Она оправдает нас!»

Правда, порой тюремный режим ужесточался. Как-то в феврале 1954 года тюрьму посетил президент Батиста. Узнав об этом, Кастро со своими подельниками запели революционный гимн. Батиста велел наказать их, Кастро перевели в изолятор без света, и только через сорок дней ему удалось достать керосиновую лампу...

Из Новой Героны можно добраться до столицы Хувентуда — это город Ла-Фе (исп. — «вера»). Незамысленное ухо чувствует в этом названии какую-то странность. Оно явно усеченное: в испаноязычных странах часто встречаются городки с традиционным прилагательным «Санта-Фе» (Святая вера).

В чем тут дело? Сходная ситуация была в советской России в 20-е годы. Был, например, городок Свято-Троицк. Название явно «реакционное», так и напрашивается на переименование. И чтобы «не дразнить гусей», «Свято (Санта)» убрали, и остался почти нейтральный Троицк.

А путь к «Вере» трудный. Туда ходит метробус — громадное чудище о пяти колесных осях, бывшая платформа советского ракетовоза, на которую поставлена железная коробка вместимостью до 150 человек. Ехать всего 16 километров, но на Кубе — это целая проблема. Тягач стоит здесь же, на площади, но двери закрыты. Очередь терпеливо ждет «часа X», поскольку никто, кроме водителя, не знает времени отправления. Проходит полчаса, а в метробусе никаких признаков жизни. Томиться под палящим солнцем в неизвестности — тяжелое испытание, и очередь постепенно превращается в взвешивающую толпу. «Активисты» подходят к метробусу и пробуют его двери на прочность. Одну из них удается приоткрыть, и народ штурмует салон, сметая все на своем пути. Водитель, отшвырнув монтировку, матерится и рвет на себе волосы.

Наконец двигатель ракетовоза взревел, и мы отправляемся в путь. Дорога, с остановками через «два столба», занимает час. Ведь тягач, как и бульдозер, изначально не рассчитан на обычные скорости. Здесь явно чувствуется армейская смекалка. Американцы в таких случаях говорят: «Какое-то дело можно сделать либо хорошо, либо плохо. А еще можно — как в армии». В конце 2000 года во время визита на Кубу Владимира Путина в свите президента был саратовский губернатор Дмитрий Аяцков. На церемонии официальной встречи Фидель Кастро, заметив Аяцкова, тепло пожал ему руку и дружески похлопал

по плечу. А признательность Фиделя Дмитрий Федорович заслужил за свою фантастическую идею — обеспечить Гавану российскими троллейбусами. Говорят, один из них он даже умудрился каким-то образом доставить на Кубу. Правда, пока кубинцы не понимают зачем, ведь троллейбусные линии здесь отсутствуют.

В Ла-Фе стоит побывать лишь для того, чтобы сказать свое «фэ». За годы власти коммунисты на Кубе не построили ничего, кроме убогих четырехэтажных «кастрированных хрущоб» и бетонных мемориалов в честь себя, любимых. В Ла-Фе они страшнее, чем где-нибудь в нашем «соцгороде» типа Северодвинска. Апокалиптическую картину дополняет шарабан, медленно движущийся по улице. С кузова раздается погребальный звон. Это не похоронный экипаж, не пожарная машина и не лавка мороженщика на колесах. Это — мусороборочная машина. Услышав колокол, местные жители знают, что «он звонит по ним», и тянутся к рыдвану с мусорными ведрами.

Шагаю рядом, и вот звук колокола сливается с детскими голосами-колокольчиками. На вывеске здания надпись: «Детский сад имени Н. Крупской». Есть на Кубе и другая «заступница и покровительница». Когда Фидель сражался с солдатами Батисты в горах восточной Кубы, он познакомился с женщиной, которая впоследствии стала первой леди страны. Для него она была главной опорой революционного движения, матерью, женой и секретаршей вплоть до ее смерти в 1980 году. Селия Санчес восторгалась им, подбирала его окурки, чистила ему ботинки и писала его письма. Она была преданная *компаньера*, и режим канонизовал ее, называя в ее честь школы и больницы...

Мне повезло — удалось вернуться в Новую Герону за светлом, на том же ракетовозе. Есть время прогуляться к горным утесам, что виднеются не так далеко. Возвращаясь, встречаю телегу с парой волов в запряжке. Два местных «кабальеро» хлопочут рядом: телега, груженная дровами, застряла в глубокой колее. Как в сказке про репку, пришлось сыграть роль мышки, чтобы вытянуть «дровеносец» на твердый грунт. Нам по пути, и возницы приглашают занять место на подводе. При въезде в город местные мальчишки облепляют нашу телегу и вопрошают у гостя: «Кэль паис?» («Из какой страны?») «Россия» мало что им говорит: «Это мы не проходили, это нам не задавали». А при словах «Совет Уньон» на лицах появляются улыбки, а на устах — заученные слова о советско-кубинской дружбе. Школьные наставники так и оставили их там, в прошлом веке...

В порту объявление: завтра с острова Молодежи на остров Свободы пойдет пароход «Команданте Пинарес». В отличие от быстроходной «Кометы», «Команданте» — теплоход, и с его борта можно полюбоваться необитаемыми островками, проплывающими мимо. Здесь как в Новом ковчеге — деление на «чистых» и «нечистых». На верхней палубе в буфете торгуют за валюту (деньги), а в трюме — за песо (дензнаки).

Но вот «Команданте» причалил к пирсу Батабано, и, увидев ракетный тягач, идущий к пристани, пассажиры ринулись по трапу на берег. Узкие сходни, борьба, драка. Животный крик матери, на глазах которой чуть было не затоптали ребенка. И тут же — смех сквозь слезы: те, кто прорвались на берег первыми, ничего не выиграли. Еще полчаса толпа беснуется перед закупоренным «трактобусом», и только потом огромная камера на колесах заполняется «человеческим материалом».

На Кубе нельзя строить свои планы даже на неделю вперед. А возникающие проблемы нужно решать по мере их поступления. Как, например, сесть на поезд Гавана — Сантьяго? Иностранцу продадут билет прямо на вокзале — «из брони», естественно валютной. 30 долларов и место в вагоне 1-го класса вам обеспечено. У простых кубинцев таких денег нет, и за свои песо они могут купить билет на порядок дешевле. Правда, нужно выстоять длинную очередь, чтобы имя пассажира занесли в «лист ожидания». А потом регулярно отмечаться на переключках. И так — несколько дней подряд.

Представьте себе, что вы едете из Москвы в Санкт-Петербург на сидячей «Юности». Вот вам и вагон первого класса в составе на Сантьяго. Как и в «Юности», здесь нет вентиляторов. На севере, положим, можно и без них, но на Кубе без них тяжело — все-таки рядом экватор. В Индии такой состав просто не выпустили бы на линию. Но кубинцы не жалуется. Это в Индии можно пожаловаться.

Пресвятая Дева — Хозяйка медной горы

Кастровская пропаганда, а вслед за ней советская усиленно раздували миф о том, что Хемингуэй в последние годы жизни на Кубе неоднократно встречался с Фиделем, восхищался его грандиозными планами. В общем, как Блок с его поэмой «Двенадцать»: «Революционный держите шаг!» Писатель и власть... Что бы ни утверждали после смерти властителя дум, нужно смотреть в корень. Зачем надо было сниматься Хемингуэю из обжитого дома под Гаваной и перебираться во Флориду?

Осенью 1954 года состоялось очередное заседание Нобелевского комитета. Лауреатом Нобелевской премии по литературе стал Эрнест Хемингуэй. Американский писатель, живший в те годы на Кубе, был приятно изумлен этой новостью. По случаю присуждения престижной премии толпа, охваченная радостью, — рыбаки, крестьяне, торговцы — буквально ворвалась в дом писателя и понесла его на руках. Эрнест встретил их шутками, выставил бутылки вина и прекрасную закуску. Вечер закончился тем, что Хемингуэй заявил: «Я передаю Нобелевскую медаль церкви Святой Девы Каридад дель Кобре». И это были не просто красивые слова. Ныне нобелевская медаль Эрнеста Хемингуэя хранится в соборе Святой Девы Милосердной (Каридад), покровительницы Кубы.

В двадцати километрах от Сантьяго-де-Куба (провинция Ориенте) в живописной долине, расположенной у подножия восточного хребта, испещренного жерлами старых шахт, раскинулось небольшое селение Эль-Кобре с величественной церковью. На карте оно появилось около четырех с половиной веков назад, а точнее, в 1530 году, спустя тридцать восемь лет после открытия Колумбом Америки и Кубы. По-испански «кобре» значит «медь», и это слово дало название селению.

В 1500-х годах Иоганн Тецель, немец из Нюрнберга, проезжая из Венесуэлы через Сантьяго, побывал в Эль-Кобре и установил, что здешняя руда содержит от 55 до 60 процентов меди. Вернувшись в Германию, он изучил искусство выплавки меди. В 1550 году Тецель вновь появился на Кубе, чтобы приступить к разработкам, но натолкнулся на сопротивление правителей острова, которые хотели, чтобы он поделился знаниями, приобретенными в Германии. Тецель согласился обучить рабов, но ему не повезло. Вначале ураган, а потом корсары безжалостно опустошили район Эль-Кобре и задержали начало работ. А в 1571 году Тецель умер, и только много лет спустя здесь началась разработка месторождения.

Однако для паломников главной достопримечательностью Эль-Кобре являются не шахты, а церковь, именуемая Национальным храмом Кубы. Здесь хранится изображение Святой Милосердной Девы Марии. Как гласит предание, Святая Дева Каридад дель Кобре явилась в водах залива Нипе на востоке Кубы не то в 1600-м, не то между 1620 и 1627 годами (точно не установлено). Два взрослых индейца и девятилетний негртенок, сидевшие в лодке, увидели, что по волнам залива плывет икона, укрепленная на небольшой доске. Приблизившись к ней, они прочли надпись: «Я — Святая Дева Милосердная (Каридад)».

Вот еще одна версия этого предания. Она повествует о том, что несколько сотен лет тому назад три матроса оказались в лодке среди разбушевавшегося моря в бухте Нипе у северного побережья Кубы. Ветхое суденышко было уже на краю гибели, когда матросам явилась Дева Мария. Она ободрила их, придала силы в борьбе со стихией и помогла спастись.

Каким же образом икона Божией Матери очутилась в столь отдаленном месте? Появление иконы Святой Девы Милосердной из Ильескас (Кастилия) связывают с именем испанского конкистадора Алонсо де Охеды — сподвижника Колумба, исследовавшего вместе с Хуаном де ла Косой и Америго Веспуччи побережье Венесуэлы и открывшего остров Кюрасао. Охеда в 1511 году жил среди индейцев южного побережья Кубы и оставил местному индейскому вождю (касику), принявшему христианство, икону. Касик долгие годы держал ее у себя, но, опасаясь, что вновь пришедшие белые отнимут у него икону, спрятал ее в лесной чаще, где берет свое начало река Майари. Там икона и находилась многие годы. А впоследствии дождевые потоки с гор вынесли икону в русло реки, и она явилась в заливе Нипе перед изумленными взорами рыбаков.

Весть о чудесной находке разнеслась по острову. Возник культ почитания иконы, и с тех пор каждый год тысячи паломников стали стекаться в местечко Эль-Кобре, куда был перенесен чудотворный образ. Увеличивались пожертвования, и со временем на эти средства был выстроен собор, высящийся на холме у подножия горы. Сюда постоянно приезжают богомольцы, чтобы предстать перед иконой Божией Матери со своими бедами и страданиями. Те же, кто не находит сил отправиться в путь, сооружают миниатюрные домашние алтари и с любовью украшают их.

Эрнест Хемингуэй, долгие годы проживший на Кубе, хорошо знал об этой национальной святыне. В августе 1956 года в Гаване состоялось чествование нобелевского лауреата. Хемингуэй отобедал в кругу более чем полутысячи кубинцев. В конце обеда писатель обратился к почитателям с краткой речью и подтвердил то, что он заявил еще два года назад: «Хочу передать медаль, полученную мною вместе с Нобелевской премией по литературе, в дар нашей Деве Кариад дель Кобре, покровительнице этой страны, которую я так люблю». А вскоре медаль была вручена Гаванскому архиепископу для передачи ее в дар собору Эль-Кобре.

...Паломники, прибывающие в Эль-Кобре, направляются к собору, возвышающемуся над городком. Городок можно обойти за полчаса; это несколько асфальтированных улочек, незатейливые одно- и реже двухэтажные домики под красной черепицей, много зелени. Дорога по перекинутому через ручей легкому мостику ведет в гору. У самого подножия горы — церковь, не очень большая, но очень нарядная и ухоженная. Это и есть собор Эль-Кобре, где хранится икона Святой Девы Марии Милосердной. Широкая и довольно высокая каменная лестница ведет к главному входу. Особенно много паломников бывает здесь 7 и 8 сентября — на празднике в честь чудотворной иконы. В эти дни на лестнице и вокруг самой церкви, как говорится, банану негде упасть. Но и в обычные дни здесь довольно многолюдно. В Эль-Кобре нет ни единого уголка, арки, входа в дом, где бы ни стояли импровизированные алтари с изображением Святой Девы Кариад. Алтари убраны цветами, уставлены свечами. У ног Девы Кариад — целое море свечей. В лавках, на лотках, тележках, ящиках, на основаниях решетчатых заборов разложены товары. Продаются кресты, крестики, медали и медальоны, свечи, иконы, образки, ладанки, цепочки. Среди прочих икон выделяется украшенное самоцветами изображение Пресвятой Девы в окружении мореплавателей на корабле. В январе 1998 года здесь побывал папа римский Иоанн Павел II, и над главными воротами собора теперь помещен папский герб. Паломники входят под своды храма, где совершается торжественная месса. По окончании богослужения народ не расходится. Многие направляются к противоположной стороне церкви. Здесь вход в «эксвото» — комнату, в которой принимаются подношения и дары. Здесь десятки тысяч крестиков — золотых, серебряных, усыпанных драгоценными камнями, медных, бронзовых и просто железных, множество колец, медальонов, браслетов и ожерелий. Тут же — костыли, палки, которые оставили паломники, получившие исцеление.

В витринах выставлены эполеты, нашивки, медали офицеров и простых «воинов-интернационалистов», вернувшихся из дальних походов. Здесь же

письма с марками США и благодарностью за удачное бегство на плоту через Флоридский пролив. Молодожены в сопровождении членов семьи и фотографа приходят сюда возложить букет цветов. Все стены увешаны подношениями, многие из них в рамках под стеклом. На одном из них стоит раскрытый футляр. В нем золотой барельеф — профиль изобретателя динамита, шведского ученого Альфреда Нобеля. Именно эта медаль была вручена Хемингуэю, а он в знак благодарности передал ее «Хозяйке медной горы»...

День праздника Милосердной Девы, покровительницы Кубы, отмечается не только в Кобре, но и по всей стране. Одним из проявлений возросшей религиозной свободы стало шествие тысяч католиков во главе с гаванским кардиналом Хайме Ортегой через центр кубинской столицы 8 сентября 1999 года. Подобное шествие было бы просто немыслимо до визита папы Иоанна Павла II. Однако кардинал Ортега считает, что, хотя прямые притеснения по отношению к Католической Церкви отошли в прошлое, добрые надежды, родившиеся в дни пребывания папы на Кубе, уже развеялись: коммунистические лидеры положили конец преследованиям Церкви, однако «нередко их распоряжения приходится выполнять местным чиновникам, которые отличаются умственной ограниченностью».

В самом же городке Кобре, в месте почитания Милосердной Девы, праздника 8 сентября были омрачены потасовками между агентами безопасности и участниками политических правозащитных групп. Это событие побудило архиепископа Сантьяго-де-Куба Педро Меуриса обратиться к властям и к диссидентам. Он призвал тех и других уважать религиозные праздники и избегать использования их в политических целях.

В кубинском Баракоа

Чтобы добраться до этого городка, надо пойти на автобусный вокзал «Астро» в Сантьяго-де-Куба, взять билет — и через шесть часов пути вы в Баракоа. Дорога идет вдоль берега, мимо базы Гуантанамо, и огибает восточную оконечность острова Свободы, выходя на северное побережье. Горы, пальмы, солнце, морской прибой.

На кубинских автовокзалах две кассы: «тарквила № 1» — для местных жителей и «тарквила № 2» — для иностранцев. У первой кассы давка и крики, у второй — тихо, в окошке — скучающая девушка. Надо подойти сюда за час до отправления автобуса, и вам продадут билет из брони. За валюту, по стоимости, в десять раз превышающей таксу для местных, имеющих не доллары, а «монета насиональ».

Если иностранцев больше не предвидится, остатки брони (вспоминаете лексик?) передаются в первую «тарквилу», где распределяются по списку льготников: участники операции в заливе Кочинос, ударники сафры, матери-героини... Остальной люд угрюмо ждет отхода автобуса, чтобы начать битву в новой очереди: может быть, удастся попасть в список пассажиров на следующую неделю. А что поделаешь, бензина нет — эмбарго...

С 1991 года поставки нефти из Советского Союза на Кубу сократились. Куба в течение ряда лет получала из СССР 13,5 миллиона тонн нефти в год. Однако ей реально необходимо лишь около 10 миллионов тонн. Три с половиной миллиона она реэкспортировала, иначе говоря — попросту продавала на мировом рынке за валюту. А еще точнее — сам Советский Союз продавал эту нефть для «друзей». Был организован так называемый «нефтяной треугольник». Такой «геометрический» термин носила практика, при которой в свое время Советский Союз не гнал свою нефть на Кубу, а поставлял ее западноевропейским партнерам Венесуэлы, которая, в свою очередь, аналогичные объемы нефти отправляла на Кубу. И это для режима был главный источник дохода. За продаваемую советско-венесуэльскую нефть кубинцы в 1986 — 1989 годах получали больше, чем за сахар, свой главный продукт.

Таким образом, в 1991 году Советы сократили поставки лишь той части нефти, которая шла на перепродажу. Нехватка нефти с 1991 года была вызвана или продолжающимся реэкспортом теперь уже необходимой Кубе доли нефти, или созданием стратегических запасов для армии. Конечно, прерванные связи больно ударили по хозяйству острова, в том числе и по транспорту. Но главная причина кризиса — в неэффективности кубинской экономики, в нежелании кубинского руководства разрабатывать конкурентоспособную модель экономики, в диких волюнтаристских методах Кастро, любой ценой пытающегося сохранить власть в стране.

Нуэстра-Сеньора-де-ла-Асунсьон-де-Баракоа заслуживает посещения. Внутренние районы Баракоа совершенно не изменились со времен Колумба, который восхищался реками, пляжами, бухтой и «высокой квадратной горой, похожей на остров», — Наковальней, Эль-Хунке (El Junque), как ее называют здесь. Этот природный маяк, находящийся в нескольких километрах от побережья, по-прежнему служит ориентиром для моряков. Баракоа — первый город, основанный Диего Веласкесом в 1512 году, в течение трех лет был первой столицей Кубы. Позднее столицу перенесли в Сантьяго-де-Куба. К городу не было никакой дороги, и в течение 450 лет он развивался сам по себе и как бы законсервировался. Лишь в начале 1960-х годов дорога Виадико-де-ла-Фарола связала Баракоа со всей страной.

Но и сегодня прибытие автобуса в Баракоа — целое событие. Ведь рейсы бывают раз в день, да и то не во всякий. Обитатели Баракоа подходят к иностранцам и тихо спрашивают: «Апартаменто привадо?» («Комната в частном доме?») Конечно, привадо!

Посредник ведет меня в дом, — мы сторговались за «очо» (8 долларов). Но на месте выясняется, что этим же автобусом к хозяевам приехала родня. И «апартаменто» не сдается. Тут же передо мной возникает хозяин соседнего дома и предлагает комнату за 6 долларов. Луис — учитель географии, и моя двухдневная плата за комнату — это его месячное жалованье.

Иду по Малекону (набережной). Впереди — гостиница «Rusa». Захожу и ради интереса спрашиваю у дежурного: сколько стоит номер? — Недорого, 15 долларов в сутки. Для глухой провинции — вполне приемлемо. В холле — небольшая фотовыставка. На снимках молодящаяся гранд-дама, бывшая хозяйка отеля. На одной из фотографий надпись по-русски: «Дорогому Альбертику». Видя мой интерес к «русскому вопросу», портье указывает на дом напротив: там живет сын уже почивших родителей — Альберта и Магдалины. Он с удовольствием побеседует с гостем из России.

Подхожу к дому; хозяин сидит на веранде. Знакомимся. Рене Фромето уже крепко за семьдесят. По-русски он не говорит, совсем обыспанился. А его родители знали иностранные языки: отец — девять, мать — семь. Спрашиваю Рене: как фамилия матери? Ответ звучит нечетко: что-то похожее на «Ровенская».

Революция 1917 года заставила Магдалину бежать из Петрограда, и после долгих скитаний она оказалась в Стамбуле. Здесь и состоялось ее знакомство с Альбертом — дипломатом русского посольства, также петербуржцем по происхождению. После заключения «пакта Ленина — Ататюрка» российское посольство в Стамбуле было передано большевикам, и Альберт оказался не у дел. Старые связи и знание языков помогли Магдалине и Альберту перебраться сначала во Францию, а потом в Нью-Йорк. В те годы Куба была для Штатов как «остров Крым», и жить там считалось престижным. Перебравшись на Кубу, беглецы пытались открыть дело в Сантьяго-де-Куба, но все ниши были заняты. А у них уже родился Рене, и надо было подумать о его будущем. И Магдалина решила вложить все средства в строительство отеля в Баракоа.

Ускользнув от большевиков, родители Рене не могли представить даже в страшном сне, что почти через полвека «передовое и революционное учение» достанет их в Западном полушарии. Но каток кубинской революции прошелся по ним довольно мягко. Им предложили всего лишь передать отель государству.

Бежать во Флориду и начать все сначала? Годы уже не те. И Магдалина, под нажимом кастровцев, подписала дарственную. В свое время, сразу после революции, здесь останавливались Че с Фиделем. История русской хозяйки отеля вдохновила кубинского писателя Алехо Карпентьера на создание романа «Весна священная». (Кстати, сам Алехо Карпентьер — сын русской и бретонца.)

Рене приглашает войти в дом. На полках — книги на русском и испанском; альбомы, фотографии и личные вещи родителей. Прощаясь, он советует посетить местный храм: там хранится деревянный крест Христофора Колумба. Говорят, что именно этот крест держал в руке Колумб, приближаясь к суше, и он был установлен на том самом месте, где Колумб высадился. Много лет спустя крест был обнаружен одним из первых поселенцев. Крест был увит виноградом и стоял в его саду. Тесты ученых показали, что возраст креста совпадает с временем высадки Колумба.

Иду к храму, но он закрыт. Рядом с церковью — памятник Атуэю, предводителю восстания индейцев против испанских пришельцев. Он встал во главе первой партизанской войны на острове и держался три месяца против испанцев в Баракоа. Но затем Атуэй был схвачен и 2 февраля 1512 года сожжен заживо, а его бойцы уничтожены.

Близ храма, на площади Хосе Марти, — столики от местного кафе. Но клиенты наперечет: местный люд предпочитает купить «рефрешко» через решетку в окне частного дома. А такие — в каждом квартале. Заплатил за патент — и загружай холодильник соками и лимонадом. И за столиками на площади в Баракоа атмосфера далека от парижской. Да и как тут веселиться, когда на горизонте — угрюмые очертания катера-перехватчика, готового «пресечь несанкционированную попытку пересечения госграницы на подручном плавсредстве в направлении *тервод* потенциального противника». Правда, зловеще звучит? И как знакомо!

В окрестностях Кубы — море мертвое: на горизонте ни одной рыбацкой шаланды. И тем не менее кубинцы, рискуя жизнью, бегут с острова Свободы. Население Кубы — 11 млн. человек. А в США живут 2 млн. кубинцев. То есть более 15 процентов общего числа кубинцев находятся в эмиграции.

В храм иду в воскресенье утром. Молодой бородатый священник произносит взволнованную проповедь. Слева от престола — в витрине за стеклом — тот самый Колумбов крест. После окончания мессы знакомимся. Отец Валентино на местном приходе с 1982 года. После кубинской революции духовенство не приняло новый режим, и начались репрессии. Тогдашнего священника выслали из Баракоа в Испанию в 1961 году. После этого власти пытались закрыть приход, но верующие протестовали, собирались вокруг храма и молились сами, без священника. Через несколько месяцев борьбы власти пошли на попятную и храм вернули общине. С этого времени в Баракоа раз в месяц стал приезжать священник из Сантьяго-де-Куба. А потом сюда направили отца Валентино.

Слабая «оттепель» была на Кубе в декабре 1992 года, когда сюда с визитом прибыл представитель папы кардинал Этчегерай. По его словам, это посещение явилось знаком того, что «папа любит всех жителей Кубы... и хочет выразить свою солидарность всем, кто страдает, всем, кто испытывает материальную нужду или духовно опустошен». А потом снова ударили «заморозки». Еще в 1997 году давление на верующих было очень сильным. Полиция постоянно запугивала священнослужителей, вызывая их на допросы. Люди боялись открыто говорить о делах Церкви.

После посещения Кубы папой Иоанном Павлом II в начале 1998 года отношение государства к Церкви немного смягчилось. А по прошествии двух месяцев произошло переизбрание (на пять лет) Фиделя Кастро на пост президента и «верховного руководителя страны». Иначе, разумеется, и не могло быть, так как избирающий орган, громко называющийся Национальной ассамблеей народной власти, состоял исключительно из послушных Кастро людей. Росткам свободы, посеянным политической оппозицией и Церковью и окрепшим после визита Иоанна Павла II, нужно было время, чтобы взрасти.

До начала 90-х годов, когда компартия перестала требовать от своих членов быть атеистами, Куба официально являлась атеистическим государством. После визита папы у Церкви появилась некоторая свобода проведения публичных религиозных мероприятий, что прежде было запрещено. 25 декабря 1998 года кубинцы впервые после тридцатилетнего запрета открыто отмечали Рождество Христово.

Однако через три года после визита папы, весной 2001-го, в кубинских школах началась очередная кампания с целью запретить ношение учащимися крестиков и другой религиозной символики. Родителям учеников начальных школ в Гаване было заявлено, что их дети не будут допускаться на занятия, если они придут в класс с крестиками, медальонами религиозного характера и т. п. Группе родителей, отправившейся с протестом в Министерство образования, было сказано, что «религиозные предметы» мешают проведению политико-идеологической работы с учащимися... Чувствуется, что у отца Валентино наболело на сердце и он мог бы порассказать многое. Но опасается, что приход снова останется без пастыря.

Мы прощаемся с отцом Валентино, и я иду по главной улице городка. В магазинах — пустые прилавки, на стенах — списки на отоваривание предметами первой необходимости по заборным книжкам, согласно норме отпуска продуктов в одни руки. (Наша школа, наша!) Получить власть над людьми очень просто — их надо «прикрепить к котлопункту». Так навязывается мысль, что демократия — это роскошь, доступная лишь богатым и культурным народам, что она нежизнеспособна на почве слаборазвитости.

Зато с идеологической пищей на Кубе все в порядке. Над пустыми полками со стен нависают плакаты с призывами: «Все для революции, партии и социализма!» Тут мне вспоминаются слова протестантского философа Жака Рансьера, что «после Освенцима и ГУЛАГа идея революции умерла».

В доме встречаю хозяина — Луиса. Свой уик-энд он провел за городом на огороде: надо чем-то кормить детей, а с официальной зарплаты можно только смеяться. Со звонницы храма раздается колокольный звон — приглашение обитателям Баракоа на вечернюю службу.

Аста маньяна!

Вернувшись в Гавану, снова иду по Малекону. Американское представительство мне ни к чему, а вот в колумбийское посольство надо наведаться. В панамской авиакомпании СОРА (La Compañía Panamená de Aviación), где покупал билет до Боготы, меня предупредили: в аэропорту, при вылете за границу в третьи страны, могут быть сложности. Это мы с вами знаем, что Колумбия — страна безвизовая. А кубинский чиновник может быть «не в курсе». Россияне для них, по старой памяти, такие же «солагерники», как и кубинцы, — с «поражением в правах». А таким просочиться в свободный мир труднее, чем верблюду пройти в игольное ушко. И чтобы не получить от ворот поворот, надо получить справку, что вы — не верблюд.

Район посольств расположен под Гаваной, в дальнем конце Малекона, и туда можно добраться только на такси. Шофер, увидев у меня газету на русском языке, решил попрактиковаться. Он когда-то учился в Харькове, потом вернулся в Гавану и работал в советском торгпредстве. Помнит приемы, банкеты. Разговор заходит о визах, о поездках. Заграничный паспорт обходится кубинцу в 50 долларов, а врач, к примеру, в месяц получает 20 — 25. Выезд — только по приглашению. Причем речь идет не о Штатах, а о нейтральных и дружественных странах, таких, как Мексика. И многие отказываются от поездки: дорого, трата сил, времени, здоровья. Да и зачем портить себе биографию?

Таксомотор останавливается у ограды колумбийской «амбасады». Кубинец-охранник требует паспорт. В начале 90-х годов режим был смягчен: на Кубу разрешили въезд зарубежных родственников узников острова Свободы. Причина либерализации проста: «кошельки» привезут валюту, так нужную

правящей верхушке. Пообщавшись с родней, эмигранты возвращались обратно, но их рассказы о свободном мире взбудоражили оставшихся з/к (заложников Кастро). И вот однажды толпы кубинцев повалили в посольский район Гаваны. Отшвыривая охрану, люди перелезали через посольские заборы и просили политического убежища. У идеологически незрелой *вохры* начинала работать соображалка, и, нарушив присягу, они тоже сигали через забор: другого шанса не будет!

В консульском отделе моя просьба о справке вызывает удивление, словно я вырвался из сумасшедшего дома. Секретарша консульского отдела отказывается участвовать в подобных играх и вместо справки вручает мне листок с номером служебного телефона. Дескать, если они там все чокнутые, пусть сами позвонят.

И вот стойка паспортного контроля в гаванском аэропорту. Чиновник в форме МВД листает знакомый уже мне справочник: такой мне показывали в СОРА. Он водит пальцем по списку стран на букву «R». На его лице отражается внутренняя борьба: на «R» среди невыездных с Кубы в третьи страны только граждане Руанды, а насчет России — ни слова. Но кто его знает? Так, может быть, не выпускать?

Упреждая его приговор, решительно заявляю: «Ваш справочник устарел. Вот телефон секретарши колумбийского консульства. Она подтвердит, что для россиян въезд в Колумбию свободный!» Но погранцу самому надоело изображать придурка, и он неожиданно переходит на русский: «Я понял все, что вы сказали. Нет проблем».

Иду с вещами на выход. Скоро посадка. Наш реактивный самолет к взлетной полосе подтаскивает на тросе обычный колесный трактор. Над кабиной тракториста — чадающая выхлопная труба. Но никто из пассажиров признаков удивления не выказывает. Здесь странным не кажется многое.

Самолет отрывается от взлетной полосы, но с Кубой я не прощаюсь: через два месяца мы снова встретимся. Аста маньяна!

...Если Ямайка — зона «повышенного внимания», то Колумбия, с ее Медельинским картелем, — это просто «зона риска». И всех, кто прибывает в гаванский аэропорт из Боготы, ждет «ненавязчивый сервис». В сравнении со столичным «заградотрядом» провинциальный Сантьяго-де-Куба, где меня шмонали в прошлый раз при возвращении с Ямайки, — дырявое решето. Здесь не то что тройная, а пятикратная блокировка. Это по прибытии из России пассажиров не трясут до нитки. Что возьмешь с ренегатов совков? Канадцы, французы и «прочие шведы» таможеню могут вообще не заметить: зачем отпугивать валюту? «Черная таможня» работает с латиноамериканским направлением.

Поток пассажиров направляется в зал прилета по длинному коридору. На первом блокпосту «чистильщики» с рациями оценивающе смотрят на пассажиров. Их задача — отсечь своих клиентов на предварительной стадии — еще до паспортного контроля. Здесь же и просвечивание ручной клади. Но наркокурьеров-профессионалов сегодня нет, и мы подходим к иммиграционным стойкам. Штампик в паспорт и дурацкий вопрос: какой отель? Называю «Амбос Мундос» (от 75-ти долларов), что на углу улиц Обиспо (Епископской) и Официос, где когда-то любил работать Хемингуэй. Впервые он остановился здесь в 1939 году и начал работать над романом «По ком звонит колокол». Зачем мне подставлять гаванских друзей, которые приютят меня за десятку?

А вот и блокпост № 3. Девушки-дознаватели в форме пристаю к каждому с вопросом на разных языках: зачем приехали, куда дальше? Но и это еще «пристрелка». Наконец главный рубеж. Таможенники выстроились в ряд, и любой, кто следует на выход, неизбежно втягивается в диалог: кто, откуда, зачем? «Сняв» очередного клиента, «сладкая парочка» отводит его к смотровым стойкам, где уже кучами навалено барахло, и их коллеги «гужуются над сидорами». В каждой паре — белый и мулат, чтобы в случае чего никто никого не смог обвинить в расовой предвзятости.

А вот и «мои пастухи». Видимо, еще с третьего поста сообщили о том, что передают на четвертый «русскоговорящего». И вот — первый вопрос: «Компа-

ньеро, ты зачем приехал?» Его задает усатый белый. Вглядываюсь в физиономию. У его напарника-мулата на лице «нарисована» десятилетка; у усатого — незаконченное высшее. Прежнего общения с им подобными мне уже достаточно — сыт по горло. Теперь я — «старый лагерный волк». «Сильная бумага» (что-то вроде командировочного удостоверения насчет оказания содействия) в кармане, и я осаживаю «товарища», который косит под простачка: «Не „ты“, а „вы“!» После чего следует приглашение не к открытой стойке, а в один из «интимных кабинетов» — они здесь рядами.

На ходу достаю бумагу и, переступив порог «бокса», перехожу в атаку: «Я журналист. Личный обыск не потерплю. Буду требовать консула. А для начала перепишу ваши фамилии». И, взяв карандаш, вглядываюсь в их нагрудные таблички. Это впечатляет, и они быстро сбавляют обороты. Начинаются оправдания: «Компаньеро...»

— Гусь свинье не компаньеро!

Насчет их робости не надо заблуждаться: ведь здесь, как на арабском Востоке, понимают только силу. Дашь слабинку — снова останешься в исподнем: для этого сюда и завели. И они «ломаются»: первый для вида прошупывает рюкзак, а второй уже подписывает таможенную декларацию. Ее нужно предъявить при выходе на пятом по счету блокпосту. Смотрю на часы. В Сантьяго эта процедура заняла полтора часа, а тут мы управились за десять минут.

В Гаване иду по знакомому адресу как к себе домой. Прошло почти два месяца; какие здесь новости? А новостей целый ворох. Мой первый приезд дал семье вторую жизнь. Ведь несколько дней, проведенных в Гаване, — это полсотни долларов за постой. Так образовался начальный капитал, и глава семейства решил открыть заведение. Был куплен патент на торговлю «рефрешко» через оконную решетку, и дело пошло. Но пришлось уйти с работы и выйти из партии.

На радостях ожила и парализованная бабулька: она уже встает с постели, ходит и в состоянии себя обслуживать. Жена на всякий случай еще держится за свой НИИ, но мысли супругов уже далеко-далеко. Мне, как своему, доверительно открывают жуткую тайну: оказывается, сестра жены живет в США и через нее можно получить вызов. А там, глядишь, и визу... Но пока открываться властям рано: надо подкопить денег и обеспечить тылы.

Вот уж не думал, что сосватаю своих хозяев в Штаты! Прямо хоть садись и пиши сценарий «Путевка в жизнь»! А потом мы, сидя за чаем, стараемся поймать эмигрантскую радиостанцию «Хосе Марти». Хозяйка тщетно пытается отстроиться от «шумов». Спрашиваю у «радистки Кэт»: как на Кубе насчет глушилок? — Слушаем, но с «трудностями».

Начало конца?

«Ближняя дача», где дряхлеющий диктатор проводит большую часть времени, находится на западе Гаваны, в местечке Хайманитас. Резиденция выглядит как обычный двухэтажный особняк, снаружи ничего особенного, но внутри — полный комфорт, хотя и не такой, как на флоридских виллах кубинских миллионеров. На территории особняка — бассейн и теннисный корт, а сам дом закрыт вечнозелеными деревьями. Это чтобы его невозможно было обнаружить с воздуха. Из особняка ведут два туннеля. Один на аэродром, другой — в район 26-й улицы Гаваны, где еще со времен Карибского кризиса 1962 года располагается убежище на случай ядерной атаки. Этот туннель настолько широк, что по нему могут проехать, легко разминувшись, два «мерседеса».

Именно здесь кубинский фюрер рассчитывал отсидеться во время Карибского кризиса, бросив простой народ на произвол судьбы. В разгар противостояния двух сверхдержав он посетил советского посла А. Алексева и попросил передать Хрущеву следующее. Он получил информацию о том, что на следующий день будет нанесен массированный бомбовый удар по советской ракетной базе и всей Кубе. В таких условиях Хрущеву предлагалось нанести первый превентивный ядерный удар по Америке. Кастро заявил даже, что ку-

бинский народ готов принести себя в жертву делу победы над американским империализмом. Прямо как немецкий «команданте» в мае 1945 года: «Мы уйдем, но так хлопнем дверью, что содрогнется весь мир». Узнав о том, что СССР принял ультиматум Кеннеди убрать с Кубы ядерные ракеты, Фидель впал в ярость, стал пинать стену и разбил зеркало. Микоян прилетел на Кубу мириться, и Кастро в течение десяти дней не допускал его до себя.

Проблема в том, что любой диктатор — заложник созданной им системы. Кастро надеется на то, что в случае чего «Бог не выдаст, свинья не съест». До настоящего момента ни одного диктатора из стран Латинской Америки не удалось засадить за решетку. После свержения военной хунты в Бразилии все ее руководители попали под амнистию. Лишь в 1995 году в стране был принят закон об ответственности за исчезновение и насильственную смерть противников бывшего военного режима. Но и он не был применен к спокойно доживающим свой век диктаторам. В той же Бразилии живет кровавый правитель Парагвая Альфредо Стреснер. В 1989 году он был свергнут, однако именно новое руководство страны воспротивилось расследованию нарушений прав человека в тридцатипятилетний период правления Стреснера.

Уругвайские генералы-путчисты после передачи власти гражданскому правительству были взяты под защиту закона. В 1989 году в Уругвае состоялся референдум, на котором более половины населения высказалось за амнистию. Сосед-смежник Кастро, глава Гаити Жан Клод Дювалье, он же Бэби Док, после своего свержения в 1986 году бежал во Францию, где до сих пор нежится под средиземноморским солнышком. А никарагуанский диктатор Сомоса после прихода к власти сандинистов отправился в Парагвай. Правда, там ему не повезло: его убили без всякого расследования. Судьба Аугусто Пиночета общеизвестна.

Сегодня на Кубе предпочитают не вспоминать, что, придя к власти, Кастро пообещал народу, что всего лишь за несколько лет уровень жизни на Кубе превзойдет и Соединенные Штаты, и Советский Союз. И уж совсем неприлично упоминать о том, что в апреле 1959 года бородач Фидель отправился в США выбивать экономическую помощь Кубе. В результате переговоров американский вице-президент Никсон убедился, что Кастро «невероятно наивен» и не понимает даже элементарнейших экономических принципов. В кредитах было отказано, и тогда Кастро «поставил на ошибочную лошадь».

В сентябре 1961 года корреспондент «Нью-Йорк таймс» взял интервью у Хрущева. Будет ли Советский Союз защищать любую страну, которая называет себя социалистической, например Кубу? Хрущев ответил осторожно: «Насколько нам известно, Кастро не член Коммунистической партии. Он всего лишь революционер и патриот своей страны. Если бы он вступил в Коммунистическую партию, мы бы приветствовали его». И Кастро, воспитанник иезуитского колледжиума, превратился в марксиста: «Гавана стоит мессью».

Годы идут, и пора задуматься о вечности. Об этом генеральный секретарь компартии Кубы заявляет прямо, по-большевистски: «Я попаду в ад... По прибытии туда я обязательно встречу с Марксом, Энгельсом и Лениным...» Поскольку из-за упрямства Кастро невозможно провести серьезные изменения в политике и экономике страны при его жизни, на острове спокойно воспринимается тезис о подготовке Кубы к демократизации на испанский манер, как было после смерти Франко. Это означает, что переход начнется уже в день погребения каудильо, еще «у могилы», во время похоронных речей, превозносящих вождя и память о нем.

Кастро гипертоник, и у него болезнь Паркинсона средней тяжести. И ни один из ближайших помощников Кастро не ожидает в ближайшем будущем смерти своего шефа в результате болезни. Отец Кастро прожил восемьдесят два года, и вполне можно предположить, что Фидель перешагнет восьмидесятилетний рубеж. Таким образом, до перехода к демократии «по-испански» на Кубе пройдет не один год.

А если серьезно, не переходя на личности, то в демократической России у «гражданина начальника» есть сочувствующие. В 1999 году на Кубе побывал

главный в то время российский правозащитник Олег Миронов, член фракции КПРФ. Он высоко оценил тамошнюю ситуацию с правами человека; хохотало все мировое сообщество. А в ноябре того же года Миронов приехал в Минск, где заявил, что положение с правами человека в Белоруссии во многих отношениях лучше, чем в России. Однако Фиделю мало моральной поддержки красных, он теперь опирается и на зеленых (цвет ислама) — 8 октября 2000 года в Гаване Кастро была торжественно вручена премия... прав человека, учрежденная другим «великим правозащитником» — полковником Каддафи.

Но фиговым листком наготу «короля» не прикроешь. В 2002 году, в 20-х числах апреля, Уругвай разорвал дипломатические отношения с Кубой. Президент Уругвая Хорхе Батлье сообщил, что причиной стали публичные оскорбления в его адрес со стороны Фиделя Кастро. За неделю до этого Комиссия ООН по правам человека приняла резолюцию, призывающую Кубу предоставить своим гражданам больше прав и свобод. Резолюцию поддержали большинство стран Латинской Америки. Это решение вызвало резко негативную реакцию кубинского диктатора. Он назвал глав латиноамериканских государств иудами и обвинил их в поддержке интересов США.

Впрочем, «начало конца» может затянуться и после кончины Кастро. Брат Фиделя — Рауль Кастро — считается неофициальным «престолонаследником» команданте, а он младше его на несколько лет. На Кубе существует правило, по которому Фидель и Рауль не должны находиться одновременно, что называется, под одной крышей и уж тем более — в одном самолете. (Это правило было нарушено лишь в ходе визита на Кубу Евгения Примакова в мае 1996 года.) У каждого из братьев в непосредственном подчинении по одной из силовых структур, так что о военном перевороте или заговоре спецслужб речи быть не может.

«Борода» будет цепляться за власть до последнего. На вопрос западного журналиста: «Думали ли вы когда-нибудь о том, чтобы уйти в отставку?» — последовал ответ: «Не мы уходим от власти, власть уходит от нас». А чтобы она не ушла, нужно завинчивать гайки. В 1999 году на Кубе был сильно расширен список нарушений закона, за которые суд может вынести смертный приговор. Таких нарушений сейчас насчитывается более сотни. Об исполнении смертных приговоров на Кубе стараются не говорить, но есть серьезные сведения о том, что их на самом деле гораздо больше, чем тех, о которых становится известно. Как заявлял в начале 90-х Жозе Игнацио Раско, бывший соратник Фиделя по борьбе с режимом Батисты, «сейчас многие на Кубе начинают понимать, что Кастро, пересажавший всех своих политических оппонентов, — преступник и предатель революции. Почему люди до сих пор терпят его режим? Ответ простой — система подавления и огромные полномочия полиции. Сегодня Куба превратилась в большую тюрьму, из которой нет выхода. Ключи от этой тюрьмы — в руках Кастро. Это очень напоминает времена НКВД в Советском Союзе, где, кстати, люди терпели еще больше — 70 лет».

Раско знал Фиделя как облупленного: они вместе учились в иезуитской школе, а потом поступили на юридический факультет Гаванского университета. Но через год после кубинской революции их пути разошлись. Будучи председателем христианско-демократической партии Кубы, Жозе Игнацио Раско отклонил предложение Фиделя войти в состав коммунистического правительства. В 1960 году он был приговорен к смертной казни и бежал с Кубы — сначала в Мексику, затем в США. Лидер кубинской оппозиции, Раско полагает, что режим личной диктатуры Кастро оказался для Кубы еще худшим вариантом, чем режим Батисты. Сегодня Кубу по уровню жизни можно сравнить только с Гаити — самой бедной страной региона, тогда как вся остальная Латинская Америка давно ушла вперед.

Кастро стал карикатурой на самого себя. Полвека назад он писал, что история его оправдает. Он ошибся: история его просто обходит.

ДАЛЕКОЕ БЛИЗКОЕ

«ВРЕМЯ ИМЕЕТ СВОЮ ТОПОЛОГИЮ...»

Письма Юрия Домбровского Виталию Семину

Когда в 7 — 8-й книжках «Нового мира» за 1964 год появилась повесть Юрия Домбровского «Хранитель древностей», Виталий Семин, отнесшийся к ней с безусловным восхищением, знаком с автором не был. В июньском номере журнала за следующий год напечатали семинскую повесть «Семеро в одном доме». Вот в этом годовом промежутке между двумя публикациями, когда Семин по журнальным делам ездил из Ростова-на-Дону в Москву, встреча, возможно, и произошла. Может быть, и несколько позднее, после выхода семинской повести. Но, во всяком случае, Семин знал Домбровского еще в холостую его пору, до 1967 года, когда из Алма-Аты в Москву переехала Клара Файзулаевна Турумова, и Юрий Осипович зажил семейной жизнью.

Вышедшее в 1966 году отдельное издание «Хранителя...» автор подарил Семину с надписью: «Виталий, я рад, что я с тобой дружу». Другая надпись размашисто покрывает оборотную сторону графического портрета Домбровского, выполненного художником Ю. Могилевским в 1965 году: «Слушай, Витя, я считаю, что сейчас в советской литературе три имя (так! — Л. Д.) — ты, Некрасов и Казаков — у тебя шансы наибольшие. Не подведи, собака! Не верь Твардовским. С любовью — Домбровский». Некоторая запальчивость тона и грамматическое своеобразие надписи заставляют предположить, что сделана она была в ситуации застолья (есть, между прочим, фотография, помещенная в сборнике Домбровского «Меня убить хотели эти суки...» (М., 1997): Домбровский и Семин сидят в каком-то общественном месте за бутылочкой). Но что значит — «не верь Твардовским»? Своего рода комментарием и дополнением к этой фразе могут послужить строки из письма Семина Домбровскому от 28 февраля 1970 года, отправленного в тот момент, когда редколлегия, возглавлявшаяся Твардовским, была партийными властями разогнана и произошла фактическая ликвидация прежнего либерального журнала: «Я знаю, что у тебя отношения с „Новым миром“ были непростые, да и у меня было не все просто — что-то печатали, чего-то не печатали, но ведь дело не в этом. Теперь-то видно, что это были за люди, целая литературная эпоха с ними связана» (Семин В. Что истинно в литературе. М., 1987, стр. 227).

Не станем здесь высказывать скороспелые догадки о том, в чем оба автора отклонялись от новомирского *mainstream'a*, — они и между собою различались в писательской манере решительно: романтически-живописный, фабульно напряженный, наделенный сильным творческим воображением, позволяющим визионерски прозреть разнообразные исторические эпохи, Домбровский и — Семин, сюжетной интригой не увлекавшийся, графически-скупой, в стремлении к документальной достоверности любой детали почти натуралистичный, работавший на материале, достававшемся ему «здесь и сейчас». Но что-то их и сближало, трудноопределимое, — может быть, как раз императив верности себе, дух максимальной ответственности перед собственной авторской совестью. Что знаменовало и максимальную свободу — от любых, пусть самых морально бесспорных, воздействий извне, общественных и групповых. Недаром в одном из публикуемых ниже писем Домбровский напоминает Семину: «Ты царь: живи один...» — строку из великой декларации поэтической независимости, где дальше следует: «Ты сам свой высший суд; всех строже оценить умеешь ты свой труд...»

И еще, биографическое: оба в своем прошлом прошли сквозь ад — Домбровский сквозь многолетний гулаговский, Семин, подростком, — сквозь тусклый ад нацистского арбайтслазеря. Отсюда общее для них обостренное переживание воли как главной ценности. И времени, которое было у них украдено и которое нельзя больше терять — ни в творчестве, ни вообще в жизни.

Они действительно любили друг друга и понимали. В письме к автору настоящей заметки Виктория Николаевна Кононыхина-Семина, вдова писателя, рассказала:

«Я вместе с Витей, разумеется, была у Ю. О. в их с Кларой квартире, был с нами и Л. Левицкий с женой (Л. А. Левицкий — литературный критик, друг Семина. — Л. Д.). Конечно, выпивали; Ю. О. хмелел, и чем больше хмелел, тем интереснее, просто потрясающе интересно говорил. Читал, кажется, из „Факультета ненужных вещей“, тогда еще не опубликованного. Виталия хмель разбирал быстро, и он удерживался от выпивки, чтобы слушать Ю. О. И потом, когда возвращались, все вспоминал детали рассказов Домбровского.

...Встреча на улице Горького. Ю. О. идет с авоськой, сходимся, рукопожатия. Рубашка у Ю. О. застегнута косо. Во время незначительной болтовни Виталий перестегивает ее правильно (он так нежно это делал!). И тут Ю. О. печально-иронически спрашивает: „Теперь все будет хорошо?“ Еще деталь: в гостях у Ю. О. Виталий наизусть читал „Меня убить хотели эти суки...“. Ему особенно нравилась последняя строфа: „И вот таким я возвратился в мир...“ Ю. О. был тронут: „Утешил! Утешил!“ Когда уходили, показывал картины на стенах. Картины были хорошие. Об одном портрете в стиле Модильяни Домбровский сказал: „Это оригинал“. Левицкий потом откомментировал: „Такое с ним бывает, когда выпьет“».

Знала Виктория Николаевна — со слов мужа — и о других его посещениях Домбровского, более ранних, когда тот еще жил в коммунальной квартире: «Виталия смущали люди странного вида, которые заходили к Ю. О., — то ли блатные, то ли бомжи...»

Семин познакомил Домбровского с ростовским поэтом и филологом Леонидом Григорьяном. В относящихся к зиме 1969-го воспоминаниях Л. Григорьяна о первой его встрече с Юрием Осиповичем колоритные визитеры возникают тоже:

«Едва мы вошли, как в комнате появилась супружеская пара — старик и старуха, соседи Домбровского по коммуналке. Они были суетливы, услужливы, но вели себя как-то необычно — не то по-родственному, не то по-хозяйски. Домбровский называл их „папуля“ и „мамуля“. У старика было отвратительное лицо старорежимного филера. Чувствовалось, что он не пропускает ни малейшего слова из разговора, в котором, впрочем, не участвовал. Он с готовностью бегал за водкой, приносил чекушки, при этом бесстыдно обсчитывал, неприметно набивал карманы сигаретами. Когда было уже основательно выпито и мы незаметно перешли на ты, а старики на несколько минут куда-то вышли, я не удержался и спросил у Домбровского: „Как ты можешь терпеть эту парочку? Ведь невооруженным глазом видно, что твой папуля стукач“. — „Знаю, — спокойно ответил Домбровский, — но это ничего, папуля лишнего не наступит“.

Потом стали запросто заходить какие-то разношерстные люди, пили, курили, спорили, читали стихи. <...> Сначала читал стихи кто-то из пришедших, потом Виталий уговорил читать меня».

Выбор был сделан неудачно — отрывок из поэмы о терроре, вялой и книжной. Едва чтение кончилось, как Юрий Осипович опрометью вылетел в коридор со словами: «Как он смеет! Мальчишка! Что он может об этом знать!» Потом вернулся. «Я не знал, куда глаза девать. Внезапно Домбровский вынул изо рта челюсти и четким, сильным голосом стал читать свое. Никогда я не слышал такого потрясающего чтения. Помню только, что мы с Виталием разревелись» («Литературная Армения», 1989, № 3).

Размовки, наверное, случались — след одной из них мы находим в датированной 31 августа 1977 года записке Семина к редактору новмирского отдела про-

зы И. П. Борисовой: «Ин! Передай Домбровскому, что мое отношение к нему не зависит от его отношения ко мне. Я его люблю. А пить действительно бросил, несмотря на все научные выкладки в пользу умеренного, но регулярного употребления алкоголя. Бросить пить — это мой последний внутренний резерв. Я его долго придерживал. Но пришло наконец время ходить и с козырной карты» (Семина В. Что истинно в литературе, стр. 347). Повод угадывается: «научные выкладки в пользу умеренного, но регулярного» наверняка принадлежали Домбровскому. А у Семина было большое сердце, и он все беспокоился, успеет ли, — работал он медленно. В мае 1977-го он увидел сон «к смерти» и написал Л. Григорьяну: «Ночью меня прижало. <...> Так, должно быть, чувствует себя самолет, попавший во флаттер. Все дребезжит, все разваливается — вот-вот рухнет. И я не испугался. Машинка и бумаги на столе. Как-то не верится, что — там! — не дадут мне доработать» (там же, стр. 336).

Он умер ровно через год, 10 мая 1978-го, — скоропостижно, в Коктебеле, пятидесяти лет. Шестидесятилетний Домбровский пережил его на 19 дней.

I

5 окт<ября> 1969>.

Дорогой друг!

Во-первых, прими мой сердечный привет и поздравления. Я говорил с А<нной> С<амойловной> Б<ерзер>¹, и она великолепно отзывалась о твоей повести, так что это, кажется, дело крепкое². Во-вторых (более существенное), я получил письмо от 26 сент<ября> (пришло сегодня) от своего переводчика (Michael Glenny, 67, Sandyfield Road, Headington, Oxford, 0092 — 61217). В Нью-Йорке книга уже вышла, английское издание выходит через несколько недель³. Он пишет, что искал обо мне сведений, но ничего не нашел («Два раза я писал в редакцию „Н<ового> м<ира>” с просьбой о Вас, но ни разу мне не ответили — свиньи!). Но вот он встретил жену оксфордского профессора Фенелла, и она передала ему мою книгу, «в страницах которой Вы записали не только свой адрес, но и ценнейшие библиографические сведения о Вашем творчестве... В книге были два снимка, сняты, по-видимому, в одном московском (?) ресторане когда-то летом. В этих снимках меня интересует не только Ваше лицо, но и лицо Виталия Семина, который в одном из снимков сидит рядом с Вами. Потому что между нами и Семиным существует такая же связь, как и с Вами: я имел счастье перевести на английский язык его роман „Семеро в одном доме”. Когда я старался осведомляться о нем, получалась одна и та же история — редакция „Нового мира” не отвечала на мои письма» (бляди!). «Но так как он, очевидно, из Ваших знакомых, надеюсь, на этот раз мне удастся установить связь с ним. Я собираю материал для антологии лучших произведений, напечатанных в „Новом мире” с 1925 года по сей день. В нее входят, конечно, отрывки из „Хр<анителя> др<евностей>”, из романа „Семеро <в одном доме>”... Кроме Вас, я перевел Достоевского, Бунина, Бабеля, Булгакова („Мастер и Маргарита”)... Я вскоре буду в Москве. Приеду, очевидно, в понедельник 6 окт<ября>. Я должен обязательно поговорить с Вами и с Семиным о ваших романах и других произведениях. Если Вам угодно, я Вам дам звонок, как только я в Москве. Срок моего пребывания примерно два месяца. Если предпочитаете, что я Вам не дам звонок, то прошу Вас сказать об этом Ел<ене> Серг<еевне> Булгаковой⁴. Ваш искренний Майкл Гленни» — вот какое, дорогой, дело. Орфография и стилистика — подлинника, я процитировал все места, относящиеся к тебе. Сообщи мне, что говорить, что делать, давать ли твой адрес? Я лично дал бы и, если есть возможность, встретился бы. Но смотри сам, как и что⁵. Завтра я буду ждать его звонка и попытаюсь дозвониться к этой самой Е<лене> С<ергеевне>⁶. Ответь мне быстро, что мне говорить о тебе и говорить ли вообще.

Тороплюсь скорее послать письмо, поэтому больше не распространяюсь. Пиши на Голицыно (Голицыно, Московской области, Дом творчества литераторов) или на московский адрес.

Жду.

Жене⁷ привет, целую ей ручку.

Твой Юрий.

¹ Анна Самойловна Берзер (1917 — 1994) — критик, мемуарист, журнальный работник. В 1958 — 1971 годах редактор отдела прозы в «Новом мире»

² Вероятно, речь идет о повести, название которой в рукописях варьировалось: «История моих знакомых», «Исполнение желаний», «Когда мы были счастливы». В «Новом мире» не появилась. Опубликована с сокращениями в журнале «Кубань», 1970, № 2, под названием «Когда мы были счастливы».

³ В 1969 году и в Нью-Йорке, и в Лондоне был издан английский перевод «Хранителя древностей» («The Keeper of Antiquities»), выполненный Майклом Гленни.

⁴ В дневнике В. Я. Лакшина есть запись о встрече с М. Гленни у Е. С. Булгаковой 9.11.1969 (см.: Лакшин В. Последний акт. — «Дружба народов», 2003, № 5).

⁵ Не санкционированная идеологическим начальством, частная встреча с зарубежным коллегой могла навлечь неприятности.

⁶ Как сообщила К. Ф. Турумова-Домбровская, личное знакомство автора с переводчиком состоялось, и М. Гленни не раз потом дружески общался с Домбровскими в их доме.

⁷ Жена Семина — Виктория Николаевна Кононыхина-Семина.

II

<Начало 1970.>

Дорогой Виталий!

Спасибо за хорошее письмо. Шлю тебе свою книгу¹. Не знаю, как она тебе понравится. На всякий случай помни, что первая повесть писалась в 46 году, вторая — в 56, третья — в 68. Отсюда и разница тональности. Ты пишешь об 11 языках² — до чего же это все-таки здорово! Это такая солидная компенсация за все, что, ей-Богу, грех унывать! К тому же у тебя новый роман, и он объявлен в «Н<овом> м<ире>»³, и его хвалят. Всем им до этого, как мне до королевы Елизаветы II. Так что в метафорическом смысле — моральном, социальном и тому подобном — ты на них можешь и должен плевать⁴. Другое дело, конечно, план материальный — тут я представляю, что тебе несладко. Мои дорогие друзья фарберы и стальские⁵, наверное, позаботились об этом: «Пускай ослиные копыта знает»⁶. Всё, конечно, разрешится через роман — так что ты нажимай, друже, нажимай!⁷ Всё остальное — паллиативы. Насчет того, что это просто физически трудно, я в первый раз услышал это от Коржавина⁸ и не особо прочувствовал, а теперь чувствую это сам. Точно! Выматываешься чуть не до пота...

Я передал твой привет А. Т. — это мой товарищ по учебе. Человек он несколько странноватый, суховатый. Но интересный (увлекается астрономией и математикой). Очень был рад твоему отзыву, благодарил и велел кланяться тоже⁹.

Ну, будь здоров, дорогой, привет супруге и всем домочадцам, если они есть. Будь здоров.

Твой Юрий.

¹ Домбровский Ю. Смуглая леди. Три новеллы о Шекспире. М., 1969. На титульном листе автор сделал надпись: «Виталий, посылаю тебе эту книгу с особой любовью и дружбой. Нет никого из нас, в кого бы я так верил. Без трепя. Юрий». 28 февраля 1970 года Семин ответил Ю. Домбровскому: «Твою книгу прочел залпом, спасибо тебе за нее и за добрейшую надпись (следуя совету Гамлета, ты отно-

сишься ко мне лучше, чем я этого заслуживаю) <...> Книжку ты написал славную. Не знаю, как Шекспир, но сам ты в ней полностью отразился. Твоя интонация, твои словечки, даже привычные для тебя цитаты. Я так это и читал, как бы с твоего голоса...» (Семи н В. Что истинно в литературе. М., 1987, стр. 227 — 228). «Совет Гамлета» — реплика его по поводу заезжих актеров, обращенная к Полоению: «Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдет от порки? Обойдитесь с ними в меру вашего великодушия».

² Имеются в виду переводы повести Семина «Семеро в одном доме» на иностранные языки.

³ В анонсе публикаций на 1970-й год среди прочего был обещан роман Семина «Женя и Валентина»; анонс появился в № 8 «Нового мира», вышедшем во второй половине сентября 1969-го.

⁴ По всей видимости, в письме Семина шла речь о его недоброжелателях из литераторской среды — см. ниже.

⁵ Александр Михайлович Фарбер (1910 — 1981) — журналист, поэт; Илларион Николаевич Стальский (наст. фам. Малыгин; 1901 — 1978) — журналист, драматург. Входили в руководящие органы Ростовского отделения СП. Имели среди коллег стойкую репутацию осведомителей госбезопасности, навлекших своими доносами репрессии на многих литераторов.

⁶ Из басни И. Крылова «Лисица и Осел».

⁷ Роман «Женя и Валентина». 3 января 1970 года Семин писал Б. Я. Каммерштейн: «Сейчас я работаю над романом, довольно большим для меня. <...> Этот роман уже рекламируется журналом «Новый мир», однако у меня нет уверенности, что я закончу работу еще в этом году» (Семи н В. Что истинно в литературе, стр. 225). В 1970-м роман напечатан не был и появился только в № 11 — 12 «Нового мира» за 1972 год.

⁸ Наум Моисеевич Коржавин (род. в 1925) — поэт, публицист, эссеист.

⁹ Речь идет об Арсении Александровиче Тарковском (1907 — 1989), в конце 20-х годов учившемся, как и Ю. Домбровский, на Высших литературных курсах в Москве. Отзыв Семина относился, по всей видимости, к вышедшему в 1969 году поэтическому сборнику А. Тарковского «Вестник». В характеристике, данной поэту Домбровским («странноватый, суховатый»), слышен отзвук строки из помещенного в «Вестнике» стихотворения А. Тарковского «Ночная бабочка „мертвая голова“»: «Жироватый, суховатый...» По свидетельству В. Н. Кононыхиной-Семиной, немало стихотворений А. Тарковского Семин знал на память и особенно любил читать «Малютку жизнь» («Я жизнь люблю и умереть боюсь...»).

III

<1970, первая половина марта.>

Дорогой Виталий!

Получив твое письмо, я поспешил в «Н<овый> м<ир>», чтобы узнать что-нибудь достоверное, и пришел минут через 20 после твоего звонка. Значит, тебе уже сказали, что ты идешь и остаешься в № 5¹.

Что говорят о Кос<олапове>²? Он не въезжал на белом коне, не сжигал гимназии³, сидит себе тихо-мирно, пока что ничего не меняет. Из очередного № он изъял только один (!) материал, и то, говорят, сугубо непринципиально-го характера⁴. Все удивлены. Был у меня разговор в редакции насчет позиции женщин. Я сказал им, что я бы на их месте не ушел. Должны были уйти члены редколлегии. Они — ушли. Им же пока можно сидеть. Другое дело, если нельзя окажется работать. Это скажется сразу. Инна⁵ очень обрадовалась такой моей позиции. Она-то, впрочем, устроится, а вот А<нна> С<амойлова>⁶... Вот кого мне жалко больше всего, если ситуация окажется в конце концов неразрешимой. Говорят еще, что предлагали это место С. Наровчатovu, но он их всех послал. Сергея я знаю хорошо, он парень умный, но я только сомневаюсь, что он мог бы справиться с таким искушением⁷. А вообще-то... Да

Господь его знает, что будет! Ведь и когда К<онстантин> С<имонов> приходил на это место, то он не думал, что ему придется печатать Дудинцева⁸, и Т<вардовский> тоже не готовился открывать А<лександра> С<олженицына>⁹, а пришлось. Я как-то сказал одному из главных кочетовых¹⁰: «Неужели вы не понимаете, что если вам все-таки удастся заткнуть нам рты, то вам придется писать то самое, что пишем мы, — только делать это вы будете хуже». Да, дорогой мой, для меня это неоспоримая аксиома. Время имеет свою топологию, она вычерчена по лекалу, и тут ни они, ни мы ничего уже поделывать не можем. Отрезок, в котором мы живем, чудовищно искривлен, но загибается он в нашу сторону. В этом я абсолютно уверен (пишу так путано и неточно, что самому противно, но ты поймешь). Я понимаю, конечно, что все это очень академические утешения, но «претерпевший спасается»¹¹. Меня всегда выручало именно это.

Что касается того, что я к тебе отношусь лучше, чем и т. д.¹², то ты тут не прав. Не прав и к себе, и ко мне. Я в тебя очень верю. Твои вещи сильно закручены в некие неподвижные пружины, но они взрываются в конце и бьют наотмашь. Этого у нас никто не умеет. Вот поэтому тебе при всех твоих физических качествах — тяжело работать. Безумно тяжело, трудно, беспокойно (неуютно) писать такие вещи — но нужны они очень, очень: это совершенно честно и искренне.

Что писать о себе? Кончил I часть «Факультета ненужных вещей» (320 стр.)¹³. Там у меня пьяный поп рассуждает о суде над Христом и рассказывает, как это было, а честный человек становится предателем, потому что он хотел помочь, да не смог, и его на этом поймали. Думаю к осени кончить все¹⁴. Инна¹⁵ хвалит. Посмотрим.

Ну, обнимаю тебя крепко, дорогой. «Ты царь — живи один...»¹⁶ Плюй, если можешь, и пиши.

Жене привет.

Ю. Д.

¹ Возможно, речь идет о рассказе Семина «На реке», опубликованном в № 4 «Нового мира» за 1970 год.

² Валерий Алексеевич Косолапов (1910 — 1982) — литературный функционер: до назначения в «Новый мир», который он возглавлял в 1970 — 1974 годах, был главным редактором «Литературной газеты» (1960 — 1962) и издательства «Художественная литература» (1963 — 1970). В письме обрисована ситуация, сложившаяся в «Новом мире» после учиненного партийными властями разгрома журнала. 9 февраля 1970 года постановлением бюро секретариата правления СП из редколлегии «Нового мира» были выведены И. Виноградов, А. Кондратович, В. Лакшин, И. Сац, о чем 11 февраля 1970-го информировала «Литературная газета». 12 февраля 1970-го А. Твардовский подал в секретариат правления СП заявление об отставке с поста главного редактора, и 13 февраля на заседании секретариата отставка была принята одновременно с утверждением в этой должности В. Косолапова (фактически приступившего к исполнению обязанностей 2 марта). О совершившейся замене главного редактора пресса не сообщила, но слухи ходили. 28 февраля 1970 года Семин писал Домбровскому из Ростова-на-Дону: «Ты там ближе, у вас это все с подробностями и потому, наверное, острее, а у меня тут — вроде утраты смысла существования. <...> Все чувствуют себя на похоронах. Даже те, кто „Новый мир“ всегда ненавидел» (Семин В. Что истинно в литературе, стр. 227).

³ Намек на характеристику градоначальника Угрюм-Бурчеева в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

⁴ В дневнике В. Лакшина (запись от 15 марта 1970 года) отмечено: «2-й № подписан в том виде, как был сделан нами, только статью Рассадина выбросили, пожури его за слишком резкий тон <...> Как видно, „дирекция не останавливается перед расходами“, и Косолапова заверили, что он может на первых порах печатать все, что захочет» (Лакшин В. Последний акт. — «Дружба народов», 2003, № 6).

⁵ И н н а Петровна Борисова (род. в 1930) — критик, публицист, редактор отдела прозы «Нового мира» в 1964 — 1994 годах.

⁶ А. С. Берзер.

⁷ Поэт С. Наровчатова (1919 — 1981) — вместе с Д. Большовым, А. Овчаренко, А. Рекемчуком, О. Смирновым — идеологические инстанции планировали сделать членом новой редколлегии журнала. 11 февраля 1970 года В. Лакшин записал в дневнике: «Рассказ<ывают>, что Наровчатов отказался работать в редколл<егии> без согласия Твард<овского>. Его утвердили прежде, чем поговорили с ним. Будто бы он отказался решительно, а выходя из кабинета Вор<онко>ва (В. К. Воронков — секретарь правления СП по оргвопросам. — Л. Д.), плюнул и сказал: „Бляди!”» (см.: Л а к ш и н В. Последний акт. — «Дружба народов», 2003, № 6). Но в 1974 году В. Косолапова сменил на посту главного редактора именно С. Наровчатова, пребывавший в этой должности до конца жизни.

⁸ К о н с т а н т и н Михайлович Симонов (1915 — 1979) возглавлял «Новый мир» в 1946 — 1950 и 1954 — 1958 годах. Роман Дудинцева «Не хлебом единым», появление которого стало одним из самых знаменательных литературных событий «оттепели», был опубликован в «Новом мире» в 1955 году.

⁹ Александр Трифонович Твардовский (1910 — 1971) был главным редактором «Нового мира» в 1950 — 1954 и 1958 — 1970 годах. Дебютная публикация А. Солженицына — «Один день Ивана Денисовича» — состоялась в № 11 «Нового мира» за 1962 год.

¹⁰ Имя Всеволода Анисимовича Кочетова (1912 — 1973) взято здесь как нарицательное для обозначения советского писательского официоза.

¹¹ «Претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24: 13).

¹² См. примеч. 1 к письму II.

¹³ Соответствует первым трем частям в окончательном, пятичастном членении текста романа.

¹⁴ Дата окончания работы над «Факультетом ненужных вещей», выставленная автором в конце романа, — 5 марта 1975 года (число и месяц, совпадающие с днем смерти Сталина, имеют тут характер отчетливо символический).

¹⁵ И. П. Борисова.

¹⁶ Из стихотворения Пушкина «Поэту».

IV

<1970.>

Дорогой друг!

Спасибо тебе за письмо и за все хорошее, что в нем есть. Извини, что столь запоздал с ответом. Здорово болел; ходит по Москве грипп и цепляет таких прохиндеев, как я, — тех самых, кто и нараспашку бегают, и без шапки ходят. Я верю в тебя, друже, больше, чем в кого-либо. Твоя повесть «Нет мужчины в доме»¹ — вечная вещь. Она вся без выкриков, без экзотики страданий, без трагедий и философских монологов — просто строят дом, и все, — а какая сила постижения всего и всех. Вот Ал<ександр> Ис<аич> — он тоже очень хорош, крупен, проблематичен, — но ведь он до сих пор работал в истории (ибо давность 25 лет для нас давность историческая — другой же пласт), а во вторых, на остроте самого материала. Если бы такая шарашка была бы у Гитлера, то девять десятых художественного эффекта (ибо это эффект познания) была бы утрачена. Она бы просто не имела ни той обличающей силы, ни коэффициента оппозиционности, ни маршрута (перекидки) в настоящее и т. д.² Будь у нас чуть-чуть умнее литературная политика — вот и не было бы «эффекта Солженицына» (как не было бы, впрочем, и «эффекта Пастернака»)³. У тебя же все иначе. У тебя «здесь Родос — здесь прыгай» — ты не польстился ни на один выигрышный момент, нигде не посягнул и не перешагнул повседневно. Вот отсюда и огромный моральный и художественный выигрыш твоей повести. Так что не подозревай меня в том, что я отношусь к тебе «лучше, чем ты этого заслуживаешь»⁴. Это прежде всего необоснованно!

В «Н<овом> м<ире>» сумерки и невнятица. Впрочем, ты это и сам чувствуешь по №№⁵. Ничего там не обещают, ни на что не надеются, ничего не ждут. Будут и будут выходить серенькими двадцатилистовыми книжками и еще, наверно, и в срок — как «Москва», «Знамя» и «Октябрь»⁶.

В Москве у Юрия Давыдова⁷ сидит тоскующий В. Лихонос⁸, которому все обрыдло, что-то пишет, изредка звонит мне по телефону. Парню действительно очень тоскливо, и про эту тоску не скажешь, по Вяземскому, «счастливая пора, пора тоски сердечной»⁹. Ему ведь 33, я помню, что Ю. Казаков в эти годы тоже начал балдеть в это время, все задумывал писать повесть «Возраст Христа». Не написал. Да и вообще кончил писать и начал переводить меньших братьев. Они ему за это дачу в Абрамцеве купили¹⁰. В<иктору> Л<ихоносову> это не грозит, но худо ему, кажется, действительно здорово (ведь он еще и не пьет, несчастный!)

Я помаленьку пишу свою громадину. Вот начал 2-ой том¹¹, но что-то плохо идет. Кажется, запутался в сюжете — усложнил его без нужды. Ну, через год посмотрим.

Обнимаю тебя, дорогой. Целую ручку супруге. Держись, казак!¹²

Твой Юрий.

¹ Один из вариантов названия повести «Семеро в одном доме».

² Речь идет о романе А. Солженицына «В круге первом». Можно предположить, что, говоря о политическом иносказании («шарашка... у Гитлера») как о способе легализации цензурно неприемлемого материала, Домбровский оглядывался на собственную попытку — по существу компромиссную — вложить свой опыт столкновения с советской репрессивной машиной в антифашистский роман «Обезьяна приходит за своим черепом» (1943). Генезис романа, кстати говоря, был «компетентными органами», пусть примитивно, угадан — коснувшись в беседе с журналистом А. Лессом обстоятельств своего ареста 1949 года, Домбровский сказал: «Меня обвинили, в частности, в том, что я зашифровал иностранными именами тех работников органов государственной безопасности, с которыми я сталкивался во время своего первого ареста» (см.: Анисимов Г., Емцев М. Этот хранитель древностей. — В кн.: Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей. М., 1989, стр. 705 — 706). Создание позднейшей романической дилогии — «Хранителя древностей» и особенно «Факультета ненужных вещей» — явилось в этом смысле актом отказа от подобной иносказательности.

³ Имеются в виду зарубежные публикации романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (1957) и романов А. Солженицына «В круге первом» и «Раковый корпус» (1968), ставшие в СССР причинами громких политических скандалов.

⁴ Здесь Домбровский снова откликается на «гамлетовскую» фразу Семина из письма от 28.02.1970.

⁵ То есть по номерам «Нового мира», которые вышли после разгрома журнала. Перемены сказались в первую очередь на жанрах актуальных, критических и публицистических. Так, уже в номере 2-м за 1970 год, в разделе литературной критики, была помещена единственная статья, причем ретроспективная, приуроченная к писательскому юбилею (Инна Соловьева, «Заметки о стиле Вс. Иванова. К 75-летию со дня рождения писателя»). Раздел художественной прозы повелось думать об изменении редакционной политики как будто бы не давал (отчасти это обеспечивалось предоставленной В. Косолапову в тактических целях свободой действий): так, во 2-м номере «Нового мира» за 1970 год появился рассказ Ф. Абрамова «Деревянные кони», в 3-м и 4-м — роман Курта Воннегута «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей», в 5-м — повесть В. Быкова «Сотников», в 6-м — рассказы Ф. Искандера и В. Шукшина, в 11-м — повесть Ю. Трифонова «Предварительные итоги». Убыль материала в редакционном портфеле происходила в этот момент скорее по инициативе «снизу». «Авторы приходили и уходили, — рассказывает И. Золотусский. — Они уносили свои рукописи, уже одобренные редакцией. Это была акция солидарности, акция верности Гвардовскому. Не хотели печататься у тех, кого уже назначили на его место. Твардовский страшно переживал,

когда узнавал, что кто-то все же колеблется и готов печататься уже не в его журнале. Василь Быков рассказывал мне, как он позвонил Александру Трифоновичу и спросил, как ему быть с лежащей в „Новом мире” повестью „Сотников”. Взбешенный Твардовский ответил: „Ах, вы не знаете, как вам быть?” — и бросил трубку. Для него один этот вопрос означал измену» (газета «Версты», 2000, № 71). Семин и Домбровский были среди тех, кто считал принципиально возможным продолжать в «Новом мире» печататься, но, если первый из них опубликовал там в 70-х кроме очерков о КамАЗе и одной рецензии роман «Женя и Валентина», то второй — лишь две рецензии и эссе о Пушкине и декабристах («И я бы мог...»). Роман «Факультет ненужных вещей», договор на который был заключен с журналом в 1964 году, навряд ли мог бы быть напечатан в «Новом мире» даже в самую либеральную пору его существования.

⁶ Во второй половине 60-х годов номера «Нового мира», как правило, выходили с большой задержкой: «В любом вагоне метро в любое время дня вы непременно увидите несколько раскрытых синих книжек «Нового мира». То, что на обложке журнала стоял номер двух-трехмесячной давности, никого не смущало — все знали, что цензура держит журнал, и ждали его появления с терпением и азартом» (Борисова И. Пляда. — «Первое сентября», 2000, № 7).

⁷ Юрий Владимирович Давыдов (1924 — 2002) — писатель, близкий друг Домбровского, автор посвященного ему эссе «Поговорим о бурных днях Кавказа...» (опубликовано в кн.: Домбровский Ю. Смуглая леди. Роман, повесть, новеллы. М., 1987).

⁸ Виктор Иванович Лихоносков (род. в 1936) — писатель, друг Домбровского и Семина. В лирической повести В. Лихоносова «Люблю тебя светло» (1968) дан литературный портрет Ю. Домбровского, запечатленного там под именем Ярослава Юрьевича.

⁹ Неточно процитированная строчка из стихотворения «Первый снег» П. Вяземского, у которого — «Счастливые лета! Пора тоски сердечной...».

¹⁰ С середины 60-х по начало 70-х годов Юрий Павлович Казаков (1927—1982) переводил по подстрочнику историко-революционную трилогию казахского писателя Абиджамил Нурпеисова «Кровь и пот». На даче в Абрамцеве Ю. Казаков поселился в 1968 году.

¹¹ Части 4 и 5 романа «Факультет ненужных вещей».

¹² Семин происходил из донского казачества.

V

<Январь 1977.>

Дорогой друг,

во первых строках моего письма поздравляю тебя с Новым, 1977 годом. Прошлый, Драконий, был не больно добр к нам, что-то даст змеиный? Вот тебе стишки на него, зеленого:

До нового года минута одна.
 За что же мне выпить сегодня вина?
 За счастье, что будет в грядущем году?
 Не верю я в счастье — я с ним не в ладу!
 Быть может, поднять мне стакан за любовь? —
 Любил я однажды — не хочется вновь!
 За горе? К чертям! Ведь за горе не пьют.
 За что же мне выпить? — часы уже бьют!
 Эх, так ли, не так ли, не все ли равно —
 Я выпью за то, что в стакане вино!

Во-вторых, хочу тебя обнять и благодарить за память и книгу¹. Это чудно, что она у меня есть. Прочел половину (начал со второй). Здорово! Впрочем, что говорить? Я тебя всегда читаю с упоением. Ясно, просто и сильно, сохранена неповторимая разговорная интонация — великолепное сочетание строго-

сти и точности литературного языка с раскованностью и интонационностью устной речи. Сейчас принимаюсь за «Детство»².

Обнимаю, дорогой. Будешь в Москве — не забывай. Так хочется увидиться!
Твой Юрий.

¹ Се м и н В и т а л и й. Семьсот шестьдесят третий. М., «Молодая гвардия», 1976. В книгу были включены две повести Семина — «Ласточка-звездочка» и «Нагрудный знак OST», — связанные между собой автобиографичностью главного героя.

² Имеется в виду «Ласточка-звездочка».

VI

<1977?>

Дорогой Виталий,

огромное спасибо тебе за письмо, ты и не представляешь, как оно меня обрадовало. Я помню тебя, милый, и люблю. Очень жалко, что нам не удалось свидеться в Москве, — то ли ты не заходил, то ли меня не было — не пойму. Во всяком случае, будешь — не забывай. Сейчас я еду на дачу. Если вырвешься в Москву, буду страшно рад (счастлив даже), если одолеешь час десять минут поезда и заедешь ко мне. Это Савеловская ж. д., станция Турист, поселок Свастуха, дача Слудской. То есть моей покойной матери, а сейчас моя наполовину с племянниками. Разместиться есть где. Место изумительной красоты и простора. Понравится, ручаюсь!

А тебе, друже, надо укутываться¹. Всякие фарберы² и прочая нечисть тебя отрежут от источников и слопают. Это верно. Я все время твержу об этом здесь, но кто же нас слушает?

Жене привет. Целую ей ручку.

Будь здоров, дорогой, и не забывай.

¹ Речь идет о желательности переезда Семина из Ростова-на-Дону в Москву. Мысль о смене места жительства стала для Семина, как видно из его писем, особенно актуальна летом — осенью 1977 года, что позволяет предположительно датировать данное письмо Домбровского тем же временем.

² См. примеч. 5 к письму II.

МАКСИМ КРОНГАУЗ

РАЗДВИГАЮЩИЕ ЯЗЫК: «ЭФФЕКТ ХОНТУЯ»

Мертвая Парма

«Зеленое золото Вагирйо́мы тускло отблискивало сквозь прорези в кожаном шатре, расшитом понизу багрово-красными ленточками. Шатер стоял на помосте, укрепленном на спинах двух оленей, что устало шагали за конем хонтуя. Позади остался извилистый путь от родного Педы́ма: через многие хонты своей земли, через священное озеро Турват, на жертвенники у Ялпы́нга, по отрогам Оторте́на и на полдень по Каменной Ворге до самых Басегов. Хаканы встречали караван, меняли быков, помогали тянуть лодки вверх по рекам, тащили через перевалы и прощались, отправляя вместе с хонтуем по два-три воина от своих селений. К тому времени, как Вагирйо́му довели до Чусвы, у Асыки уже собрался сильный отряд в семь десятков манси. Оставив плоты у последнего павы́ла перед устьем Туявита-Сылвы, хонту́й повел караван лесами напрямик к Мертвой Парме».

Пока я набираю на компьютере первый абзац романа Алексея Иванова «Сердце Пармы» (появился в 2003 году), спел-чекер неумоимо подчеркивает красной волнистой линией неизвестные ему слова. Таких подчеркиваний набирается семнадцать. Много. Удивительно, что он знает слово *Парма*, наверное, перепутал с чем-то из итальянской жизни. Из неопознанного какое-то количество слов относится к именам собственным, но, честно говоря, не всегда понятно даже, о чем идет речь, о человеке ли, реке ли, горе или какой-то неведомой силе. Обилие незнакомых слов затрудняет и понимание слов знакомых. Я, например, уже не возьмусь сказать, что означает «на полдень» (на юг?). Читать трудно, текст малопонятен, и ленивый читатель должен сразу отложить книгу.

Про ленивого читателя я запомнил со студенческих лет, когда нас учили писать курсовые работы. Писать надо для ленивого читателя, который, чтобы понять текст, не будет перелистывать страницы, смотреть словарь, приложение, схему в другой главе, говорил мой научный руководитель. Ленивый читатель, если ему непонятно, просто закроет ваш текст и забудет о нем. А ленивый читатель — это практически любой из нас. Неленивые читатели — такая же редкость, как талантливые авторы. Речь шла, естественно, о научных текстах.

Все сказанное только что может создать впечатление, что я не одобряю Алексея Иванова и что мне не понравился роман «Сердце Пармы». Это не так. Мне не только понравился роман, но я к тому же дочитал его до конца, оставаясь при этом, как обычно, ленивым читателем. Тем не менее я хотел бы отвлечься от оценки романа, если это возможно, с тем чтобы сосредоточиться на его языке.

Кронгауз Максим Анисимович — лингвист, доктор филологических наук. Родился в 1958 году в Москве, выпускник филологического факультета МГУ. Ныне директор Института лингвистики РГГУ; автор научных монографий и популярных статей на темы языкознания, культурологии и педагогики. С 2001 года неоднократный автор «Нового мира».

Когда говорят о языке писателя, сразу вспоминаешь Толстого, Достоевского или Тургенева, как будто в двадцатом веке у писателей не было своего языка. В лучшем случае приходят на ум Платонов, Зошенко, Булгаков, но не более (точнее, не позднее) того¹. Конечно, с этим легко спорить и приводить опровергающие примеры (еще будут написаны работы о языке Солженицына, Искандера, Стругацких и многих других), но определенная психологическая реальность за этим стоит. Двадцатый век стал своего рода площадкой для большой литературной игры, в которую хорошо если приглашают поиграть читателя. Как правило же, автор — главный игрок на этой площадке — оставляет читателю только роль зрителя. Одним из главных элементов игры стал язык. Игры с языком столь разнообразны, что нет смысла их просто перечислять. Достаточно сказать, что, какую бы закономерность в построении нормального текста ни наблюдали лингвисты, можно найти художественное произведение, где эта закономерность нарушается. Существуют романы из одного предложения, романы-гипертексты (задолго до появления Интернета) и многое другое. Важным следствием подобных игр стало то, что язык перестал восприниматься как характеристика писателя-человека. Тот же Алексей Иванов написал роман из школьной жизни «Географ глобус пропил». Он тоже полон языковой игры, но совсем другого рода. Думаю, что ни одна лингвистическая экспертиза не показала бы, что это произведения одного автора. И уж точно между ними нет ничего общего на уровне лексики. Приходится говорить не о языке автора, а о языке отдельного романа.

Это замечательный и уникальный случай, поскольку речь не идет в полной мере о стилизации. Да, «Сердце Пармы» — исторический роман, и, наверное, элементы стилизации в нем есть. Но я готов утверждать, что написан он вполне современным языком. Другое дело, что современный литературный лексикон расширен в нем значительным образом за счет малоизвестных историзмов, этнонимов (названий народов) и топонимов (названий географических объектов). Настолько малоизвестных, что читатель с обычным лексическим запасом порой перестает понимать текст.

У меня есть знакомый, который любит читать энциклопедии и словари. Таких людей в мире, пожалуй, немного, но они все же встречаются. Уникальность моего знакомого состоит в том, что он не просто любит читать эти книги, а читает их подряд, как вполне обычный текст. Просвещенный (дабы избежать слова «продвинутый») читатель понимает, что этот жанр книг относится к классическим гипертекстам, не предназначенным для линейного чтения. Более того, особо просвещенный читатель сознает и то, что никакой текст не предназначен для линейного чтения. А мой знакомый, наплевав на прогресс и просвещение, берет энциклопедию и читает ее от корки до корки. Так вот, этот человек утверждает, что неожиданно большой процент слов в энциклопедии и, что еще более удивительно, в словаре русского языка неизвестен любому читателю. Кого-то это, наверное, удивит, меня в свое время удивило, но я совершенно не думал, что этот принцип может в какой-либо степени распространяться на художественное произведение.

Вообще, примеры расширения лексики прозаических произведений существовали и раньше. Кроме упомянутых выше исторических романов это романы фантастические, а если вернуться к обычной прозе, то можно вспомнить и Шолохова, и писателей-деревенщиков, использовавших всякие диалектные словечки. Расширение лексики имело и имеет очень разные цели. Это может быть просто языковая характеристика героев или попытка создания особого колорита. В силу недостаточности обычного языка это происходит довольно редко. Новый язык в таком случае начинается в полном смысле слова творить мир. Наиболее примитивный вариант такого «творения» представлен как раз в

¹ Я ни в коей мере не говорю о языке поэтов, что является совершенно отдельной темой.

фантастических романах. Всякие переводные *бластеры* и *скорчеры* — пример не слишком искусного создания «футуризмов» (по аналогии с историзмами) — слов, обозначающих несуществующие реалии и тем самым создающих эти реалии в некотором воображаемом мире. Но даже и здесь существуют удивительные прорывы, достаточно вспомнить знаменитого чапековского «робота», вошедшего во все языки. Вот уж кто словом действительно создал новую реальность.

Гораздо более изысканными были приемы Стругацких, с помощью расширения лексики создававших не конкретные предметы, а своего рода виртуальную реальность, социальную, психологическую. Я до сих пор помню *мокрецов*, *грустцов*, *интелей*, не говоря уж о *сталкере*, почти вошедшем в русский язык (здесь, правда, свою роль сыграл и фильм Тарковского). Причем Стругацкие никогда не объясняли новые слова, а их понимание приходило в процессе чтения, часто читатель и герой одновременно разгадывали лексические головоломки.

Паутина

Интересно с этой точки зрения взглянуть на сегодняшний русский киберпанк. В 2002 году издательство «Амфора» опубликовало фантастический роман «Паутина», выложенный в Интернете еще в 1997 году; автором его значится Мерси Шелли, известная в русском Интернете виртуальная личность². В романе много языковой игры, специфических интернет-каламбуров. Например,

«Все Новые Нетские — это хорошо забытые Старые Датские»³;

или:

«Сетература отличается от литературы всего одной буквой — у литературы читатели, у сетературы — чататели»;

или:

«Можно крякнуть „на раз“, но тогда это сразу заметят. А для постоянного юза это не годится. Тут надо быть тише кулера, ниже драйвера. Например, узнать чей-нибудь пасс и втихаря его юзать»;

или:

«Мой комп — моя крепость»;

или:

«Жидкая память — это нормально, но жидкая мать — это изврат, зачем она тебе?»⁴

В тексте много языковых находок. Мне, например, больше прочего нравятся *худло* (вариант — *худл*; замена в будущем устаревшего словосочетания *художественная литература*) и отсюда *специалист по худлу*, а также *компфетки* (легкое подмигивание Набокову) и выражение *Ясный пенть!* Однако самым замечательным свойством этого текста оказывается то, что часто невозможно отличить авторскую выдумку от реально существующих жаргонизмов. По крайней мере все эти *бэкапить*, *юзать*, *апгрейд*, *мать*, *клава*, *комп*, *линк*, *сетература*, *чат* и прочая существуют и вне «Паутины», только они, скорее всего, неизвестны обычному образованному (но не продвинутому) читателю.

Так что «Паутина» только развивает определенную игровую тенденцию расширения языка, существующую в Интернете, о чем стоит сказать два сло-

² В Интернете, впрочем, фигурировала Мэри Шелли, а Мерси, по-видимому, — результат ее скрещивания с мужем оной Перси Биши, но чего не происходит при выходе из виртуального пространства.

³ Малопонятное для носителя литературного русского языка высказывание, по-видимому, является обыгрыванием анекдота о «новом русском», который пришел к старому еврею и сказал: «Папа, дай денег»; в роли старого еврея выступает принц Датский со товарищи.

⁴ На всякий случай отмечу, что слова «память» и «мать» (материнская плата) имеют особые «программистские» значения.

ва. Ведь по существу Интернет — это один большой текст, или гипергипертекст, который, правда, пишут не писатели.

Писатели, как мы видим, слова иногда придумывают, но чаще просто повторяют чужие изобретения. Язык же пускает в себя новые слова крайне неохотно и при случае избавляется от всякой шелухи. После неловких попыток прорваться в литературный язык многие слова бесследно исчезли, и о них никто уже не вспоминает. Слова задерживаются в языке только тогда, когда в них нуждаются. Когда в жизни появляются и сохраняются настолько важные понятия, вещи, явления, что для них необходимо простое название. Именно такой областью зарождения новых слов стал сейчас Интернет. В нем вообще все новое, и все это требует названий. Некоторые слова уже практически вошли в русский литературный язык: например, сам *Интернет*, *сайт* и некоторые другие. Большинство из них относятся к заимствованиям, но это совершенно необязательно. Иногда уже существующие русские слова приобретают новые «интернетные» значения, например, слово *сеть*. Большинство слов существует пока только как профессионализмы или жаргонизмы, и неизвестно, попадут ли они в основной лексикон русского языка.

Можно ли точно предсказать их судьбу? Пожалуй, нет, наука вообще редко делает стопроцентные прогнозы. Но вот, говоря ненаучно, угадать, опираясь на вполне научные основания, можно. То есть заняться лингвистической футурологией.

Скорее всего, жаргонизмы, возникшие благодаря языковой игре, либо так и останутся жаргонизмами, либо просто отомрут. Едва ли перейдут черту между жаргоном и языком такие слова, как *емелить*, *мыло* или *хомяк*, построенные на случайном созвучии их английским *e-mail* и *home page*. Слишком ощутима эта случайность, слишком ощутима игра. Кстати, сами по себе названия животных вполне могут получать новое компьютерное значение, например, слово *мышь*, возникшее как перевод английского *mouse*, или специфически русская *собачка* в электронном адресе.

Особенно же интересно, когда новые слова возникают не для специфических интернетных явлений, а для чего-то вполне привычного, но помещенного в Сеть. В этом явно видна попытка интернетного сообщества отгородиться от обыденной жизни, переименовать по возможности все, потому что нечто в Интернете — это совсем не то же, что нечто в старой реальности. Отсюда такие игровые монстры, как уже достаточно привычная *сетература* (вместо сетевая литература) или пока одноразовое *сетикет* (вместо сетевой этикет). Не приживутся они, если только интернетное сообщество не отделится окончательно от прочего народа. Потому что сетература уж слишком плавно перетекает в литературу, чтобы обыденный язык позволил себе роскошь иметь целых два слова для по существу одного понятия. А надо будет подчеркнуть идею «Сети», так и словосочетанием не побрезгуем.

Но самое-то главное — это поиск слова для самоназвания. Чего тут только нет. *Сетяне*, *сетевые*, *сетенавты*, *сетевики*, *сетеголовые*, *нетские* (от англ. *net* — сеть). Но все это скорее ради смеха, с прозрачной и опять же игровой аналогией. *Сетяне* — это как *земляне* или *марсиане*. Метафора понятна: жители особой планеты. Пожалуй, чересчур пафосно, чтобы произносить без дрожи. То же самое и *сетенавты*. Что тут сказать? Метафора не планеты, но Вселенной, а слово по аналогии с *космонавтами* и *астронавтами* называет мужественных путешественников в неведомое. Нет, не пойдет. *Сетевики*, наоборот, — слишком жаргонно и подчеркнуто приземленно, да и закреплено, кажется, за конкретной специальностью. В *новых нетских* опять же слишком очевидна игра (*новые русские*), да и русско-английская гибридность помешает. О *сетеголовых* и вовсе умолчим. Наиболее нейтрально использование прилагательного *сетевой* в качестве существительного, но оно встречается достаточно редко.

Что же будет? С почти стопроцентной вероятностью — ничего. Интернетное сообщество растворится в человечестве, или, точнее, наоборот — челове-

чество плавно вольется в Интернет, и никакого особого интернетного люда не будет, а все понемножку будут жить то в простой реальности, то в виртуальной. А раз так, то и специального слова не понадобится.

Таким образом, роман «Паутина» — всего лишь маленький осколок большой паутины, и, значит, его лексика — это уже не *блестеры* и *скорчеры* и даже не *интели* и *сталкеры* из романов Стругацких. Такое письмо можно было бы назвать «эффектом хонтуя» — по первому абзацу романа «Сердце Пармы». Этот эффект получил чрезвычайное распространение в современной литературе. Здесь надо упомянуть и молодежную прозу, частично написанную на молодежном сленге, и детективные или бандитские романы с активным использованием блатного аргю. В свое время Э. Бёрджес в «Заводном апельсине» использовал придуманный им молодежный жаргон с большим количеством славянских корней, что произвело сильный эффект на читателя. Чаще, правда, мы сталкиваемся не с реальным расширением лексики, а с единичными употреблениями, которые скорее демонстрируют, что автор в принципе знает этот вариант русского языка и может на нем разговаривать. Так, в текстах И. Денежкиной, одного из самых известных представителей молодежной прозы, я обнаружил лишь несколько слов типа «децл», но никак не особый молодежный язык.

Дефекты сладостного стиля

Приведу все-таки еще один пример сознательного расширения русского языка. Роман Василия Аксенова «Новый сладостный стиль» (опубликован в 1997 году) снабжен комментарием, занимающим десять страниц. В основном это толкование особых «англо-русских» словечек, встречающихся как в речи героев, так и в авторской речи. Например, в основном тексте В. Аксенов пишет: «Однажды пришел старый кореш, актер „Современника” Игорь Юрин, который три года назад „дефектнул” из Совдепа и в Париже женился на марокканке...», а в комментарии уточняет: «...*дефектнул*... (от английского *to defect* — нарушил долг, дезертировал)». Приведу еще несколько примеров без комментария (то есть без объяснения значения) и полагаю, что для тех, кто не знает английского, они покажутся по меньшей мере странными:

«Временами ошеломлял громогласный пейджинг»;

«— Шатапчик, мама! — пресек ее муж. — Дома только по-русски!..»;

«Ясность вносило только ядро солнца, висевшее над грядой в мутном варе ре городской поллюция, имея в виду только американский, никоим образом не русский смысл этого слова»;

«Где тут мой кьюти дики-прики? Дай-ка я его накрою своей вэджи-мэджи!».

Можно предположить, что лишь отчасти этот роман написан на брайтонском диалекте русского языка, а в большей степени автор увлечен своей собственной языковой игрой. В пользу этого предположения говорят два последних примера, где Аксенов играет на столкновении двух языков. При этом кажется практически невероятным, что найдется какой-нибудь русский (включая и самого автора), который действительно, говоря по-русски, использует слово *поллюция* в «американском смысле». Причина очень проста: этому мешает как раз русский смысл. Точно так же употреблению *пейджинга* в данном значении помешает уже заимствованный из английского *пейджер*, а *дефектнуть* — слово *дефект* в русском языке. Особенно нелепы для коренного русского уха, вдоволь наслушавшегося рекламы типа «Сникерсни.», «сникерсы на каучуке» (с комментарием: «от англ. *sneakers* — спортивные туфли, кроссовки»).

Таким образом, можно говорить о не слишком удачной языковой игре, но сути дела это не меняет. «Эффект хонтуя» имеет место и в этом романе. Ведь в языке русских эмигрантов, в отличие от русского литературного, существуют и *шатапчики*, и *трехбедренные* квартиры, возможно, даже и *сникерсы на каучуке*, и уж точно *мазерфакеры* и *мессиджи*. Последним, впрочем, уже удалось пересечь океан.

Писатели и их читатели

Зачем писатели расширяют, раздвигают язык? Имеют ли они при этом в виду сузить собственную аудиторию, поскольку лишь ограниченное количество читателей владеет расширенным вариантом русского языка? На мой взгляд, очевидно, что язык в соответствии со своими основными функциями выступает как инструмент строительства нового мира. Расширение лексики языка дает возможность создания периферийных миров (центральный мир в принципе обслуживается основной лексикой), а затем и погружения в них. Кстати, и неудачные языковые эксперименты порой производят определенный эффект. Так, даже *сникерсы на каучуке* создают некоторую реальность, правда в большой степени мультипликационную. Ответ на второй вопрос также более или менее ясен. Едва ли писатели хотят сужения своей аудитории. Даже произведения, изначально написанные для узкого круга на особом птичьем языке, часто находят читателя за пределами этого круга. Из приведенных примеров это только в некотором смысле касается «Паутины», созданной в Интернете и существовавшей исключительно в нем несколько лет. Тем не менее и в тексте «Паутины» ощущается претензия на большую значимость, что и подтверждается «бумажной» публикацией. Итак, то ли авторы рассчитывают на ленивого читателя, то ли считают, что и ленивый осилит их текст. И здесь мы переходим к гораздо более любопытному моменту — читательской стратегии, во многом объясняющей распространение «эффекта хонтуя» именно в наше время.

У автора нет надежды, что используемые им слова войдут в литературный язык, у читателя нет надежды полностью понять читаемый текст. Я так привязался к этому хонтую по одной простой причине. Я, повторю, прочел «Сердце Пармы» с удовольствием, но я так и не знаю, кто такой *хонтуй* (вот значение слов *хумляльт* и *ламия* я, кажется, усвоил, но они фактически объясняются автором и играют в романе значительно более важную роль). То ли из текста это никак не вытекает, то ли я пропустил это мимо ушей и глаз, но слово осталось для меня загадкой, как, впрочем, и многие из непонятных слов. При этом я, читатель достаточно ленивый, полагаю, что я понял роман и что я как-то ориентируюсь в его мире. Здесь, видимо, и кроется объяснение.

Стратегия читателя таких романов — это в действительности наша сегодняшняя стратегия понимания русского языка и мира, в котором мы живем. И мир, и язык изменяются настолько быстро, что мы в принципе не можем понять все. Постоянное расширение границ языка и мира приучает нас к тому, что можно назвать «неполным пониманием».

Когда Земфира поет: «Меньше всего нужны мне твои камбэки», я, зная английский язык, только с третьего раза (some back) понимаю, чего ей не нужно. Слушая песню, я либо пойму это слово, либо пропущу его и буду слушать дальше. Чем *камбэки* отличаются от *бэкапить*? Да ничем. Точно так же я читаю газету, точно так же воспринимаю речь своих детей (сначала начинаю смутно понимать слово *фича* и лишь потом догадываюсь, что оно восходит к английскому feature).

Ленивый читатель никуда не исчез. Он просто приспособился (в отличие от спел-чекера) читать такие тексты, жизнь заставила. И здесь, конечно, было бы уместно побрюзжать по поводу такой жизни и таких текстов. Вместо этого скажу только, что такая лингвистическая стратегия (в частности, читательская) — по-видимому, единственный путь приспособиться и хоть что-то понять в стремительно меняющемся мире. Осознать, так сказать, эффект хонтуя.

Р Е Ш Е Н И Я . О Б З О Р Ы

ТАЙНЫ ЛЕОНИДА ЮЗЕФОВИЧА

Леонид Юзефович. Казароза 1920/1975. Роман. М., «Зебра Е»; «ЭКСМО»; «Деконт +», 2002, 287 стр.

Леонид Юзефович. Песчаные всадники. Повесть и рассказы. М., «Зебра Е»; «ЭКСМО»; «Деконт +», 2003, 220 стр.

Проза Леонида Юзефовича устроена как китайская шкатулка.

Открывая такую, видишь еще одну шкатулочку, поменьше, в ней — следующую, в той — еще...

Раскрыв роман «Казароза», вы попадете в достоверно, до мельчайших деталей описанное время и место действия — 1920 год, Пермь¹ (романист, что немаловажно, — профессиональный историк). Увидите революционные перемены, бытовую неразбериху и путаницу в умах, какая бывает, когда мир меняет свой язык: «О битве идей напоминал кран со свернутой шейей, торчавший из стены с надписью „Кипяток“, где был замазан, снова вписан, снова тщательно выскоблен и сверху все-таки опять нацарапан многострадальный *твердый знак* на конце». Злосчастный «ер» — конечно, не единственная историческая утрата, но очень хорошо подмеченный автором (кстати, филологом по первому высшему образованию) знак переменчивого — увы, не только в орфографии — времени. Времени, когда «жертвы становились героями, потом убийцами других героев, потом жертвами других убийц, которые считались героями, пока их жертвы не переходили в разряд мучеников, чтобы новые герои рождались из их праха и опять превращались в убийц».

Но в «шкатулке» исторического повествования обнаруживается еще одна: детектив. Прямо на концерте убита певица Зинаида Казароза. Герой ищет убийцу, перебирая версии: политическая (вдруг здесь замешан пропавший на дорогах Гражданской войны муж певицы, эсер?), мистическая (в сумочке найдена загадочная гипсовая рука), экзотически-конспирологическая, связанная с эсперантистами...

Да, вот в этом месте и открывается новая шкатулка.

В каждом из детективов Юзефовича есть приключение более захватывающее, чем поиск убийцы, приключение интеллектуальное: читатель погружается в тайну какой-то глобальной, мирообъемлющей *идеи*. В романе «Князь ветра» (за который автор получил премию «Национальный бестселлер») это загадки буддизма, в «Казарозе» — тайны дерзновенного проекта мирового языка, эсперанто. В центре сюжета — пермский клуб мечтателей-эсперантистов, уверенных, что светлое будущее возможно не иначе как в соединении всех языков в один язык «мира и дружбы». (Юзефович со вкусом цитирует волшебную тарабарщину: «Бабилон, бабилон, алта диа доно».) Но именно фанатичная убежденность идеологов «всечеловеческого» языка не позволяет им поступиться принципиальными частностями и построить свою новую вавилонскую башню. Эспер-движение раздираемо противоречивыми течениями-ересями: «гомаранисты», «идисты», «эспер-пацифисты»...

Однако и приключения теории мирового языка, описанные виртуозно, с полным знанием предмета, — только одежда для подлинной тайны и загадки. Хорошо оснащенная и разработанная идея-теория в итоге «сворачивается» в достаточно условную конструкцию, модель принципиально любой идеологии. Заодно выясняется, что разгадка убийства лежит в совершенно другой области, вполне прозаической, принадлежащей не большой истории, даже не сфере социального, но миру

¹ Л. Юзефович сам говорит о том, что действие романа происходит в Перми, в интервью. «А город, описанный в романе, — он реален? — Это моя родная Пермь. Все названия улиц, вся топография города — все абсолютно точно. Человек, знающий Пермь или живущий в Перми, может узнать и вспомнить многое. Мне не нравятся романы, действие которых происходит в вымышленных географических пунктах» (Юзефович Л. «Я — рассказчик историй». — GZT.ru, 2002, 25 июля).

обыденно-незаметного, «роевого» существования, где любая нелепая случайность легко, как будто в насмешку, обыгрывает самую изощренную логику. Преступление совершает до глупости наивный, на обочине сюжета обретающийся человек. Случайно заброшенный в бытие. По причине... Нет-нет, из уважения к будущему читателю *детектива* «Казароза» (а это вправду детектив) имя убийцы не назову. Да по большому счету это оказывается несущественным. Жизнь проявила свой вечно непредсказуемый, неосмысленно и ненамеренно жестокий, как у ребенка, характер. Тайна жизни, по Юзефовичу, — простая и страшная. И, несомненно, прекрасная.

Потому что за детективной интригой все время брезжит иная, драгоценная тайна бытия. Смерть мистически чарующей женщины-девочки, певицы, «плясуньи с голосом райской птицы», с причудливым сценическим псевдонимом Казароза (с испанского — «розовый домик») навсегда ранит героя. Свечников испытывает к ней восторженно-изумленную влюбленность, и едва возникшая, никак не утоленная любовь подвигает его к поиску убийцы и к пожизненной тоске по едва знакомой, но совершенно необыкновенной возлюбленной.

Предмет любви описан с такой проникновенной теплотой, что нельзя не вспомнить еще об одной, спрятанной в самой маленькой, заветной шкатулочке тайне, сообщающей роману Юзефовича особую, интимную притягательность.

У романной Казарозы имеется реальный прототип. Зинаида Казароза (настоящее имя — Бэлла Георгиевна Шеншева) была артисткой эстрады. В начале XX века, в десятилетия, в «Доме интермедий» Мейерхольда, в кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов» она пела «Детские песенки» М. Кузмина и странные романсы, исполняла испанские танцы. Ей посвящали стихи Блок, Мандельштам и Маковский. Ее театральная карьера оказалась быстротечной, а судьба — трагичной. Она теряла голос, долго лечилась. Была замужем за модным художником А. Е. Яковлевым (его работы портрет Казарозы поминается в романе). Уехав за границу в пенсионерскую поездку, Яковлев после революции так и не вернулся в Россию. Маленький сын Бэллы Георгиевны умер от голода в 1918 году. В 1920-м Казароза выходит замуж за актера Н. Д. Волкова. Узнав о романе мужа-ровесника с шестидесятилетней тогда О. Л. Книппер-Чеховой, не сумев перенести супружеской измены и полного разочарования в жизни (она не находит своего места в новой советской театральной атмосфере, ее жанр остается невостребованным), Казароза в 1929 году кончает жизнь самоубийством в Берлине. Похоронена на Новодевичьем кладбище в Москве².

Но главное, быть может, то, что Б. Г. Шеншева-Казароза приходится двоюродной сестрой деду Леониду Юзефовича, то есть она — не родная, но бабушка писателя. Не это ли обстоятельство сообщает роману особую искренность тона, создает атмосферу бренности, смерти, памяти и грусти?..

В «Казарозе» создано кинематографически яркое и вместе с тем призрачное пространство, сотканное из памяти («Через тысячу лет, в гостинице „Спутник“, глядя на эту женщину... Свечников ясно вспомнил...») и снов. Сны о прошлом мучают героя, но и само прошлое порой видит о себе самом страшные сны. Лермонтовский «Сон» — именно его пела Казароза на языке эсперанто — как будто предопределил ее конец: «Важно, что с свинцом в груди. Ей предстояло умереть с этими словами на устах. Пуля попала в грудь, и позднее невозможно было отделаться от чувства, что они, как заклинание, вызвали из тьмы и притянули к себе ее смерть». Романный образ Казарозы, оживленный и согретый лирически пережитым автобиографическим подтекстом, уводит воображение в туманную, зыбкую и мистически насыщенную перспективу русского модерна, где блуждаешь в галерее женских образов той эпохи.

Своей мерцающей временной многослойностью книга, возможно, обязана еще и тому обстоятельству, что новые романы Юзефовича, строго говоря, не совсем

² См.: Лопатин А. Три персонажа в поисках любви. — «Петербургский театральный журнал», 2001, № 24.

новые. Задолго до «Казарозы», в восьмидесятые, вышла повесть «Клуб „Эсперо»» (М., «Молодая гвардия», 1987), а до «Песчаных всадников» была опубликована документальная книга-расследование о бароне Унгерне «Самодержец пустыни» (М., «Эллис Лак», 1993). Но совсем не хочется уличать писателя в повторах, потому что его новые старые книги наделены совсем иным зрением.

Роман «Казароза» 2002 года отличается от повести «Клуб „Эсперо»» восьмидесятих годов возрастом автора. В той давней повести два временных плана: двадцатые и семидесятые. В романе же события двадцатых описаны из 1975-го, но на самом деле, читателю это ясно, — из 2002-го: временная перспектива углубляется, оба плана становятся прошлым, события отодвигаются, видятся из сегодняшнего дня — и от этого обретают иной объем, окутываются грустной дымкой воспоминаний. В этих лично пережитых временных лакунах, темноватых зияниях и кроется секрет щемящей и трогательной интонации.

По сравнению с повестью здесь очевиднее становится чуть печальный юмор (особенно он хорош в отборе бесконечно цитируемых — или придуманных? — текстов эпохи: городской романс, стихи, газеты). Но при этом сгущается и чувство трагической предопределенности. Мотив смерти настойчиво, неотменимо повторяется в каждой главе, начиная с самой первой: «Ее убили неделю спустя, 1 июля. Возраст этой женщины для Вагина так и остался тайной».

В романе кардинально меняется центр тяжести: хрупкая и нежная Казароза отодвигает на второй план пламенных учеников изобретателя эсперанто Заменгофа с их революционным «нетерпением» (от изображения трифоновских народовольцев их отличает как раз мягко-иронический взгляд автора). Повествование теперь разбито на главы, и все они — о «женщине с телом нимфы-подростка»: «Таитянка», «Сестра», «Гастролерша», «Жена», «Алиса, которая боялась мышей», «Жертва», «Жрица», «Возлюбленная», как и главы, названные «Розовый свет» и «Бегущий огонь»...

Иначе, ностальгически, в романе описана и родная Юзефовичу Пермь, тогда как в «Клубе „Эсперо»» город был просто местом действия. Это понятно: пермяку Юзефовичу городские приметы были привычны, а москвичу Юзефовичу что прошло, то стало мило: «Кама надвинулась *рвушим сердце* темным простором» (курсив мой. — М. А.)».

Впрочем, это очень внятно нам всем, современникам, даже никуда не переезжавшим. Переживешь в одной и той же стране совсем разные, стремительно сменяющие друг друга эпохи — и поймешь: ностальгия — это вовсе не тоска по родине, вообще по какому бы то ни было пространству. Скорее это тоска по невозвратимо ушедшему времени — собственному, биографическому, или, что тоже бывает, как будто бы и чужому, но почему-то близкому...

Юзефович, кажется, прочно привязан к двадцатым. В повести «Песчаные всадники» читатель снова попадает в годы Гражданской войны, в ту же характерную для Юзефовича атмосферу тайны, одиночества, знобкого сиротства. Хотя посвящен роман человеку жестокому, непредсказуемому, решительному и до безумия отважному: легендарному Унгерну, остзейскому барону, русскому генералу, монгольскому князю, расстрелянному большевиками в Новониколаевске в 1921 году.

Писателя явно завораживает безумное величие замысла Унгерна: покорить Монголию, Китай, Тибет, Гоби... «Песчаные всадники» — это история нового великого кочевья заблудившихся в истории солдат двух рухнувших империй — Российской и Китайской: «На серебряных трафаретах погон в фантастическом объёме сплетены были дракон и двуглавый орел... На верблюжьих горбах плыли пулеметы, брели быки с намотанным на рогах телефонным кабелем... Под копытами коней, овец и верблюдов, под колесами обоза степь курилась летучим июльским прахом, знойное марево обволакивало горизонт. Азия жарко дышала в затылок».

Вот он, сдвиг цивилизаций, встреча западной и восточной культур. Поход не удался, песчаные всадники рассыпались, растворились, обратившись в ветер, в песок времени. А Леонид Юзефович остается преданным хранителем живой и острой памяти о них: это на своем затылке он чувствует жаркое дыхание Азии, с явным удоволь-

ствием смакует все эти *ташуры, изрухайчи, ширетуй*, как смаковал в «Казарозе» словечки на эсперанто, неподдельно любит законы и культы *желтой религии*.

Что до религии, надо сказать сразу: буддизм (так же, как в «Князе ветра»), хотя и предстает в полной духовной мощи и красоте, писателем не мифологизируется, а скорее наоборот — демифологизируется. Что, впрочем, не мешает всевозможным авторским мистификациям.

Так, в романе «Князь ветра» все хитросплетения, связанные с буддийскими верованиями, как казалось, и приведшие к убийствам, в конце концов остаются далеко в стороне от разгадки преступления. А буддийские мотивы, сохраняя свое обаяние, постепенно смещаются из сферы сакрального в область профанного. Да и как иначе: они в конце концов опосредованы сознанием вполне здравомыслящего сыщика Путилина. Буддизм в этом романе не миф, но модель — модель принципиально *иной* культуры. И потому сюжет во многом движется проблемой понимания/непонимания другого, чужого сознания. Но, переставая быть мифом, становясь моделью идеологии, буддизм здесь не перестает быть *историей*, за которой, кстати, угадывается неплохая историография.

В «Песчаных всадниках» вполне историчен барон Унгерн, биографией которого Леонид Юзефович занимался много лет и знает о нем как никто другой. Историческое исследование «Самодержец пустыни. (Феномен судьбы барона Р. Ф. Унгерн-Штернберга)» — наглядное тому свидетельство. Говорят, эту книгу читал Виктор Пелевин, что не помешало ему в романе «Чапаев и Пустота» лишить своего *Юнгерна* какого бы то ни было сходства с реальной исторической фигурой. У Пелевина мистик Юнгерн, толкующий Петру Пустоте о неразличении мира реального и нереального, — знак, лишенный прежнего означаемого, фантом, наполненный иным, окказионально пелевинским смыслом. Автор детективов Леонид Юзефович остается в своих книгах пытливым историком.

Вместе с тем точка зрения автора «Песчаных всадников» и «Самодержца пустыни», конечно же, корректируется жанром — документальным или художественным. В «документальном романе» (так в предисловии назван «Самодержец пустыни») автор стремится через мемуары, письма, воспоминания и официальные бумаги ушедшей эпохи раскрыть феномен Унгерна, перипетии его судьбы, сложности характера, мотивы как будто бы непредсказуемых поступков. В повести «Песчаные всадники» характер Унгерна, с одной стороны, более ярок, но с другой — во многом закрыт для читательского понимания, особенно тогда, когда он видится глазами наивного пастуха из бурятского улуса.

Линия Унгерна в повести развивается параллельно с историей вполне частной жизни, судьбой братьев-бурят Жоргала и Больжи. Простодушный молодой пастух Жоргал в двадцатом году вступил в противоборство со всемогущим тогда полководцем Унгерном, стремясь отомстить за своего отца, легко и буднично убитого бароном — отчасти по вине самого сына. Жоргал сумел завладеть *гау*, талисманом Унгерна, чтобы лишить врага неуязвимости. Потом талисман достается младшему брату, а постаревший Больжи уже передает реликвию молодому лейтенанту-рассказчику: «В бой пойдешь, на шею повесишь» (когда, через два года после Даманского, Советская Армия готовится отразить возможное нападение китайцев). Молодой комвзвода утрачивает свой оберег по доверчивости и легкомыслию. Ну что, в самом деле, было делать современному человеку с этим талисманом?

Правда, эта история *гау* — вроде бы основная *детективная* интрига романа — в своем финале прочерчена, на мой взгляд, как-то вяловато, не очень убедительно, словно лишь для соблюдения правил игры. Утеря героем *гау* с изображением Белого Старца не вызывает напряженного ожидания: поймают преступника или нет. Похититель-музейщик, банально смощенничав, увез в Ленинград доверчиво отданную ему «посмотреть» вещь и потом бестолково ее кому-то передарил. Так в обыденной жизни, конечно же, и бывает, но кого же привлечет рядом с обжигающей историей Унгерна история про бытового жуликоватого делягу? В «Казарозе» ничтожность убийцы видится роковой меткой на суровом полотне судьбы, здесь же развязка с оберегом не дает весомого приращения смысла.

Понятно, откуда идет стремление соединить разные сюжетные линии: соединяя историю, недюжинную биографию, детектив, жизнь маленького человека, Юзефович хочет создать бестселлер для интеллектуалов, тем самым расположив свои книги на границе культур массовой и элитарной (в «Казарозе» этот опыт органичнее). Но, может быть, стирать границы и засыпать рвы — работа для него слишком грубая или чья-то чужая? Хотя, спору нет, хочется, чтоб книги были одновременно умные и интересные. Но чем больше читаешь Юзефовича, тем ясней становится, что детектив для писателя — лишь привлекательная литературная форма и фабульный повод для рассказа о своем чувстве истории и об удивлении перед человеческой природой. А детектив, вероятно, требует себе *всего* автора, никак не желая быть средством, а не целью.

Действительно ли защищает заветный талисман от смерти, в повести остается неизвестным. Читатель волен выбрать близкий ему ответ на этот вопрос. Автор осторожно оставляет возможность как для мистических, так и для рациональных объяснений.

В конце концов, это ведь и не важно, ибо главным героем Юзефовича становится ушедший могучий монгольский мир в целом. Его красоту писатель чувствует очень остро: «Перед крыльцом Ногон-сумэ, летней резиденции Богдо-гэгена, хан и цин-ван Роман Федорович Унгерн-Штернберг, откинув занавесь паланкина, мягким желтым ичигом ступил на расстеленную кошму с орнаментом *эртни-хээ*, отвращающим всякое зло».

Несомненно, такое описание движется любовью. Тем более, что на дне шкапулки с названием «Песчаные всадники» мы снова обнаруживаем личное воспоминание. Юзефович явно силен не только библиографией, но и биографией. К истории у него непременно примешивается судьба.

В случае с «Песчаными всадниками» судьбу надо благодарить за то, что писатель, в свое время призванный в армию, служил в Улан-Удэ, с юности увлечен Востоком, в особенности Монголией³. В самом деле, читая повесть, довольно явственно ощущаешь неповторимый привкус архивной пыли (как в «Казарозе»), из чего и рождается настоящий вкус и шум времени. Так что детектив, семейную (родовую) линию, историю барона Унгерна «сшивает» воедино именно автобиографическое начало, через всю жизнь пронесенный писателем личный интерес.

Кстати, в рассказах, вошедших в книгу «Песчаные всадники», тоже угадываются автобиографические мотивы, действие порой происходит на Урале, где в юности жил писатель. Рассказы эти написаны не сегодня, они были уже опубликованы, и автор подчеркивает их укорененность в конкретном времени, непременно указывая год создания сразу после заглавия: «Гроза» (1987), «Бабочка» (1987), «Колокольчик» (1989).

О чем эти рассказы? «Гроза» — о детстве. «Бабочка» — о страхе. «Колокольчик» — о долге. Словом, речь в них идет о главном, а мы все от этого как-то отвыкли. Отечественный постмодернизм чувствует себя уставшим и немолодым, дать жизнь тексту на все вкусы ему тяжело. Но когда на его территорию ступают индивидуальная биография и дорогая сердцу личная тайна — тогда пробуждаются и вдохновение, и «бегущий огонь», и «розовый свет».

Марина АБАШЕВА.

Пермь.

³ «В 80-х годах, — сказал как-то Л. Юзефович в интервью, — я написал историческое исследование „Самодержец пустыни“ о бароне фон Унгерне, его похождениях в Монголии. Монголия — это мое хобби, об этой стране, ее культуре мы знаем очень и очень мало. Кстати, Пелевин читал „Самодержца пустыни“, он мне говорил, что пользовался книгой, когда писал „Чапаева и Пустоту“. Получилось, что я как бы по новой ввел в исторический оборот фигуру фон Унгерна. Он был странной, противоречивой личностью, в душе которого жили и демоны, и ангелы. В Монголии есть общины, где Унгерн причислен к лику святых» («Еженедельный информационный бюллетень», 2003, № 7 (52), 27 февраля — 4 марта).

ЖИЗНЬ И ВРЕМЯ ДЖОНА К.

Дж. М. Кутзее. В ожидании варваров. Романы. СПб., «Амфора», 2004, 463 стр.

Freedom's just another word for nothing left to lose...¹

Kris Kristofferson.

Про загадочную фигуру сотого лауреата Нобелевской премии по литературе написано уже немало. Полный свод элементов журналистской легенды о нем привел Андрей Степанов («Дж. М. Кутзее: „идеальный” нобелиат?» — «Русский Журнал», 2003, 14 ноября). Неулыбчивый вегетарианец без вредных привычек. Прессу не жалует, с английским журналистом, специально прилетевшим из-за океана брать интервью, пообщался в итоге по электронке. На светских тусовках бывает редко: дважды получал английского Букера (уникальный случай в истории премии) — и дважды не являлся на церемонию награждения. На нобелевскую церемонию, впрочем, прибыл и даже произнес речь — почему-то про Робинзона Крузо. Живет между ЮАР, Австралией и США.

Странности южноафриканского прозаика оказались заразительны. Начать с того, что пишущие о нем никак не могут определиться с его фамилией, называя своего героя то Кетце, то Кутзее (второе написание, правда, встречается намного чаще). При этом известного теннисиста, соотечественника и однофамильца писателя, спортивные комментаторы стабильно называют Кетце, и попытки превратить его в Кутзее вроде бы не было. Впрочем, люди, владеющие африкаансом, утверждают, что неверны оба варианта: Coetzee — одна из самых распространенных бурских фамилий, и произносится она как Кутцие.

Но если проблемы с фамилией более или менее объяснимы, то путаница с именем нового нобелиата выглядит и вовсе нелепой. Между тем и издатели, и критики расшифровывают Дж. М. как бог на душу положит, в широком диапазоне от Джозефа Максвелла до Джона Майкла. На обложках книг — что нынешней, «амфоровской», что прежних, выходивших в «Иностранке», — автор именуется Джозефом М. Хотя на самом деле Кутзее зовут Джон Максвелл (насчет Майкла всех, видимо, попутал первый его букеровский роман «Жизнь и время Михаэла К.»; происхождение «Джозефа» остается загадкой).

Не обошлось без неразберихи и в вопросе о переводах Кутзее. Долгое время считалось, что на русском издавались только «Осень в Петербурге» и «Бесчестье». Потом выяснилось, что в 1989 году в каком-то специализированном «африканском» альманахе были напечатаны еще три его романа, но в книжно-журнальной перестроечной неразберихе их почти никто не заметил. Теперь именно те переводы переизданы «Амфорой» (отметим чрезвычайную оперативность питерцев — книга появилась на прилавках меньше чем через два месяца после того, как в Стокгольме назвали имя нового нобелиата). В сборник вошли «В ожидании варваров» (перевод А. Михалева) и «Жизнь и время Михаэла К.» (перевод И. Архангельской и Ю. Жуковой). Роман Кутзее «Мистер Фо», повествующий об авторе «Робинзона Крузо» и также переведившийся пятнадцать лет назад, «Амфора» выпустила отдельно, объединив его с романом Мишеля Турнье «Пятница».

Теперь у русского читателя достаточно материала, чтобы составить более или менее полное представление о творчестве нового нобелевского лауреата. Яснее становится и родословная Кутзее, из романа в роман развивающего и трансформирующего ключевые мотивы европейского модернизма. Наиболее очевидные его предшественники — это Кафка и Беккет (к последнему возводил литературную ге-

¹ Свобода — просто другое слово для состояния, когда нечего терять (*англ.*; из песни). (Примеч. ред.)

неалогию будущего нобелиата Бродский, выступая в 1991 году на Нобелевском юбилейном симпозиуме Шведской академии: «Подумайте — ибо это великие дни южноафриканской литературы — о Дж. М. Кутзее, одном из немногих, если не единственном прозаике, пишущем по-английски, который целиком воспринял Беккета». Однако даже на фоне европейской модернистской традиции произведения Кутзее выделяются непрявленностью смысла, открытостью самым разным интерпретациям, что становится особенно заметно по контрасту с внешней притчеобразностью его манеры (нобелевская лекция Кутзее своим обнаженным аллегоризмом и библейскими аллюзиями походит на пуританскую проповедь и заставляет вспомнить о Джоне Беньяне).

Путь Кутзее — это путь от абстрактности ранних вещей к жизнеподобию поздних. Но — еще один парадокс — самая абстрактная из его книг, «В ожидании варваров», оказывается одновременно самой ясной и простой, а самая «реалистическая», «Бесчестье», — самой непрозрачной.

Название романа «В ожидании варваров» заимствовано из одноименного стихотворения Константиноса Кавафиса, мотив постоянного ожидания таинственного врага отсылает к роману Дино Буццати «Татарская пустыня». С Буццати Кутзее роднит и то, что сама тема противостояния «двух враждебных рас» оказывается в итоге вовсе не основной: и там и там значим один лишь главный герой, все остальное — декорации.

В небольшой городок, расположенный на самой окраине безымянной Империи, прибывает с инспекцией полковник Джолл — один из сотрудников Третьего отдела Гражданской охраны, этих «стражей безопасности Империи, знатоков, выявляющих самые скрытые поползновения смуты, поборников истины, мастеров допросов». Он уверяет, что племена, живущие в приграничной пустыне, намереваются пойти на Империю войной. Главный герой романа, от лица которого ведется повествование, городской судья, убежден в обратном («Мои собственные наблюдения подсказывали, что каждые тридцать — сорок лет слухи о варварах непременно вызывают всплеск истерии»), но Джолл организует карательную экспедицию. Захваченные в ходе экспедиции пленные под пытками дают нужные полковнику показания, и тот отбывает в столицу за подкреплением.

После его отъезда судья встречает на улице девушку-нищенку из числа плененных Джоллом варваров. Отец ее погиб при допросе, у нее перебиты ноги и повреждены глаза. Судья берет ее к себе, превращает в объект полуэротического-полурелигиозного поклонения, а спустя некоторое время отправляется в пустыню, дабы вернуть девушку ее родному племени.

По возвращении в город он обнаруживает, что Джолл тоже вернулся и готов к широкомасштабной кампании против варваров. Судью обвиняют в сношениях с врагом, арестовывают и подвергают тяжким пыткам, детально описываемым автором (сочетание жестких натуралистических сцен и отвлеченной символики — фирменная черта манеры Кутзее). Горожане с нетерпением ждут начала похода, все охвачены патриотическим подъемом и предвкушением военных побед, «изменник»-судья в глазах своих земляков становится изгоем. Наконец начинается война, которую войска Империи проигрывают, так и не сойдясь с варварами в настоящем сражении (ожидаемого столкновения не происходит — мотив, общий для Кутзее, Кавафиса и Буццати). «Мы замерзли в горах! Мы дошли с голоду в пустыне!.. Они с нами не воевали — просто завели в пустыню, а сами исчезли... Они ловили тех, кто отставал, по ночам срезали привязь и разгоняли наших лошадей, а на открытый бой не вышли ни разу!» — рассказывает один из уцелевших солдат.

Остатки армии во главе с Джоллом бегут из города. Судья занимает прежнюю должность, город возвращается к обычной жизни.

Но ключом к роману, конечно, является не столько сюжетный, сколько символический уровень, выстроенный вокруг семантики зрения. Мотив искаженного зрения возникает в тексте практически с первой строчки, когда внимание повествователя фокусируется на темных очках полковника Джолла (позже эта метафора станет еще отчетливей — в романе промелькнет солдат, «глядевший вперед сквозь осколок закопченного стекла, который он прилепил к палочке и, подражая предводителю отряда, держит перед глазами»). У подобранной судьей девушки из

варварского племени обожжены глаза. Самого судью преследует видение лица без черт, да и себя он ощущает «огромным темным пятном».

С очками полковника, впрочем, связан и еще один важный мотив романа — мотив двойничества. «Охваченный ужасом, я вижу перед собой... лицо, прикрытое маской двух черных стеклянных стрекозиных глаз, из которых на меня смотрит не встречный взгляд, а лишь мой собственный, дважды повторенный образ», — говорит судья, впервые понимающий свою неразрывную связь с Джоллом. Об осознании этой связи, об обретении истинного зрения и написан роман Кутзее. Если в начале герой отшатывается от открывшейся ему правды — «Я должен доказать, что между мной и полковником Джоллом лежит пропасть! Я не желаю страдать за содеянные им преступления!», — то ближе к финалу, уже побывав в руках палачей, он понимает наконец, в чем состоит его истинная вина: «Хотя мне нравилось думать иначе, я вовсе не был таким добродушным любителем удовольствий, прямой противоположностью холодному и жестокому полковнику Джоллу. Я был лицетворением лжи, которой Империя тешит себя, когда в небе ни тучки, а он — та правда, которую заявляет Империя, едва подуют грозные ветра. Я и он — две ипостаси имперского правления, не более того».

Итак, судья воздаст должное своему врагу, делит с ним общую вину, судит уже не окружающих, а самого себя (сама профессия главного героя, конечно, тоже выбрана не случайно). Тем не менее он осознает, что находится только в начале пути. Автор оставляет его в тот момент, когда он ощущает себя «человеком, что давным-давно заблудился, но упрямо тащится по дороге, которая, возможно, не приведет его никуда».

Человека, прошедшего по этой дороге до конца и достигшего цели, Кутзее выводит в романе с отсылающим к Кафке названием «Жизнь и время Михаэла К.». Его главный герой — полудиот с заячьей губой, живущий с больной матерью в Кейптауне. Мать мечтает вернуться туда, где она родилась, — на ферму в округе Принс-Альберт. Но разрешение на выезд из города получить практически невозможно: страна охвачена гражданской войной, в Кейптауне — комендантский час, дороги перекрыты патрулями. Тогда Михаэл сажает мать на садовую тачку и везет к местам ее детства. В дороге Анна К. умирает, ее кремируют, и Михаэл везет дальше коробку с ее прахом.

Он добирается до Принс-Альберта, селится на заброшенной ферме, хоронит неподалеку прах матери. После чего начинается бесконечная череда его столкновений с внешним миром: дезертиры, повстанцы, солдаты, полиция, карательные отряды, трудовые и исправительные лагеря... Михаэл пытается вернуться на ферму, к своему клочку земли, но его снова ловят и отправляют в лазарет. В конце концов он опять оказывается в Кейптауне, готовый еще раз отправиться в путь, еще раз попытаться достичь Принс-Альберта, где он сможет жить «от восхода солнца до заката», потому что другого способа измерения времени там просто нет.

Вновь, как и «В ожидании варваров», роман замыкается в кольцо. Герой возвращается туда, откуда начинал свое путешествие. Но композиционное кольцо у Кутзее не символ безнадежности и тщетности земных усилий, а знак удавшегося преодоления истории, возвращения к цикличности природной жизни. Ведь это только история состоит «из взлетов и падений, из начала и конца, из противоречий и катастроф», — у природы нет ни конца, ни начала.

Центральный мотив этого романа возникал уже в предыдущем произведении Кутзее, где судья противопоставлял имперскому историзму естественный ход вещей и мечтал о «времени, отмечающем свой ход веснами и зимами, урожаями, прибытием и отбытием перелетных птиц». Но судья лишь стремится «жить вне истории» — Михаэлу К. это удастся. И встреча в финале со странным человеком по имени Декабрь — знак того, что герой прошел инициацию.

Идеальный герой Кутзее не сопротивляется социуму — он просто выпадает из него. Он живет вне круга обычных человеческих представлений, вне истории, вне морали. По сути, перед нами роман воспитания наоборот. К концу повествования Михаэл становится уже не вполне человеком, он может не есть и не пить — сон заменяет ему и то, и другое. Его сравнивают с дождевым червем, с насекомым (Андрей Степанов очень уместно вспоминает здесь бродское «сократиться в аска-

рида»). Он движется по «подвижной лестнице Ламарка» все ниже и ниже, превращаясь не в животное даже — в человекорастение.

Открытие Кутзее в том, что на нижней ступеньке этой лестницы героя ждет абсолютная свобода. Именно здесь в его облике начинают все отчетливее проступать черты святости, даже божественности — «существом, не рожденным смертной матерью», называет Михаэла его «апостол», врач лагерного госпитала.

Кутзее переосмысляет важнейший образ модернистской культуры — образ «человека без свойств». Расподобление, обезличивание, расчеловечивание оказываются спасением. Теряя индивидуальные характеристики, переставая быть личностью, человек обретает свободу. Собственно, Михаэла не столько полноценное живое существо, сколько функция свободы, вместилищем которой оказывается не его дух, а сам его организм, о чем свидетельствуют те же записки лагерного врача.

Свобода трактуется Кутзее как последовательное отсечение всех желаний, стремлений, привязанностей, отрешение как от абстрактных идей, так и от потребностей тела. Отсюда, кстати, постоянный интерес прозаика к образу Робинзона Крузо — человека, живущего на необитаемом острове одинокой минималистской жизнью.

В романе «Жизнь и время Михаэла К.» писатель нашел своего идеального героя. Теперь ему предстояло самое трудное — перенести этот идеал из условного мира ранних вещей в пространство реалистического романа. Попыткой такого переноса и оказывается самый значительный текст Кутзее — знаменитое «Бесчестье». Именно здесь ключевые мотивы его философии — страдание, ведущее к отказу от себя прежнего и через это к свободе, имманентная виновность каждого человека, противопоставление цивилизации и природы — оказываются сведены воедино и испытаны реальностью Южной Африки в период после крушения системы апартеида.

О «Бесчестье» сказано уже достаточно много, однако, во-первых, любой разговор о Кутзее превращается рано или поздно в разговор о главной его вещи, а во-вторых, на фоне изданных «Амфорой» романов «Бесчестье» прочитывается несколько по-иному, чем раньше.

Писавшие о «Бесчестье» определяли его как «самый депрессивный текст конца девяностых» (Глеб Шульпяков) и «гениальную безнадежную книгу» (Дмитрий Ольшанский). Справедливость этих характеристик несомненна. Однако парадоксальным образом именно «Бесчестье» оказывается и едва ли не самым «оптимистичным» текстом Кутзее — по крайней мере постольку, поскольку это слово вообще применимо к его произведениям.

Для Михаэла К. свобода была врожденным инстинктом, окрепшим в предложенных историей экстремальных обстоятельствах. Герой «Бесчестья» профессор Дэвид Лури идет к своей свободе долго, мучительно борясь со страстностью собственной природы, с неизбежной для интеллектуала склонностью к рефлексии, с творческими амбициями. Но он, как и Михаэла, проходит этот путь до конца, отказываясь от оправданий, надежд, поисков, превращаясь в человека, по-толстовски подчиняющегося бытийному потоку. Выпасть из истории в ЮАР середины 90-х не удается, зато можно приравнять историю к природе, научиться воспринимать ее как часть естественного порядка вещей.

В этом Дэвиду помогает его дочь Люси, многими чертами напоминающая Михаэла К. Отец видит в ней «атавистическое существо». «Ты — уникал... ты последний из своего вида, доисторическое животное вроде целаканта», — говорил врач Михаэлу. Сохранить свой «огород и дом с поблескивающей под солнцем крышей» — вот все, чего хочет от жизни Люси; так и Михаэла раз за разом возвращается к крошечному огороду с несколькими тыквами.

Пока отец пытается рационально осмыслить свое бесчестье, свести его к той или иной идее, объяснить через привычные абстракции, дочь просто учится жить с этим опытом. Поэтому Люси оказывается для Дэвида проводником на край ночи, как Леон Робинзон для Мишеля Бардаму у Селина.

В «Бесчестье» Кутзее подытоживает свой спор с Кафкой, а через него и с европейским модернизмом вообще. «Это то, с чем надо научиться мириться. Начать с нулевой отметки. С ничего. Нет, не с ничего. Без ничего. Без карт, без оружия, без собственности, без прав, без достоинства», — говорит Люси после группового

изнасилования. «Подобно собаке», — констатирует отец. «Да, подобно собаке», — соглашается она.

Конечно, это сознательная отсылка к знаменитой последней фразе «Процесса»: «Как собака, — сказал он так, как будто этому позору суждено было пережить его» (кстати, название романа Кутзее — «Disgrace» — может быть переведено и как «Позор»). То, что для Йозефа К. было унижением настолько невыносимым, что даже в момент смерти он помнит о нем, для героев Кутзее становится «хорошей отправной точкой, чтобы начать все сначала».

Михаил ЭДЕЛЬШТЕЙН.

*

ПЕРВЫЙ ТОМ АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЮТЧЕВА

Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и письма в 6-ти томах.
Т. 1. Стихотворения 1813—1849. Составление, подготовка текстов,
комментарии В. Н. Касаткиной. М., Издательский центр «Классика», 2002, 536 стр.

Обычно авторы рецензий на переиздания того или иного великого поэта любят порассуждать абзац-другой о том, какой он был великий и какой поэт. Я же буду говорить только об издании. Издании, которое представлено как академическое Полное собрание сочинений, на котором стоят грифы ИМЛИ и ИРЛИ, у которого внушительная редколлегия и которое включено в федеральную программу книгоиздания России.

Сперва скажу о его достоинствах. Из них самое очевидное — это тираж. Десять тысяч для академического шеститомника — цифра весьма отрадная. Конечно, прежние тиражи полных собраний сочинений выглядели куда более внушительно (Достоевский — 200 000, Некрасов — 300 000, Тургенев и Чехов — по 400 000), но все же, все же... О тиражах-то недавно начавшихся академических многотомников вообще нельзя подумать без слез (Писарев — 700, Гоголь и Гончаров — по 1000, Лев Толстой — 1500, Блок — 2000). А тираж в десять тысяч, вопреки опасениям Фета, вполне может идти не то что до зырян, но, глядишь, и до чукчей.

Другое достоинство — полиграфическое исполнение. Калининградский «Янтарный сказ» недаром пользуется славой одной из лучших типографий России. Переплет, имитирующий цельнокожаный, и превосходно отпечатанные цветные альбомы-вклейки, на которых помещены портреты Тютчева, его родственников и знакомых, виды памятных мест, связанных с его жизнью, и факсимиле рукописей, — все это выше всяких похвал. Правда, само оформление выполнено на среднемецанском уровне, с бьющим в глаза золотом на корешке и несколько утомляющей узорной колонлинейкой — однотипной во всей книге. Немного неожиданно смотрится и золотой обрез: такая деталь пристала бы, скорее, полным собраниям сочинений К. Р., А. А. Голенищева-Кутузова, Д. Н. Цертелева или иных августейших или полуавгустейших поэтов.

Но — все это не главное. Перейдем к сути.

Что должно представлять из себя академическое Полное собрание сочинений того или иного писателя? «Целевое назначение академического издания, — писал Б. Я. Бухштаб в статье „Проблемы типологии литературно-художественных изданий“, — дать особо авторитетный текст на основе всех печатных и рукописных материалов, какие могут быть привлечены для этого, дать возможный максимум добавочных текстов (иные редакции, варианты), комментарии для исчерпывающей мотивировки общих и частных текстологических решений, установленных дат, атрибуций, для глубокого понимания текста и исследовательской работы над ним»¹. Подобного рода издания должны подводить итог изучению творчества писателя, отражать весь спектр мнений по тому или иному не решенному окончательно вопросу, быть арбитром дискуссий. Словом, оно должно являть собой образец филологической культуры, профессионализма и точности.

¹ «Книга. Исследования и материалы». Сб. 32. М., 1976, стр. 15.

Первые нехорошие предчувствия закрались ко мне в душу уже при беглом просмотре рецензируемого тома (далее для краткости буду называть его ПСС). Кольнуло то, что в первом же абзаце предваряющего книгу текста «От редакции» главной задачей издания объявлено «со всей возможной на сегодняшний день полнотой представить читателю многогранное творчество великого русского поэта, яркого публициста, патриота России». Конечно, следовать штампам легко и приятно, хотя в последней части триады несколько комично вместо прежних «патентов на благородство» вроде «демократа» и «борца» встретить «патриота». Но как можно назвать *многогранным* творчество поэта, который писал преимущественно лирические стихи смешанного жанра и среди наследия которого нет ни поэм, ни драм или комедий в стихах, ни элегий, ни баллад и вообще не встречается твердых стихотворных форм, кроме единственного сонета? Что тогда сказать о Пушкине или Цветаевой? Очевидная бездумность этого пассажа и казенная формальность следующих страниц преамбулы произвели неприятное впечатление, а некоторые неточности насторожили.

С первых страниц книги бросилась в глаза и небрежность издательских редакторов тома. Так, уже на страницах упомянутой выше преамбулы в колонтитуле значится почему-то: *Ф. И. Тютчев / Стихотворения*, впоследствии меняющееся на: *Ф. И. Тютчев / Другие редакции и варианты*, *Ф. И. Тютчев / Комментарии* и даже *Ф. И. Тютчев / Условные сокращения*. Вы скажете, что это просто мелочь, недогляд; но в книге, претендующей на академизм, мелочей нет. Издания подобного рода должны быть выверены от аза до ижицы, просчитаны с математической точностью, и любая подобная оплошность, видимая невооруженным глазом, даже на подсознательном уровне, сразу резко понижает доверие к ним.

И от этого доверия почти ничего не остается, когда начинаешь листать (просто листать!) комментарий. Уже список условных сокращений рождает вопрос за вопросом. Можно закрыть глаза на то, что редакторы ПСС отходят от негласных академических стандартов сокращения тех или иных источников. В конце концов, это их дело. Беда в том, что они избретают настоящие «библиографические фантомы», ссылаются на издания, которых не существует, как, например, вот на такое: «*Некрасов — Некрасов Н. А. Русские второстепенные поэты // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. М., 1980. Т. 9*». Библиографам-гурманам не сможет не приглянуться и следующая позиция: «*Отеч. зап. — ж. «Отечественные записки». 1854. Т. 95. Кн. 8, август. Отд. IV. Статья С. С. Дудышкина, напечатанная анонимно*». Впрочем, не буду перечислять ошибки, допущенные в списке сокращений; замечу лишь, что здесь отнюдь не помешал бы консультант-библиограф. К тому же комментаторы тома со списком этим были знакомы явно поверхностно. Так, хоть в нем и присутствует, скажем, сокращенное наименование восьмитомника Блока, но на стр. 374 почему-то цитируется шеститомник. То же мы видим и с Тургеневым: в список введено первое издание его Полного собрания сочинений и писем, а на стр. 390 цитируется второе. Мелькают в тексте и кое-какие сокращения, которых в списке нет; иногда, напротив, дается полное библиографическое описание изданий, в указанном списке присутствующих.

Невероятно раздутый за счет совершенно лишних сведений (об этом чуть ниже) комментарий демонстрирует такую же кустарщину и неразбериху. У меня неоднократно возникало ощущение, что основную часть комментариев готовил не один человек (как указано на обороте титульного листа), а более десяти; причем, приступая к работе, они не договорились о том, как будут подавать те или иные сведения.

Вот пример. Как известно, в 1836 — 1837 годах в журнале «Современник» была опубликована большая подборка стихов Тютчева под общим заголовком «Стихотворения, присланные из Германии», за подписью «Ф. Т.». Разумеется, сей важный факт необходимо обозначить в описании источников текста каждого из стихотворений, вошедших в упомянутую подборку. Так вот, я насчитал около двадцати различных вариантов подачи этих сведений. Приведу пять наиболее отличных друг от друга:

«*Совр. 1836. Т. III. С. 14 (под номером IX, в общей подборке „Стихотворения, присланные из Германии“, подписанной инициалами „Ф. Т.“)*» (стр. 365);

«*Совр.* 1836. Т. IV. С. 32, под общим названием „Стихотворения, присланные из Германии”, с общей подписью „Ф. Т.”, стихотворение стоит под № XVI» (стр. 401);

«*Совр.* 1836. Т. III. С. 20, № XV, с общей подписью под стихотворениями — „Ф. Т.”, общий заголовок — „Стихотворения, присланные из Германии»» (стр. 424);

«*Совр.* 1836. Т. III. С. 17 (входит под номером XII в подборку „Стихотворений, присланных из Германии”, имеющую общую подпись „Ф. Т.”)» (стр. 447);

и, наконец, самое лаконичное: «*Совр.* 1836. Т. IV. С. 38—39, № XXI» (стр. 409).

Подобная неразбериха царит и в описании автографов. Вот описание рукописи стихотворения «Как порою светлый месяц...»: «Л. почтовый, белая пожелтевшая бумага с водяными знаками: „I. Wha... 18...”. Видимо, в распоряжении поэта были большие листы подобной бумаги с водяными знаками 1827 г. (зачем же тогда выше таинственное „18...”? — А. Б.) <...> На таких листах написаны стихотворения „Полдень”, „К N. N.” и др.» (стр. 315). Заглядываем в комментарии к указанным стихам и узнаем, что в первом случае водяной знак обозначен «I. Whatman. 1827» (стр. 326), во втором — «<WH>ATMAN» <18>27» (стр. 342; sic!). К чему такой разбой? Если тип бумаги твердо установлен, надо было просто унифицировать его обозначение. Удивительнее другое: если взглянуть на автограф стихотворения «С чужой стороны. (Из Гейне)», воспроизведенный в альбоме, то можно заметить, что и он написан на той же самой бумаге (отчетливо видны буквы «...TMAN» и цифры «...27»). Однако в описании автографа (стр. 303) об этом факте умалчивается, и сразу возникают сомнения в достоверности и полноте прочих описаний.

Другие семь автографов Тютчева из этого альбома дают еще больше пищи для сомнений. Мы видим, что на полях рукописи стихотворения «Душа моя, Элизиум теней...» есть карандашная помета «Напечат<ано?>»; напротив седьмой строки рукописи стихотворения «О чем ты воешь, ветр ночной?..» стоит «NB»; наверху автографа стихотворения «1-ое декабря 1837» помечено «Соврем<енник>»... Ни про одну из этих помет в описании автографов не говорится. Зато, видя последний автограф, можно понять, о чем говорится вот в этом его описании: «В автографе — под номером „3” и заглавием „1-ое декабря 1837”, хотя тютчевское „3” очень похоже на „2”» (стр. 457). Что «похоже на „2”»? «Номер „3”» или «1837»? Взглянув на рукопись, убеждаемся, что «номер» на ней не «3», а «III»; таким образом, сетования комментаторов относятся к году.

Кстати, что обозначает этот номер «III», комментатор не объясняет: догадывайтесь, мол, сами. Впрочем, смысл помет на других автографах, о которых все-таки упоминается, также не раскрыт. «Перед стихотворением пагинация и заголовок черными чернилами, рукой С. Е. Раича „48. К N. N.”» (стр. 319); «На л. 5 лиц. в левом верхнем углу помета рукой П. А. Вяземского: „Печ<атать>”...» (стр. 320); «В правом верхнем углу зачеркнута и полустерта пагинация „79” рукой Гагарина» (стр. 326) и т. п. — для читателя так и остается загадкой, почему возникли эти пометы и какой они имели смысл. А чтобы понять их смысл, достаточно обратиться к статье А. А. Николаева «О неосуществленном замысле издания стихотворений Тютчева (1836 — 1837)», опубликованной во второй книге тютчевского тома «Литературного наследства».

Тут я подошел едва ли не к самому серьезному упреку, который можно сделать комментаторам ПСС. Они почти полностью проигнорировали работу своих многочисленных предшественников. Ведь к настоящему времени накоплен большой материал, позволяющий раскрыть историю возникновения и публикации отдельных стихов, их историко-бытовой контекст, обозначить философские и литературные параллели. В рецензии на указанное несколькими строками ранее издание Юрий Кублановский писал, что, «когда придут лучшие времена и начнется подготовка полного собрания сочинений Федора Тютчева, двучастный девяносто седьмой том „Литературного наследства” станет ему надежным подспорьем»². Увы, это было слишком оптимистичное пророчество, ибо названный том хоть и введен в список условных сокращений, однако использован, кажется, всего два раза: из него перепечатывается стихотворение «От русского, по прочтении отрывков из лекций

² Кублановский Ю. Тютчев в «Литературном наследстве» — «Новый мир», 1993, № 6, стр. 188.

г-на Мицкевича», автограф которого хранится в Польше (стр. 479), и по нему цитируется одно из писем Тютчева (стр. 474). Когда листаешь комментарий к ПСС, складывается впечатление, что издан том полузабытого поэта, изучение жизни и творчества которого прекратилось этак с полвека назад. Словно творчество Тютчева не анализировали Л. Я. Гинзбург, В. В. Кожин, Ю. М. Лотман, словно новые факты его биографии не открывал А. Л. Осоват, словно спорные вопросы тютчевской текстологии не решал А. А. Николаев (я назвал здесь только самые заметные имена); словно не выходили два тома «Тютчевского сборника» (Таллинн, 1990; Тарту, 1999); словно... да что перечислять! Гораздо проще перечислить те исследования, на которые комментаторы ПСС все-таки ссылаются. И список этот будет весьма невелик³.

Тут вы вправе задать вопрос: если библиографическая база ПСС столь мала, чем же заполнены 240 страниц комментария? Какие смелые новации и неожиданные открытия предлагают нам исследователи? Увы, значительная его часть — это совершенно лишние сведения, которые, на мой взгляд, нужны лишь затем, чтобы дополнительно «разогнать листаж». Судите сами.

Во-первых, неоднократно комментаторы просто пересказывают своими словами раздел «Другие редакции и варианты», сопровождая его едва ли уместными замечаниями вкусового характера. Вот, пожалуй, самый короткий пример: «В автографе есть вариант 2-й строки: „С седой волнистой гривой“, и 10-й и 11-й строк: „В твоей надменной силе, / Седую гриву растрепав“. Поэт отдал предпочтение живописному образу („С бледно-зеленой гривой“) и убрал воспоминания о „седине“, не соответствующие „коню морскому“, скорее вечно-молодому» (стр. 363). Какие варианты есть в автографе, можно узнать, открыв соответствующий раздел, а почему Тютчев предпочел один вариант другому, — как говорится, «это науке неизвестно». На мой взгляд, крайне наивно (если не выразиться жестче) полагать, что «выдвижение на первый план слова „веси“, а не „грады“ <...> свидетельствует об осознании поэтом географической ситуации (деревня — на первом месте)» (стр. 371), или что «в 5 — 6-й строках поэт усиливал обработку стихов соответственно литературным нормам языка» (стр. 495), или что «замена слова „живей“ на „полней“ соответствовала сердечным импульсам поэта, его стремлениям к полноте, всеохватности бытия и его гармонии...» (стр. 376). Иногда субъективизм комментаторов принимает прямо-таки невиданные (в прямом смысле слова: я, к примеру, еще такого нигде не видел) формы: «Поэт эстетически переживает мир непознанного, не подлежащего словесному выражению, но он существует, и многоточия о нем напоминают» (стр. 435). В другом же месте многоточия трактуются по-иному: «Это обилие точек в конце строк могло ассоциироваться в поэтическом сознании автора с бегущей струей, движением поэтической эмоции; это и знак недосказанности, широкого внетекста, простора для читательского воображения» (стр. 404). Неужто мы присутствуем при рождении новой, «импрессионистической» текстологии?

Особенно нелепо подобные пересказы выглядят тогда, когда описывается источник, по которому текст и публикуется в издании. Так, про стихотворение «Как дымный столп белеет в вышине!..» сказано, что оно «печатается по автографу», а строкой ниже утверждается, что «в автографе 2-я строка — „Как тень внизу скользит неуловима!..“». Заглядываем в основной текст — действительно, вторая строка читается именно так! Молодцы публикаторы, точно воспроизвели автограф, не обманули! Да заодно и комментарий немного увеличили...

³ Я все же не поленился, лишний раз пролистал комментарий к ПСС и выписал всю упомянутую в нем тютчевяну последних пятидесяти лет. И так, кроме неоднократно использованных и даже попавших в список сокращений «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» (кн.1: 1803—1844. М., 1999) и книги К. В. Пигарева «Жизнь и творчество Тютчева» (М., 1962) это: статьи В. Э. Вацура «Почти неизвестный Тютчев» (1988), М. П. Алексеева «„Дневной месяц“ у Тютчева и Лонгфелло» (1971), А. А. Николаева «Судьба поэтического наследия Тютчева 1822—1836 гг.» (1979), Р. Лэйна «Hunting Tyutchev's Literary Sources» (1984; косвенная отсылка), Е. И. Рыкина «Из истории пушкинского „Современника“» (1961; вероятно, списано с комментариев К. В. Пигарева к «литпамятниковской» «Лирике»), а также автореферат диссертации одного из комментаторов ПСС Г. В. Чагина «Родовое гнездо Тютчевых в русской культуре и литературе XIX века» (1998). Кроме того, кое-где упомянуты и процитированы предисловия Н. Я. Берковского, Е. Н. Лебедева и В. В. Кожина к тютчевским изданиям прежних лет. Кажется, всё...

Во-вторых, с педантичной точностью комментаторы описывают мельчайшие расхождения посмертных изданий Тютчева. Эти сведения, безусловно, дают обильную пищу для размышлений о принципах и методах работы редакторов, корректоров и наборщиков конца XIX — начала XX века. Но что дает историю литературы или интерпретатору тютчевского творчества, к примеру, такой пассаж: «В *Изд. СПб., 1886* — название мелким и светлым шрифтом и в скобках — „(Из Гётева Западно-Восточного Дивана)”, как бы указание на не тютчевское название; также печатается и в *Изд. 1900* — „(Из Гёте)” и тем же светлым петитом. В печатных изданиях принят вариант первого автографа в 5-й строке — „В песнях, играх, пированье”, в 12-й строке — „И ума не подрывавших” (скорее ошибка в чтении слова автографа). В *Изд. СПб., 1886* в 9-й строке опечатка: „Первородных поклонений”, вместо „Первородных поколений”, в *Изд. 1900* она исправлена. У 16-й строки в обоих изданиях также принят 1-й вариант — „Мысль тесна, просторна вера”, вместо более торжественного — „Мысль — тесна, пространна Вера” (отсутствуют и заглавные буквы оригинала). В 32-й строке — тоже вариант первого автографа — „Верный Гафиза ученью”, также и в 40-й строке — „Легким сонмом, жадным света”, а не „Легким роем, жадным света” (во втором автографе). Но в синтаксическом оформлении текста не соблюдаются многие авторские знаки первого автографа, особенно в *Изд. 1900* синтаксис модернизируется, не воспроизведены здесь и прописные буквы в начале слов (особенности написания слов в автографе)» (стр. 341). Прошу прощения за столь длинную цитату, но, право, подобное бездумное наукообразие в текстологии встречается нечасто, и поэтому его стоит отметить особо.

Немалое место в комментариях отведено цитатам из работ о Тютчеве литераторов и философов конца XIX — начала XX века: Вл. Соловьева, С. Л. Франка, Андрея Белого, Вяч. Иванова, В. Я. Брюсова и других. Это отрадно; правда, есть тут одно «но» (о точности цитирования лучше умолчать). Открываем давнюю книгу основного, «титального» комментатора ПСС В. Н. Касаткиной (Аношкиной) и читаем там следующее: «Отсутствие конкретно-исторического подхода к философии и поэзии Тютчева, воинствующие идеалистические позиции самого Соловьева не позволили этому философу воспроизвести подлинное содержание философской поэзии Тютчева. Статьи С. Л. Франка о философии Тютчева не удовлетворяют тем, что автор излагает в них больше свою философию, нежели философию Тютчева. Вообще Тютчев понадобился этому философу для того, чтобы пропагандировать свою систему. Пантеизм Тютчева он рассматривает как мистическую систему. <...> Белый крайне субъективен в своем подходе к поэзии Тютчева. Он не раскрывает его мировоззрения, он втискивает всю поэзию Тютчева в идею хаоса, хотя Тютчев в нее отнюдь не вмещается...» — далее следует резюме: «Советская наука отвергла мистические философские построения мыслителей начала XX века и их применение к стихам Тютчева. Статьи философов-мистиков принесли заметный вред научному изучению Тютчева. <...> Декадентский взгляд на мировоззрение Тютчева должен быть решительно отвергнут»⁴. Если В. Н. Касаткина считала, что взгляды названных мыслителей нанесли пониманию Тютчева «заметный вред» и должны быть «решительно отвергнуты», то зачем она теперь их цитирует? Савл стал Павлом? или же просто «перестроился», уловив последние веяния моды?

В одном ряду с Соловьевым и Андреем Белым в комментарии приводятся суждения о посмертных изданиях Тютчева третьестепенных журналистов рубежа веков. Зачем это сделано — для меня загадка. Что нового, неожиданного в понимание Тютчева вносит, скажем, такое мнение некоего Н. Овсянникова (приведено в комментарии к стихотворению «Не то, что мните вы, природа...»): «На природу Тютчев смотрит также своеобразно. Что сказал Баратынский о Гёте, то самое может (?) сказать о Тютчеве по отношению его к природе: оба поэта разумели ручья лепетанье и говор древесных листьев, для них открыта была звездная книга, с ними говорила морская волна. Природа для Тютчева была не слепок, не бездушный лик, в ней, — говорил он, — есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык» (стр. 450; цитата из «Московских ведомостей», 1899). Хорошо

⁴ Касаткина В. Н. Поэтическое мировоззрение Ф. И. Тютчева. Саратов, 1969, стр. 6, 7, 17, 32.

смотрится и суждение рецензента «Вестника Европы» (1912) С. Адрианова: «Тютчев вообще был человек несильный. Минуты душевного подъема давались ему дорогой ценой; они были у него очень кратковременны и разрешались не отдыхом покоя, а каким-то томлением, по-видимому нервическим. <...> Тютчеву далеко было до гениальной гармоничности и мощи Пушкина...» (стр. 310; из комментария к стихотворению «Проблеск»). Да мало ли что печаталось сто лет назад в газетах и журналах! Зачем же сейчас все подряд с пиететом цитировать? Этак не то что шести, а и двадцати томов не хватит.

Однако особым почтением пользуется у комментаторов член-корреспондент Академии наук, профессор Московского университета Р. Ф. Брандт, опубликовавший в начале века статью «Матерьялы (в ПСС — „Материалы“. — А. Б.) для исследования „Фёдор Иванович Тютчев и его поэзия“» (вышла отдельной брошюрой в 1912 году). Это была для своего времени действительно полезная работа, уточнившая первые публикации тютчевских стихов и выявившая источники его переводов. Но к собранным им сугубо библиографическим сведениям Брандт любил присоединять свои суждения о поэтике Тютчева, по стилю и по духу близкие к размышлениям незабвенного Кифы Мокиевича. И вот эти суждения тоже аккуратно перенесены в ПСС (хотя в преамбуле оговорено, что они «иногда спорные»). Например, такое: «Стихотворенье красивое, но представляющее странное смешенье двух зрительных точек: изобразив сперва звезды такими, какими они представляются человеческому глазу, поэт затем, как астроном, оговаривает, что звезды светят и днем, а даже, будто бы, еще ярче!» (о стихотворении «Душа хотела б быть звездой...»). Или такое: «...мысль этой пьесы (правда, не очень уж удачно выраженная) та, что человечество бесплодно ломает голову над загадками природы» (о стихотворении «Problème»). Или еще вот такое: «По мысли, это стихотворение есть апология обрядности» (о стихотворении «Я лютеран люблю богослуженье...»). Жаль, что комментаторы ПСС не были последовательны и не познакомили читателей с другими перлами Брандта, такими, как: «Тютчев <...> примыкает к теории, что поверхность земли постепенно сравнивается и со временем моря зальют землю» (о стихотворении «Последний катаклизм»); «Стихотворенье не совсем-то целомудренное» (о стихотворении «Ты любишь, ты притворствовать умеешь...»); «Эту довольно странную вещь, кажется, можно бы озаглавить „Некстати“ и видеть в ней выражение мысли, что не во время всё дурно» (о стихотворении «Вечер мгlistый и ненастный...») (стр. 32, 33, 39 издания 1912 года). Впрочем, «философский» комментарий ПСС к последнему стихотворению недалеко ушел от этих рассуждений: «Стихотворение можно сближать с „Безумием“, обнаруживая в том и другом поэтическое переживание природных аномалий: „улыбка“ безумия и „смех“ жаворонка в ненастный вечер пугают своей ненормальностью. Знаки „безумия“ в природе, видимо, какие-то особенные вторжения хаоса в космос» (стр. 405).

Работа Брандта пользуется таким доверием у комментаторов ПСС, что по ней они цитируют ряд источников, ничуть не редких и вполне доступных. «По Брандту», в частности, приводится знаменитая статья А. А. Фета «О стихотворениях Ф. Тютчева» (1859), хотя ссылка дается на «Русское слово». Но беда в том, что Брандт не процитировал Фета, а просто «закавычил» свой произвольный пересказ одного из фрагментов указанной статьи. В. Н. Касаткина же добросовестно его переписала, не удосужившись заглянуть ни в первую публикацию (при том, что «Русское слово» никак нельзя отнести к ультрараритетным изданиям), ни, на худой конец, в двухтомник Фета, изданный в 1982 году стотысячным тиражом, где эта статья была перепечатана.

Тут уже не удивляешься, почему в комментарии нет имен Л. Я. Гинзбург или Ю. М. Лотмана. Приходится признать, что Брандт для В. Н. Касаткиной обладает большим авторитетом. Впрочем, в ПСС вы не встретите еще одного имени. Сначала мне казалось, что я просто излишне рассеян, но — увы! — недоумения и опасения подтвердились. В комментариях к претендующему на академизм Полному собранию сочинений Тютчева не упоминается... Шеллинг! Впрочем, его имя я все же там нашел, причем дважды, но оба раза — в цитатах. Одна — из Н. Я. Берковского (о том, что в «Безумии» Тютчев «решительно и гневно высказывается против

каких-либо идей в шеллинговском духе», — стр. 375), другая — из С. Л. Франка («Космическое чувство Тютчева влечет его к метафизическому миропониманию, подобному воззрениям Якова Бёме и Шеллинга...» — стр. 470). Может, я по рассеянности еще одно, максимум два упоминания Шеллинга и пропустил — за то заранее каюсь. Общей же картины это не изменит. Такая, казалось бы, незначительная деталь — но по ней можно судить об уровне историко-литературного и философского комментария ПСС в целом...

Перейдем к комментарию реальному. Тут положение просто катастрофическое. Комментаторы ПСС упрекают А. А. Николаева за то, что он, готовя Полное собрание стихотворений Тютчева в «Библиотеке поэта» (Л., 1987), «принял тип лаконичного комментирования». Но, право, даже лаконичные комментарии Николаева порой дают гораздо больше информации, чем наукообразная болтовня комментаторов ПСС. Это может показаться невероятным, но в комментарии к стихотворению «Как дочь родную на закланье...» объясняется, кто такие Агамемнон, Феникс и янычары (а заодно и что такое Кораң), но ни словом не упоминается, *какое событие послужило причиной к его созданию!* Как и о том, что на это же событие откликнулись Пушкин, Жуковский, Хомяков, о том... да что говорить! Тут бы, как писал Александр Сергеевич, «хоть плюнуть да бжать...». Нет, перед побегом не могу не порадовать вас еще одной цитатой из ПСС: «*Великий Бог... вел в пустыне свой избранный народ!*.. — реминисценция из Библии» (стр. 332).

Тут меня останавливает внутренний голос, укоряющий за это шутовство и ёрничество, напоминающий, что предмет слишком серьезен и поэтому я должен вести полемику серьезно. И рад бы, да не получается. К тому же я боюсь утомить читателя разными текстологическими тонкостями. Не всем интересно вникать в такие детали, что выбор источника текста необходимо хоть как-то мотивировать; что формулировка «цензурная помета» — нелепость, правильно — «цензурное разрешение»; что некорректно публиковать по современному изданию стихотворение, автограф которого (единственный источник текста!) хранится в Пушкинском Доме (это тем более необъяснимо, что главным редактором издания обозначен директор Пушкинского Дома Н. Н. Скотов); что графиня Лерхенфельд (стр. 303) и баронесса А. М. Крюденер (стр. 441) — это одно и то же лицо (о чем как будто не догадываются комментаторы ПСС) и что даты жизни ее не 1808 — 1888, а 1810 — 1887⁵; что авторские датировки под стихами и обозначения мест их написания — неотъемлемая часть текста и должны публиковаться в основном корпусе, а не прятаться в примечания...

Впрочем, одно решение комментаторов ПСС я попытаюсь оспорить прямо здесь и сейчас. Речь пойдет о стихотворении «К ***» (первую строку его сознательно не привожу; чуть ниже вы поймете почему).

Оно было опубликовано в альманахе «Пантеон дружбы на 1834 год» (М., 1834) за подписью «Т — въ». В корпус сочинений Тютчева его впервые в 1912 году ввел П. В. Быков, приведя следующую мотивировку: «Принадлежность Тютчеву этой пьесы указана составителю этих примечаний Н. В. Гербелем, который, предполагая составить библиографический указатель сочинений Тютчева, сносился с поэтом по поводу этого стихотворения в 1865 г.» (цит. по ПСС, стр. 411). И хотя в литературе уже указывалось как на сомнительность этих свидетельств, так и на склонность Быкова к разного рода мистификациям, комментаторы ПСС ничтоже сумняшеся поместили текст стихотворения в основной корпус, сопроводив невнятным замечанием: «Однако до сих пор авторство Тютчева не всеми признано (см. *Летопись 1999*. С. 123)». Простите, но у «не всех» есть гораздо больше поводов для сомнений в правильности этой атрибуции, чем у комментаторов ПСС для утверждений обратного. Особенное умиление вызвал у меня следующий аргумент: «Женский портрет, нарисованный в стихотворении, характерно тютчевский, составленный из поэтических деталей — изображения особого „взора“, „улыбки“, „румян-

⁵ См.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Изд. 2-е, доп. и переработ. Л., 1988, стр. 218.

ца” как выразителей влюбленности и обещания „наслаждения”...» Если бы штампы «альбомной» поэзии были «характерно тютчевской» манерой, то (перефразируя слова Ахматовой, сказанные несколько по иному поводу) мы бы сейчас не только не издавали его Полное собрание сочинений, но даже и не слышали его имени.

Степень оригинальности стихотворения «К ***» особенно можно почувствовать, перенеся его в другой контекст: из сборника тютчевских стихов обратно в указанный альманах. Дабы не быть голословным, проведу эксперимент. Вот два стихотворения из «Пантеона дружбы на 1834 год», каждое по восемь строк; одно называется «К ***», другое — «В альбом»; одно подписано «С — вь», другое — «Т — вь»; одно из них приписывается великому русскому поэту Федору Ивановичу Тютчеву, другое принадлежит неведомому дилетанту от поэзии. Определите, какое из них «характерно тютчевское»:

Прелестны вы, как дева рая,
Как пылкой юности мечта;
Цветет, как роза садовая,
Младая ваша красота!
Скажите: с вами кто посмеет
В неровный спор вступить о том,
Кто так пленять, как вы, умеет
И так блистать своим умом?

Уста с улыбкою приветной,
Румянец девственных ланит
И взор твой светлый, искрометный —
Все к наслаждению манит...
Ах! этот взор, пылая страстью,
Любовь на легких крыльях шлет
И некою волшебной властью
Сердца в чудесный плен влечет.

А вдобавок ответьте на два «детских» вопроса, которые задают себе сомневающиеся:

1) если об этом стихотворении сообщил Быкову Гербель, то почему тот не упомянул его в составленном им подробном перечне тютчевских публикаций⁶;

2) каким образом неизданное стихотворение Тютчева попало к офицеру И. И. Орлову и было опубликовано (причем с неполной подписью!) в изданном им альманахе среди стихов и прозы таких приметных в истории русской литературы лиц, как Рауф (основной вкладчик в «Пантеон дружбы»), Никол. Ленский (не путать с известным водевилистом!), Руфин Алексеев, Х. Сабуров, Я. Федоров, И. Соболев, и других.

Пока на эти два вопроса не будут найдены более или менее убедительные ответы, стихотворение «К ***» едва ли можно считать несомненно тютчевским⁷. Самое ему место — в отделе «Dubia» или даже (что, на мой взгляд, логичнее) в «Списке произведений Тютчева, приписывавшихся ему ошибочно или без достаточных оснований».

А в заключение, на закуску — «моя маленькая тютчевиана»: небольшая коллекция выписок наиболее приглянувшихся мне фраз и выражений из комментария к ПСС:

«Автор почерка не установлен...» (стр. 277);

«Они (Тютчев и Пушкин. — А. Б.) впервые сблизились в жанре эпиграммы, и именно на Каченовского» (стр. 288);

«Стихи Тютчева [«Певец. (Из Гёте)»] можно отнести к часто встречаемым на практике собственным переводам» (стр. 345);

«Как видно, Тютчеву не чуждо стремление передавать эстетические переживания природы одновременно в стихах и в прозе (см. его письма)» (стр. 415);

⁶ См.: Гербель Н. В. Христоматия для всех. Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873, стр. 345 — 346.

⁷ В своих мемуарах (М. — Л., 1930; фрагмент о Тютчеве впервые опубликован в 1923 году) Быков приводит еще одно стихотворение Тютчева, которое тот якобы подарил ему при встрече в середине 1860-х годов («Я не ценю красот природы...»). Я подозреваю, что комментаторы ПСС с радостью включают в основной корпус следующего тома и этот текст, и поэтому предлагаю им задуматься над следующим: а) почему Быков, постоянно в мемуарах ссылающийся на свой дневник (кстати, так и не найденный в его архиве), не указывает ни одной точной даты; б) с какой стати Тютчев, известный своим замкнутым характером и только что потерявший любимого человека, стал бы откровенничать с малознакомым ему юношей (в 1865 году Быкову — 21 год, Тютчеву — 62), а уж тем более дарить тому стихотворение, посвященное недавней утрате; в) почему Быков не включил это стихотворение в подготовленное им десятилетием ранее Полное собрание сочинений Тютчева, вышедшее несколькими изданиями.

«Автограф — карандашный, хотя во многом синтаксически оформленный» (стр. 428);

«Бенедиктов мог подсказать Тютчеву лирическую тему пробуждения женщины под воздействием утреннего солнечного луча; Тютчев развернул эту тему по-своему» (стр. 455);

«Во всех этих изданиях <...> в названии — русское слово „вилла”» (стр. 462);

«В стихотворении Тютчева 16 ямбических строк, написанных перекрестной рифмой» (стр. 483)⁸.

Наверное, хватит...

В одном из интервью Л. Я. Гинзбург говорила: «В основе всего лежит точность фактическая, документальная, точность аппарата. Я беспощадно отношусь ко всяческому неряшеству и распушенности в обращении с фактами, с текстами. Тщательное к ним отношение — это элементарная филологическая культура, которую надо воспитывать. К несчастью, у нас она иногда отсутствует»⁹.

Читая первый том Полного собрания сочинений Ф. И. Тютчева, выпущенного издательским центром «Классика» к 200-летию со дня рождения поэта, я не раз вспоминал эти слова.

Р. С. Когда работа над этой рецензией близилась к завершению, из печати вышел второй том Полного собрания сочинений Ф. И. Тютчева, содержащий стихотворения 1850 — 1873 годов. С ним мне удалось ознакомиться уже после того, как текст рецензии был принят редакцией «Нового мира», поэтому столь же подробно разбирать его у меня не было возможности. Если говорить коротко, то научный аппарат второго тома составлен столь же небрежно, как и первого, как будто работа делалась наспех, так сказать, «поверх расклейки» одного из предыдущих изданий (а именно — пигаревского двухтомника в «Литпамятниках»). Иные конфузные фрагменты комментария можно смело включать в сборники учебных материалов для обучающихся редакторскому делу; в качестве примера выпишу следующие сентенции из преамбулы к тому: «Со времени выхода в свет наиболее полных для своего времени и широко комментированных изданий, подготовленных Г. И. Чулковым (1933 — 1934 г.г.) и К. В. Пигаревым (1965 г.), значительно обновилась интерпретация многого в поэзии Ф. И. Тютчева, уточнены датировка некоторых стихотворений, их адресность, изменения места хранения автографов и списков. <...> В комментариях ко второму тому поставлена задача воссоздания тютчевского творческого настроения, поэтической субъективности, своеобразия его эстетических эмоций, раскрытия его духовности, монархических и религиозных позиций. <...> В комментариях дано развернутое объяснение реальной социально-политической ситуации той поры в России и Западной Европе. Впервые прокомментированы религиозные, православные взгляды поэта, отраженные в его стихах, отдельных образах и обращениях» (стр. 335, 336). Что ни фраза — то перл!

В актив комментаторам второго тома можно занести лишь то, что они обращаются к более широкому кругу источников, чем комментаторы тома первого. Появились ссылки на мемуары и переписку современников поэта, на статьи и книги Ю. М. Лотмана, В. В. Кожина, на «Тютчевские сборники». Правда, иногда комментаторы демонстрируют прямо рабскую зависимость от работ предыдущих исследователей; так, комментарий к дубильному стихотворению «Не в первый раз волнуется Восток...» почти слово в слово переписан из первого тома тютчевского «Литературного наследия». Впрочем, опубликовавший его А. А. Николаев не выражал сомнения в авторстве; а на каком основании комментаторы ПСС отнесли его в раздел стихотворений, приписываемых Тютчеву, — нет даже намека.

Кстати, я оказался плохим пророком, предсказывая, что стихотворение «Я не ценю красот природы...» будет включено в основной корпус, — оно оказалось в этом же разделе, с корявой мотивировкой, совершенно недостаточной для академического издания: «Возможно отнести к числу приписываемых Тютчеву на осно-

⁸ Педантизма ради замечу, что во втором катрене этого стихотворения («Колумб») рифма не перекрестная, а кольцевая.

⁹ Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Статьи и очерки. Л., 1982, стр. 48.

вании образной и ритмико-стилистической его характеристики, а также отсутствия аргументации выраженного Пигаревым недоверия к мнению Быкова» (стр. 621).

Словом, и второй том столь нужного и столь долго ожидаемого издания не оказался удачей. Посмотрим, что принесут нам тома публицистики и писем.

Алексей БАЛАКИН.

С.-Петербург.

ТЮТЧЕВСКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ: РОССИЯ, ЕВРОПА И РЕВОЛЮЦИЯ

Ф. И. Тютчев. Полное собрание сочинений и письма в 6-ти томах. Том 3. Публицистические произведения. [Составление, перевод, подготовка текста, комментарии Б. Н. Тарасова.] М., Издательский центр «Классика», 2003, 528 стр., с ил.

«Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества» (144¹).

Это было написано Тютчевым в 1848-м, в год европейских революций. Статья «Россия и Революция» была написана по-французски и напечатана по-французски в Париже; в России по-русски она смогла появиться только четверть века спустя, в год смерти Тютчева; затем, в советской России, она, как и вся политическая проза Тютчева, не перепечатывалась, понятно, ни разу (и это при множестве разных изданий поэта в то же советское время); время для тютчевской публицистики пришло в перестройку, и вот наконец событие — 3-й том собрания сочинений, где она впервые собрана вся (вся, известная нам сегодня) в оригинале и в новых переводах Б. Н. Тарасова и с его же обширным комментарием, объемом своим значительно превышающим сам тютчевский текст на двух языках, вместе взятых, так что можно этот том читать как книгу двух авторов — Федора Тютчева и Бориса Тарасова.

Жизнь поэта делилась, как вспоминал один из его знакомых, между поэтическими и политическими впечатлениями. Так же делил эту жизнь и первый биограф, Иван Аксаков, и впечатления политические оказались в его биографии на первом плане, точнее — Тютчев как мыслящий человек даже больше ее герой, чем Тютчев-поэт. «Каждое его слово сочилось мыслью». И самая поэзия Тютчева для его биографа — это словно особая функция от «нестерпимого блеска» его мысли. В этот нестерпимый блеск и попадает читатель 3-го тома тютчевского собрания.

Анна Федоровна, любимая дочь, записывала в свой дневник об отце, что он представляет собой «воплощенный парадокс». То же можно сказать о тютчевской философии истории — и она представляет собой парадокс, удивительно цельно и непротиворечиво внутри себя «воплощенный». Публицистика Тютчева — это одна разветвленная мысль, в которой есть звено центральное, тезис самый остро-ответственный, и этот тезис — «Россия и Революция».

Тютчев пишет Революцию с заглавной буквы, как имя собственное, как и Россию. В его картине мира это две духовно непримиримые личности-силы. Французская революция заставила европейскую мысль философски задуматься над самим явлением революции, и мистический образ ее как сатанинской силы, попущенной Богом для принесения человечеством искупительной жертвы, был начертан Жозефом де Местром, близнецом-предшественником и антагонистом тютчевской мыс-

¹ Указываются страницы рецензируемого 3-го тома Полного собрания сочинений Ф. И. Тютчева.

ли («к де Местру он психологически ближе, чем даже к Хомякову», — писал о Тютчеве Г. В. Флоровский²). Тютчевский образ Революции возник уже на другом европейском этапе, когда она себя обнаружила как цепная реакция, как непрерывно действующая в новой истории и нарастающая в ней сила. Европа прошла уже через несколько взрывов (1830, 1848) и непрерывно менялась в них — «зима железная» государственной русской истории до катастрофы Крымской войны казалась недвижимой, она лишь раз «дохнула» на кровь героев Сенатской площади — «И не осталось и следов». Так Тютчев-поэт фиксировал национальное историческое состояние сразу после события (1826), двадцать же лет спустя на европейском фоне наш «вечный полюс» уже предстал в его поэзии как не только могучий, но и надежный «утес». Мы привыкли политическую лирику Тютчева отделять от его основной поэзии (и даже печатать ее отдельно, словно стихи второго тютчевского сорта), однако в живописании грозных событий истории, и Революции прежде всего, космические силы тютчевской лирики полноценно участвуют, и политические стихи обретают местами (правда, все же только местами) поистине тютчевскую историософскую мощь. «Прообразом исторического события — в природе служит гроза». Краткая незаконченная заметка О. Мандельштама обрывается на имени Тютчева, «знатока грозовой жизни»³, каков он нередко и в политической лирике.

Ад ли, адская ли сила
Под клокочущим котлом
Огнь геенский разложила —
И пучину взворотила
И поставила вверх дном?

Не вспомнится ли здесь нам нечто памятное из нашей поэзии? «Еще кипели злобно волны, / Как бы под ними тлел огонь...» И еще: «Словно горы, / Из возмущенной глубины / Вставали волны там и злились...» В «Медном Всаднике» словно бы параллельные места к будущей тютчевской политической лирике:

Но с нами Бог!.. Сорвавшись со дна,
Вдруг, одурев, полна грозы и мрака,
Стремглав на нас рванулась глубина...

Не то же ли море, не та же ли глубина и не тот же огонь? Пушкинская картина петербургского наводнения — совсем не то, что голая политическая аллегория Тютчева. Но прообразом исторического события, по Мандельштаму, пушкинская огнюдь не метафорическая картина-буря также неявным образом служит. Пушкин также был озабочен европейскими революциями и угрозой русского бунта. И тайно в его поэме бунт водной стихии против державного города и бунт малого человека против державного всадника эту угрозу в себе заключали. За пятнадцать лет до тютчевской политической лирики «Медный Всадник» тайно пророчил русское будущее как предстоящую нам борьбу огромных сил Империи и Революции — двух главных героев тютчевской историософии. И Тютчев через пятнадцать лет своим «Морем и утесом» эту борьбу поэтически и статьей «Россия и Революция» теоретически заговаривал-заклинал.

«Россия и Революция» — так он переформулировал нашу вечную тему о России и Европе: приравнял Европу к революции как судьбе Европы и отделил, отмежевал от революции Россию. Его пророчество не сбылось, и это нетрудно сегодня заметить, но как он увидел само явление Революции? «Революция не только враг из крови и плоти. Она более чем Принцип. Это Дух, Разум...» (в оригинале: «с'est un Esprit, une Intelligence...» — 183, 79). C'est un Esprit, это Дух! Один из первых не только у нас, но в Европе он так мощно понял ее не только как политический факт, но как духовную силу, вступившую в историческую борьбу с духовной силой христианства и «перехватившую» у христианства его идеи и священные ключевые слова («братство»). «Православный граф де Местр», как окрестил посмертно Тют-

² Флоровский Георгий. Из прошлого русской мысли. М., 1998, стр. 346.

³ Мандельштам О. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990, стр. 375.

чева его знакомец по молодости Иван Гагарин⁴ (привезший некогда в пушкинский «Современник» его стихи, а к этому времени эмигрант и католический священник-иезуит), — он произвел романтическую спиритуализацию явления Революции вслед за де Местром (умерив мистический ореол, которым тот ее наделил сверх меры). Он увидел ее как живое олицетворение, мифологическое существо. Один из наследников тютчевской мысли, Константин Леонтьев даст позднее такое ей описание: «представление мифическое, индивидуальное, какая-то незримая и дальновидная богиня, которая пользуется слепотою и страстями как самих народных масс, так и вождей их для своих собственных как бы сознательных целей»⁵. Дальновидная богиня! — дальше видевшая, как окажется, автора «России и Революции». Но автор первый у нас в своей философской с нею борьбе овладевал пониманием размера и сущности этой силы. «Революция, бесконечно разнообразная в своих этапах и проявлениях, едина и тождественна в своем главном начале...» (181). Ее «формы и лозунги, даже насилия и преступления — все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром» (144 — 145). Нельзя не признать! Тем самым он признавал за ней ту *глубину*, о которой сказала его поэзия: «Стремглав на нас рванулась глубина». Глубина как лоно свирепых сил Революции; черная, но — *глубина*, что рванулась на нас из недр мировой духовной истории. Еще раз вспомним из «Медного Всадника»: «Как обуянный силой черной...» — Евгений перед кумиром. Бунт его также «из возмущенной глубины» вырывается — не той же ли (символически) самой, что у тайной его союзницы, но его же и губящей, — водной стихии? Надо ли говорить о *глубине* в самом деле этого столь изнутри обоснованного и сочувственно-понятного возмущения природы и человека сверх того, что сказал сам поэт? Поэт в поэме с Петром и Евгением вместе («присутствие тени поэта в Евгении»⁶) — и между ними. Но дальновидная богиня поведет Евгения в двадцатый век, и литература нового века расскажет об этом, например, в «Петербурге» Андрея Белого, где новоявленный Евгений обернется эсером-террористом.

В другой статье, появившейся также на Западе по-французски, Тютчев сказал, что вселенная отвела России большое место на земле, но философия истории еще не соблаговолила признать его. И вот в его философии истории Россия должна ответить на вызов Революции, ставшей болезнью и как бы судьбой европейского Запада.

Но не одна Россия, а Россия во главе всей Восточной Европы. В набросках трактата «Россия и Запад» (1849) изложена концепция разделения современной цивилизации на два особых мира и даже «два, так сказать, человечества» с разным историческим предназначением: «европейский Запад является лишь половиной великого органического целого, и по видимости неразрешимые затруднения, терзающие его, найдут свое разрешение только в другой половине...» (187). Терзающие затруднения — это терзающие Запад классовые войны. Другая же половина — это вторая, Восточная Европа как целое, законная сестра христианского Запада, особый славянский мир. Эта вторая Европа еще не открыта Западом, когда же будет открыта им в ходе истории, «Европа Карла Великого» встанет «лицом к лицу с Европой Петра Великого» (118). Имя Петра Великого, творца Российской Империи, отделяло Тютчева от классического славянофильства, не только Петра не любившего, но и имперского пафоса не разделявшего. Тютчевский же имперский пафос громадно перерастал национальные рамки и доходил до того, что его оппоненты на Западе называли по-французски — «*rêverie gigantesque*», что можно перевести и как «грандиозная греза», и — как переводят в литературе о Тютчеве — «исполинские бредни»⁷.

Бредни были воистину исполинские — историческая программа «России ближайшего будущего»:

«Православный Император в Константинополе, повелитель и покровитель Италии и Рима.

⁴ «Литературное наследство», т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. 2. М., 1989, стр. 45.

⁵ Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М., 1996, стр. 645.

⁶ Седакова Ольга. Проза. М., 2001, стр. 485.

⁷ «Литературное наследство», т. 97, кн. 1, стр. 234.

Православный Папа в Риме, подданный Императора» (201).

Предсказание не сбылось, но и в наши дни имперская тема еще — и даже по-новому — актуальна⁸. И критический комментарий к тютчевским мыслям насущен. В 3-м томе нового тютчевского собрания комментарий обширен и подробен — и апологетичен на сто процентов; критический взгляд на тютчевскую систему мыслей здесь не предполагается; благоговейное толкование contra критический анализ — как позиция комментатора.

Среди писем Тютчева, которые были впервые опубликованы И. Аксаковым в его биографии, есть одно, написанное вскоре после падения Севастополя (письмо от 9 сентября 1855 года); оно стоит любого стихотворения поэта, говорит о нем биограф. Тютчев рассказывает о видении, посетившем его на площадке колокольни Ивана Великого, среди многолюдства, ожидавшего выхода царя. «Мне пригрезилось, что настоящая минута давно миновала, что протекло полвека и более, что начинающаяся теперь великая борьба <...> наконец закончена, что новый мир возник из нее <...> что всякая неуверенность исчезла, что суд Божий совершился. Великая империя основана <...> И тогда вся эта сцена в Кремле <...> эта толпа, столь мало сознававшая, что должно совершиться в будущем <...> вся эта картина показалась мне видением прошлого, и весьма далекого прошлого, а люди, двигавшиеся вокруг меня, давно исчезнувшими из этого мира... Я вдруг почувствовал себя современником их правнуков».

То есть он себя почувствовал нашим современником, скажем мы без всяких ближайших аллюзий. В том же письме он говорил о свойстве своего ума «охватывать борьбу во всем ее исполинском объеме и развитии». И в другом письме — что задыхается от своего бессильного ясновидения. И вот развитие прошло полтора столетия — и невозможно нам, тем самым правнукам, не сверять тютчевские видения и прогнозы с нашими результатами.

Но, оказывается, — возможно: комментарий к 3-му тому таков, как будто ничего не изменилось и не случилось с тех пор. В единичном случае комментатор с сожалением констатирует «не оправдавшуюся впоследствии закономерность» (272 — 273; речь о российском Царьграде). Закономерность того, что это не оправдалось, не рассматривается, не допускается. Тютчев хотел смотреть на свои прогнозы из будущего — почему бы нам за ним не последовать и не посмотреть на них из нашего настоящего?

Тютчевская историософская мысль долго оставалась *современной*. Она возбудила нашу консервативную мысль, представлявшую собой мутации славянофильской идеи, но отклонявшуюся от классического славянофильства, — Н. Я. Данилевского, Достоевского, Леонтьева, затем Владимира Соловьева с его теократическо-вселенско-имперскими планами, которых предтечами он называл двоих — Данте и Тютчева. Но и для С. Н. Булгакова уже в 1918 — 1923 годах она не утрачивает актуального нерва: участники диалога «На пиру богов», вошедшего в 1918 в сборник «Из глубины», наши вторые «Вехи», то и дело поминают русский Царьград, «предуказанный Тютчевым и Достоевским», и надеются, что над Тютчевым «рано еще иронизировать» (а и действительно в ходе европейской войны Константинополь был близок, как локоть, — но снова «закономерность» не оправдалась). Другие же участники ставят на тютчевских предсказаниях крест: «В 1917 году окончилась константиновская эпоха в истории церкви» и «наступила не византийская, но большевистская эпоха в русской истории»⁹. Пять лет спустя размышления о. Сергия продолжают непосредственно в храме св. Софии, и вспоминаются тютчевские слова и строки, и заключения еще решительнее: «не политическому завоевателю, не „всеславянскому царю“ откроются врата Царьграда <...> Как невыносимо сделалось всяческое безответственное славянофильствование!»¹⁰ Таковы ответы

⁸ См. статьи в «Новом мире»: Ю. Каграманов, «Империя и ойкумена» (1995, № 1) и В. Сендеров, «Россия-Империя или Россия-Царство?» (2004, № 2). Интерес к проблеме империи в контексте русской истории, с акцентом на возможности переживаемой современности, замечен также в новой прозе последних лет, в новопетербургской прозе особенно: например, читаем роман Павла Крусанова «Укус ангела».

⁹ Булгаков С. Н. Сочинения в двух томах, т. 2. М., 1993, стр. 568, 574, 619, 577.

¹⁰ Булгаков С. Н. Моя родина. — «Новый мир», 1989, № 10, стр. 244 — 246.

русского православного мыслителя в самом центре заветных вопросов. Но как он в этом идеальном центре очутился? А только что был год 1920-й, когда вступила в действие сила, называемая иронией истории, — и начала она раз за разом себя проявлять по отношению к тютчевским пророчествам: российский белый воинство (о чем вспомнил в упомянутой статье Ю. Каграманов) — «все, что оставалось от третьего Рима», — бросило якорь «не где-нибудь, а на рейде Константинополя, в виду столь желанной Святой Софии», и убежищем белой России вместо Царьграда стал маленький полуостров Галлиполи.

«Православный империализм Тютчева есть живой пример того, с какими трудностями сталкивается русская историческая и философская мысль, выполняя задачу определения и разграничения вопросов „духа” и „политики”»¹¹. С. Булгаков еще переживал историко-философские грезы Тютчева как нечто живое и современное — другой православный мыслитель уже через год (в 1924-м) рассматривает их исторически, как «прошлое русской мысли». Замечание Флоровского отмечало тютчевскую проблемную точку. Точка эта — «византийское» сближение, до смешения и почти что отождествления, христианского и церковного с государственным, имперским и племенным, национальным. Можно заметить, что, единомышленник в отношении к римскому папству, Достоевский не разделял византийского пафоса Тютчева. Византийская «симфония» для Достоевского — компромисс, порожденный «столкновением двух самых противоположных идей, которые только могли существовать на земле: человекобог встретил богочеловека, Аполлон Бельведерский Христа. Явился компромисс: империя приняла христианство, а церковь — римское право и государство». После падения Византии и в несложившихся формах русской общественной жизни у нас «остался лишь Христос, уже отделенный от государства»¹². Такого Христа знал поздний Тютчев-поэт («Кто их излечит, кто прикроет?.. / Ты, риза чистая Христа...») и не знал идеолог Тютчев. В его православной славянской империи составляющие определения представлялись как дух и тело, а комментатор нашего тома даже рискнул уподобить этот сложный состав нераздельным и неслиянным двум природам Христа (454), совместив тем самым Христа с земным человеческим установлением. Нынешний православный комментарий к тютчевскому «православному империализму» проходит мимо тех «трудностей», которые позволял себе трезво заметить православный философ XX века. Апологетический комментарий себе этого позволить не может — никакого проблемного заострения. Мы благодарны Б. Н. Тарасову за перевод единым пером всего корпуса тютчевской мысли. Но обстоятельный комментарий, собственно, беспроblemемен — и несвободен; подходы апологетический и аналитический совместимы с трудом. А какой материал из русской идейной истории для понимания! «Россия погибнет от бессознательности» — у Тютчева был и такой прогноз (в письме И. С. Аксакову 19 ноября 1871 года), и сегодня он актуален, как и тогда. Но это значит, что и отношение к нашей идейной истории лучше бы, чтобы было трезвосознательным.

Тютчевская идея *окончательной* Империи, долженствующей разрешить исторический процесс («Вот царство Русское... и не пройдет век...»), между тем не так архаична и в наши дни. Тютчевская идея — идея средневековая: *translatio imperii*. «Империя бессмертна. Она передается <...> 4 сменявшихся Империи. 5-я — последняя и окончательная» (195). *Окончательное* разрешение исторического процесса — главное слово всех утопий, эсхатологических либо хилиастических. Тютчевская последняя Империя и «окончательное слово великой, общей гармонии» как наше русское назначение в Пушкинской речи Достоевского — две очень разные по пафосу утопии, обе хилиастические. Но и коммунистическая утопия тоже мыслила себя окончательной гармонией. Что остается ныне от идеи последней Империи? Остается грустный «конец истории» Ф. Фукуямы (который сам признаёт его грустным) — новая либеральная утопия «общечеловеческого государства» по ту сторону истории, за которым угадываются США как современная мировая империя. Со-

¹¹ Флоровский Георгий. Из прошлого русской мысли, стр. 234.

¹² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л., 1984, стр. 169.

гласно идее *translatio*, империя может быть только одна, и с этой точки зрения в «холодной войне» двух сверхдержав XX века и решался этот вопрос.

Злобная ирония истории начала работать с идейными планами Тютчева сразу: он ждал символического 1853 года — 400-летия падения Константинополя — как года, с которого должно начаться его восстановление как будущего центра той самой окончательной русско-славянской Империи. Но в этом именно году началась Крымская война с ее последствиями, открывшими русской истории путь в противоположную тютчевским планам сторону. Затем историческая концепция Тютчева, в основном уже после него, в 1870 — 1880-е годы, проходила испытание ходом событий — «Россия и Революция» прежде всего. С ходом лет из наследников его мысли Леонтьев с возрастающим пессимизмом фиксировал, как в тютчевском трехчлене — Россия, Европа и Революция — третий член все больше смещался в сторону первого. В последний год своей жизни (1891) Леонтьев предвидел возможность осуществления наиболее радикальных тенденций общеевропейского процесса на русской именно почве и саркастически обосновывал свое предсказание своеобразной ревизией классического «почвенного» аргумента: у нас «почва рыхлее, постройка легче»¹³. «Постройка» будет впоследствии расшифрована как платоновский котлован. Котлован — строительство Вавилонской башни на рыхлой и ненадежной почве. И эсхатологический отрицательный «конец истории», на западноевропейскую локализацию которого он, вслед за Тютчевым и вместе с Достоевским, положил столько сил, он уже с Россией связывал: «Мы поставлены в такое центральное положение именно только для того, чтобы <...> написать последнее „*мани-фекель-фарес!*“ на здании всемирного государства... *Окончить историю, — погубив человечество...*»¹⁴

В комментарии к настоящему тому цитируются слова Ф. Энгельса о России и революции, почти совпадающие с тютчевским тезисом (319). С противоположных идейных сторон, но в одном удивительно сходились Тютчев и Достоевский с Марксом и Энгельсом — в представлении о консервативном (реакционном для классиков марксизма) противостоянии не только царской, но и народной России западной революции. Но что сказал бы Тютчев, назвавший целый народ плагиатором (*le plagiaire*¹⁵) другого народа (46, 148), когда в Германии 1848 года поднялась своя революция вослед французской, — что сказал бы он, увидев собственный народ плагиатором тех идей и утопий, которые он полагал судьбой европейского Запада? Главная идея его о России и Революции потерпела историческое поражение в 1917 году. Россия и Революция совместились, революция стала судьбой России. Славянской его идее еще предстояло дальнейшее испытание.

Исторические и политические проекты Тютчева имели в XX веке свою судьбу. В 1920-е годы новые, евразийские «исполинские бредни» осваивали их по-своему заново. Вослед Тютчеву Н. С. Трубецкой названием своей маленькой книжки, вышедшей в 1920 году в Софии и положившей начало евразийскому движению — «Европа и человечество», — еще раз переформулировал тему о России и Европе: исключил не Россию из Европы, как только что это сделал Шпенглер в своей шумевшей книге, а Европу из человечества. Ну а Шпенглер также названием книги, как и ее содержанием, поддержал неведомо для себя тютчевский тезис о двух Европах. «Закат Европы» на самом деле в оригинале — закат *Abendland'a*, то есть Запада; самое же понятие Европы как единого целого Шпенглер отрицал и называл «пустым звуком». Неизвестно, читал ли Шпенглер французские тютчевские статьи (мог и читать — они в свое время наделали шуму в западной прессе как политическая сенсация и вызвали около 50 откликов), но Европу как Запад он отделил не от одной России, но и от Восточной Европы (и в этом интересно совпадал со славянофильской историософской топографией — например, со знаменитой строкой стихотворения Хомякова: «...Ложится тьма густая / На дальнем Западе, стране святых чудес...» — на Западе, отдаленном, отрезанном от хомяковской России). Что касается России, скупые суждения Шпенглера о ней представляют как

¹³ Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство, стр. 697.

¹⁴ Там же, стр. 418.

¹⁵ Переводчик в настоящем томе переводит ослабленно — «подражателем».

бы славянофильство навыворот: он ссылается не только на Достоевского и Толстого, но и на Ивана Аксакова, чтобы совсем исключить Россию из западной проблематики — как «исторический псевдоморфоз», не имевший истории до Петра, а с Петра имеющий только искусственную историю (но, возможно, пророчащий в будущем новую христианскую духовность не европейского, «фаустовского», типа: «Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию»¹⁶).

Пройдет еще четверть века — и за реализацию тютчевского проекта возьмется та самая воплотившаяся, но в отечестве революция в лице СССР. Можно сказать, что идея отдельной Восточной Европы будет политически реализована после 1945 года — посредством Берлинской стены. По отношению к не единой еще Германии Тютчев считал, что утопия ее объединения не отвечает интересам России, а позднее бисмарковское единство обличал как достигнутое «железом и кровью». Две Германии он считал «естественным положением» (191). В это положение Германия вернулась после Второй войны. «Богемия независимая, опирающаяся на Россию, — вот комбинация <...> которую История держит в резерве...» — писал Тютчев Ю. Ф. Самарину 13 июля 1868 года. И Аксаков в своей биографии так резюмировал тютчевскую славянскую идею: «Одним словом, вопрос для Западных Славян ставится просто и прямо: или объединение с Россией, или объединение полное и окончательное с Западною Европою, т. е. утрата Славянской национальности». «Объединение с Россией» на тоталитарной основе продолжалось с 1945-го до 1989-го, но в промежутке понадобился год 1968-й: ровно сто лет после сформулированной Тютчевым «комбинации», которую сто лет История держала «в резерве». Вновь магия круглых сроков, преследовавшая его проекты с начала Крымской войны. И что нам делать теперь с идеей славянского мира, глядя уже не только на Чехию, но и на Украину?

Два места из русской поэзии вбирают в себя вопросы, заданные историософией Тютчева и, надеемся, историей «окончательно» не решенные. Одно — из Пушкина:

Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Второе — из Тютчева:

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

«Вот вопрос».

Сергей БОЧАРОВ.

КНИЖНАЯ ПОЛКА МАРИИ РЕМИЗОВОЙ

+6

Петер Козловски. Миф о модерне. Поэтическая философия Эрнста Юнгера. Перевод с немецкого М. Корчагиной, Е. Петренко и Н. Трубниковой. М., «Республика», 2002, 239 стр.

Эта книга, не вовсе лишенная (особенно поначалу) некоторой наукообразной занудности, в конечном итоге дает довольно интересный портрет мифологии XX века, точнее — хотя автор вроде исподволь настаивает на более широком прочтении, — все-таки, видимо, первой его половины.

¹⁶ Шпенглер Освальд. Закат Европы. М., 1993. Т. 1, стр. 145; т. 2, стр. 201.

Фигура Эрнста Юнгера, избранная автором как основной материал для реконструкции этого портрета, кажется как нельзя более подходящей. Что касается творчества Юнгера в период между двумя мировыми войнами, то тут Козловски оказывается на высоте заявленного принципа, не просто убедительно, но прямо-таки наглядно и, главное, красиво показывая взаимосвязь между социально-историческими сдвигами, перекроившими мир по новым лекалам, и основными мифологемами, с одной стороны, порожденными, чтобы эти взвихривания как-то объяснить, а с другой — в свою очередь становившимися ступенью для теоретического обоснования новых пароксизмов, обусловленных в том числе и поэтико-мифологическими построениями типа юнгеровских.

Основываясь на текстах Юнгера, Козловски берет на себя бремя формулировки всей мифо-поэтической составляющей модерна, понимая под ним то, что в русском языке, видимо, больше всего соответствует понятию «революционный модернизм». (Тут возникает, увы, может быть, и неизбежная терминологическая путаница, поскольку «модерн» у нас означает чаще всего не то, что в других европейских языках.) То, что недоговаривает автор, — прежде всего потому, что не ставит себе такой задачи, — легко достраивает читатель: идеологема «тотальной мобилизации», сформулированная Юнгером, начинает тут же проблескивать, к примеру, в творчестве деятелей русской культуры, действовавших в тот же период. Что, естественно, доказывает небезосновательность посылок Козловски о глобальной вовлеченности в мифогенное поле. Кстати, не раз Козловски проводит параллели — и перпендикуляры — между «ленинским большевизмом» и национал-социализмом, с которым, оказывается, у Юнгера были совсем не такие простые отношения, как принято считать. Конечно, остаются некоторые подозрения, что автор, подпав под обаяние личности своего героя, по мере сил (может быть, и неосознанно) старается выгородить его из щекотливой ситуации, обозначив существенные расхождения между поэтическим мировидением художника и политической силой, использовавшей плоды этого мифотворчества в своих целях.

Но вообще, читая эту книгу, можно как-то особенно остро почувствовать общий тон эпохи и — что, возможно, даже более ценно — генезис генеральных идеологем, определивших ее лицо. Все-таки по большому счету так и осталось невыясненным, что вызывает столь масштабные движения масс, какие можно было наблюдать в первой половине минувшего века. Кто бы ни брался объяснять, в конечном счете привлекаются какие-то метафизические понятия вроде «пассионарности» или «исторической роли», которые по существу не объясняют ничего — если оставаться в рамках голый материальности. Так что для объяснения всплесков этих хтонических энергий в равной мере годится и юнгеровский миф о Рабочем и Титане, и марксистско-ленинское учение о пролетариате, и гумилевская версия Великой степи, и платоновская идея о Солнце-пролетарии...

Когда Козловски переходит ко второй половине юнгеровского наследия — к «закату модерна» и «постистории», которая постепенно перетекает в постмодерн, — становится понятно, отчего еще в самом начале он вдруг оговорился о собственных философских пристрастиях. Мол, берусь рассматривать идеолога модернизма, стоя на позиции постмодерниста, но это, дескать, ничуть не мешает и даже, напротив, позволяет бесстрастно оценивать материал. Не совсем верно. Козловски действительно — это заметно — изо всех сил стремится быть объективным, и все-таки, кажется, чем ближе он подбирается к собственным мировоззренческим догмам, тем охотнее идет на поводу личных интерпретаций.

Вероятно, тексты позднего Юнгера дают основания к выявлению идей, близких к постмодернистским, — такой, как завершение истории, например, или идеи наступающего релятивизма, но, подробно разбирая тексты (и много раз обещая сосредоточить внимание на их поэтической составляющей), Козловски как раз напирает на вычитывание идейного содержания, оставляя в стороне сопутствующий ему эмоциональный фон, который тем не менее прорывается даже сквозь вольный пересказ интерпретатора. А фон-то во многом как раз и опровергает гладкие построения Козловски. Поскольку он, как человек *конца века*, бесстрастно фиксирует параметры окружающей эпохи, а Юнгер, кажется, все-таки в наступившем безвременье тоскует. То, что для Козловски просто объективная *данность*, для Юнгера,

судя по всему, было некоторым вывихом истории, трагическим провалом на пути к иному *возможному*. И это категорически противоречит уютному завершению книги об одном из самых знаменитых безумцев прошедшего века.

Мишель Уэльбек. Элементарные частицы. Роман. Перевод с французского И. Васюченко и Г. Зингера. М., «Иностранка», 2003, 527 стр.

Мишель Уэльбек. Расширение пространства борьбы. Роман. Перевод с французского Н. Кулиш. М., «Иностранка», 2003, 207 стр.

Мишель Уэльбек. Мир как супермаркет. Перевод с французского Н. Кулиш. М., «Ad Marginem», 2003, 156 стр.

Эти книжки лучше всего читать именно в таком порядке, хотя «Расширение пространства борьбы» написано раньше «Элементарных частиц»¹, а многие тексты из сборника статей, эссе, интервью, дополненных поэодрамой, написаны раньше «Расширения пространства...».

«Частицы» действительно бьют по мозгам — и бьют довольно сильно. Недаром же они так взбаламутили все урби и орби, что разве ленивый не высказал своего мнения на их счет. «Расширение пространства» — текст гораздо более камерный, Уэльбек здесь еще только берет разгон, так сказать, осторожно пробует тему, и потому он более пригоден для спокойного чтения. Задним числом этот роман объясняет гораздо больше — когда уже известно, куда в конечном счете клонит автор. А благодаря признаниям, с которыми знакомишься в «Мире как супермаркете», до кристальной ясности высвечивается генезис основных уэльбековских идей и вообще вся карта его сознания. Начинать же знакомство с Уэльбеком с «Мира...» — дело довольно бессмысленное: во-первых, мало кто столь свободно ориентируется в пространстве французского культурного хронотопа, чтобы оценить существо уэльбековских суждений по поводу его частных объектов (а книга, как водится, не снабжена никаким комментарием), и во-вторых — потому что сами по себе эти суждения, кажется, не так уж и интересны: куда полезней они в качестве подсобного инструментария для анализа главного уэльбековского романа.

Две вещи заворожили сознание Уэльбека — открытия в области квантовой физики, которые, по его убеждению, требуют не только нового языка и новой логики, но и новой онтологии, — и распадение естественных связей между людьми в современном социуме. У него эти идеи в конечном счете сливаются в одну — парадоксальным образом и пессимистическую, и оптимистическую одновременно — идею мира *элементарных частиц*.

Главное, что вынес Уэльбек из квантовой теории, — это безоговорочный аргумент в пользу атеизма. (Судить не берусь, потому как ничего в этом деле не смыслю, однако физики, выступавшие в передаче Гордона, два года кряду твердили совершенно обратное: будто эта версия прямо-таки требует фигуры Генерального Наблюдателя, и время от времени осторожно роняли слово «Бог».) Второе по важности умозаключение, которое Уэльбек вынес из этой же области: современная физика, дескать, не признает «реальности» — она «не является научным понятием». Отсюда вытекает то ли утопический, то ли антиутопический финал «Элементарных частиц», когда человечество, благодаря открытию молекулярного генетика Мишеля, добровольно сходит со сцены, уступая место принципиально новой генерации не подверженных возрастным изменениям и бессмертных клонов, лишенных возможности страдать, поскольку ни одна человеческая страсть им неведома, зато благодаря неизмеримо большому числу клеток, отвечающих за соответствующие раздражители, открыта бесконечная способность к плотскому наслаждению.

Последний фактор имеет для Уэльбека решающее значение. Эротический фон «Расширения пространства борьбы», граничащие с порнографией (если не прямо порнографические) пассажи «Частиц» — это, так сказать, служебный материал для иллюстрации второй уэльбековской генеральной идеи — идеи разобщенности и как бы уже онтологического одиночества. В его мировидении последней точкой

¹ См. также рецензию Валерия Липневича на предыдущее издание романа «Элементарные частицы» в «Б.С.Г.-Пресс», 2001 («Новый мир», 2001, № 12). (Примеч. ред.)

возможного соприкосновения между человеческими существами остаются эрогенные зоны.

Уэльбек не просто претендует на роль философа. Он действительно предлагает достаточно ясно сформулированную философскую систему — может быть, не слишком глубоко, но в целом довольно последовательную. Собственно, вся его философия сводится к социальной идее мироустройства как гигантского гипермаркета, где индивидуумы выступают жертвами информационного потока, ориентирующего на бесконечное развитие потенции потребления. Бытие как таковое выступает лишь реализацией этой потенции. Причем товарное потребление — лишь самая низшая форма. «Расширение пространства борьбы» (то есть практически дарвиновской борьбы за выживание) означает вовлечение в состязание за более высокое место в социальной иерархии, вычисляемое теперь не только по параметрам успешной карьеры (больше денег и больше свободного времени), но и по показателям интенсивности половых связей с максимально возможным числом партнеров. И если успех в первом случае предполагает хоть какие-то гарантии стабильности, то во втором неизбежное старение даже самой удачливой особи, которой от природы досталась особая привлекательность, всегда приводит к краху. (Потому, по мнению Уэльбека, современный западный мир так панически боится старости и смерти — как окончательной потери способности потреблять.)

Уэльбек позиционирует себя как «коммуниста, но не марксиста». При его отношении к миру как «системе, имеющей два измерения: эротическую привлекательность и деньги», левые взгляды неизбежны. Но главный источник его вдохновения, видимо, другой — это идеология New Age, по степени эклектичности способная поспорить с самим постмодерном.

Симптоматично, что, подавая New Age под разными соусами и в разных контекстах, упоминая прямо и косвенно, называя по имени и пряча под флером туманных намеков, Уэльбек не чурается ни сочувственных оценок («это ответ на тяжкие страдания, которые испытывают люди в результате распада общества... потенциал New Age неизмеримо больше, чем мы можем себе представить» — «Письмо Лакису Прогуидису»), ни откровенно злой сатиры, как, например, это сделано в «Элементарных частицах» при описании лагеря отдыха «Край перемен». (И негативная картинка, честно говоря, выглядит куда убедительней позитива.)

В России нью-эйджем интересуются мало — и напрасно. Поскольку эта идеология во многом определяет лицо современного мира, и не только в социо-психологическом аспекте, но даже, как ни странно, в сфере глобальной политики. Собственно говоря, современная версия феминизма — это следствие экспансии идеологием NA, равно как нивелирование элементов иерархических систем и в известном смысле размывание так называемой «иудео-христианской модели мира».

Уэльбек, несмотря на свои язвительные инвективы, во многом выступает если не прямым рупором нью-эйджеской доктрины, то может служить образцом подобного рода мышления — в несколько пессимистичном изводе, правда, но это уж, видимо, просто свойство его натуры. Во всяком случае, принцип наслаждения, который он ставит во главу угла для бытия человека современного западного мира, — это краеугольный камень всей философии NA, от Лакана до школы американского психоанализа. Тут он идет даже на прямые инсинуации, утверждая, например, что все, «кто заслуживает имени философов», знали, что «в противоположность наслаждению желание по самой своей сути есть источник страдания, злобы и беды», и учили, что выход «состоит в погашении желания посредством организации незамедлительного удовлетворения». Примечательно, что, самостоятельно указывая тупик, куда неизбежно приводит этот принцип всякую уверовавшую в него человеческую особь, Уэльбек упорно не желает ни искать, ни даже допустить альтернативные формы организации бытия. Поэтому ему и не остается ничего, кроме как отправлять персонажей в сумасшедшие дома или прямо в могилы либо уж предлагать совсем радикальный вариант уничтожения несовершенного человечества, коль оно неспособно к бесконечному наслаждению.

Еще более удивительно, что основную порцию ответственности за нынешнее состояние мира (и, следовательно, основной заряд негативного пафоса) Уэльбек адресует непосредственным предшественникам NA (во всяком случае, тем, кто — к

добрю или к худу — подготовил для него почву), то есть движению хиппи. Вот уж кого он действительно ненавидит! Сексуальная революция — вот, оказывается, корень всех бед современного общества. Как истинный невротик, Уэльбек, переживший тяжелую детскую травму, даже ставит ей (революции) в вину распадение буржуазной семьи, которую готов провозгласить чуть не последним островком гуманизма. То есть, если любовь невозможна, пусть будет хоть взаимовыгодный контракт, лишь бы не одиночество.

Уэльбек прозревает (задним числом) под цветастыми прикидами адептов *свободы, мира и любви* злобный оскал маньяков-садистов: «Битников, хиппи и серийных убийц сблизает то, что все они абсолютные анархисты, они проповедуют безоглядное утверждение прав личности в противоположность социальным нормам, всему тому лицемерию, к которому, по их мнению, и сводятся мораль, чувство, справедливость и сострадание. В этом смысле Чарльз Мэнсон вовсе не чудовищное извращение духовного опыта хиппи, но логическое завершение его».

Но хотя убийцу-сатаниста в «Элементарных частицах» Уэльбек назначает сыном одного из идеологов движения хиппи, в других эпизодах он противоречит себе (только вот осознанно ли?). Когда добропорядочный буржуа Брюно обретает наконец-то близкую женщину, с которой не только может наслаждаться плотски, но к которой испытывает любовь (!), счастье длится недолго — всего через несколько месяцев она становится прикованным к коляске инвалидом, и именно его нежелание брать на себя бремя совместной жизни с парализованной толкает ее на самоубийство. Зато бросившая когда-то детей и кочевавшая по коммунам Жанин-Джейн, умирающая в старости от рака, окружена заботливыми друзьями — старыми хиппи и молодыми растаманами. Кто же попирает чувства и сострадание?

Тексты Уэльбека оставляют странное впечатление. С одной стороны, он говорит как будто справедливые вещи — про гнусный мир, про разъединенность людей. Улавливает порой на удивление пронзительные ноты — какого-то почти космически холодного отчаяния, так что пробирает почти до костей. И в то же время — словно нарочно не хочет замечать очевидного, ощущать теплоту и кровь реальности, существующие столь же объективно, как тот холод и тлен, которые так его заворожили.

Уильям Берроуз. Джанки. Исповедь неисправимого наркомана. Письма Яхе. Гомосек. Романы. Перевод с английского А. Керви и Д. Борисова. М., «АСТ», 2003, 381 стр.

Если искать виновников сексуальной революции и прочей моральной распущенности, то логичнее обратиться не к хиппи, а к битникам, которые, конечно, не были первоисточником заразы, но в XX веке, видимо, первыми решились отчетливо и недвусмысленно сформулировать концепцию «нового образа жизни». (На самом деле вопрос о генезисе «идеи раскрепощения» гораздо сложнее и уходит корнями по крайней мере в последнюю треть XIX века. Он неразрывно связан с общим процессом эмансипации, а идеологическая составляющая очень и очень синкретична.)

Берроуз, конечно же, — очевидный апостол соответствующего учения, реализация которого на практике не закончена и в наши дни. Если «Голый завтрак» остается в известном смысле специфическим текстом «для посвященных» (для тех, кто из идейных соображений готов страдать, продираясь сквозь череду принципиально недешифруемых образов), то тексты настоящего издания позволяют практически любому ознакомиться с азами битнического *profession de foi*.

Собственно, здесь не три, а два романа — между первым и вторым располагается дневниковый отчет Берроуза о путешествии в Латинскую Америку в поисках чудодейственного растения Яхе, из которого индейцы Бразилии, Колумбии и Венесуэлы с незапамятных времен изготавливали сакральный напиток аяхуаску, и подлинная переписка между Берроузом и Алленом Гинзбергом, который по наводке друга Билла рванул туда же и за тем же, поскольку в США к тому времени законы о наркотиках сильно ужесточились.

Романы «Джанки» и «Гомосек» можно было бы воспринимать как части единого текста — их объединяет как общая тема, так и общий принцип письма. (Можно было бы — если бы не отвратительный перевод Борисова, из-за которого

второй роман читать без раздражения невозможно.) В литературоведческом смысле они прежде всего любопытны как полигон для формирования стиля, получившего впоследствии название «нового журнализма» (самый известный у нас образец коего — книга Тома Вулфа «Электропрохладительный кислотный тест» о Кене Кизи и его «Веселых Проказниках»).

Названия же, нарочито провокативные по крайней мере для того времени (как, собственно говоря, и сами тексты), можно было бы легко поменять местами, поскольку и в том и в другом описаны бесконечные эксперименты как с расширяющими сознание веществами, так и сексуальными партнерами соответствующего толка. Хотя эпатирующий пафос сегодня выглядит, может быть, довольно наивно, вовсе сбрасывать со счетов «натуралистическую» прозу Берроуза никоим образом не следует. Во-первых, он здорово владеет письмом и умеет держать настроение. Во-вторых, сам по себе опыт сознательного и демонстративного противопоставления обществу ханжеской морали заслуживает известного уважения. Кроме того, эпоха, начало которой описывает Берроуз, наложила такой мощный отпечаток на дальнейший путь всего разумного человечества, что отмахнуться от свидетельств ее пионеров и разведчиков было бы просто неосмотрительно.

Ирвин Уэлш. На игле. Роман. Перевод с английского И. Кормильцева. М., «АСТ», 2003, 381 стр.

Представлять Уэлша вроде бы не надо. Во всяком случае, именно по этой книге снят очень известный (из тех, что в просторечии именуются «культовыми») фильм. Но вот парадокс: фильм даже показали как-то по ТВ (разумеется, ночью), и книги Уэлша в каждом ларьке (как, впрочем, и практически все из набора моей «Книжной полки»). Но... Но говорить о такой литературе как бы не очень принято. Неудобная она, *негладкая*. Впрочем, ни сама проблема, ни работающие с ней направления искусства от этого не исчезнут...

Между тем «На игле» — очень жесткий и очень отчаянный роман о тех, кто не хочет и не испытывает ни малейшего желания вписываться в стандарты общества потребления. Метод жестокого натурализма, который автор применяет для характеристики среды шотландских наркоманов, алкоголиков и других асоциальных типов, не оставляет ни малейшей возможности для какой бы то ни было сентиментальности. В то же время очевидно, что столь радикальные формы эскапизма кажутся автору более чем естественным и закономерным ответом на гнусность и бессмысленность жизни, которая на данный момент западным миром признана как единственно возможная.

Несомненным достоинством следует признать подачу текста в виде перемежающихся монологов довольно большого числа персонажей, причем каждый — при известном сходстве жизненных установок — обладает хорошо заметными индивидуальными чертами. В тексте огромное количество ненормативной лексики, хотя переводчик мог бы (а пожалуй что и был обязан) учитывать, что сферы употребления этих слов в русском и английском далеко не идентичны (английские ругательства, как известно, неизмеримо мягче).

Назвать героев Уэлша интеллектуалами не повернется язык. Тем более интересен вопрос, отчего постиндустриальное общество кажется таким мало подходящим для нерадикального бытия пространством даже, казалось бы, довольно просто устроенным организмам. (Глупейший ответ — *зажрались* — оставим национально-патриотическому фронту.) По агрессивной энергетике Уэлш, видимо, ближе всего стоит к постпанку, а вот от трэша, по моему скромному впечатлению, к которому по некоторым внешним признакам мог бы быть причислен, его отделяет целая пропасть. Трэш направлен на тотальную деконструкцию системы за счет гипериронии. Поэтика же Уэлша, при всей ее ироничности и «безочарованности», направлена на самом деле на выявление некоего дефекта бытия, *болезни*, может быть, и необратимо прогрессирующей, однако не заявленной как норма.

При определенных усилиях в книге Уэлша можно отыскать признаки антибуржуазного пафоса, зарезервированного, впрочем, исключительно за голосом автора, который скромно прячется за спины персонажей. Если очень вчитаться, можно даже

заподозрить, что за жесткой реальностью склонного к сарказму Уэлша проглядывает что-то вроде философии отчаяния перед категоричной невозможностью что-либо изменить в этой окостенелой в своем самодовольстве реальности. Попытки ее разрушения и стремление к любой *другой реальности*, пусть даже еще более отвратительной, — это в терминологии Уэлша, как ни крути, бунт. Деструктивный, разумеется. Так он и направлен на разрушение. Оказывается, слишком хорошо организованный мир человеку отчего-то тесен. Во всяком случае, некоторым представителям человечества. С точки зрения этого мира, — разумеется, самым отъявленным подонкам.

Эбби Хоффман. Сопри эту книгу! Как выживать и сражаться в стране полицейской демократии. Перевод с английского и комментарии Н. Сосновского. М., «Гилея», 2003, 234 стр.

Эта книга — видимо, самая знаменитая из всех, написанных человеком-легендой 60 — 70-х годов Эбби Хоффманом, одним из славной когорты звезд Разноцветной Революции, идеологом йиппи — радикального крыла, возникшего в «Нации Вудстока» (как именовал сам Эбби тогдашний андеграунд). Писал он ее в тюрьме, отбывая срок (по нашим меркам, смехотворный — 8 месяцев) за «неуважение к суду» на процессе «Чикагской восьмерки», где государство, собрав в одну кучу пацифистов, лидеров «Черных пантер» и баламутов общественного спокойствия вроде Джерри Рубина и все того же Хоффмана, постаралось представить нарастающую волну протеста против войны и расизма, а также борьбы за гражданские права и свободу как следствие заговора асоциальных типов, исподтишка руководимых Москвой.

Хоффман был гениальным строителем хеппенингов, направленных на разоблачение лжи, насилия и корысти, до мозга костей пропитавших истеблишмент. Он действовал просто, доходчиво и эффектно — и потому много лет не сходил с первых полос ориентированных на шумиху газет. Всего пара примеров для наглядности: группа волосатого народа раздаст прохожим листовки настолько возмутительного, с точки зрения обывателя, содержания, что бдительные граждане вызовут полицию. В полицейском участке, куда прибыли и предупрежденные об акции журналисты, выясняется: крамольный текст — не что иное, как выдержки из «Декларации Независимости». А вот Хоффман (вместе с Рубином) вызван на Комиссию по антиамериканской деятельности. Он приходит в рубашке, сшитой из американского флага. По приказу председателя охранники бросаются сдирать возмутительный наряд. Эбби сопротивляется только для виду: миг — и взорам открывается зрелище куда более возмутительное: на голой спине нарисован флаг ненавистного Вьетконга. Итог — 30 дней ареста «за осквернение национальных символов» и — всего через пару-другую лет — *отмена* в США уголовных наказаний за любые манипуляции с американским флагом, если они *выступают символом социального протеста*. Хоффман, однако, умел убеждать!

Чтобы верно воспринять эту книгу, нужно понимать, кто такой Эбби Хоффман и что это было за время, когда он ее писал. Хоффман заявлял себя революционером — и был им. Он без дураков считал, что идет война — между андеграундом и истеблишментом (в его текстах идет четкое разграничение: «underground» — это *братья, свои*, совокупность «Нации Вудстока» — так, кстати, называлась одна из его книг, — и «overground» — лингвистическая шутка, однако точно обозначающая понятие — *чужие*, совокупный враг, не имеющий лица, но оттого ничуть не менее вредный).

«Сопри эту книгу!» — это взрывоопасная смесь иронии, провокации, пародии и мистификаций — и вместе с тем блестяще изложенный комплекс основных идей эпохи, сам дух ее, пропитывающий каждую строку. Начинает Эбби с малого — пародируя бесчисленные американские «руководства» из серии «Как добиться того-то и того-то», он учит, как найти кров, одежду и пропитание в ломящемся от избытка «Амеррейхе» (так, и только так, он называет Америку). Кучка гнусных корпораций загребла под себя все, чем должен свободно пользоваться каждый, — ну так надуй истеблишмент всеми доступными тебе способами, этим ты не только восстановишь справедливость, но и поможешь делу революции. Но никогда не обижай простого работника: продавца, служащего, официантку, — наставляет Эбби, — им

платят такие возмутительные крохи от гигантских прибылей финансовых воротил, что им самим давно пора воровать у своих хозяев.

И тут же следуют советы, как помогать друг другу: как рационально организовать хозяйство в коммуне, смастерить хлеб (позаимствовав материалы на соседней стройке), самостоятельно испечь хлеб, где искать пристанища. Как издавать собственную газету, организовать радиостанцию — и даже нелегальную телестудию. Как уклониться от призыва в армию — и как грамотнее дезертировать, если тебя в нее уже загребли.

Когда Хоффман доходит до раздела об оружии сопротивления, то человек, читающий книгу абсолютно доверчиво, скорее всего, будет шокирован. С совершенно серьезной миной Эбби учит, как изготовить самодельную бомбу, какое оружие удобнее всего для борьбы против «свиной» (слово главным образом означает полицейских, но также — лиц, представляющих государственную власть вообще). Не лишне, однако, помнить несколько вещей: во-первых, Хоффман был натурой невероятно эмоциональной, из тех, кого уж если заносит, то заносит по полной — и прежде всего в словах. Во-вторых, он был к тому времени страшно раздражен — мирные демонстрации кончались побоищами и убийствами, самому ему копы переломали кучу костей, проламывали голову, ломали нос, его друзья гибли, сидели в тюрьмах, их разыскивали в числе «10 самых опасных преступников Америки», так что, сочиняя свои «коктейли Молотова», Хоффман как бы находил выход переполнявшему его гневу. В-третьих, сам он никогда не принимал участия ни в каких террористических актах и более того — тщательно оговаривал в своих «кровожадных» главах: мол, надо быть крайне внимательным, чтобы ни в коем случае не пострадал ни один человек, — все оружие должно применяться строго против «неодушевленных предметов» типа машин и зданий или в случае самообороны, что, кстати, не противоречит законодательству США. В-четвертых, и это, наверное, самое главное, ни в коем случае не стоит воспринимать эту книгу как прямое руководство к действию. Это прежде всего художественный текст, хеппенинг и провокация в одном флаконе, вербализованный образец той самой «театральной герильи», идеям которой Хоффман столь самозабвенно служил.

Так вот, чтобы верно оценить текст, контекст и подтекст хоффмановской книги, нужно неплохо ориентироваться в контексте эпохи. И в этом — тем, кто несведущ, — сильно помогает великолепный справочный аппарат, равного которому в наше время почти и не встретишь. Помимо того, что Николай Сосновский поработал на славу как переводчик, он сделал огромный содержательный комментарий и большую толковую вступительную статью, за что ему отдельное спасибо. Но и этого мало. То, что обошел вниманием Сосновский, тут же дополнила бдительная «науч. ред.» (в лице научного консультанта Александра Тарасова). Так что человек, даже краем уха не слышавший о том, что творилось в мире всего каких-нибудь тридцать — сорок лет назад, может смело начинать знакомство с эпохой с этой книги.

Кости и плоть дзен. Сто одна история дзен. Перевод с английского В. И. Нелина. М., «Эксмо», 2003, 400 стр.

Удивительно приятно изданная книга содержит переведенные с английского (увы, так!) притчи из книги учителя Мудзу (Не Живущего На Одном Месте, XIII век), скомпонованные с текстами дзенских монахов более позднего времени. Все авторы здесь японцы. (Несмотря на то, что главные авторитеты учения, безусловно, китайцы.) Но впечатления это не портит, если читатель, разумеется, не сноб. Как всегда, изданию не повредил бы более пространственный справочный аппарат.

±2

Джузеппе Куликкья. Все равно тебе водить. Роман. Перевод с итальянского М. Визеля. СПб., «Симпозиум», 2003, 187 стр.

Это образчик стиля современного европейского, так сказать, «рассерженного поколения», уставшего от лицемерия и тупости окружающего свободного социума,

который по-прежнему здорово раздражает молодых людей с не вполне атрофированной способностью к мыслительному процессу. Примечательно, что герой, до краев наполненный негативной энергией, начисто лишен каких бы то ни было признаков идеализма. Он не верит никому и ни во что и с готовностью презирает все окружающее пространство.

Проблемы его понятны — юноша, скорый на язвительную расправу с миром, имел несчастье родиться в рабочей семье, которая не смогла нивелировать его под стереотипы среды. В итоге он, любитель чтения, почти назло поступил на философский факультет, где тоже никак не может вписаться в обстановку. Сперва его, правда, пытались забрать в армию, но от армии ему удалось избавиться, поступив на альтернативную службу в какой-то липовый комитет по социализации цыган. Живописно представлена эта бессмысленная контора, занимающаяся заведомо безнадежным делом: цыгане, когда власти очень уж пристанут, делают вид, что соглашаются искать работу, а власти делают вид, что верят, будто коренные отказники в самом деле никак не могут на нее устроиться.

Родители тем временем долбят мозги на предмет зарабатывания денег — гуманные итальянские законы позволяют альтернативщикам жить дома. Потом находится и работа — в книжном магазине, где хозяйка беззастенчиво эксплуатирует сотрудников, лишая всяких прав простым отказом от легального оформления на работу. В общем, этакое несимпатичное лицо современного капитализма, который всего лишь прикидывается ручным.

Рассказчик, видимо мало дистанцированный от автора, при всем своем социальном негативизме не имеет решительно никаких политических симпатий. Студенческую забастовку он описывает с той же мерой брезгливости, как и долбежную дискотеку. Он прежде всего одинок, а потом уж социально неудовлетворен. Притом эта неудовлетворенность носит у его героя какой-то тотальный характер — в принципе, ни он, ни, кажется, сам автор не допускают мысли о возможности иной организации жизни. (Как уже было сказано — идеализма в нем ни на грош.)

Одиночество дополнительно подчеркнуто тягостной для персонажа девственностью. Ему вообще плоховато дается контакт с людьми, с девушками особенно. Да конкретные девушки ему как-то и не особенно нравятся. А которые нравятся, те, похоже, просто не существуют. Зато сам он нравится лицам одного с ним пола, но такие приключения у него энтузиазма не вызывают.

Заканчивается роман, в общем, не слишком оригинально — герой становится писателем. Надо полагать, и создавшим искомый текст. Чтение, надо признать, отнюдь не противное. С интересующей нас точки зрения, видимо, довольно симптоматичный роман. Во всяком случае, показательный для атмосферы сегодняшней молодой Европы. Куликкья, кстати, в Италии чрезвычайно моден. То есть находит понимание у сверстников.

Дмитрий Григорьев. Господин ветер. Роман. СПб., «Амфора», 2002, 335 стр.

Наш ответ Чемберлену — если иметь в виду литературу, так сказать, *альтернативного опыта* (альтернативного, разумеется, в отношении генерального модуса общества потребления), — так вот, наш ответ не то чтобы очень впечатляющ. Во-первых, литературы такого рода не то что мало, ее почти нет (не в смысле физического несуществования текстов, а в смысле физического несуществования книг, поскольку наши неповоротливые издатели все никак не решатся начать освоение зияющей ниши, у края которой давно переминается с ноги на ногу голодная аудитория). А во-вторых, этот почти уникальный образец страдает довольно обидными недостатками, указать на которые поневоле, но придется.

Григорьев демонстрирует вольное истечение того нарратива, который, если вернуться к Уэльбеку, маркирован в его (Уэльбека) системе как голимый негатив: Григорьев позиционирует своего рассказчика, от которого отнюдь не стремится дистанцироваться, как хиппи и позволяет этому неотделимому от автора нарратору делиться впечатлениями опыта «вольных путешествий».

«Вольные путешествия» могут означать многое. И автор, конечно же, подразумевает одновременное включение разных смыслов, хотя сосредоточивается в основном на самом знаменитом сакральном действии битников и хиппи — автостопе.

Дело хорошее, во всех отношениях продуктивное — ибо позволяет путешественнику по мере сил выпадать из железобетонного социума, попадая взамен в самые непредвиденные ситуации, из которых он волен извлекать самый разнообразный опыт. Автору же дает редкую пластичность сюжета, который можно вести абсолютно линейно, а можно — разрывать и кроить куски по своему усмотрению, тем более что тема дает возможность свободно отплывать в области чистой ментальности и прочей галлюцинаторной метафоры.

Но тут и кроется ловушка, в которую — по крайней мере одной ногой — падает наш вольный путешественник. В принципе, он достаточно грамотно разыгрывает карты, сланные ему на руки благосклонной судьбой, но разыгрывает не как гроссмейстер высшего класса, а как мастер средней руки, отчего повествование кажется каким-то неоправданно вялым, а порой даже — особенно к концу — несколько утомительным.

Григорьеву не хватает двух вещей — во-первых, стиля, а во-вторых, чувства юмора. С первым он ничего поделывать не может, а второй свой недостаток, видимо, знает и сам — и потому разрывает поток собственной речи вкраплениями натурального фольклора — анекдотами и байками, которые, надо признать, здорово взбадривают текст. В остальном к достоинствам книги можно отнести прежде всего подлинность материала и вообще известное жизнеподобие. Лучше всего рассматривать ее не как роман, а просто как дневник человека, который ходит нетрадиционными путями. Не только в плане сознательной социальной неадаптируемости, но и в смысле нетипичного мировосприятия. Для которого собственная жизнь есть путь и эксперимент. Или, ежели угодно, *путь эксперимента*.

-2

Андрей Батов. Дао саксофониста. Роман. М., «Пальмира», 2003, 414 стр.

Ну, эту книжку² можно было бы и не описывать: ничем особенным она не примечательна кроме того, что чрезвычайно для нашего времени характерна. Вот за эту *симптоматичную характерность* она и попала в поле нашего зрения — как объект для культурологических медитаций.

«Дао саксофониста», вне сомнений, создавался как «продукт на продажу» (впрочем, «Пальмира», кажется, с другими и не работает). Текст, однако, не вовсе безнадежен — только чрезвычайно испорчен чьей-то бестрепетной рукой, пусть даже и авторской. И вроде бы можно этого автора понять — хоть он и уверяет, будто книга «посвящается тем, кто сопротивляется агрессии серых будней», самого его эти будни, видно, заели до смерти, и ни ответной агрессии, ни просто мужества сопротивляться им он уже не имеет. Издаваться-то хочется...

«Дао саксофониста» содержит все возможные клише коммерческой прозы: герой — натуральный мачо, переполненный неудержимой эротической силой, способный, однако, и самозабвенно полюбить (но — в пределах разумного), с широкой душой, требующей невероятного количества алкогольных напитков, следовательно, бесконечные проститутки, пьянки-похмелье, драки-забияки, да мужская дружба, да плюс к тому он же еще и музыкант, следовательно, натура художественная и к месту постоянной работы никак не привязанная. Ну и еще необходимые для жанра экшн — типа вербовки в контрразведку или русской рулетки. Вот эти художества, вроде нудных рассуждений о значимости объема мужских половых органов, и портят все впечатление.

² См. краткий отклик С. Костырко на эту книгу в соответствующем разделе «Библиографических листков» («Новый мир», 2003, № 12). (Примеч. ред.)

А портить есть что. Потому что в книге есть фактура, которая, собственно, и позволяет рассуждать о ней в рамках литературного процесса. И фактура эта заставляет поверить, что автор все-таки *мог бы быть* писателем, не случись на его пути дьявольского соблазна коммерческого издания. Все, что непосредственно относится к путешествию героя в Китай — в караване грузовиков, перевозящих металлолом, — взятки таможенникам-пограничникам, трудности и опасности на горных дорогах и перевалах, сам Китай, с одной стороны, совковый до умопомрачения (описана даже публичная казнь расхитителей социалистической собственности), с другой — поголовно ориентированный на коммерцию, точно какой-нибудь Азербайджан, — так вот, все это могло бы послужить основой для совсем неплохой книги. Потому что глаз у Батова есть. И слух тоже.

Хотя, конечно, на особенную глубину рассчитывать не приходится. Ни герой, ни, увы, автор — и это очень отчетливо вычитывается из текста — не могут похвастать сколько-нибудь серьезным мировоззренческим модулем. Герой да, пожалуй, и автор хотят, конечно, выпасть из действительности — но куда и зачем, не представляет себе ни тот, ни другой. И в этом свете все эскапады героя выглядят чем-то вроде трюков мотоциклиста под куполом цирка — несется с бешеной скоростью, рискует жизнью, а чего ради? Сойдет с дистанции в той же точке, откуда начал. И дальше остается разве только напиться. Выходит, наш бедный мацо даже на эскаписта не тянет, так, вышел мышкой поиграть.

И здесь, как ни странно, снова протягивается какая-то линия к Уэльбеку. Ведь у его героев, как ни странно, тоже нет мировоззрения. Только они люди европейские, нежные, от этого сильно страдают, а наш пострел аттестует себя патриотом и русским медведем и тому несказанно рад. Медведю-то мировоззрение точно ни к чему. А дао и так куда-нибудь выведет. А не выведет, так и хрен с ним.

Д. А. Таевский. Христианские ереси и секты I — XXI веков. Словарь. М., «Интрада», 2003, 320 стр.

По всем приметам БЫЛА БЫ очень и очень полезная книга. Если бы не одно печальное обстоятельство — НЕКОТОРЫЕ словарные статьи практически дословно воспроизводят соответствующие фрагменты из словаря «Христианство» 1994 года (под общей редакцией Митрохина). Что еще досаднее, фамилия «Таевский» среди авторов того издания отнюдь не значится.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПАВЛА РУДНЕВА

ИЗ ДЕВЯТОГО В ВОСЬМОЙ И ОБРАТНО...

Людмила Петрушевская сама дает объяснение названию книжки: «Девятый том»¹: «Когда я писала статью, я говорила себе: это для девятого тома». Давно знала, верила, что будет, случится все-таки авторский многотомник. И спустя годы, бесконечно иронизируя над собой, словно бы и вовсе не надеясь дожидаться полного собрания сочинений, выпускает томик автобиографической публицистики в авторской редакции. Часть книги Петрушевская отдает, как его сама опять же называет, «своему театральному роману», а проще сказать, живым мемуарам, воссоздающим картину театральной жизни 80-х, когда ее пьесы — «восьмой том», по ее терминологии, — находят свой адски трудный путь на театральную сцену.

«Театральный роман» Людмилы Петрушевской вышел вовремя — когда к ней вернулось потерянное было внимание театрального мира. Еще одно достоинство

¹ Петрушевская Л. С. Девятый том. М., «ЭКСМО», 2003.

издания заключается, пожалуй, в том, что впервые с момента отписанных некрологов по Олегу Ефремову здесь сказаны по-настоящему добрые, небанальные слова о великом артисте, значение которого сегодня подчас занижают. Но есть и еще кое-что, что придает воспоминаниям Петрушевской общественный интерес.

Последние театральные сезоны доказали, в каком неоплатном долгу российский театр перед революционной драматургией Людмилы Стефановны. Новые времена — новые пьесы; бессмысленно призывать современный театр вздохнуть теперь». Но вот в чем парадокс: в самый разгар увлечения новейшей пьесой, когда академические театры, которые еще год назад держались за классику как за спасительный крест, бросились разыскивать новые сочинения Пресняковых, Богаева, Сигарева, Курочкина и Вырыпаева, — в этот момент подлинного прорыва современности на театральные подмостки три постановки по *старым пьесам* Петрушевской сумели взволновать мир театра.

В восстановленном «Чинзано» в театре-студии «Человек» — легендарном спектакле конца 80-х режиссера Романа Козака — трое здоровых мужиков пьют дефицитный итальянский вермут, пьяно мелют языком, подыгрывая себе и своему забродившему настроению музыкой в ритме русского рока. «В субботу мы никому ничего не должны»... Милый, добродушный спектакль о мужском братстве пирующих, вкушающих напиток из мира «dolce vita». Насколько неприглядна и бедна жизнь каждого из них, настолько симпатична и благостна «святая троица», которой так сладко прожигать свою несложившуюся, нескладную жизнь.

В «Московском хоре» Малого драматического театра (режиссеры Игорь Коняев и Лев Додин)², дважды с колоссальными аншлагами показанном в Москве, питерские актеры как бы возвращают (или жестче сказать — предъявляют) сытой, респектабельной столице образ коммунальной Москвы прошлого — пародию на неугасившийся, выродившийся коммунизм. Сквозь причудливую сценографию — многоэтажное переплетение труб, батарей, приваренных к ним железных кроватей, газовых плит и раковин, массивных шкафов, превращающихся в квартирные двери, — восстает театральная шедевр большого стиля, в котором с непростительным опозданием осмысливается послевоенная история страны. Московский хор многокомнатной лестничной клетки — хор любящих/ненавидящих друг друга соседей — отлично поставленными голосами поет «Stabat Mater» Перголези, буквально реализуя заявленную в названии метафору. В этом пропетом *требовании милосердия*, обращенном к неведомой советским людям Богоматери, слышится слаженный голос униженных людей, забитых болезнями, всеобщим лагерным прошлым, нищетой и неустроенностью. Людей, не верящих ни во что, кроме как — последней, слабой верой — в то, что *вместе* лучше, теплее, надежнее, чем в одиночку. И весь спектакль — безостановочное щебетание текста Петрушевской, речь — как лужание семечек, где на орешек смысла приходится ворох слов-паразитов, шелуха избыточных мелочей, которые никак нельзя позабыть.

Пьесу «БиФем», написанную для Лив Ульман и ею же сыгранную в Швеции, в столице, в проектной «F-театре», поставил сын Петрушевской, Федор Павлов-Андреевич. Дисгармоничный мир семейных отношений, кошмар совместного проживания, психозы и невыносимая тяжесть бытия породили в голове Петрушевской дикую фантазию. После гибели дочери-спелеолога мать решается на хирургический эксперимент: поселить то, что осталось от ребенка, в собственном теле по принципу сиамских близнецов. Фантазмагория дает богатую пищу для развития идей любовного притяжения матери и дочери и не меньшей силы их отторжения. Кровь двух — пусть очень родных — женщин не может «совпасть» и «сплавиться» окончательно. «БиФем» — еще одна попытка Петрушевской оседлать любимую тему бытового ужаса. Это еще одно трагическое и страшное высказывание о том, как невыносимо людям жить вместе, рядом друг с другом: «Я ненавижу тебя, когда ты жрешь, я ненавижу тебя, когда ты ешь...» Бесконечная перебранка двух женщин — спор, конфликт, осуждение и унижение. Они словно бы и не замечают

² Отклик на эту постановку см. также в «Театральном дневнике Григория Заславского» («Новый мир», 2003, № 9). (Примеч. ред.)

своего «наглядного» уродства, зато легко подмечают метаморфозы другие, привычные: «Мои вторичные половые признаки исчезают, и ко мне уже не приходит моя Красная Армия, а грудь у мужчин в этом возрасте тоже растет». Пьеса вообще богата такими жемчужинами стиля, в которых моментально узнается боевое перо сострадательного и внимательного писателя Людмилы Петрушевской.

В годы воинствующего феминизма ей удается не превратить творчество в женскую истерику; в годы всеобщего увлечения новой драмой она, единственная из всего поколения так называемой «новой волны», готова преподать ценнейший мастер-класс драматического письма. Ее пьесы — *слушаешь*, остальные — просто *смотришь*.

Удивительный эффект — нисколько не устарев эстетически, драматургия Петрушевской (ее, по сути, и сейчас готовы воспринимать как новаторскую) «вышла из контекста». Она как-то очень быстро потеряла острый привкус реальности, даже сиюминутности, видимо, по той простой причине, что реальность ушла далеко вперед. Быть ностальгически прекрасной, воспоминательно свежей — вот несправедливый удел пьес Петрушевской сегодня. Сила ее таланта не может справиться с поступью времени, предательски ее обманувшего. «Новая волна» драматургии 80-х, не успев окончательно захлестнуть театр, утонула сама в тайфуне перестройки, а затем и в затишье 90-х, когда театр отвернулся от современной пьесы и современности вообще.

Ее брошенный художественный прием успели подобрать драматурги 2000-х годов, склонные так же тщательно, документально фиксировать заповедные уголки реальности, не выглаживая бытовым языком и восхищаясь шероховатостями затрапезной речи. Но есть разница. В сегодняшней моде — жестокие, депрессивные, преувеличенно тяжкие пьесы, уходящие корнями в отрицание мира; пьесы скорее о мучителях, чем о мучениках. Освоив уроки «магнитофонного реализма» и успешно развивая его в пространстве современного театра, новые драматурги *милосердия* Петрушевской не приняли, не прочувствовали, отвергнув путь, через который на подмостки благодаря драматургу, «наблюдателю» и «сострадателю», входила «тихая, пьющая женщина со своим ребенком, никому не видимая в однокомнатной квартире». Эта женщина сегодня снова не заметна, нет ей защиты.

«*В театре иногда бывает такая редкая возможность — понять другого человека*» — сегодня эти слова, проброшенные Петрушевской вскользь и «закопанные» в ее же книге, выглядят уверенным манифестом нового театра, коль скоро он вступил в «интимные отношения» со своими современниками. И вот еще кредо, которое театру имеет смысл написать на своем знамени: «*Пусть отвалится четвертая стена!*» Пусть отвалится!

Печален и тих ее «театральный роман». Решившись издать, довести мемуары до читательских глаз, Петрушевская говорит открыто: братцы, роман-то ведь окончен! Без надежд на продолжение. To be not continued. В отличие от книги Михаила Булгакова, в романе Петрушевской больше траура и скорби, чем чувства благородной мести театру от оскорбленного автора.

Фигура Олега Ефремова здесь ключевая. От первого восторженного театрального воспоминания — игры Ефремова в Центральном детском театре со справедливым замечанием, что все «современниковцы» вскоре научатся говорить по-ефремовски: и Кваша, и Табаков, и Евстигнеев, — до финальных строк «театрального романа». Начавшись ночным звонком ефремовского помощника (первая пьеса написана на заказ МХАТа, сделанный опальному прозаику), он заканчивается смертью Ефремова, самым подробным ее описанием. Неоптимистический, буквально физиологический финал, пожалуй, намекает уже на то, что пьес Петрушевская больше писать не будет. Хотя бы потому, что некому теперь при встрече крикнуть — нервнo и требовательно, как это только и мог Ефремов: «Пьеса! Где пьеса!..»

Чертовски смешно — «телефонным языком» — Петрушевская рассказывает сюжет «Гамлета», доказывая, что ни один драматург не способен увлечь режиссера, если это невыгодно звездам. Черта эссе о людях театра — о Марке Захарове, эпихально поставившем ее «Три девушки в голубом», о Татьяне Пельтцер, покрывавшей эту пьесу неотобранным матом, о светлом учителе Алексее Арбузове, подписавшем ей книжку «от навечно перепуганного педагога», — имеет один сквозной

сюжет: мучительная жизнь в театре, хроника непонимания между режиссером и драматургом, дружба с людьми театра и ненависть к театру-варвару. «Я напишу такой второй акт, что ты точно не сможешь поставить» — слова, сказанные за глаза Ефремову, в сердцах и в обиде. Первый акт — «Чинзано» и второй акт — «Уроки музыки», проигнорированные Ефремовым, будут блистательно поставлены другими. Ефремов возмется только за «Московский хор», премьеру которого сыграют в день 90-летия Художественного театра. Это уже история, славная история советского театра на излете империи.

«Театр отбрасывает гигантскую тень, в которой влачат свое существование ушедшие со сцены. Потерянные, никому не нужные души. Уволенные гении. Ни один главный режиссер не способен покинуть театр добровольно. Умирая, задыхаясь, будет стремиться ставить спектакли». Это выстраданная тема — тема театра-убийцы. Умиравший, задыхающийся Ефремов, потерявшая память, никого не узнающая Пельтцер, Ангелина Степанова, упавшая на втором спектакле «Московского хора» и уже не вышедшая на сцену. И еще — ужасная судьба Наташи Назаровой, изумительной, нежной актрисы МХАТа 80-х, известной по фильму «Любимая женщина механика Гаврилова», а автору этих строк — по детской передаче «Будильник». Незамеченная смерть, трагический конец. Невыносимая театральная жизнь довела до паранойи — актриса перестала разговаривать с коллегами в театре, замкнулась в себе, была уволена и забыта. Сын Петрушевской, встретив знакомую в метро, окликнул, и актриса печально помахала ему колокольчиком, пришитым к varejke...

«Однажды, когда мы с О. Н. разговаривали у него дома, я произнесла имя (Елены Майоровой. — П. Р.). Олег Николаевич ответил, что к нему ночью, во время бессонницы, „они приходят“. Садятся, сказал он».

КИНООБОЗРЕНИЕ НАТАЛЬИ СИРИВЛИ

ВЕСНА, ЛЕТО, ОСЕНЬ, ЗИМА И СНОВА...

Южнокорейский режиссер Ким Ки Дук славится тем, что снимает кино, доводящее слабонервных до обморока. Его жестокость — отражение истории и географии страны, разделенной более полувека военным противостоением, но не только. Для героини фильма «Остров» — хозяйки плавучей гостиницы для рыбаков, в припадке любовного безумия отправляющей постояльцев на корм рыбкам, для персонажей гиньольного социального памфлета «Адрес неизвестен», прозябающих под сенью американской военной базы, для немого сутенера из «Плохого парня», который, влюбившись в девушку, методично превращает ее в проститутку, для свихнувшихся пограничников из «Береговой охраны», безжалостно истребляющих друг друга и местных жителей, насилие — некий экстремальный способ общения в отсутствии слов, выплеск кипящих эмоций, производное страсти и даже обратная сторона любви. Насилие — неотъемлемое свойство жизни. Тем интереснее и неожиданнее последний из вышедших на российский экран фильм Ким Ки Дука (предпоследний в его фильмографии, — работая ударными темпами, режиссер уже успел показать в Берлине новую картину «Самаритянка»), снятый о *ненасиллии*, то есть о буддизме, являющемся, как известно, религиозной основой корейской культуры.

Как это совмещается в одной голове? В сознании и подсознании одного человека? В сознании и подсознании целой страны, тысячелетиями исповедующей учение Будды и при этом создавшей кино, поражающее весь мир жестокостью? В сознании и подсознании всей современной цивилизации, ибо кинематограф Ким Ки Дука рассчитан главным образом на интернационального потребителя и на Западе пользуется куда большим спросом, чем в Южной Корее.

Фильм называется «Весна, лето, осень, зима и снова...».

Дивной красоты озеро в горах. За воротами традиционной архитектуры, распахивающимися прямо в озерную гладь (при этом по обе стороны ворот нет даже намека на стену), в безмятежном покое колыхается плавучий домик — хижина монаха-отшельника. Монах воспитывает ребенка-подкидыша. Статуя Будды, перед ней алтарь, где возжигают курения, по бокам — две циновки, отделенные раздвижными дверями. Стен опять-таки нет, почти как в «Догвилле». Но там это была художественная условность — игра, «как если бы», здесь — условность ритуальная, система ограничений, добровольно наложенных на житейскую логику, жизнь — не стихийная, не как у всех, но выстроенная на соблюдении невидимых норм. Главная из этих норм — ненасилие. Ребенок, однако, — стихийное существо, и насилие для него — способ познания мира. Он, радостно смеясь, привязывает камешки к рыбе, к лягушке, к змее... Наставник, не вмешиваясь, следит за этими садистскими упражнениями. А затем наказывает — привязывает камень ребенку на спину и велит искать рыбку, лягушку, змею: «Если хоть кто-то из них умрет — будешь носить камень на сердце до конца своих дней». Рыбка и змея умирают. Это — весна.

Летом на берегу озера появляется женщина с хворой дочерью лет пятнадцати. Оставляет девочку монаху на излечение. Между подростками, естественно, как лесной пожар, вспыхивает физическое влечение, и происходит все то, что должно было произойти. Тут уже не до ритуальных норм — зов природы. По ночам юноша пробирается к девочке, игнорируя несуществующие стены, презрев запреты. Монах не вмешивается, только, застав влюбленных спящими в лодке, вынимает затычку из дна, чтобы хлынувшая вода несколько остудила их пылающие тела... Девочка выздоравливает. «Значит, лекарство было подобрано правильно», — говорит монах и отправляет ее домой. Юноша, понятно, в отчаянии. «Похоть опасна. Она рождает жажду убийства», — наставляет учитель, но тщетно. Мальчик отправляется вслед за возлюбленной, прихватив с собой каменную статую Будды. Будда, впрочем, остается — его смутный силуэт тут же проступает на стене хижины.

Осень — ученик возвращается. Теперь это беглый преступник, убийца, отправивший на тот свет жену, которая ему изменила. Заросший, с сумасшедшими, больными глазами... Он не в силах жить и пытается покончить с собой. Но наставник его спасает и вновь наказывает — связанного подвешивает к потолку в мучительной позе, а внизу ставит свечку, которая медленно пережигает веревку, оттягивая момент избавления. На берегу появляются два детектива. Монах самолично на лодке переправляет их в хижину, но с арестом преступника просит повременить. Взяв в руки белую кошку, он окунает кончик хвоста в черную тушь и этой импровизированной кистью пишет на помосте, окружающем хижину, длинные столбцы иероглифов. Затем велит ученику вырезать эти иероглифы тем же ножом, которым он совершил убийство. Целую ночь, стерев руки до кровавых мозолей, юноша вырезает на серых досках буддийскую сутру, смысл которой должен внести мир в его мятежную душу. К утру он, обессиленный, засыпает, а детективы с удовольствием кисточками раскрашивают вырезанную премудрость в фиашковый, розовый и фиолетовый цвет. Затем они увозят преступника, а монах, вернув лодку к хижине взглядом, складывает на дне ее колодец из дров, закрывает лицо погребальной маской, поджигает этот плавучий костер и тихо отправляется в вечность. На этом осень заканчивается.

Зима сковывает заповедное озеро метровым слоем льда. Оскальзываясь в лужах на замерзшей поверхности, к опустевшей хижине отшельника вновь приходит намыкавшийся в миру ученик. Он водворяет на место статую Будды, зажигает курения, надевает монашеские одежды и принимается выполнять специальные упражнения, сверяясь с картинками в рукописной книжке, оставшейся от старика. Помимо молитв и упражнений герой занят вытесыванием статуй Будды, используя в качестве материала то бесформенную громаду застывшего водопада, то глыбы озерного льда. Однажды появляется женщина с завязанным лицом. Она приносит ребенка, проводит в хижине ночь и уходит, оставив младенца, чтобы (случайно или нет) закончить свою жизнь, провалившись в прорубь. Годовалый младенец с криками ползет к месту упокоения матери, взрослый мужчина — за ним, и, когда он багром пытается вытащить из полыньи обмякшее тело, вместо лица женщины над водой всплывает прозрачный и совершенный лик ледяного Будды.

В финале, видимо для того, чтобы достичь окончательного просветления, монах взбирается на высокую гору с очередной статуей Будды в руках и привязанным к поясу тяжелым каменным постаментом. По мере того, как он поднимается, мы видим ожившую рыбку, воскресшую змею... И, сбросив камень с души, водрузив божество на вершине, герой предается созерцанию восхитительного пейзажа — безмятежная лощина, внизу идеальной формы круглое озеро, и в центре его — в центре совершенного мироздания — плавает хижина-храм...

А потом все повторяется снова: монах начинает растить и воспитывать мальчика, который, в свою очередь, с радостным смехом мучит на крыльце черепашку...

Итак, в качестве альтернативы стихийной и детски-невинной жестокости бытия фильм (в полном соответствии с буддийским каноном) предлагает интуитивное постижение абсолютной гармонии сущего — «сознание Будды». Оно, однако, с огромным трудом вмещается в сознание конкретного человека с его страстями, желаниями, фатальной вовлеченностью в хаотическое движение кармы. Нужно остановить, заморозить, успокоить в ледяной безмятежности вихревое мельтешение духовно-телесных буддийских атомов — ци, и тогда во всем и повсюду — на небе, земле и воде — будет явлен гармоничный лик Будды. Стихии подчинятся, лодка станет подплывать, повинувшись одному взгляду, смерть станет безболезненной вспышкой в пламени погребального костра... Но с каждым новым человеком все будет повторяться снова и снова: весна, лето, осень, зима... Вечное возвращение, вечное человеческое страдание, под поверхностью которого — все тот же вечный покой.

Даже несмотря на то, что Ким Ки Дук сам сыграл молодого ученика, сделавшегося сначала преступником, а затем монахом, этот гимн буддийской духовности кажется в фильме странно холодноватым, безличным... То есть все то, что запутывает человека в сетях кармы, выглядит живым и естественным, а то, что освобождает, — предстает как некий набор физических упражнений, упрямо нацеленных на преодоление естества. В результате специальных усилий наступает Просветление, останавливающее спонтанное течение жизни, переводящее стихию в новое «агрегатное состояние», подобно тому как вода превращается в лед. И само это совершенное состояние мира и человека разворачивается на экране как ряд сменяющих друг друга, легко читаемых визуальных символов. Но оно при этом не переживается зрителем и героем интимно — как вспышка божественной радости, как поток мистического блаженства...

Ощущение остается такое; словно бы перед нами выложили набор открыток «буддийской» направленности под общим названием «Духовные основы корейской культуры». Все правильно. Но с сочувствием и любопытством это воспринимается только потому, что чужое. Живо представляю себе раздражение, которое вызвал бы православный фильм подобного содержания: келья под елью, монах воспитывает мальчика, мальчик садится в тюрьму, а монах, ступая по воде, удаляется в вечность... Купола, колокола, свечи, иконы, религиозная традиция, невидимой стеной отделенная от страданий и жестокости современного мира... Буддизм, конечно, — учение вполне асоциальное, но и он становится профанацией в процессе превращения глубочайшей мистики просто в «культуру».

В одном из интервью Ким Ки Дука спросили:

«— Что объединяет кинематограф Японии, Китая и Южной Кореи?

— То, что все это страны буддийской культуры.

— А вы буддийский режиссер?

— Нет».

Честный ответ. И, может, в том-то вся и беда, что современные люди в массе своей, принадлежа какой-то культуре (буддийской, христианской, мусульманской), не являются по сути своей ни истинными буддистами, ни подлинными христианами, ни настоящими мусульманами? И, может быть, поэтому все наши попытки противопоставить хаосу и насилию «вечные ценности» древних культур выглядят столь иллюзорными?

WWW-ОБОЗРЕНИЕ ВЛАДИМИРА ГУБАЙЛОВСКОГО

Единый государственный экзамен

Это обозрение посвящено представлению Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в Интернете, основным ресурсам, которые освещают этот самый, вероятно, острый вопрос нашего образования. Главный ресурс — это «Портал информационной поддержки Единого государственного экзамена» <<http://ege.edu.ru>> и его архивная версия <<http://www.ege.ru>>. Ресурс является официальным сайтом Министерства образования. Это — хорошо, поскольку информационным материалам, опубликованным на сайте, вполне можно доверять. Но в силу именно своей официальности, даже стремясь быть предельно объективным, ресурс настроен по отношению к ЕГЭ вполне апологетически. Поэтому для того, чтобы картина не была односторонней, я привлек материалы других сайтов, в частности «Спасем российскую школу!» <<http://spasem-shkolu.p-rossii.ru>>, — уже по названию ясно, что вряд ли создатели сайта будут особенно хвалить реформу образования. Один из его разделов так и называется «Нет! ЕГЭ!».

Краткая история вопроса. 26.07.2000 распоряжением Правительства Российской Федерации № 1072-р был утвержден «План действий Правительства Российской Федерации в области социальной политики и модернизации экономики на 2000 — 2001 годы» <http://www.government.ru/data/structdoc.html?he_id=100&do_id=97> (www.government.ru — официальный сайт Правительства РФ).

Нас будет интересовать в этом «Плане действий» подпункт раздела «Социальная политика» — «Реформирование образования», который, в частности, содержит такой фрагмент: «Поэтапный переход к нормативному подушевому финансированию высшего профессионального образования предусматривает экспериментальную отработку технологии проведения единого государственного выпускного экзамена и его последующее законодательное закрепление. Будет сформирована независимая система аттестации и контроля качества образования. Одновременно будет осуществлен комплекс подготовительных мер по персонализации титула бюджетного финансирования профессионального образования (государственных именных финансовых обязательств)».

Это, по-видимому, одно из первых упоминаний Единого государственного экзамена в нормативных документах правительства.

В переводе с казенного главное, чем озабочено Правительство в этом «Плане действий», — это подушевое финансирование высшего образования. Правительство готово оплачивать обучение в вузе не всем желающим, а персонально, только тем, кто хорошо учится. Ответ же на вопрос «Кто учится хорошо?» или «Кому и в каком размере государство будет оплачивать высшее образование?» должен дать Единый государственный экзамен. Экзамен, не зависящий ни от школ, ни от вузов, экзамен, результатам которого можно было бы доверять.

Министерство образования начинает проводить распоряжение Правительства в жизнь, и, как это часто бывает на практике, вопрос о едином экзамене оказывается сам по себе крайне сложным и начинает жить своей жизнью, вне зависимости от «подушевого финансирования». Начинается идущий по сегодняшний день эксперимент по проведению Единого государственного экзамена. Эксперимент, встретивший на своем пути огромное количество нареканий и недовольства самых разных заинтересованных лиц.

Первый экзамен прошел в 2001 году.

Что представляет собой ЕГЭ сегодня с точки зрения его разработчиков?

«Единый государственный экзамен (ЕГЭ) призван заменить собой два экзамена — выпускной за среднюю школу и вступительный в высшие учебные заведения (вузы), которые проводятся с разными целями и соответственно имеют значительные различия в содержании проверяемого учебного материала. Таким образом, функцией ЕГЭ является как обеспечение итоговой аттестации выпускников средней школы, с целью которой проводится выпускной экзамен, так и отбор учащихся

ся, наиболее подготовленных к обучению в вузах, с целью которого проводится вступительный экзамен». (Спецификация экзаменационной работы по математике для выпускников 11 класса средней (полной) общеобразовательной школы 2003 г. <<http://www.ege.ru/demo.html#spec03>>.)

2003 ЕГЭ. ЕГЭ проводился уже трижды — в 2001, 2002 и 2003 годах. С каждым годом число сдававших экзамен росло. Некоторые результаты 2003 года я приведу:

Математика. В ЕГЭ по математике приняли участие 623 153 выпускника из 47 регионов РФ.

Статистика оценок: «2» — 14,1 процента участников, «3» — 42,0, «4» — 32,4, «5» — 11,4.

Русский язык. В ЕГЭ по русскому языку приняли участие 250 511 выпускников из 37 регионов РФ.

Статистика оценок: «2» — 8,3 процента участников, «3» — 44,0, «4» — 42,2, «5» — 5,5 <<http://ege.edu.ru/PortalWeb/jsp/main/EGEResults.jsp>>.

Это уже очень серьезные цифры.

По всем остальным предметам ЕГЭ сдавало на порядок меньшее число выпускников.

Почему математика. Именно вокруг Единого экзамена по математике кипят страсти. Это вполне закономерно.

Во-первых, именно здесь ожидаются максимальные потери. Кажется, почти никто не настаивает на том, что у нас замечательно поставлено преподавание гуманитарных дисциплин. А вот в преподавании естественных наук у нас и безо всякого ЕГЭ все как будто неплохо, так зачем что-то менять, а если будет хуже?

(У меня складывается такое субъективное впечатление: чем ближе человек к преподаванию математики и особенно специализированной математики, тем яростнее он выступает против ЕГЭ. Министр образования Владимир Филиппов — математик по профессии — виделся здесь редким исключением.)

Во-вторых, в математике есть общий и достаточно строгий критерий знания: решил задачу — плюс, не решил — минус, поэтому она, кажется, лучше всего подходит для объективного анализа. Именно здесь предполагается более-менее отчетливое представление о том, чему же нужно учить (*как* учить, согласия никакого нет, да и быть, вероятно, не может).

Поэтому я тоже буду в основном говорить о ЕГЭ по математике. И попробую выяснить, какие минусы и плюсы есть у единого экзамена по этой конкретной дисциплине.

Тест — смерть мышления. «Вводя тестирование в выпускных классах, мы заменяем принципом угадывания принцип проверки знаний. ЕГЭ напоминает мне игру в наперстки на вокзале. Но если на вокзале мы теряем лишь деньги, то здесь — молодое поколение» (мэр Москвы Юрий Лужков, из выступления на августовском городском педсовете 25.08.2003 — «Московский комсомолец», 2003, 26 августа <<http://www.ege.ru/prensa/avg2003/26-08-03-mk-luzj.html>>).

Это мнение не специалиста, но человека, облеченного властью. Мнение это очень характерное. Это — эмоциональный приговор. Но сравнение министра образования, настаивающего на проведении ЕГЭ, с привокзальным жуликом в устах мэра Москвы выглядит не вполне корректным.

«С помощью тестов нельзя проверить способность к творческой умственной деятельности, к научно-исследовательской работе: из „тяжелодумов“, думающих медленно, но основательно, могут получиться настоящие ученые, инженеры, конструкторы, врачи и другие хорошие специалисты» (Кудрявцев в Л. Д. Среднее образование. Проблемы. Раздумья. М., Московский государственный университет печати, 2003 <http://www.russ.ru/culture/education/20040108_zag.html>). Это уже слова Льва Дмитриевича Кудрявцева, математика, члена-корреспондента АН СССР, профессора МФТИ и в прошлом научного руководителя Владимира Филиппова, см.: <<http://www.philippov.ru/news/416/714>>.

Ректор Московского государственного университета, академик, математик Виктор Садовничий в передаче радио «Свобода» «Лицом к лицу» <<http://www.svoboda.org/programs/FTF/2004/FTF.011804.asp>> менее категоричен. Он говорит о том, что структура ЕГЭ менялась под давлением общественности в лучшую сторону: «Раньше говорилось, что единый экзамен — тест, и все. Сейчас говорит-ся: нет, единый экзамен — три уровня, где есть уже и творческое начало».

Я не берусь утверждать, что никто никогда не говорил, что ЕГЭ должен быть чистым тестом, но уже первый ЕГЭ, проведенный в 2001 году, состоял из трех уровней А, В и С, где, говоря словами Садовничего, присутствует творческое начало.

Заглянем в «СПЕЦИФИКАЦИЮ 2003».

«4. Структура экзаменационной работы.

Структура работы отвечает двоякой цели ЕГЭ — обеспечивать аттестацию выпускников и их отбор в вузы. Работа содержит 30 заданий, распределенных на 3 части (1, 2, 3), различающиеся по назначению, а также по содержанию, сложности, числу и форме включаемых в них заданий.

Часть 1 содержит 16 алгебраических заданий базового уровня, соответствующих минимуму содержания курса „Алгебра и начала анализа 10 — 11 классов” (курс В), обеспечивающих достаточную полноту проверки овладения соответствующим материалом. При выполнении этих заданий от учащегося требуется применить свои знания в знакомой ситуации.

Часть 2 включает 10 заданий повышенного (по сравнению с базовым) уровня, при решении которых от учащегося требуется применить свои знания в измененной ситуации, используя при этом методы, известные ему из школьного курса. Содержание этих заданий отвечает как минимуму содержания средней (полной) школы, так и содержанию, предлагаемому на вступительных экзаменах в вузы. Поэтому в эту часть работы включаются задания как по курсу алгебры и начал анализа 10 — 11 классов, так и по некоторым вопросам курса математики основной школы и по курсу геометрии основной и средней (полной) школы.

Часть 3 включает самые сложные алгебраические и геометрические задания, которые можно сравнить с наиболее сложными заданиями традиционных письменных экзаменационных работ по курсу алгебры и начал анализа, предлагаемых в последние годы МО РФ на выпускных экзаменах в общеобразовательной средней (полной) школе, а также со сложными алгебраическими и геометрическими заданиями, предлагаемыми на вступительных экзаменах в большинстве вузов. Эти задания позволяют выявить и дифференцировать учащихся, имеющих высокий уровень математической подготовки».

Итак, чистым тестом является только самый простой раздел А, раздел В — это задачи с кратким ответом и С — с полным развернутым ответом. Фактически последний раздел — это нормальная и не самая простая контрольная работа по математике.

На сайте «Спасем российскую школу!» помещено обращение к Президенту России, подписанное группой ученых, преподавателей и студентов (всего 259 подписей) <http://spasem-shkolu.p-rossii.ru/17/461_1.shtml>.

«Господин Президент! Господа депутаты!

В последние годы в России Министерство образования проводит ширококомаштабную „модернизацию образования”. По сути дела, сегодня речь идет о судьбе образования как самого значимого компонента в развитии страны.

С нашей точки зрения, реализуемый в настоящее время план „модернизации” образования представляется неприемлемым. Достаточно указать наиболее значимые компоненты этого плана и их очевидные следствия.

1. Примитивизация стандартов для средней школы в совокупности с профилированием старших классов лишает основную массу школьников полноценной естественно-научной базы знаний, т. е. фундаментальной компоненты образования, без которой немислимо поступательное развитие России в XXI веке в условиях нанотехнологической революции.

2. Примитивизация процедуры контроля знаний абитуриентов разрушит сложившийся взаимно-дополнительный комплекс, фактически стимулирующий аби-

туриентов к улучшению качества подготовки. Здесь имеется в виду волонтеристское внедрение Единого государственного экзамена (ЕГЭ), несмотря на его системные недостатки...»

В этих пунктах сформулированы основные претензии к ЕГЭ: это примитивизация процедуры контроля знаний абитуриентов; сюда же можно отнести и основную претензию к ЕГЭ, высказанную ректором МГУ Садовничим: лишение университетов автономии, то есть права подбирать себе тех студентов, которые подходят именно университету, не глядя ни на какие внешние показатели.

Но и учителя, по мнению авторов брошюры «Скажи нет Единому государственному экзамену» <<http://spasem-shkolu.p-rossii.ru/cgi/nph-download.cgi/netege.doc>>, пострадают не меньше, чем высшая школа:

«Против кого готовят удар... чиновники? Основной адресат — учитель средней общеобразовательной школы! Именно этот „элемент“, с его субъективностью, непросчитываемостью, невозможностью оцифровки и перевода в понятные алгоритмы, становится лишним. Вновь появляется химера 60 — 70-х годов прошлого века — телешколы, фантазии футурологов о компьютерном образовании суперлюдей. То, что во всем мире подтвердило свою полную несостоятельность».

Рациональные (а не эмоциональные) аргументы противников ЕГЭ ясны и правильны. И один из главных: тест недостаточен. Игорь Шарыгин (недавно скончавшийся член исполкома Международной комиссии по математическому образованию (ЕС ICMI), заведующий лабораторией «Геометрия» Московского центра непрерывного математического образования), пишет: «Традиционной чертой российского математического образования является принцип доказательности. Очень четко этот принцип соблюден в учебниках по математике. Ни одного недоказанного утверждения, ни одной формулы без вывода. И этим наше математическое образование отличается от американского...» <<http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/shar.html>>. Действительно, при чисто тестовом подходе доказательству нет места. Но, кажется, на чистом тесте никто уже не настаивает.

Исключения и норма. Попытка стандартизации образования — это не обязательно плохо. Попытка посчитать образование в «объективных» цифрах и баллах — это лучше, чем ничего. Как сейчас мы оцениваем качество работы учителя? По тем оценкам, которые он сам ставит своим ученикам. Других критериев у нас нет. Почему же так унижительно для учителя вынести результаты своей работы на общий суд?

Любой универсализм всегда приводит к потерям, он рассчитан не на прорыв, а на стандарт. Но он может дать гарантию от падения.

Я просмотрел и в основном прорешал ЕГЭ по математике за 2003 год. И попробовал сравнить его с экзаменационными контрольными на мехмат МГУ 2000 и 2001 годов. Поскольку именно в математике и как раз в ее предельных случаях, таких, как мехмат, и ожидаются самые серьезные потери.

Разумеется, это мое личное впечатление, но разница бросается в глаза буквально с первой мехматской вступительной задачи — традиционно самой простой. Аналога последней, традиционно трудной стереометрии, в ЕГЭ просто нет. Но даже первая задача — это, конечно, раздел С из ЕГЭ. И даже не совсем так. Ученик, сдавший ЕГЭ на 42 балла, то есть безупречно выполнивший все задачи, может не решить даже первую задачу из контрольной мехмата. Это разные математики.

Если егээшные задачи можно сравнить с просторным коридором, может быть, в этом коридоре и есть один-два поворота, но они, в общем, ясны и достаточно однозначны, то на мехмате задача, даже первая, — это короткий и несложный, но лабиринт, где ветвления плохо предсказуемы. И наоборот: любой абитуриент мехмата должен набирать на ЕГЭ высокий балл. Если у него возникают серьезные трудности — это уже пробелы в подготовке, и не очень понятно, зачем ему на мехмат.

Этим объясняется озабоченность многих математиков. Математика — при всей своей объективности — не одна. И фундаментальные результаты приносит та, которая в ЕГЭ не вписывается, а существует как бы параллельно. И эту математику нужно оставить в покое, согласившись с тем, что она — для избранных. Избранных же много не бывает.

Позиция ректора МГУ Садовнического кажется вполне взвешенной: «Почему он (экзамен) не должен быть единственным? Хотя бы потому, что, насколько мне известно, ни в одной стране мира нет ситуации, когда это является единственной формой, вообще решающей судьбу навсегда. Он не может, как бы красиво он ни был сделан, быть объективным показателем действительно таланта поступающего. Ведь проведены исследования, что даже при таком хорошо организованном тестировании, объективном, тем не менее проявляется преимущество детей из более обеспеченных семей. Вот западные исследования говорят, что имеют преимущество мальчики перед девочками и даже есть предпочтения по национальностям. Это есть показатели, которые зафиксированы в международной теории тестирования».

ЕГЭ как любой разовый предельно объективный тест не может быть показателем глубокого знания предмета. Но он может продемонстрировать незнание. Как в тестировании программ: тест может продемонстрировать ошибку, но не может дать гарантии безошибочности. Тест может установить нижнюю границу.

Если факультет заинтересован просто в добротной подготовке по предмету, то ЕГЭ кажется вполне приемлемым. Но если это ЕГЭ по профильному предмету, факультет, безусловно, должен иметь право провести повторный отбор. Или применить какую-то другую форму отбора. Знания, которые необходимы, чтобы учиться на первом курсе мехмата, — это ведь очень специфические знания, это талант, это определенная предрасположенность. И вот эту-то предрасположенность общий экзамен не может выделить — да и не должен. Потому что здесь речь идет об индивидуальности. «Талант — единственная новость, которая всегда нова», — сказал Пастернак, но для новости нет стандарта, иначе она не новость.

Точно так же при поступлении, например, на романо-германское отделение филфака справедливо требовать не просто знания языка в размерах ЕГЭ, но и, скажем, свободного владения английским или каким-то другим иностранным языком. Или физику на физтех тоже нужно отбирать нестандартную.

Но здесь мы все время берем предельные случаи. И математика, и физика, и иностранный язык — это крайне небольшой спектр специализаций: это предметы, которые в школе проходят все, но далеко не все будут на них специализироваться. Почему не принимать математику на химфак по результатам ЕГЭ? А уже химию — специальным тестом. Тогда абитуриенту засчитывается математика по ЕГЭ, и у него гораздо больше времени на подготовку к нестандартной химии.

А ведь есть специальности, которым в школе просто не учат. И экзамены фактически сводятся к проверке общей подготовки. Умеет решать квадратные уравнения, пишет более-менее грамотно — берем. Это касается сегодня всех практически программистских специальностей. Сегодня, по существу, программированию в школе не учат, и вступительные экзамены никак не подтверждают и не опровергают пригодность студента или его талант. Здесь ЕГЭ приемлем полностью. То же можно сказать практически обо всех технических специальностях.

Садовничий: «Моя позиция по-прежнему состоит в том, что абсолютизировать единый экзамен нельзя, это приведет к тяжелым, повторяю, последствиям в уровне нашей подготовки. Но учитывать его, вписать его в общую систему приема — это полезно. И это абсолютно разумно».

Не нужно бояться ЕГЭ. Ученики говорят, что ЕГЭ — это сложно, и они, безусловно, правы, поскольку ЕГЭ сложнее, чем выпускные контрольные работы, которые сейчас пишут в неспециализированной школе.

Преподаватели вузов (правда, не все) говорят, что ЕГЭ — это слишком просто, чтобы можно было по его результатам принимать в вузы, особенно на те специальности, для которых сданный ЕГЭ является профильным, и их тоже можно понять (вспомним хотя бы математику на мехмат).

Но ЕГЭ — это не настолько сложно, как о нем рассказывают (по математике его сдали на положительную оценку в 2003 году 85,9 процента, то есть около 535 тысяч), и не настолько просто (по математике его сдали на «отлично» в 2003 году 11 процентов, то есть около 68 тысяч), чтобы говорить о крахе и неизбежной примитивизации образования.

Критерии полноценности среднего образования. «Остановимся лишь на одном необходимом признаке полноценности среднего образования, который не вызывает сомнения. Он состоит в возможности после получения среднего образования продолжить свое образование в любом обычном высшем учебном заведении (т. е. речь не идет о консерватории или художественной академии). Иначе говоря, полноценное среднее образование должно давать знания и воспитывать культуру мышления, дающие возможность поступления и успешного обучения в университете на любом факультете (математическом, естественно-научном, гуманитарном), в техническом, экономическом, медицинском, юридическом или каком-либо еще высшем учебном заведении. <...>

Именно этому критерию и удовлетворяла советская средняя школа тридцатых — пятидесятых годов, и тем самым этот исторический пример нашего недавнего прошлого подтверждает, что сформулированный критерий полноценности среднего образования реализуем на практике» (Л. Д. Кудрявцев, «Среднее образование. Проблемы. Раздумья»).

Возможность «после получения среднего образования продолжить свое образование в любом обычном высшем учебном заведении» только косвенно связана со знаниями и культурой мышления. Она связана с четко отрегулированными и формализованными требованиями к выпускнику школы и абитуриенту вуза: эти требования должны быть, грубо говоря, одни и те же. А уж какие это требования, как они воспитывают культуру мышления — это вопрос отдельный, и прямого отношения к поступлению в вуз он не имеет.

Именно эту задачу ставят перед собой сторонники ЕГЭ: задачу отлаженной координации школьной подготовки и вузовских требований. Но сегодня задача не просто сложнее по сравнению с 30-ми годами прошлого века — она имеет другой порядок сложности.

Если в 30-е годы можно было одной жесткой директивой согласовать все, в частности утвердить школьную программу, единую для всех, то сейчас ситуация несколько иная. Школы учат, чему хотят (а то и ничему не учат), вузы устанавливают требования, какие хотят (полная автономия). При этом школы кивают на вузы: мол, они сами себе придумывают экзамены, и мы не в состоянии подготовить к ним детей. И школьных учителей можно понять — при широчайшем спектре запросов, предъявляемых вузами, невозможно готовить детей к поступлению: каждого нужно готовить отдельно. А раз невозможно, значит, вообще не нужно. И школа теряет последний критерий оценки своей полезности: процент поступивших.

Остаются только оценки, которые учитель ставит в классный журнал, — вот по этим оценкам и судят о его квалификации. Ситуация полной безответственности неизбежно развращает. Ситуация полной невостребованности угнетает. Лучшие учителя уходят из обычной школы в специализированные или платные школы при вузах.

Вузы говорят: школы ничему не могут научить, значит, мы должны устроить не только высшее образование, но специализированное среднее, значит, полностью оправдан механизм платных (иногда очень дорогих) подготовительных курсов и репетиторов.

Как только жесткое административное регулирование перестало давить на школу и вуз, каждый пошел в свою сторону, не очень думая о последствиях для выпускника и абитуриента. И дистанция между выпускниками и абитуриентами стала стремительно увеличиваться.

И этот выпускник-абитуриент остался один. Школа от него отказалась. А вуз предложил оплатить свои услуги. В этой ситуации, чтобы обеспечить возможность «после получения среднего образования продолжить свое образование в высшем учебном заведении», необходим скрепляющий узел, точка отсчета, которой и может стать ЕГЭ.

Наличие ЕГЭ, его признанность и авторитет неизбежно поднимут авторитет школьного учителя, а не унижат его, отняв право последней проверки, как утверждают многие критики ЕГЭ. Школа должна выиграть более, чем кто-либо из заинтересованных сторон. Вузам придется несколько потесниться: им придется как-то согласовывать свои программы с программами школ или доказывать, что вот именно в данном случае мы имеем дело с исключительной ситуацией, — а исклю-

чения будут, как, например, рассмотренная нами ситуация с математикой на мехмате, когда средний уровень студента должен быть заведомо выше, чем уровень школьной подготовки, когда необходим именно талант, а не только свободное владение материалом средней школы.

И, конечно, выиграют выпускники-абитуриенты. Дело не только в том, что не придется сдавать много экзаменов. Но будут понятны критерии подготовки — внешние, не зависящие от конкретной школы или вуза. В таких условиях можно хорошо подготовиться самостоятельно. В таких условиях учителя могут накапливать опыт подготовки, и качество этой подготовки будет расти год от года.

Заключение. В 2004 году московские вузы (кроме МГУ) будут зачислять абитуриентов по результатам ЕГЭ.

Когда выйдет этот номер журнала, московские школьники уже будут сдавать ЕГЭ. Экзамен добровольный, и потому можно будет посмотреть, кто придет сдавать ЕГЭ и каковы будут его результаты. И если никто не придет, то можно будет сказать, что эксперимент в его сегодняшней форме провалился.

Но даже не зная результата, я рискну высказать свое мнение: ЕГЭ — необходим, но каковы его конкретные формы, какие ему могут быть альтернативы и на какой базе будут рассматриваться исключения — это все следует обсуждать, обсуждать внимательно и подробно.

**Редакция журнала «Новый мир»
совместно с приходом
Храма свв. бсрр. Космы и Дамиана в Шубине
собирает книги для тюремных библиотек.**

**Координатор программы: Алена Ярмач,
тел. (095) 209-57-02.**

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

КНИГИ

Юрий Арабов. Биг-бит. Роман, повести. М., «Андреевский флаг», 2003, 400 стр., 10 000 экз.

Основу книги составил роман «Биг-бит» — повествование, воспроизводящее, по замыслу автора, социально-психологическую атмосферу 60-х годов; сюжет образует история одной компании подростков, утверждающих себя в музыке, предтеч современной отечественной рок-культуры. Первая публикация, с подзаголовком «Роман-мартиролог», — в журнале «Знамя» (2003, № 7, 8). Роман получил главную премию имени Аполлона Григорьева по итогам 2003 года.

Жак Арпман. Орланда. Роман. Перевод с французского Елены Клоковой. М., «Текст», 2003, 302 стр., 1500 экз.

Знаменитый роман бельгийской писательницы, построенный отчасти как современный римейк-пародия на «Орlando» Вирджинии Вульф.

Генрих Бёль. Глазами клоуна. Групповой портрет с дамой. Потерянная честь Катарины Блюм. Письмо моим сыновьям. Перевод с немецкого Е. Кацевой, Е. Михелевича, Р. Райт-Ковалевой. М., «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир», 2003, 544 стр., 5000 экз.

В издательской серии «XX век. Зарубежная классика» вышли подготовленные Евгенией Кацевой (она же автор предисловий) тома избранной прозы Бёлля и Фриша (Фриш Макс. Номо faber. Монток. Человек приходит в эпоху голоцена. Синяя борода. Перевод с немецкого Л. Лугиной, Е. Кацевой, С. Шлапоберской. 2004, 495 стр., 5000 экз. Кроме указанных на титуле в книгу вошли: «Сценарий одного несчастья», «Вильгельм Телль для школы», «Опросные листы 1966 — 1977 гг.», «Швейцария без армии?»). Редакционная коллегия серии: С. С. Аверинцев, С. К. Апт, А. Я. Ливергант, М. И. Былинкина, Е. А. Кацева.

Борис Гашев. Невидимка. Стихи. М., «Футурум БМ», 2003, 142 стр., 1000 экз.

В издательской серии «Первая книга поэта» вышла книга Бориса Владимировича Гашева (1939 — 2000), стихи которого при жизни автора известны были почти исключительно в кругу его литературных друзей. «Я всегда помнила об этом человеке, что вот живет в моей родной Перми настоящий поэт. Всегда знала, что рано или поздно он будет издан, и прочитан, и признан», — пишет Анна Бердичевская, главный редактор издательства «Футурум БМ» и автор предисловия. В книге два раздела: «Стихи, собранные самим автором при жизни и выстроенные им в свой первый сборник» и «Архив»; на последних страницах помещены воспоминания Надежды Гашевой о муже.

Василий Голованов. Время чаепития. Повести и рассказы. М., «Вагриус», 2004, 285 стр., 3000 экз.

В книгу вошли повести «Танк» (первая публикация в «Новом мире» — 2003, № 5), «Ни с кем и никогда», рассказы из цикла «Территория любви».

Джеймс Джойс. Портрет художника. Перевод и комментарии С. Хоружего. М., «Минувшее», 2003, 316 стр., 3000 экз.

«Первый раз в русском переводе — первая проза Джеймса Джойса: этюд-исповедь „Портрет художника“ (не путать с романом „Портрет художника в юности“. — С. К.) и роман „Герой Стивен“, частично уничтоженный автором. Прозу автора сопровождают комментарий и дешифрующая статья» (из издательской аннотации; «дешифрующая статья» называется «Записки универсума в юности» и принадлежит Сергею Хоружему).

Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. Составление и вступительная статья А. И. Ильф. М., «Текст», 2003, 511 стр., 5000 экз.

Книга напечатана в авторской редакции по первому изданию 1937 года (в последующие издания вносилась цензурная правка) с добавлением не печатавшихся ранее писем и фотографий из личного архива А. И. Ильф.

Имре Кёртес. Кадиш по нерожденному ребенку. Перевод с венгерского Ю. Гусева. М., «Текст», 2003, 206 стр., 3500 экз.

Повесть нобелевского лауреата 2002 года, представляющая монолог героя, который заворочен ужасом Освенцима и уже не верит ни в Бога, ни в возможность разумного устройства человеческой жизни: «...если что-то и в самом деле иррационально, если для чего-то действительно нет объяснения, то это не зло, а, напротив, добро. Вот почему меня давно интересуют не вожди, канцлеры и прочие сановные узурпаторы, сколько бы любопытных вещей ни рассказывали бы вы мне об их душевном мире: нет, вместо жизни диктаторов меня уже давным-давно интересует исключительно жизнь святых, ибо ее я нахожу интересной и непостижимой, для нее не нахожу чисто рационального объяснения...»

Николай Коляда. Носферату. Пьесы и киносценарии. Екатеринбург, Уральское издательство, 2003, 416 стр., 3000 экз.

«Птица Феникс», «Бенефис (Вовка-Морковка, Кликуша)», «Вор», «Носферату», «Дудочка», «Нюра Чапай», «Откуда-куда-зачем», «Нежность», «Рогатая зеленая змеюка», «Недотыкомка», «Курица».

Вячеслав Куприянов. Лучшие времена. Стихотворения. Верлибры. Переводы. М., «Молодая гвардия», 2003, 366 стр., 3000 экз.

Книга, составленная автором как своеобразная визитная карточка, — избранное из написанного более чем за тридцать лет.

Олег Ларин. Пейзаж из криков. Повести. М., «Новый ключ», 2003, 336 стр., 500 экз.

Проза постоянного автора «Нового мира», прозаика и очеркиста, — повести «Пустынька», «Пейзаж из криков», «Небылица в лицах».

Виктор Некрасов. Записки зеваки. Составление, предисловие, примечания В. А. Потресова. М., «Плюс-Минус», 2003, 604 стр., 5000 экз.

Автобиографическая проза Виктора Некрасова («Записки зеваки», «Взгляд в нечто», «Саперлипопет», «Случай на Мамаевом кургане») в издательской серии «Мой 20 век».

Джордж Оруэлл. Фунты лиха в Париже и Лондоне. Повесть. Перевод с английского В. Домитеевой. СПб., «Азбука-классика», 2003, 244 стр., 10 000 экз.

Первая, написанная в 1933 году, повесть Оруэлла, отчасти автобиографическая, о собственной молодости и «артистической нищете».

Наталья Смирнова. Женская азбука. М., «Футурум БМ», 2003, 286 стр., 1000 экз.

Третья книга современного прозаика: несколько рассказов и коротких повестей, а также цикл, давший название книге, — «истории, воспоминания и размышления самых разных женщин — веселых, молодых, удачливых, образованных, замужних, а также печальных, немолодых, одиноких»; «истории» эти представляют собой социально-психологические, биографические иронично написанные миниатюры, которые, несмотря на наличие длинного списка женщин-«информантов» писателя, уже не имеют прямого отношения к прототипам, а являются самостоятельной и оригинальной художественной формой, изобретателем которой в данном случае выступает автор книги.

Елена Съянова. Гнездо орла. Роман. М., «ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир», 2004, 480 стр., 3000 экз.

Попытка художественного исследования феномена немецкого фашизма, на материале истории Третьего рейха (действие романа происходит в 1937 — 1959 годах), среди действующих лиц Гитлер, Гесс, Геринг, Муссолини, Борман и, что в данном случае важно для авторского замысла, члены их семей. «Композиционный принцип романа можно сформулировать так: „а в это время“. Вот вам история, политика, столкновение государств и „высших интересов“ нации. А вот — обыкновенная жизнь „маленьких“, очень маленьких, безобидных людей, которые приносят друг другу страдания. На самом деле „времена“ здесь разные: быстрое, катастрофическое, постоянно взрывающееся время политики и очень медленное время „частной жизни“... Но эти „времена“ не параллельны, они переходят друг в друга, постоянно смешиваются, теряют разделяющие их границы» (из послесловия к роману Олега Дарка).

Николай Тряпкин. Горящий Водолей. Составление, вступительная статья С. С. Куныева. М., «Молодая гвардия», 2003, 494 стр., 3000 экз.

Избранные стихотворения — лучшее за пятьдесят лет.

Ив Аман. Александр Мень: «Люди ждут Слова». Авторизованный перевод с французского Н. В. Гарской. М., «Рудомино», «Текст», 2003, 191 стр., 3000 экз.

Одна из самых востребованных книг (нынешнее издание — 4-е, переработанное) о личности и деятельности Александра Менья, написанная его учеником, французом, для французского читателя и почти сразу же переведенная на русский язык. Предисловие к книге написал архиепископ Михаил (Мудьюгин), ныне покойный, послесловие — Георгий Чистяков.

Алексей Левинсон. Опыт социографии. Статьи. М., «Новое литературное обозрение», 2004, 664 стр.

«...здесь собраны статьи, написанные в разное время и посвященные весьма разным вопросам: город, насилие, книга, реклама... В той конфигурации тем, которая сложилась, отражается не только моя биография за тридцать с чем-то лет, но, как я думаю, и движение общественного интереса, предчувствие которого часто управляло моим выбором. Для общества это история, а для меня как обывателя, порой участника, а также исследователя и автора это — опыт» (из авторского предисловия). Разделы книги: «Город и ценности», «Праздник и памятник», «Неклассические формы» (дефицит и реклама как неклассические социальные формы), «Чувственность» (социология запахов), «Институты и идентичность», «Мужская война» (о насилии).

Борис Носик. Альберт Швейцер. Белый доктор из джунглей. Издание 2-е, переработанное. М., «Текст», 2003, 431 стр., 3000 экз.

Издававшееся в 70-е годы жизнеописание Швейцера, переработанное автором для нового издания.

Уго Перси. «Не пой, красавица, при мне...» Культурная территория русского романтизма. Перевод с итальянского Я. Токаревой и У. Перси. Под редакцией А. Полонского. М., «Аграф», 2003, 336 стр., 1000 экз.

Музыка и образы музыкантов в русской классике (у Пушкина, Лермонтова, Станкевича, Панаева и других).

Марина Райкина. Галина Волчек, как правило, вне правил. М., «Новое литературное обозрение», 2004, 576 стр., 10 000 экз.

Книга об одной из центральных фигур русского театра второй половины XX века, актрисе и режиссере, руководителе одного из самых знаменитых театров страны, яркой, неординарной личности — вот основная тональность книги, в работе над которой автор использовал личные впечатления и размышления о Галине Волчек, ее рассказы о своем детстве, семье, учебе, молодости, театральной судьбе, а также рассказы о Волчек ее друзей и коллег. Повествование сопровождается огромным количеством фотографий из личных и театральных архивов.

Р. Х. Симонян. Россия и страны Балтии. М., «Academia», 2003, 456 стр., 2000 экз.

Монография директора Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, написанная на материале многолетнего изучения тех социальных процессов, которые происходили сначала в Прибалтийских республиках Советского Союза, а затем уже в Литве, Латвии, Эстонии как суверенных государств; «...все происходящее в этом регионе рассматривается здесь через призму отношений с Россией... Своей задачей автор поставил проанализировать широкий комплекс социальных процессов, включая экономические, политические, этнокультурные, психологические, правовые и этические аспекты на основе компаративного подхода» (от автора). В книге четыре главы: «Социальный феномен „Страны Балтии“», «Российская диаспора в Балтии», «Движение к либеральной экономике и формирование новой социальной структуры», «Два информационных пространства».

Гилберт Кийт Честертон. Человек с золотым ключом. Перевод с английского Н. Л. Трауберг. М., «Кукушка», 2003, 332 стр., 3000 экз.

«Автобиография» и эссе с автобиографическими мотивами Честертон в издательской серии «Мой 20 век».

Сергей Чупринин. Русская литература сегодня. Путеводитель. М., «ОЛМА-ПРЕСС», 2003, 445 стр., 3000 экз.

Развернутые, снабженные библиографией справки о более чем ста ведущих современных писателях (поэтах, прозаиках, критиках), а также — хроника наиболее выдающихся литературных событий с 1986 по 2003 год (раздел «Памятные даты»), сведения о литературных премиях России, писательских союзах и объединениях, представление

периодических изданий. Поскольку, «отбирая в современной литературе самое достопримечательное, автор ориентировался не на собственный придирчивый вкус, а на темы, сюжеты и фигуры, наиболее актуальные для сегодняшнего читательского большинства, то эту книгу, вероятно, можно использовать и как учебное пособие» (от автора).

Составитель Сергей Костырко.

ПЕРИОДИКА

«Вестник», «Время новостей», «Vip.Lenta.Ru», «GlobalRus.ru», «Дело», «День и ночь», «День литературы», «Еженедельный журнал», «Завтра», «Знание — сила», «Иерусалимский журнал», «Известия», «Иностранная литература», «Книжное обозрение», «Континент», «Кольцо „А”», «Лебедь», «Левая Россия», «Литература», «Литературная газета», «Литературная Россия», «LiveJournal», «Московские новости», «Московский литератор», «Народ Книги в мире книг», «Наш современник», «НГ Ex libris», «Нева», «Неприкосновенный запас», «Новая газета», «Новая Польша», «Новое время», «Огонек», «Октябрь», «Отечественные записки», «ПОЛИТ.РУ», «Посев», «Права человека в России», «Простор», «Российский писатель», «Русский Журнал», «Русский курьер», «Свободная мысль — XXI», «Сибирские огни», «Собеседник», «Солнечное сплетение», «Спецназ России», «Топос», «Урал»

Леонид Агранович. В те разнообразные годы. Воспоминания об Александре Галиче. — «Иерусалимский журнал». Журнал современной израильской литературы на русском языке. Выходит ежеквартально. Иерусалим, 2003, № 14-15 <<http://www.antho.net/jr>>.

«Провожать Галичей в аэропорт собралось неожиданно много народу, хотя заметно было и чье-то понятное отсутствие, страшно же. Андрей Дмитриевич Сахаров. Лева Копелев, знакомые, известные, неизвестные, неофициальные лица. Ангелина, несмотря на жару, в норковой шубке, сережки, брошь... Кто-то пошутил: „Ты как Остап Бендер на румынской границе”. Предполагалось, ценности эти помогут перебиться там первое время, но таможня не пропустила караты. Пахло бедой, навсегда же прощались, но шутили, острили, бодрились, а кто-то и всплакнул...»

См. также: Валерий Лебедев, «Рядом с Галичем» — «Лебедь», Бостон, 2004, № 361, 8 февраля <<http://www.lebed.com>>.

Василий Аксенов. Вольтерьянцы и вольтерьянки. Старинный роман. — «Октябрь», 2004, № 1, 2 <<http://magazines.russ.ru/October>>.

«Глава первая, в коей парсуна превращается в роман, пустынные берега в парижскую Масленицу, портрет Вольтера в живую персону, театральные скандалы в триумф, трезубец Нептуна в объятия Морфея...» Ну и так далее.

См. также: «Да, нам не хватает такого, как Вольтер. Не вождя, который поведет армии, а духовного лидера, который и сдержит своим обаянием революции, и будет чувствовать социальную справедливость. Просвещенного, элегантного человека с большим чувством юмора», — говорит Василий Аксенов в беседе с главным редактором «Октября» Ириной Барметовой («Московские новости», 2004, № 3 <<http://www.mn.ru>>; полностью — «Октябрь», 2004, № 2).

См. также: Василий Аксенов, «Язык курятника» — «Огонек», 2004, № 6 <<http://www.ogoniok.com>>; о русском языке: «<...> можно смело попрощаться с Великим и Могучим. Остается только надеяться на будущий Правдивый и Свободный».

См. также: Михаил Генделев, «Ода на взятие Биаррица 20 августа 2002 года» — «Солнечное сплетение», № 24-25 <<http://www.plexus.org.il>>.

Василий Палыч наш Аксенов
комплект
респект
унд
интеллект
с самим собой соотнесенный
скорей эпитет чем субъект

Кирилл Александров. Октябрь для кайзера. Заговор против России в 1917 г. — «Посев», 2004, № 1, 2 <<http://posev.ru>>.

Данная статья — результат занятий автора в Гуверовском архиве Стэнфордского университета (Пало-Альто). В центре внимания — фигура генерал-майора Сергея Николаевича Поточко (1877 — 1954), который в 1917 году был русским военным агентом (атташе) в Копенгагене. «Усилия русских спецслужб, направленные весной — летом 1917 г. на разоблачение антигосударственной, изменнической деятельности Ульянова и лиц из его ближайшего окружения, остаются сегодня еще малоизвестными».

Кирилл Анкудинов (Майкоп). К вопросу о пощечине. Лев Толстой и Православие: попытка анализа. — «Литературная Россия», 2004, № 5, 6 февраля <<http://www.litrossia.ru>>.

Автор — да и не он один — по сути, рассматривает Церковь как институт, существующий ради *улучшения жизни здесь и сейчас* («<...> великая сила, которая могла бы избыть общественные противоречия мощью духовной работы <...>»). А она — плохая — не «избыла», не исполнила «свою работу». Отсюда — и вся путаница в его статье.

См. также: «<...> за 1990-е годы Русская православная церковь упустила свой шанс вписаться в современный мир, стать одним из ключевых институтов формирующегося в России и других государствах постсоветского пространства гражданского общества. <...> она стала прибежищем для людей с низким уровнем образования и социальной активности, посмешищем для интеллектуалов и молодежи, а главное, наблюдателем и критиком, но не участником текущих политических и социальных процессов», — считает **Николай Митрохин** («Русская православная церковь — итоги десятилетия» — «Неприкосновенный запас», 2003, № 6 <<http://magazines.russ.ru/nz>>).

Кирилл Анкудинов (Майкоп). Широкое поле. — «Литературная Россия», 2004, № 2-3, 23 января.

«Поэзию [Юрия] Кузнецова никогда не поймет тот, кто не был на Кубани, тот, кто не видел кубанской природы. <...> Стоит зайти на такое поле — и увидишь мир, в котором нет ничего, олицетворенное воплощение бесконечности и пустоты. Постоянное место действия стихотворений Юрия Кузнецова — былинное „чисто поле“ — непомерное и ровное пространство, на котором с грохотом сшибаются потусторонние силы. <...> русская мистика — это не „домовенок Кузька“ <...> это — дикие вселенские стихии, воюющие ветра и страшные обряды; это — воздух, вода, земля и огонь, восстающие на современного человека. Он, современный человек, абсолютно не готов к встрече с мистикой, и эта неготовность становится главной темой ранней поэзии Юрия Кузнецова».

См. также фрагменты беседы **Юрия Кузнецова** с Владимиром Бондаренко, состоявшейся за три дня до смерти поэта («Кому в Ад, кому — в Рай» — «НГ Ex libris», 2004, № 2, 22 января <<http://exlibris.ng.ru>>); «Поэт сошел в Ад. Если это литературный прием, то поэме моей грош цена. <...> Я попал в Ад по своему поэтическому желанию, а задавать вопрос о Рае преждевременно. Говорить о Рае я не буду. Моя поэма о Рае еще не написана. <...> Насчет Никона не знаю, а Аввакум — он в Раю будет. Я еще подумываю, будет ли в Раю Григорий Распутин? Я склонен к этому, подумую. <...> А что касается живых людей, попавших у меня в Ад, думаю, это почти бесспорно. Много зла сделали. Ответственны перед Богом. Те, например, кто подписал письмо 42 либеральных писателей об уничтожении инакомыслящих, — куда их было девать? Только в Ад. <...> В поэме он [Христос] говорит со мной на санскрите, он дал мне силу понимать все языки там, в том шестовии. Я всех героев, зверей и птиц понимал... <...> Апокрифы писались в древние времена, кто же сегодня возьмется за такой труд, кроме поэта? Поэт, переживая, вживаясь в образ Христа, приближаясь к нему своим воображением, сам обо всем догадывается. Тут даже не у кого спрашивать совета. *У духовника? Но кто ему даст ответ?* (Курсив мой. — А. В.) А поэту дано внутреннее духовное зрение».

См. также: **Юрий Кузнецов**, «Воззрение» — «Литературная газета», 2004, № 1, 14 — 20 января <<http://www.lgz.ru>>; полностью — «Наш современник», 2004, № 1 <<http://nashsovr.aihs.net>>; *статья о поэзии, завершенная за несколько дней до смерти*; «После армии я возвратился в родной воздух, и все стало на свои места. Я открыл русскую тему, которой буду верен до гробовой доски. О погибшем отце я писал и раньше. Но от частного не приходил к общему. Когда это произошло, я въяве ощутил ужас прошедшей войны. Кругом меня почти все были вдовы и сироты. Мой отец погиб не случайно. Это жестокая правда моей поэтической судьбы. Если бы отец вернулся домой живым и невредимым, то трагедия народа была бы для меня умоглядным понятием и я был бы другим поэтом, впал бы в духовное одичание метафоризма. Начиная с семнадцати лет я всюду видел одни метафоры».

См. также: **Олег Дорогань** (г. Ельня), «Во имя или от имени?» — «Российский писатель». Газета Союза писателей России. 2003, № 24, декабрь; *многословная полемика со*

статьями В. Хатюшина в газете «Российский писатель» (2003, № 10, 18) о поэзии Юрия Кузнецова.

См. также стихотворения Юрия Кузнецова «Поэт и монах», «Молитва» — «Наш современник», 2004, № 1 <<http://nashsovr.aihs.net>>; здесь же — мемориальная подборка писательских откликов на смерть поэта.

См. аналогичную подборку откликов, а также стихотворения разных поэтов, посвященные Юрию Кузнецову — «День литературы», 2003, № 12, декабрь <<http://www.zavtra.ru>>.

Лев Аннинский. Утоли мои печали. — «Литературная газета», 2004, № 3-4, 28 января — 3 февраля <<http://www.lgz.ru>>.

«Так что — Цензура?! Если угодно. <...> При советской власти вырезанное цензурой выкидывалось вообще из всякого оборота в небытие. Цензура была убийцей. Поэтому она была тайной, ее формально как бы и не было. Теперь все иначе: есть где пристроить любую блевотину. И цензура должна быть гласной, открытой, объявленной или, как теперь говорят, прозрачной. То есть в таких-то и таких-то приличных местах гадить запрещается».

Лев Аннинский. Преставление имен. — «Литературная Россия», 2004, № 4, 30 января.

О Евгении Клячкине — в рубрике «Бард».

См. также: «Когда Льву Александровичу Аннинскому минуло двадцать три года, он был юным, начинающим критиком, и звали его Лёсиком. Лёсик обладал катушечным магнитофоном и больше всего на свете любил катушку с песнями бардов, тоже юных и тоже начинающих...» — пишет Дмитрий Сухарев («Иерусалимский журнал», Иерусалим, 2003, № 14-15 <<http://www.antho.net/jr>>).

Армен Асриян. Функциональная русофобия. — «Спецназ России», 2004, № 1 (88), январь <<http://www.specnaz.ru>>.

«<...> сегодняшняя русофобия, как ни парадоксально, служит скорее комплиментом для ограбленной и обесиленной России. Она всего лишь означает, что еще не все кончено».

Монах Афанасий (Св. гора Афон). Слово святогорца. — «Наш современник», 2004, № 1 <<http://nashsovr.aihs.net>>.

«<...> решение проблемы незаконной иммиграции является решением большинства проблем, стоящих перед страной, в первую очередь экономических».

Дмитрий Бавильский. В обществе именитого невротика. К 20-летию со дня смерти Хулио Кортасар получил полный русский комплект своих сочинений. — «Русский Журнал», 2004, 13 февраля <<http://www.russ.ru/culture/literature>>.

«Кортасар принят в России как родной, потому что его ситуация (свой среди чужих) хорошо ложится на наше современное состояние».

Татьяна Бек. Центральный защитник. Штрихи к портрету Евгения Рейна. — «Иерусалимский журнал». Иерусалим, 2003, № 14-15.

«Оксюморонен сам характер, явленный в лирике Рейна».

Станислав Белковский (Совет по национальной стратегии). Последнее танго в Киеве. — «Vip.Lenta.Ru», 2004, 23 января <<http://vip.lenta.ru>>.

«Путин может лишиться власти осенью 2004 года. <...> Это может на первый взгляд показаться странным, но для Путина украинские выборы-2004 — более серьезное и масштабное испытание, чем предстоящие выборы президента России. В том, что нынешний хозяин Кремля подтвердит свои полномочия в ночь на 15 марта, сомневаться практически не приходится <...>. Зато исход украинских выборов пока вовсе не ясен. И если Россия проиграет (или проспит) эти выборы, режиму Путина будет нанесен тяжелейший удар, оправиться от которого Кремль сможет очень не скоро. Может быть, лет через 200 — 300».

Сергей Беляков. Крошка Цахес по прозвищу Пелевин. — «Урал», Екатеринбург, 2004, № 2 <<http://magazines.russ.ru/ural>>.

«В своих ранних вещах он, кажется, еще работал со стилем».

См. также: Елена Травина, «Виктор Пелевин из Ниоткуда в Никуда» — «Дело», Санкт-Петербург, 2004, № 311, 2 февраля <<http://www.idelo.ru>>; «<...> делают понятной загадку столь большого тиража книги Пелевина. Учебная литература всегда издавалась массово».

См. также: Игорь Шурко, «Четыре парадокса хрустального мира» — «Нева», Санкт-Петербург, 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/neva>>; «Из всех современных писателей самым традиционным можно назвать Виктора Пелевина».

См. также: Алла Латынина, «Потом опять теперь» — «Новый мир», 2004, № 2.

Владимир Березин. Компромисс. — «Знание — сила», 2004, № 1 <<http://www.znanie-sila.ru>>.

Акунин. Юзефович.

Сергей Бирюков. Сто лет Александра Ивановича Введенского — «Топос», 2004, 21 января <<http://www.topos.ru>>.

«Яков Друскин — приятель и собеседник Введенского — написал о нем так: „Введенский был человек, т. е. ел, пил, спал, зарабатывал деньги писанием большей частью ненужных ему детских стихотворений, ухаживал за женщинами, играл в карты. И тот же самый Александр Иванович Введенский вдруг отрешался от всех практических и интересных дел, усаживался в углу на стуле, положив на колени книгу, на книгу бумагу — потому что своего письменного стола у него никогда не было, — и писал стихи, за которые ему не только не платили денег, наоборот, за которые тупые и злые люди убили его”. Друскину удалось ухватить самую невозможность объяснения — почему вот этот человек (см. приметы, перечисленные выше) вдруг пишет стихи (за которые и т. д.) и даже без письменного стола».

Ср.: **Павел Басинский**, «Базаров. № 5. ОБЭРИУ — что это такое?» — «Топос», 2003, 22 декабря <<http://www.topos.ru>>.

См. также: <http://vvedensky.by.ru>

Арлен Блюм. Начало II мировой войны: настроения ленинградской интеллигенции и акции советской цензуры по донесениям стукачей и цензоров Главлита. — «Посев», 2004, № 1.

В частности — о манипуляциях с текстом рассказа Аркадия Гайдара «Голубая чашка». В издании 1936 года: «Есть в Германии город Дрезден, и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей». В издании 1940 года: «Есть за границей какой-то город, и вот из этого города убежал от буржуев один рабочий».

Начало публикации см.: «Посев», 2003, № 11.

См. также: **Арлен Блюм**, «„Звезда“ после августа 1946-го. Хроника цензурных репрессий 1940 — 1960-х годов» — «Звезда», Санкт-Петербург, 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/zvezda>>.

См. также: **А. Блюм**, «Блокадная тема в цензурной блокаде» — «Нева», Санкт-Петербург, 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/neva>>.

«Больше нельзя полагаться на своего ближнего». Иезуиты советуют поступать гибко. Беседу вели Виктор Калашников, Марина Калашникова. — «Русский курьер», 2004, № 13, 26 января <<http://www.ruskur.ru>>.

Говорит один из ведущих функционеров Общества Иисуса в Дублине отец Фергюс О'Донохью: «<...> мы живем в „антиинституциональное“ время. Просто удивительно, что может сделать вместо организации просто небольшая группа квалифицированных мотивированных людей. Институты как таковые всегда отнимают очень много энергии. Мы давно поняли, что забота о личных — духовных, профессиональных, физических — качествах каждого из наших братьев куда важнее усилий по увеличению их числа. Вообще, иезуиты, сообразно общему строю современной жизни, сегодня еще более индивидуалистичны, чем когда-либо».

Владимир Бондаренко. Заметки Зоила. — «Завтра», 2004, № 5, 27 января <<http://www.zavtra.ru>>.

«Купил книгу [Гонсалес Гальего, „Белое на черном“], прочел и поразился. <...> Главный враг там один — тяжелая неизлечимая болезнь, „детский церебральный паралич“, с которой дети живут до шестнадцати — двадцати лет, потом умирают — и так во всем мире. <...> Я лишний раз понял, что добрая половина критиков, даже именитых, глубину текста, глубину смысла книги постичь не в состоянии. Прочитали про два-три злых факта, про суровых нянечек и жестоких воспитательниц, перенесли все это на страну, на народ. <...> Русский испанец написал блистательный автобиографический роман, столь необходимый сегодня всем русским <...>».

Всеволод Бродский. Спасение литературного процесса. Скинны и полуфашисты на книжном рынке. — «ПОЛИТ.РУ», 2004, 5 февраля <<http://www.polit.ru/publicism/culture/2004/02/05>>.

«<...> успешное существование издательства „Ультра.Культура“, специализирующегося на всевозможной радикальности. Основная продукция здесь — романы про скиннов, полуфашистские утопии, автобиографии видных террористов. Последнее достижение издательства — полухудожественные воспоминания Александра Шульгина (и его жены Энн Шульгиной), с интересным названием „Фенэтиламины, которые я знал и любил“. Американский ученый, потомок русских эмигрантов, Шульгин — культовый

персонаж в закоулках современной культуры, посвятивший жизнь духовному развитию человечества и с этой целью синтезировавший множество психоактивных веществ. Именно он придумал в 60-е так называемый „спид” — мощный и довольно страшный препарат с непредсказуемым (зачастую вполне травматическим) действием; именно он чуть позже создал MDMA, в просторечии — экстази. Шульгинские воспоминания — нечто среднее между „Жизнью растений” Тимирязева и „Моей жизнью в искусстве” Станиславского. С одной стороны — постоянное „берем колбочку, готовим препаратик”, а с другой — присутствующий на каждой странице, никак не отрефлектированный пафос Революционера Духа, коим себя представляет сам Шульгин (жена с ним вполне согласна); та же полупародийная, что и у Станиславского, уверенность в своем крупном мировом значении. <...> Читать его невероятно скучно, зато общая радикальность издательством соблюдена — столь мощную апологию наркотиков на отечественном литературном рынке припомнить сложно».

Дмитрий Быков. Никогда не путешествуйте с отцом. (Быков-quickly: взгляд-62). — «Русский Журнал», 2004, 27 января <<http://www.russ.ru/columns/bikov>>.

<...> как всякое посредственное кино, „Возвращение” [Андрея Звягинцева] позволяет понять про наше нынешнее состояние гораздо больше, чем какая-нибудь хорошая картина. <...> Такое кино могло появиться только в очень пустую эпоху — когда главное ощущение художника есть боязнь осмысленного высказывания, и схлопотать всеобщую любовь можно, только ничего не говоря».

Джулиан Гатри (*San Francisco Chronicle*). Никаких признаков оттепели в словесной «холодной войне». Перевод с английского С. Карп. — «Русский Журнал», 2004, 29 января <<http://www.russ.ru/culture/literature>>.

Александр Солженицын vs. Ольга Андреева-Карлайл. Ольга Андреева-Карлайл vs. Александр Солженицын.

Михаил Глобачев. Защита дураков от импотентов. Политкорректность — карнавальная пародия, поклонение чужим бесам или реверансы перед тиранозавром? — «Новое время», 2004, № 5, 1 февраля <<http://www.newtimes.ru>>.

«В философском, культурологическом плане феномен политкорректности может быть вполне адекватно описан как порождение „материнского” или „ценностного” архетипа. Антипод его — „мужская” нормативная система, полной и ярче всего представленная в воинских (а равно и преступных) закрытых сообществах, где любые понятия о корректности начинаются и заканчиваются правилами иерархической субординации. <...> Истинный же злой гений любых парадоксов политической корректности — прискорбный факт, что либеральная мысль, стоит ей только начать с сочувствия угнетенным, в итоге легче легкого скатывается к защите и превознесению людских мерзостей».

Андрей Горохов. Кто виноват и что ему за это будет. — «Топос», 2004, 10 февраля <<http://www.topos.ru>>.

«Я боюсь, что горбачевская перестройка — тоже феномен нью-эйджа, в любом случае именно как „перестройка” переводится на русский язык фундаментальный термин нью-эйджа „трансформация”. И разговоры о глобальных проблемах, о новом мышлении, о плюрализме, о человеческом факторе не могут быть случайно-провинциальными изобретением в эпоху глобального нью-эйджа». А вообще статья — о музыке. Андрей Горохов — автор книги «Музпросвет» (М., «Ad Marginem»).

Борис Гройс. Медиум становится посланием. Перевод с немецкого Андрея Фоменко. — «Неприкосновенный запас», 2003, № 6 (32).

Глава из книги «Под подозрением. Феноменология медиа». «<...> послание медиума, о котором говорит здесь Маклюэн, — это нечеловеческое, дегуманизированное послание. Это послание звуков, красок, электротока и так далее, то есть медиальных носителей, сохраняющих свое автономное, нечеловеческое измерение даже тогда, и именно тогда, когда они используются людьми в целях сознательной и человеческой, слишком человеческой коммуникации».

Михаил Делягин. «Мир сегодня вопиюще несправедлив...» Руководитель Института проблем глобализации отвечает на вопросы нашего корреспондента. Беседа вел Владимир Винников. — «Завтра», 2004, № 5, 27 января.

<...> не только в России, но в мире в целом ради принципа эффективности принцип социальной справедливости оказался отвергнут и вообще вынесен за рамки общественного сознания и актуальной политики. <...> Мир сегодня стал вопиюще несправедлив, и слишком долго так продолжаться не может».

См. также: **Михаил Делягин**, «Глобальные требования к России». — «Наш современник», 2004, № 2.

Игорь Джадан. Сумма технологии. — «Русский Журнал», 2004, 20 января <<http://www.russ.ru/politics>>.

«Отечественная ментальность, как можно заметить, отличается сравнительно пониженным *инстинктом самозащиты*. Это проявляется на самых разных уровнях языкового и культурного сознания. Так, в ряду принятых ценностей „справедливая мсть” — наиболее яркий штрих коллективного чувства самосохранения — находится внизу „нашей” шкалы ценностей. Если у американцев подсознательный стереотип необходимости „справедливой мести” закреплен на уровне массовой культуры, а в мусульманской цивилизации — на уровне развитой монотеистической религии, у русских — в языке и культе одно лишь нерасчлененное „не убий!”. На самом же деле в оригинале библейское „*lo tirцах!*” означает определенно „do not murder!”, а вовсе не „do not kill!”. То есть запрет на неправильные, преступные — иллегальные — убийства, а ни в коем случае не на убийство вообще. Данная библейская заповедь в оригинале означает скорее легитимацию части убийств, нежели запрет на всякое убийство человека человеком. Отсутствие в родном языке необходимого разделения семантического пространства для выражения такой легитимации „праведного убийства” и означает на практике наблюдающуюся в нашей ментальности депрессию инстинктивного механизма коллективной защиты от внешних посягательств. В современной российской массовой культуре отсутствие механизма „справедливой мести” наиболее ярко демонстрируется сюжетом фильма „Брат-2”, в котором герой занимается всем, чем угодно, только не „справедливым воздаянием”. Данила добирается „в логове врага” до корня зла, до главного преступника, но... почему-то не убивает его. *Почему-то отсутствию главного злодея означает у нас как бы утвердить „наше” моральное превосходство.* Режиссер не дает герою удобного повода и легитимной возможности „стереть зло с лица земли” — подход невозможный, если мыслить немного другими — голливудскими или исламскими — понятиями. Напомним, что речь при этом идет о фильме, о котором общепринято думать, что автор балансирует чуть ли не на грани „дозволенного”. Описанная недостаточность подсознательных механизмов самозащиты вовсе не выглядит фатальной в плане прогноза на будущее, однако требует сознательного *компенсаторно-повышенного* внимания государства к проблемам безопасности и выживания всей русской цивилизации».

Гейдар Джемаль. «Говорить языком прошлой эпохи уже нельзя». Беседу вела Ольга Вельдина. — «Литературная газета», 2004, № 3-4, 28 января — 3 февраля.

«Уверяю вас: люди, которые управляют миром, мыслят оккультно».

Генри Дженкинс (Henry Jenkins). Школа фан-фикшн. Перевод Татьяны Даниловой. — «Русский Журнал», 2004, 8 февраля <<http://www.russ.ru/culture/network>>.

«Я сосредоточусь на детях школьного возраста, которые читают, пишут, редактируют и критикуют в Интернете фан-фикшн о Гарри Поттере...»

См. также: **Линор Горалик**, «Как размножаются Малфои. Жанр „фэнфик”: потребитель массовой культуры в диалоге с медиа-контентом» — «Новый мир», 2003, № 12.

Михаил Дунаев. Рукописи не горят. — «Простор», Алматы, 2003, № 12 <<http://prostor.samal.kz>>.

«Мировоззрение автора „Мастера и Маргариты” оказалось весьма эклектичным. Но главное — антихристианская направленность его — вне сомнения».

См. эту статью также: «Лебедь», Бостон, 2003, № 313, 2 марта <<http://www.lebed.com>>.

Ср.: **Юрий Минералов**, «О душеполезном и душевредном» — «Литературная Россия», 2003, № 39, 26 сентября <<http://www.litrossia.ru>>; *защищает «Мастера и Маргариту».*

Евгений Евтушенко. Баллада о Твардовском. — «Труд-7», 2004, № 21, 5 февраля <<http://www.trud.ru>>.

В отделе прозы

в грустном «Новом мире»
у Аси Берзер молча мы дымили,
и Александр Исаевич вбежал,
всем руки заговорщишки пожал..

См. также новые стихи Евгения Евтушенко: «Известия», 2004, № 27, 14 февраля <<http://www.izvestia.ru>>.

Елена Елагина. Александр Мелихов. Хранитель фантомов. — «Дело», Санкт-Петербург, 2004, № 312, 9 февраля <<http://www.idelo.ru/312>>.

Говорит Александр Мелихов: «Вся культура — это система коллективных фантомов, и развенчание фантомов рождает суицид, наркоманию, бессмысленную немотивированную преступность и т. д. Живы мы только сказками. <...> человек по своей социальной природе — наркоман. Ему необходимы определенные формы упоения, формы забвения реальности. Если он не находит этого в культуре, если она становится лишь

формой утонченного развлечения, переставая выполнять свою главную опьяняющую функцию, то человек начинает добираться до нормы психоактивными препаратами».

См. также беседу Александра Мелихова с Еленой Невзглядовой — «Звезда», 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/zvezda>>.

Славой Жижек. Ленин лучше некрофилов. — «Собеседник», 2004, № 214, <<http://www.sobesednik.ru/weekly/214>>.

Автор книги «Тринадцать опытов о Ленине», словенский философ **Славой Жижек** отвечает на вопросы Дмитрия Быкова: «*Как вы думаете, Ленин оставил бы вас в живых, случись вам быть его современником и соотечественником?* — Очень может быть, что и нет. Но — сколь бы странно это ни звучало — для меня это не аргумент против Ленина. Не настолько же я надменен, чтобы полагать себя достойным выживания любой ценой!»

Он же: «За несколько месяцев, прошедших со дня публикации [книги], я потерял примерно половину своих друзей-единомышленников и приглашений на симпозиумы, радикально уменьшилось число публичных дискуссий, на которые меня звали, и мне стало значительно труднее высказаться на актуальные темы в периодике. Общее отношение формулировалось примерно так: „Маркс еще ладно, но Ленин — это чересчур“».

См. также: **Александр Панов**, «Революция на марше. Интеллектуалы из скандального „Ad Marginem“ нашли благодатную аудиторию среди членов КППФ» — «Еженедельный журнал», 2004, № 104 <<http://www.ej.ru>>; «Книга [Жижека] об Ильиче с требованием вернуться к наследию вождя мирового пролетариата и повторить революционный опыт — еще не сенсация. <...> Но „13 опытов о Ленине“ изданы [в «Ad Marginem»] на средства КППФ, логотип партии-ортодокса красуется на модной обложке работы Андрея Бондаренко, и «Ad Marginem» заявляет в редакционном предисловии о начале долгоиграющего совместного проекта с КППФ — серии интеллектуальной ленинианы. <...> Александр Иванов — успешный и расчетливый издатель, спекулирующий на политических поветриях, и объявленная им мода на Ленина означает ее появление».

См. также: **Сергей Кара-Мурза**, «Рывок вперед» — «Литературная газета», 2004, № 2, 21 — 27 января <<http://www.lgz.ru>>; «Факт, что в начале XX века подавляющее большинство народа, попробовав „на зуб“ все альтернативные проекты — Столыпина, Керенского и Деникина, поддержало проект Ленина».

См. также: **Алексей Варламов**, «Простой, вежливый...» — «Литературная газета», 2004, № 2, 21 — 27 января <<http://www.lgz.ru>>; «В Ленине было что-то, предугаданное Пушкиным. Дворянин, возглавивший бандитов и изменивший своему сословию. По роли Дубровский, по сути Швабрин».

См. также: **Алексей Варламов**, «Киники» — «Литературная газета», 2004, № 5, 4 — 10 февраля <<http://www.lgz.ru>>; «Либо Ленин, либо Россия, совместить их невозможно <...>».

См. также: **Игорь Ильин**, «Ленин и Путин» — «Русский Журнал», 2004, 26 января <<http://www.russ.ru/politics/news>>; «<...> сегодня возможное захоронение тела Ленина само по себе представляет бессмысленную акцию, не имеющую никакого внутреннего идеологического содержания. <...> нынешней власти по большому счету просто нечего таким образом доказывать».

См. также: **Владимир Личутин**, «Душа неизъяснимая» — «Завтра», 2004, № 6, 4 февраля <<http://www.zavtra.ru>>; «И когда поставили памятник мужику Минину и князю Пожарскому и положили в мавзолей махатму Ленина (так его величают в Индии), с той минуты Красная площадь стала воистину Святой, сакральной, ибо Ленин оказался в Красной комнате ариев России той „адамовой головой“, тем „добрым домовым“, „оберегом“ для страны, предстателем на небесах перед Всевышним, которого так недоставало русскому народу».

См. также: **Александр Меленберг**, «80 лет назад умер Владимир Ленин. Три письма и один постскрипtum из „великого наследия“» — «Новая газета», 2004, № 3, 19 января <<http://www.nowaygazeta.ru>>; *в частности, цитируется любовное письмо Инессы Арманд к Ильичу.*

См. также: «Работая в архивах города Казани над поэмой о Ленине, я нашел драгоценную папку доносов в полицеское управление на семнадцатилетнего студента — Володю Ульянова. В одном из них описывалась следующая картина: после казни его любимого старшего брата-террориста студенты, соблезнувшие младшему брату, затащили его в дешевую пивную и дали ему полный двухсотграммовый стакан водки. Володя осушил его почти невидяще и неслышаще, как сомнамбула, после чего ему заботливо поднесли на запивку кружку пива и дали куснуть соленый огурец с черным хлебом. К Володе подсади две местные шлюхи. Они всплакнули, как могли, утешали Володю, гладили его по голове, но он ничего не замечал и только, уставясь в одну, видимую только ему точку, повторял: «Я отомщу за брата! Я отомщу за брата!» В другом доносе описывалось, что, когда другие студенты отвели его домой в этом загипнотизированном

одной мыслью состоянии, он сорвал со стены карту России, бросил на пол и, рыча, как затравленный зверек, катался по ней, рвал ее руками и зубами», — рассказывает Евгений Евтушенко («Тоталитаризм начался с тире. Ленин был сам предателем ленинских идеалов» — «Новая газета», 2004, № 5, 26 ноября <<http://www.novayagazeta.ru>>).

См. также: Александр Грудинкин, «В поисках тайны Ленина» — «Знание — сила», 2004, № 1 <<http://www.znanie-sila.ru>>; *история исследования мозга Ленина*.

Андрей Журавлев. Финансисты, чтущие Коран. — «Отечественные записки», 2003, № 5 <<http://magazines.russ.ru>>.

«Исламская модель финансовой деятельности основана на представлении, что деньги не есть товар, который можно продать, получив доход от самой такой продажи». Этот номер «Отечественных записок» — исламский. Очень интересный. См. в следующем номере «Нового мира» рецензию Юрия Каграманова.

Михаил Золотоносов. Стакан полицейского чаю. Полковник милиции из Воронежа пересматривает историю революционного движения в России с позиций охраны. — «Московские новости», 2004, № 4 <<http://www.mn.ru>>.

Полемический отклик на статью Николая и Анастасии Литвиновых «Антигосударственный террор в Российской империи» («Новый мир», 2003, № 11): «<...> развивая идею единой традиции антигосударственного террора в России, которым заняты ее враги, автор начал переписывать историю XIX века, игнорируя факты и аннулируя те достижения, которые имела советская историческая наука в отношении народничества. Цель — подгонка под новый идеологический стандарт. Может быть, Литвинову этот стандарт и кажется новым, но на самом деле это та концепция, которая существовала в официальной исторической публицистике во времена Александра III».

Михаил Золотоносов. Мужчина ее мечты. Новый роман Людмилы Улицкой «Искренне ваш Шурик» («Новый мир», 2004, № 1, 2; книга первая), подтвердив ее талант романиста, показал и новизну романной формы, которой никто не ожидал от «генератора сентиментального». — «Московские новости», 2004, № 5.

«Однако роман [Улицкой] в целом вышел не эротический и не специально-сентиментально-дамский, а синтетический, хотя посвящен женскому миру, испытывающему нехватку мужского начала, миру, который ежедневно открывается психоаналитикам на приемах. А Шурик оказывается центром этого мира. По-немецки „Korn“ означает „хлеб“, и по-английски „corn“ — это „хлеба“, то есть простая и всем необходимая пища. Получился роман о божестве плодородия, точнее, о „колобке“, которого — после того, как бабушка, на которой держался порядок в доме, умерла («я от бабушки ушел»), — все хотят и все едят понемногу. <...> Но дает этот бог не только и не столько секс, сколько еще более дефицитную жалость».

Михаил Золотоносов. Энди Уорхол. Великий пигментатор. — «Дело», Санкт-Петербург, 2004, № 310, 26 января <<http://www.idelo.ru>>.

«У творчества Уорхола [1928 — 1987] нет культурных корней — так, несколько идей Марселя Дюшана, которые Энди очень удачно применил <...>. Эпохальное открытие Уорхола: чистая рыночная ценность потому и чистая, что полностью лишена эстетических качеств».

См. также: Александр Генис, «Пошлый, как лебедь. К 75-летию Энди Уорхола» — «Время МН», 2003, 7 августа; «<...> Уорхол стал королем банального. Начав свою жизнь гадким утенком, он закончил ее, как хотел: прекрасным лебедем, вроде тех, которые в пору моего детства украшали самодельные базарные коврики. Уорхолу они бы наверняка понравились».

Александр Зорин. Из блокнота литератора. — «Кольцо „А“». Литературный журнал. Союз писателей Москвы. 2003, № 27.

Найденная на помойке «Капитанская дочка» 1918 года издания. «Некоторые абзацы едва заметно отчеркнуты карандашом — уж не тогда ли? <...> На 83 странице мелкие, с трудом разбираемые буквы: „Сегодня в числе заложников расстрелян мой брат“...»

Наталья Иванова. ЖП. — «Русский Журнал», 2004, 13 февраля <<http://www.russ.ru/columns/condition>>.

«У Андрея Немзера в его „тридцатке“ избранных (статья „Замечательное десятилетие“ в книге „Замечательное десятилетие русской литературы“, М., 2003) женских имен перечислено 7; у Сергея Чуприна в путеводителе „Русская литература сегодня“ (М., 2003) — из 130 „писателей России“ только 30 — женского пола; в общем, вы будете смеяться, но соотношение примечательно одинаковое, почти до десятых — сотых долей: у Немзера и у Чуприна женщин — одна четвертая. С хвостиком (0,28 у Немзера и 0,33 у Чуприна). Вы будете смеяться, но и по годовому содержанию „Нового мира“ мисти-

чески получается все та же сакраментальная цифра (в прозе); из 30-ти — семь с половиной (половинка — Горлановой с Букуром), что же касается поэзии, то там ситуация выглядит совсем иначе: 20 из 50-ти, т. е. почти каждая вторая. (Или — каждая первая из двух.) Реже всего встречаются имена женщин в списке „50 современных российских прозаиков” „Литературной газеты” (2004, № 2) — 6, т. е. меньше одной десятой».

Александр Игнатенко. Маджнун и Дон Кихот — архетипические сумасшедшие, или Чем отличается исламская культура от западной. — «Отечественные записки», 2003, № 5.

«Если Маджнун и вся его жизнь — движение от образа к тексту (имагинативно-дискурсивная парадигма), то Дон Кихот реализует иную парадигму — дискурсивно-имагинативную. Это яснее всего проявляется в Дульсинее, которая в контексте западной культуры является антитезой Лейлы».

Евгений Из. Мирское. — «Топос», 2004, 6 февраля.

Читает — в состоянии январской депрессии — декабрьский номер «Нового мира» за 2003 год. «Мемуары Анны Василевской (матери главреда, как я понял), точнее, завершение публикации мемуаров „Книга о жизни”. То, что это мемуары, и их название — сильно меня отпугнуло с самого начала. Но, заглянув наугад в разные срединные части этого произведения, захотелось начать читать по порядку и подряд. Минимально женский (в смысле особенностей „жен. прозы”) и максимально документальный текст, практически без лирических отступлений и романтических поползновений. Трезвый и интересный (особенно для 1986 года) документ о жизни, о времени, о себе... Словом, о вьющемся духе времени и странно играющей ткани бытия. Профессиональные литераторы старшего поколения вряд ли напишут настолько конкретный и ясный, практический (написано для сыновей — о родителях и предках) и завораживающий чистотой текст. Я неожиданно проникся, вдруг распознал настоящий эталон нон-фикшна. К тому же в этих мемуарах лучше, чем где-либо, просматривается слом-переход от аграрной эры к индустриальной на территории России — всего только через воспоминания деревенской девочки, через восстановление пунктов судьбы, через мелкие, с минимумом пафоса и размаха процессы. <...> Самое странное, что меня впечатлил и даже как-то заморозил старик А. И. Солженицын, 85-летие которого отмечено было не так давно. В „Новом мире” я прочел его эссе „Василий Белов” с каким-то просветленным интересом. Солженицын в своей неподражаемой манере и как-то очень располагающе и вмняемо проанализировал романы В. Белова, демонстрируя некоторую инволюцию в творчестве последнего. На фоне цветущего переменчивым цветом глобализма и разливающейся широко информационной эры этот ориентированный на русский традиционализм текст выглядит ценнейшим реликтовым излучением лучших намерений. Дело здесь, наверное, в редком и особом резонансе между Солженицыным и ранним деревенским Беловым. Логически только этим могу я объяснить свое позитивное впечатление от данного текста. Лишний раз убеждаешься, что дело не в традиционализме, „не в количестве женщин, не в старом фольклоре и не в новой волне”, а в одной только лишь вибрации, которая или правильной частоты, или — липовой. <...> Но еще более приятен Игорь Манцов с его кинообзрением».

Критическую часть обзора — уж извините — деликатно выпускаю.

Издают больше, читают — меньше. Беседовал Александр Вознесенский. — «НГ Ex libris», 2004, № 3, 29 января <<http://exlibris.ng.ru>>.

Говорит генеральный директор Российской книжной палаты **Борис Ленский:** «[В 2002 году] было издано около 69 тысяч названий книг и брошюр. <...> в 2003-м было издано почти 81 тысяча наименований книг и брошюр (общим тиражом около 700 миллионов экземпляров). <...> Если в прошлом [2002] году тираж составил 591 миллион экземпляров, то в этом [2003 году], как я уже сказал, около 700 (цифра пока предварительная). <...> Из 80 тысяч названий [в 2003 году] примерно половина — это учебная и научная литература. Почти 16 тысяч (или около 20 %) — научные издания и 25 тысяч (31 %) — учебные. Вместе получается 51 %. Справочники занимают около 5 %, это значительная цифра, детские книги — 6 %. Эта цифра по мировым меркам невелика, и мы все время подчеркиваем, что детские издания надо развивать. Художественная литература и нон-фикшн занимают около 15 % в общем объеме».

Разделим общие тиражи на количество названий, и получится, что средний тираж не изменился: в 2002 году — 8565 экз., в 2003 году — 8641 экз.; тем более, что цифры в интернете приводятся округленные.

Отар Иоселиани. «Профессия, которой я занимаюсь, вышла из употребления на моей родине». Беседу вел Николай Александров. — «Известия», 2004, № 17-М, 2 февраля <<http://www.izvestia.ru>>.

«Я это слово [диссидент] очень не люблю, потому что оно предполагает некоторую привилегию по отношению к остальному населению. Некое как бы обладание ключом к истине и некоторое высокомерие. <...> Никаких путей указывать массам людей, которые живут в несчастье, я не берусь. И не умею, и не знаю. Я уверен прочно и твердо в том, что человеческая натура так уж создана на этой земле природой или Господом Богом, что человек не меняется. И никакие передеряги, никакие обещания, никакие надежды на благоустройство этого мира никогда ни к чему хорошему не приводили. <...> Надеяться на то, что когда-либо что-либо изменится на этом свете, нечего. Поэтому и диссидентствовать я не берусь».

Борис Ихлов. Еще раз о геноциде. — «Свободная мысль — XXI». Теоретический и политический журнал. 2004, № 2.

«Того, что Сталин в плане истребления населения совершил за все годы своего правления, реформаторы добились всего за 12 лет. Как выразился известный демократ второй волны Сергей Станкевич, будучи еще депутатом: „Я знаю, что может быть хуже власти КПСС. Это наша власть”». *Когда и где он так выразился, не указано, а жаль.* Автор статьи — физик-теоретик, председатель Совета Общественно-политического объединения «Рабочий» (Пермь).

Журнал «Свободная мысль — XXI» до 1991 года выходил под названием «Коммунист», а до 1952 года — под названием «Большевик» (основан в 1924 году).

Роберт Каган. Сила и слабость. Перевод с английского Николая Гринцера. — «Отечественные записки», 2003, № 6.

«Европа отказывается от самого принципа силы <...>. Она вступает в постисторический рай, преисполненный спокойствия и относительного благополучия, воплощение кантовского „Вечного мира”. Тем временем Соединенные Штаты продолжают барахтаться в трясине исторического процесса, опираясь на силу в условиях привычного анархического мира Гоббса <...>. Вот почему, когда сегодня речь заходит о важнейших стратегических проблемах международных отношений, складывается впечатление, что американцы родом с Марса, а европейцы — с Венеры <...>. И это не временное положение вещей <...>».

Борис Капустин. Что такое консерватизм? — «Свободная мысль — XXI», 2004, № 2.

«[Фундаментализм] стремится конструировать жизнь в соответствии с неким утопическим проектом, тогда как антиутопический реализм — важнейшая установка консервативного мышления».

См. также: **Алекс Тарн**, «Сумерки идеологий». — «Иерусалимский журнал», Иерусалим, 2003, № 14-15 <<http://www.antho.net/jr>>; «<...> нелепо противопоставлять консерваторов либералам, или коммунистам, или фашистам, или любой другой идеологии. Истинное сегодняшнее противостояние выглядит так: консерваторы против всех остальных <...>».

Игорь Викторович Касаткин. Сон в белом тереме. — «Топос», 2004, 2 февраля <<http://www.topos.ru>>.

«<...> мы редко видим в мировой литературе представителей зла, убийц и предателей спящими, зато люди добра и соответственно жертвы — много и со вкусом спят».

Руслан Киреев. Блок: никто не придет назад. — «Литература». Еженедельная газета для учителей словесности. 2004, № 3, 16 — 22 января <<http://www.1september.ru>>.

Эссе из книги «Семь великих смертей». См. также: **Руслан Киреев**, «Чехов. Посещение бога» — «Литература», 2002, № 38, 8 — 15 сентября; «Гоголь. Талызинский особняк» — «Литература», 2003, № 10, 8 — 15 марта; «Лев Толстой. Арзамасский ужас» — «Литература», 2003, № 32, 23 — 31 августа; «Достоевский. На Семеновском плацу» — «Литература», 2003, № 38, 8 — 15 октября.

Когда своих назначают чужими. «Наутилус» Илья Кормильцев — о манипулировании сознанием, национализме и наркотиках. Беседовали Елена Дьякова и Орхан Джемаль. — «Новая газета», 2004, № 3, 19 января <<http://www.novayagazeta.ru>>.

Говорит **Илья Кормильцев** (в данном случае представляющий издательство «Ультра. Культура»): «Полная капитализация всей сферы человеческой деятельности, превращение всего в товар при требовании постоянной экспансии — бессмысленны и невозможны. <...> Товарное производство — это сокрытие прибавочного наслаждения: человек наслаждается, производя капитал. Капитализм — это психологическая проблема».

«Сейчас в Европе <...> стоит конкретная проблема: занять чем-то большие массы люмпенизирующихся средних классов. Марихуана делает всю жизнь зоной отдыха. Легализация легких наркотиков связана с новой для Европы проблемой „новой бедности” и „новой безработицы”. <...> Алкогольные бунты еще возможны, а травяной — я себе даже не представляю. Но та же марихуана была еще в 1960-е годы невыгодна: тогда индустриальная фаза развития находилась на своем пределе, а марихуана вводила огромное количество потребителей, сужала трудовой ресурс».

«<...> идиллии реализуются на ограниченном пространстве на ограниченное время. Все эти садики и детские праздники, которые были, с одной стороны, от 1870-х до Вердена, а с другой, ну, скажем, от 1953 до 1970 года, — они всегда были созданы за счет чьих-то немислимых страданий. Обратной стороной этой идиллии была гиперэксплуатация людей, недр и ресурсов другой части человечества. Я не вижу в этой идиллии ни гуманизма, ни венца творения. Я не понимаю, почему это гуманнее, чем революция?!»

Лешек Колаковский. О разуме и прочем. — «Новая Польша», Варшава, 2003, № 12.

Речь, произнесенная в Ягеллонском университете в мае 2003 года. «Ионеско говорил <...> что называть его театр театром абсурда — это абсурд, ибо речь у него всегда идет о поисках Бога. Это поразило меня. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь мне объяснил, как можем мы обнаружить в театре Ионеско поиски Бога, ибо мне это кажется невозможной задачей. Но мы должны верить писателю, а не своим впечатлениям».

Кризис беспечности. Беседу вела Наталья Ларина. — «Литературная газета», 2004, № 2, 21 — 27 января.

Говорит историк **Феликс Разумовский**: «Первый русский интеллигент Радищев, кстати, руководитель петербургской таможни, местечко замечательное, по нынешним понятиям».

Виктор Кузнецов (Москва). Поэты Тарковский и Джугашвили. — «Вестник», Балтимор, 2004, № 1, 7 января <<http://www.vestnik.com>>.

Как Арсений Тарковский переводил грузинские стихи Джугашвили — к 70-летию тов. Сталина.

Евгений Курдаков. Семейный альбом. Четыре эссе. — «Простор», Алматы, 2003, № 12 <<http://prostor.samal.kz>>.

Поэзию Евгения Курдакова (1940 — 2002) высоко оценил Вадим Кожинов. Последние годы жизни поэт провел в Новгороде.

См. также стихи **Евгения Курдакова**: «Сибирские огни», Новосибирск, 2004, № 1 <<http://www.sibogni.ru>>.

См. также о Евгении Курдакове: **Петр Поминов** (Усть-Каменогорск), «Тихо продлиться в юдоли земной...» — «Сибирские огни», Новосибирск, 2004, № 1.

См. также стихи **Евгения Курдакова** «Стихает жизнь, и не хватает света...» — «Наш современник», 2003, № 4 <<http://nashsovr.aihs.net>>.

См. также эссе **Евгения Курдакова** «Птицы Христа» — «Гостиный Двор», Оренбург, 2001, № 10.

Виталий Куренной. Кино 2003: избранные фильмы в некинокритическом освещении. — «Отечественные записки», 2003, № 6.

«Обсуждать сюжет „Терминатора” совершенно бессмысленно, поскольку все фильмы с путешествиями во времени повествуют о вещах, неподсудных критерию когерентности событий. Терминатор так и останется образом-идиомой, вошедшим в повседневный обиход так же, как и машина времени Уэллса».

Александр Кырлежев. Либеральные тенденции в русском православии: к постановке проблемы. — «Неприкосновенный запас», 2003, № 6 (32).

«Основные „догматы” либеральной веры — приоритет свободы, индивидуализм, космополитизм, мелиоризм — могут быть оценены и интерпретированы с христианской точки зрения как крайне негативно, так и вполне позитивно».

Левая идея и цивилизация безопасности. Беседу вели Владимир Винников и Андрей Смирнов. — «Завтра», 2004, № 4, 21 января.

Говорит **Сергей Кара-Мурза**: «Мы по-прежнему находимся в редкостной ситуации, когда нам приходится бороться с государством, чтобы сохранить корень нашей государственности».

Олег Лекманов. Как Владимир Набоков детскую книжку читал. — «Литература», 2004, № 2, 8 — 15 января.

Роман про Цинцинната Ц. неожиданно сопоставляется со сказкой английского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах» (1908), которой «Набоков зачитывался в детстве»

и которая, «по всей вероятности, должна была раздражать взрослого автора „Приглашения на казнь” своим упрощенным, если угодно, — обывательским оптимизмом».

Олег Лекманов. Гномы в сказке К. С. Льюиса «Хроники Нарнии». — «Литература», 2004, № 6, 8 — 15 февраля.

«Гномофоб Льюис или гномофил?»

Станислав Лем. Моделирование культуры. Перевод с польского В. И. Язневич. — «Знание — сила», 2004, № 1.

«<...> метастазы познавательного оптимизма <...>».

Юрий Мамлеев. «Как мы понимали мир». Беседу вел Александр Яковлев. — «Литературная газета», 2004, № 6, 11 — 17 февраля.

«<...> коммунисты отлично понимали всю великую мощь литературы в плане формирования сознания человека, с другой стороны — они не понимали всю тонкость и парадоксальность такого воздействия».

Одо Марквард. Эпоха чуждости миру? Перевод с немецкого Екатерины Либман. — «Отечественные записки», 2003, № 6.

«<...> специфическая для нашего века современная затрудненность взросления. Я называю ее тахогенной чуждостью миру, тахогенной — потому что она есть результат увеличившейся скорости (от греческого *tachos* — „скорость”) изменений, претерпеваемых современной действительностью. <...> Первой характерной чертой тахогенной чуждости миру выступает а) ускоренное устаревание опыта. <...> По этой причине — вместо того чтобы, по мере постоянного роста опыта и познания мира, становиться самостоятельными, то есть взрослеть, мы постоянно и все быстрее вновь откатываемся к состоянию, для которого мир в большинстве своих проявлений неизвестен, нов, чужд и непонятен, а это и есть положение детей. <...> б) <...> чем научнее становится опыт в нашем мире, тем более мы должны полагаться на веру, и я это подчеркиваю, потому что это звучит парадоксально: мы вынуждены — и именно потому, что в настоящее время опытные знания становятся все более научными, — все больше брать их на веру исключительно понаслышке. А эта вынужденная вера, то есть зависимость от не полученного, точнее говоря, еще не полученного самостоятельно опыта, всегда была свойственна положению ребенка...»

См. также: «Зависимость от протекающего времени — это самая тяжелая зависимость. Время каким-то образом нас перемещает из одной атмосферы — в которой мы жили — в другую. <...> И это равносильно попаданию в чужую страну», — говорит грузинский кинорежиссер **Отар Иоселиани** в беседе с Николаем Александровым («Известия», 2004, № 17-М, 2 февраля <<http://www.izvestia.ru>>).

Давид Маркиш. Русская рулетка Олеси. — «Иерусалимский журнал», Иерусалим, 2003, № 14-15.

«Возможно, Олеша и Платонов — два полюса литературной эпохи 20 — 30 годов».

Рой Медведев. Как сделан «Краткий курс». — «Свободная мысль — XXI», 2004, № 2.

Сталин и «История ВКП(б)». Личное: «„Краткий курс” был одной из первых книг по истории, которую я прочел осенью 1938 года (в возрасте 13 лет) в газете „Правда”».

Петр Мейлахс. Четвертая мировая война или очередная моральная паника? — «Нева», Санкт-Петербург, 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/neva>>.

Ситуация с наркотиками в России — печальна, но небезнадёжна, не конец света: «<...> моральная паника, раздуваемая вроде бы для того, чтобы препятствовать распространению наркотизма в обществе, на деле лишь обостряет проблему <...>».

См. также роман Александра Мелихова «Чума» — «Новый мир», 2003, № 9, 10.

Татьяна Миронова. Человек голосующий. — «Наш современник», 2004, № 1.

Перепрограммирование сознания. «Разве услышанный рекламный „слоган”: „Кофе „Чибо” — это все, чтобы сделать вашу жизнь прекрасной!» — не является *шизофреническим нарушением иерархии мотивов?*»

См. также: «Сначала тебе внушают, что хорошо и правильно есть йогурт „Данон”, а потом, как в „Матрице”, тебе внушают, что ты уже ешь „Данон”, а на самом деле ты ешь отходы», — говорит **Илья Кормильцев** в беседе с Еленой Дьяковой и Орханом Джемалем («Новая газета», 2004, № 3, 19 января <<http://www.novayagazeta.ru>>).

Не всё есть предмет литературы. Беседу вел Сергей Шаргунов. — «НГ Ex libris», 2004, № 4, 5 февраля.

Говорит главный редактор журнала «Москва» прозаик **Леонид Бородин**: «<...> наш журнал традиционалистский. Поддерживает ту литературу, в которой русского языка

достаточно для того, чтобы выразить всю глубину человеческих ощущений, не обращаясь, положим, ни к мату, ни к пошлости. Не все есть предмет литературы. После сытного обеда мы иногда ходим в весьма узкое помещение. Человек, которому взбрело в голову описывать дальнейший процесс, — либо с определенным состоянием психики, либо ищет дешевого спроса и денег. Когда совершается излом эпохи, кому-то надо стоять на страже абсолютно достоверной ценности. Таковой является классическая русская словесность Толстого, Достоевского, Тургенева, Бунина...»

См. также повесть Леонида Бородина «Бесиво» («Москва», 2002, № 11 <<http://www.moskvam.ru>>).

См. также *очень интересное* автобиографическое повествование Леонида Бородина «Без выбора» («Москва», 2003, № 7, 8, 9); см. об этой книге две рецензии Юрия Кублановского и Валерия Сендерова («Новый мир», 2004, № 3).

Не требовать шедевров. Беседу вела Надежда Горлова. — «Литературная газета», 2004, № 5, 4 — 10 февраля.

Говорит профессор РГГУ, литературный секретарь премии «Букер — Открытая Россия», первый заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы» **Игорь Шайтанов**: «У культуры всегда есть оптимальный возраст, он разнится от эпохи к эпохе. Возраст классической культуры — зрелость, недавней „шестидесятнической“ — молодость: „нам двадцать лет“, „буду вечно молодым“. Возраст нынешней культуры еще понизился, до планки от 14 до 16 лет. Этот возрастной биоритм пытается диктовать закон всей культуре, что и порождает опасность».

См. также: «Ведь в подсознании многих с юности сидит представление, что противостояние молодости и новизне есть проявление узости, скудоумие и вообще некультурно и позорно. Вспомним, однако, что авторы „Вех“ еще в 1911 году называли это состояние педократией, то есть властью детей. Уже тогда началась эта капитуляция разума и опыта перед напором прогресса», — пишет **Наум Коржавин** («Свобода за границами своей применимости» — «Континент», № 117 <<http://magazines.russ.ru/continent>>).

См. также: «А то, что на 90 процентов вся современная мировая детская литература пронизана идеей „заговора“ против взрослых и „педократией“, — вам кажется нормальным? Мол, повзрослеют... Так и Ленин повзрослел. И Гитлер повзрослел. А были — дети. <...> Когда миллионы наших детей приучают к *победоносному сиротству*, к *педократии* в наиболее чистом виде <...> звони во все колокола и зови дядю Степу. Великого и Ужасного. Чтоб по попе нащлепал суток на пятнадцать», — пишет **Павел Басинский** («Базаров № 8. Дядя Степа, великий и ужасный» — «Топос», 2004, 21 января <<http://www.topos.ru>>).

Неизвестный Матросов. Страницу подготовил Алексей Филиппов. — «Известия», 2004, № 20, 5 февраля.

«Когда он погиб, ему было восемнадцать. Сегодня герою Великой Отечественной исполнилось бы восемьдесят. <...> Даже самые скептические историки не сомневаются в том, что зимой 1943 года у деревни Чернушки Локнянского района Псковской области Александр Матросов заставил замолчать вражеский пулемет. <...> Поступок безусловен — но о самом человеке неизвестно почти ничего».

Андрей Немзер. Пять «пятнадцатилетних» проблем. Издан русский перевод пятой книги о Гарри Поттере. — «Время новостей», 2004, № 21, 9 февраля <<http://www.vremya.ru>>.

«<...> качественное усложнение сюжета (а сюжет и есть плоть авторской „идеи“) замерцало лишь в третьей книге, в четвертой заставило многих читателей (включая меня) пересмотреть отношение к поттериане как к коммерческой затее, а в пятой стало наглядным. <...> Не имея ни духу, ни возможности отследить все извивы писательской концепции и отдавая дань нумерологическим играм, выделю пять (том пятый, Гарри пятнадцатилетний) смысловых комплексов, к которым прикоснулись юные герои и разновозрастные читатели. <...> „Одиночество“, „Другие“, „Смерть“, „Школа“, „Судьба“».

См. также беседу Дмитрия Быкова с **Виктором Гольшевым**, одним из переводчиков пятого «Поттера», — «Огонек», 2004, № 5 <<http://www.ogoniok.com>>.

О демократии и наших правах. — «Права человека в России» (*Human Rights Online*). Интернет-портал. 2004, 14 января <<http://www.hro.org>>.

«Я, добровольно принявший на себя тяжкий крест называться правозащитником, всегда защищал тех, кто нуждается в защите», — рассказывает **Сергей Ковалев** слушателям радио «Свобода» (беседа с Виктором Шендеровичем).

«Обещая ходить на партсобрания». Беседу вел Сергей Шаргунов. — «НГ Ex libris», 2004, № 4, 5 февраля.

Говорит прозаик **Андрей Геласимов**: «Со многими писателями у меня очень теплые дружеские отношения. Однако я совсем не читаю, поскольку постоянно приходится

прислушиваться к той ноте, которая звучит во мне. Чужие интонации могут помешать. Я ведь не поэт. Мне приходится каждый день на несколько часов усаживаться за письменный стол, и я должен звучать абсолютно идентично самому себе».

См. также новый рассказ **Андрея Геласимова** «Зиганшин-буги» — «Октябрь», 2004, № 2 <<http://magazines.russ.ru/October>>.

Михаил Огарев. Не прыгать через ступеньки. — «Октябрь», 2004, № 1.

«Да неужели высокоученому Пауло Коэльо непонятно, что <...>».

См. также: **Павел Басинский**, «Базаров № 9. Апология Коэльо» — «Топос», 2004, 30 января <<http://www.topos.ru>>; «Короче, [Лев] Пирогов убедил меня, что Коэльо — это позор нации и даже сразу двух — русской и бразильской. Ну я и поверил, дурачок...»

См. также: **Лев Пирогов**, «Зачем всё? Первое философическое письмо к Басинскому» — «Топос», 2004, 6 февраля <<http://www.topos.ru>>; «Если миллиону моих сограждан нравится Путин, а мне нет, я обязан подчиниться. Но если миллиону читателей нравится Коэльо, а мне не нравится, значит, прав я».

А. В. Павлов. Европа как книга. — «Топос», 2004, 27 января <<http://www.topos.ru>>.

Рубрика «Онтологические прогулки». «<...> Библия креативна для Европы, она — то зерно, из которого европейская культура выросла. *Европа — единственный регион, имеющий историю как осмысленный, а не стихийный процесс.* Население Европы попросту создавало свою историю, стремясь жить в соответствии с Библейскими ценностями. Это значит, что те или тот, кто Библию написал, тем самым сочинил Европу как роман, где все жители — персонажи. Поэтому у Библии хороший прогнозный потенциал. Что бы в жизни ни произошло, в конечном итоге выходит, что в Библии об этом уже сказано заранее, потому что все делается так, чтобы вышло, как в Библии».

Борис Парамонов. Голубое, зеленое, желтое. — «Октябрь», 2004, № 1.

Т. Манн, Н. Бердяев, А. Лосев, Д. Лукач, В. Розанов. «Если мне математически докажут, что истина — это „Дженерал моторс“, а не Лев Толстой, я предпочту остаться не с истиной, а со Львом Толстым».

Николай Переяслов. Из записных книжек. — «Сибирские огни», Новосибирск, 2004, № 1 <<http://www.sibogni.ru>>.

«По словам Феликса Феодосьевича Кузнецова, сын Шолохова — Михаил Михайлович — однажды рассказывал ему, что, будучи уже тяжело больным, лежавший в постели писатель вдруг спросил у него: „Мишка, скажи мне, когда там, по вашим учебникам, заканчивается гражданская война в России?“ — на что он ответил: „В 1920 году, а что?“ — „А то, — ответил Михаил Александрович, — что она не закончилась еще и до сегодняшнего момента. Ты знай это...»

См. также: **Феликс Кузнецов**, «Шолохов и „Анти-Шолохов“. (Мистификация века)» — «Наш современник», 2000, № 5, 6, 7; 2001, № 2, 4, 5; 2002, № 4; 2004, № 2.

Джеймс Петрас. Еще раз о ЦРУ и холодной войне в области культуры. Перевод Аллы Никоновой. — «Левая Россия», Политический еженедельник, 2004, № 2 (101), 3 февраля <<http://www.left.ru>>.

О книге Фрэнсиса Стонера Сондерса «Кто платил за музыку: ЦРУ и холодная война в области культуры» (*Frances Stonor Saunders, «Who Paid the Piper: The CIA and the Cultural Cold War», London: Granta Books*): «<...> всеобъемлющее описание способов, которые ЦРУ использовало для проникновения и влияния на широкий круг культурных организаций, через подставные конторы и через дружественные филантропические фонды вроде фондов Форда и Рокфеллера. <...> В число американских и европейских антикоммунистических изданий, получавших прямо или косвенно деньги от ЦРУ, входили: „Партизан ревью“, „Кенион ревью“, „Нью лидер“, „Инкаунтер“ и многие другие. Среди интеллектуалов, финансировавшихся и рекламировавшихся той же конторой, были Ирвинг Кристолл, Исайя Берлин, Стефен Спендер, Сидни Хук, Дэниэл Белл, Дуайт Макдональд, Роберт Лоуэлл, Ханна Арендт, Мэри Маккарти и множество других в США и Европе. Особенное внимание ЦРУ уделяло рекламе „демократических левых“ и бывших леваков, включая Игнасио Силоне, Стефана Спендера, Артура Кэстлера, Раймона Арона, Энтони Крослэнда, Майкла Джосельсона и Джорджа Оруэлла».

См. также: **Олег Попов**, «Американские „благотворительные“ фонды и российские правозащитные организации» — «Лебедь», Бостон, 2004, № 361, 8 февраля <<http://www.lebed.com>>; «Пересмотреть все гранты, получаемые российскими правозащитниками, не представляется возможным уже потому, что далеко не все организации сообщают, кто их спонсор-донор и какова величина гранта. Мы выберем две столичные (и самые известные) правозащитные организации — Московская Хельсинкская группа и Общество „Мемориал“ и две — провинциальные (но тоже известные) — Пермский Правозащитный центр и Рязанское отделение об-ва „Мемориал“...»

Лев Пирогов. Зачем всё? Первое философическое письмо к Басинскому. — «Топос», 2004, 6 февраля <<http://www.topos.ru>>.

«На мой вкус, тот, кто ценит произведение литературы за то, что оно „хорошо написано“, мерзок. Более того — такое отношение к искусству вообще невозможно. Его можно декларировать, но оно будет напускным и неискренним. Немзер пытается иногда притворяться именно таким „ценителем хорошей литературы“, но даже Немзер ценит своих любимых писателей за другое. Как всякий человек, он ценит их за ментальный резонанс, а не за их „профессиональную состоятельность“».

Эд. Поляновский. «Я не уберу из книги ни единого слова». Памяти писателя Владимира Богомолова, автора романа «В августе сорок четвертого...» — «Известия», 2004, № 14, 28 января.

«К нему [Владимиру Богомолову] домой явился порученец председателя КГБ Андропова. Взял под козырек: „Вы не могли бы сделать дарственную надпись Юрию Владимировичу?“ — „Что я должен написать?“ — „Ну, что-то вроде благодарности за помощь, которую наши органы оказывали вам“. — „КГБ не только не помогал мне, но всячески препятствовал... терроризировал меня (курсив мой. — А. В.). Я ничего не подписываю вашему шефу“. — „Так и передать?“ — „Так и передайте“. Выделенные мной слова *наличествуют в электронной версии статьи Эд. Поляновского на сайте газеты «Известия», но отсутствуют в печатном варианте, есть и другие разночтения.*

См. также: Владимир Березин, «Момент истины читателей» — «Книжное обозрение», 2004, № 5, 9 февраля <<http://www.knigoboz.ru>>; «<...> это был спор двух людей [Богомолова и Владимова], что стоят по разные стороны от цифры, нарисованной на асфальте, — для одного из них это „6“, а для другого „9“».

См. также: Людмила Синянская, «Тайна романа Владимира Богомолова» — «Новая газета», 2004, № 9, 9 февраля <<http://www.novayagazeta.ru>>.

См.: В. Богомолов, «В августе сорок четвертого...» — «Новый мир», 1974, № 10, 11, 12.

Григорий Померанц. Еще раз о дальтонизме ко злу. — «НГ Ex libris», 2004, № 2, 22 января.

«Одним из уроков моих наблюдений и самонаблюдений полемиста был вывод: стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает традицию... И я чувствую необходимость протестовать, когда полемика с Солженицыным становится некорректной. Именно потому, что я его решительный противник».

Евгений Рейн. «Мне скучно без Бродского и Довлатова». Беседу вел Николай Крышук. — «Дело», Санкт-Петербург, 2004, № 309, 19 января.

«[Найман] пишет, например, что я пришел к кому-то на день рождения, принес трехлитровую банку абрикосового компота и сам ее съел. Может быть, так оно и было (хотя вряд ли мне это по силам). Ну и что?..»

Дмитрий Рогозин. «Мы и есть настоящая Европа». Беседу вел Владимир Бондаренко. — «День литературы», 2004, № 1.

«Мы всегда относились к категории очень <...> эмоциональных наций. Русские — очень эмоциональный народ. Мы гораздо эмоциональнее итальянцев. <...> Я скажу вещь очень непопулярную, но мне кажется, что мы должны создать в России ситуацию геополитической рутины. Когда мы будем хладнокровны в определении угроз в наш адрес и еще более хладнокровны в ответах на эти угрозы».

Русский ответ Путину В. В., президенту РФ. — «Pioneer's Journal», 2004, 12 января <http://www.livejournal.com/users/pioneer_lj>.

«Если Россия не для русских, то ничего не надо».

Русский эпос XX века. — «Литературная Россия», 2004, № 4, 30 января.

Говорит руководитель издательства «Московский писатель» Александр Стручков — в беседе с поэтом Геннадием Красниковым: «Солженицын хотел создать свой эпос XX века, он его и создал, но получилось только в документально-историческом жанре, а ему хотелось — в художественном, как в „Тихом Доне“. Так что русскую „Илиаду“ написал не он, а Шолохов, в этом-то и вся суть, и нормальное писательское раздражение. Но судя по тому, что премию своего имени Солженицын в последние годы вручает таким национально ориентированным русским писателям и философам, как Валентин Распутин, Константин Воробьев, Евгений Носов, Леонид Бородин, Александр Панарин, то и его „оппозиционность“ Шолохову, хотя и косвенным образом, явно снята».

С пристрастием и верой. Беседовал Александр Алексеев. — «Литературная газета», 2004, № 2.

Говорит историк и писатель Сергей Семанов: «Он [Николай II] не просто отрекся от престола, а сделал это во время войны, будучи Верховным главнокомандующим».

<...> Как человек к 1917 году он безмерно устал, но как монарх и главнокомандующий не имел права отречься от престола. Это можно рассматривать как дезертирство, как ни входи в его положение, а это именно дезертирство».

«В двадцатом столетии русский народ дважды стоял перед страшным выбором. В первый раз между Троцким и Сталиным. <...> В другой раз вопрос стоял так — Сталин или Гитлер?»

«И сейчас в России можно уловить некий подземный гул — предвестник землетрясения. Но землетрясение ведь кто первым чувствует? <...> И „пауки“, и „пресмыкающиеся“ ведут себя беспокойно».

Евгений Сабуров. *Ното oeconomico-politicus*. — «Неприкосновенный запас», 2003, № 6.

«Мы родились и выросли в традиционном тоталитарном обществе».

Нет, уж что-нибудь одно — или «традиционное», или «тоталитарное».

Валерий Сендеров. Вместо коммунизма. Неоевразийство как очередное воплощение советской души. — «Посев», 2004, № 1, 2.

«Тревожные успехи евразийской пропаганды <...>»

Роман Сенчин. Послание в никуда. — «Литературная Россия», 2004, № 2-3, 23 января.

«Олег Павлов писатель особенный — с первых же шагов в литературе (год 1994-й) его восприняли не как начинающего, молодого, а всерьез, и если ругали и ругают (а ругают предостаточно), то делают это тоже всерьез, искренне. „Казенная сказка“, „Карагандские девятины“ да и все практически вещи Павлова вызывали отклики, спор. Но [публицистическая] книга „Русский человек в XX веке“ что-то резонанса не получила. <...> Да и Олег Павлов, как мне кажется, не мыслитель, а художник, и художник, обладающий очень редким сегодня даром — эпической интонацией».

См. также: **Роман Сенчин**, «Острова на земле» — «Литературная Россия», 2004, № 6, 13 февраля; *о таежной прозе Михаила Тарковского*.

Евгений Сидоров. Записки из-под полы. — «Литературная газета», 2004, № 5, 4 — 10 февраля.

«Никто из известных и знаменитых не стал писать лучше за последние кризисные годы. Иные стали писать много хуже».

Валентина Ситникова (Сыктывкар, Республика Коми). Образы растений в поэзии Николая Рубцова. — «Литература», 2004, № 5, 1 — 7 февраля.

«В поэтическом мире Рубцова образ подорожников имеет очень узкое символическое значение».

Сказки еврейского средневековья. Предисловие и перевод Велвла Чернина. — «Иерусалимский журнал», Иерусалим, 2003, № 14-15.

«В 5302 году по еврейскому летоисчислению (1602 год н. э.) в Базеле вышло в свет первое известное нам печатное издание книги „Майсе-бух“ („Книга сказок“), включившее в себя 257 фольклорных историй, легенд и сказок и ставшее *editio princeps*...» Пять сказок из этой книги. «Жил когда-то выкрест, большой нечестивец...» («Посох, который расцвел»).

Алексей Слаповский. «Я никогда не занимался тем, что было неинтересно». Беседа вела Ольга Богомолова. — «Время новостей», 2004, № 9, 22 января.

«Премия имеет дело с тенденциями. Я не исключаю, что иногда важнее отметить не лучшее (да и как определить это лучшее), а наиболее характерное».

«Литература не должна существовать только для тех, кто знает определенные имена или следит за модой».

Максим Соколов. Служите черные мессы в заведениях клубного типа. И тогда российская инквизиция вас не тронет. — «GlobalRus.ru». Информационно-аналитический портал Гражданского клуба. 2004, 9 февраля <<http://www.globalrus.ru>>.

«Если людям, называющим себя художниками, дозволено глумиться хоть над религиозными святынями, хоть над кровью безвинных жертв, то для сохранения баланса людям, видящим в том мерзость перед Господом, должно быть дозволено делать с глумливыми изделиями то, что они сочтут нужным, — а там посмотрим, чья возьмет. За удовольствие надо платить. Тем более — за столь извращенное. <...> Мы стоим перед выбором: или общество само уймет разнуздавшихся бесноватых, или их станет обуздывать государство, а уж оно наобуздает».

Наталья Солженицына (президент Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям). Сколько можем — поможем. — «Известия», 2004, № 26, 13 февраля.

«<...> у Александра Исаевича гигантская переписка. Если кто-то рассказывает о своей лагерной судьбе, о судьбе знакомого, Александр Исаевич письмо отдает мне: „Ваш!“ Дальше мы действуем в установленном порядке — высылка опросника, рассмотрение ответа... <...> Фонд помогает тем, кто пострадал за убеждения — политические, религиозные или национальные. <...> Кроме того — принципиальный момент! — мы ведь работаем строго по уставу, разработанному тогда, тридцать лет назад. Устав предполагает помощь жертвам политического ГУЛАГа — и других функций мы на себя не брали, не могли взять. Сейчас, что ни говорите, политического ГУЛАГа нет. Есть масса конкретных злоупотреблений — но злоупотребления бывают везде, в Европе, в Америке. Отклониться же от устава мы не можем». *Справка «Известий»: «Русский общественный фонд оказывает регулярную материальную помощь примерно 2800 бывшим узникам сталинских лагерей, живущим в почти 80 регионах России и странах СНГ. С 1995 года (начало легальной работы в России) фонд оказал помощь более чем 5000 человек».*

Старое и новое. Беседа с председателем Правления МГО СП России, профессором Литературного института, доктором филологических наук В. И. Гусевым. — «Московский литератор». Газета Московской городской организации СП России. 2004, № 1, январь <moslit.ru>.

«— *Некоторым кажется, что вы чрезмерно контролируете ситуацию в Московском доме писателей, некоторым — что совсем не контролируете. Откуда такое противоречие?*

— А вы подумайте. Оно естественно.

— Ну, не знаю.

— Ну хорошо. Ситуацию я, как говорится, в общем, контролирую, но не считаю нужным это подчеркивать. А иногда, извините, просто и делаю вид, что не контролирую, хотя знаю, что за моей спиной порой делаются вещи, которые я бы не одобрил.

— *Нравственно ли это?*

— Я считаю, что все должно идти своим естественным путем. Писатели наши не дураки, я жду, когда они сами дойдут до чего-то, что я, как человек более информированный, уже понял. Когда они уже дошли, я говорю или делаю нечто, что выражает уже не мое, а общее мнение».

Дмитрий Сухарев. Все свои. Венок сонетов. — «Иерусалимский журнал», Иерусалим, 2003, № 14-15.

Жанр: *хотите — верьте, хотите — нет.* «Музыка Сергея Никитина меж тем лилась и лилась. Рейган не уклонялся — глупо уклоняться от любви. Он легонько приобнял Раису Максимовну за плечи, с профессиональной точностью угадал момент своего вступления и запел неожиданно глубоким и уж отнюдь не старческим голосом:

Александра, Александра,
Этот город так же вечен,
Как извечен *Russian question*,
Russian question — What to do?
But in spite of circumstances
Moscow wind so nicely dances.
Look around, Alexandra,
Ash-tree seeds are waltzing too...

Михаил Сергеевич был растроган и наутро поставил свою подпись на семнадцати чистых листах, подsunутых ему Киссинджером и Бжезинским, которые троекратно побожились (почему-то на конституции Калмыкии), что впечатано будет все по-честному».

См. также: **Андрей Яхонтов**, «Пасьянс сойдется. Сад чудесный Дмитрия Сухарева» — «НГ Ex libris», 2004, № 5, 12 февраля <<http://exlibris.ng.ru>>.

Творец технологий. Беседу вел Игорь Шевелев. — «Московские новости», 2004, № 5.

Говорит **Дмитрий Александрович Пригов**: «В принципе, все страны, а Россия особенно, живут сразу в нескольких временах. Огромное количество людей до сих пор живут в пушкинском времени, и, скажем, для них блоковские новации ужасны. Кто-то живет во времена Серебряного века, и для него формалистские ухищрения — крах всего святого. Кто-то живет во времени Малевича, и ему кажется, что манипуляции с текстом — это самое радикальное. Россия — разновременная страна, в которой все будет актуально еще долго».

Устные мемуары (6). Из Собрания фонодокументов им. В. Д. Дувакина. Подготовка текста В. Радзишевского. — «Русский Журнал», 2004, 15 января <<http://www.russ.ru/columns>>.

Запись беседы В. Д. Дувакина с женой художника Натана Альтмана балериной И. П. Рачек-Дега (9 декабря 1976 года): «И вот сказали, что гроб его [Есенина] стоит в Доме журналистов. <...> Лежит юный — ну, просто как мальчик, я его представляла гораздо старше, — такой блондин, и у него такой хохолок, так, на лбу, — знаете, спящий мальчик, юный, юный, — ну, не мальчик, но юноша. И поодаль от него стоит мать его. Это скульптурное изваяние горя. Так у нее платок, я помню, черный застегнут, на лоб надвинут, застегнут булавкой, черный такой кафтан или жупан — не знаю, как он называется. Стояла она, сложив руки вот так вот на груди, вот так зажав, и смотрела, зажав губы, тонкие губы так зажаты. <...> И потом мы побежали обратно в эту столовую [на Тверском бульваре], я была под впечатлением... до сих пор я помню вот это изваяние, вот эту скульптуру матери, горя. Эта скульптура — она не выгналась, стояла. Это страшно, это страшно. И вот там сидел Маяковский, чего-то писал на манжете. Я подбежала к нему и говорю: „Владимир Владимирович! Вы знаете, вот...“ — и рассказываю все. Он так слушал меня и говорит: „Ну и что ж? Ну и дурак“. И потом, значит, продолжал чего-то писать. Мы быстро-быстро поели и ушли. <...> Он сидел какой-то такой мрачный, какой-то безразличный, или, может быть, он был в своих каких-то, так, замыслах, не знаю, трудно мне сказать. Он сказал: „Ну и что ж? Ну и дурак“. Вот так».

Евгений Федоров. Поэма о первой любви. Исповедь диссидента. — «День и ночь», Красноярск, 2003, № 6-7, сентябрь — декабрь <<http://www.din.krasline.ru>>.

«Мое отрешение пришло в лагере. Лагерь — духовная баня. Да таким, как я, большая порка да и лагерь полезны...» *После бани (духовной):* «Истина начинается там, где кончается смрад, сорняк, плевел и ядовитая, поганая, деструктивная, разрушительная диссидентская кривда...»

Любопытно сравнить этот *полный* «красноярский» вариант повести с московским — сокращенным, отредактированным, см.: Евгений Федоров, «Поэма о первой любви. Исповедь бывшего диссидента» — «Континент», 2003, № 117 <<http://magazines.russ.ru/continent>>; *московская публикация сопровождается замечательным редакционным предисловием:* «Печатаю новую повесть Евгения Федорова, примыкающую к традиции, начало которой положили когда-то „Записки из подполья“ Достоевского, мы надеемся, что нашему читателю не нужно напоминать, сколь сложная, не допускающая ни малейшего тождества диалектика связывает обычно автора и героя в литературе этой традиции. Впрочем, социально-психологический тип „разочарованного диссидента“, так пришедший ко двору новым временам, схвачен Е. Федоровым столь точно во всей изверченности и ненависти его к своему прошлому и нынешнего натужно-злобного его патриотизма, что образ этот способен все сказать о себе сам. Во всяком случае, нам, надеемся, не нужно объяснять, в каком отношении находится та мировоззренческая вера, которую исповедует герой, к той, которую всегда исповедовал „Континент“».

В *московском* варианте, в частности, вылетели большие издательские куски о знаменитом академике (цитирую — самое мягкое): «А Сахаров нелеп: скатывается на больных, негнушихся ногах с трибуны без должного самоконтроля и постмодернистически чешется, скрючивается как-то, он в чумном трансе, вот те раз, это зачем? Пиджак поправляет, шелудивый пес, смотреть тошно и стыдобушка, впечатление жалкое, но в то же время зловещее: в его облике появляется что-то ожесточенное, упрямое, отнюдь не блажененькое, подленькое, так-таки подленькое, вы невольно начали понимать, что именно этот человек создал адскую бомбу апокалипсиса <...>».

На четвертой странице обложки «Дня и ночи» с сожалением читаем: «Дорогие читатели, коллеги, друзья! Вы перевернули последнюю страницу. Этим выпуском № 6-7 редакция прекращает издание литературного журнала для семейного чтения „День и ночь“. Лучший журнал Сибири, лучший журнал России вне Москвы, как еще недавно объявляли центральные СМИ, прекращает свое существование. <...> Бог простит, говорят в народе. А нас, может быть, еще вспомнят добрым словом...» (главный редактор журнала «День и ночь», сопредседатель Союза российских писателей Роман Солнцев).

Мирон Федоров. Общество мертвых либералов.— «Топос», 2004, 22 января <<http://www.topos.ru>>.

Переосмысление американского фильма «Общество мертвых поэтов» («*Dead Poets Society*»). Демонизация гиперконсерватизма. Инфернальная миссия учителя Китинга. Традиция против Пустоты. Среди прочего: «На сегодняшний день лучшие системы образования — в авторитарном Китае и консервативном Иране <...>». Эффектный финал: «Либерализм распадается, неумолимо, как трухлявый пенек, не способный долго прожить без ствола и веток — того, что сверху, *сверх*. Покрытый мхом, источенный жуками, с мертвыми корнями, он медленно заваливается на бок, распространяя запах гниения. На горизонте — чуть заметный свет». Свет *гиперконсервативного сопротивления*.

Борис Фрезинский. Генерал Трофименко и актер Михозлс. Минск. 1948. (Некоторые уточнения к книгам мемуаристов и публицистов). — «Народ Книги в мире книг». Еврейское книжное обозрение. Санкт-Петербург, 2003, № 48, декабрь. Углубленное — «конспирологическое» — чтение мемуаров.

Константин Фрумкин. Империи и спецслужбы в фантастике. — «Свободная мысль — XXI». Теоретический и политический журнал. 2004, № 2.

«Анализируя современную [российскую] фантастику, [Леонид] Фришман приходит к выводу, что для нее характерен „в целом антилиберальный консенсус“».

Александр Хазен. «Жизнь в каких-то простых формах на Земле останется, а человека не станет впредь и навсегда». — «Известия», 2004, № 22, 7 февраля.

О гипотетической гибели/самоуничтожении гипотетических инопланетных цивилизаций. В частности: «Неприятности с погодой связывают с нарушениями 11-летних циклов солнечной активности. Ни один закон не гарантирует вечную стабильность Солнца. Некоторые астрономы подозревают, что в течение ближайших шести лет само Солнце может взорваться. Аргументы не бесспорны, но против такого поворота человек бессилён». Статья профессора А. Хазена (Нью-Джерси, США) напечатана на полосе «Наука» (совместный проект РАН и газеты «Известия» <<http://www.inauka.ru>>).

Олдос Хаксли. Искренность в искусстве и другие эссе. Переводы с английского А. Власовой и С. Нещеретова. — «Иностранная литература», 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/inostran>>.

«<...> тишина составляет неотъемлемую часть всякой хорошей музыки. По сравнению с Бетховеном и Моцартом Вагнер с его бесконечным наплывом звуков беден молчанием. Возможно, это одна из причин, по которой он представляется не таким глубоким. Его музыка меньше говорит нам, потому что все время говорит» («Дальше — тишина»). Публикуемые эссе взяты из книг «Музыка в ночи» (London, 1931), «Старые и новые эссе» (N. Y., 1927).

Хью Хикло. Гипердемократия. Перевод с английского Григория Маркова. — «Отечественные записки», 2003, № 6.

«<...> основной признак новой американской „гипердемократии“ — одновременная демократизация политической системы и растущее недоверие к ней граждан <...>».

Ольга Чепурная. Неохристианская этика протеста советских интеллектуалов. — «Неприкосновенный запас», 2003, № 6 (32).

К статье приложена полезная Хронологическая таблица независимых религиозных объединений Ленинграда 60 — 80-х годов.

Александр Чуманов. Век трансурановых. Заметки дилетанта. — «Урал», Екатеринбург, 2004, № 2.

Трансурановых — то есть короткоживущих элементов: «Сотни новых „гениев“, мать их за ногу!»

Николай Шеляпин. Dead Мороз — архикрасный нос. — «Посев», 2004, № 1.

Хороший/нравственный Санта-Клаус и дурной/советский Дед Мороз. «<...> образ Деда Мороза вышел из шинели Феликса Эдмундовича».

Алексей Шорохов. Русский вопрос. — «День литературы», 2004, № 1.

«<...> его [Валентина Распутина] литературное творчество на всем открывающемся сегодня пути внутренне непротиворечиво и цельно, чего нельзя сказать даже о таких крупных художниках, как Толстой и Лесков. И у этой непротиворечивости Распутина есть свое объяснение: в силу сословных и временных условий формирования личности художника, ему не пришлось тратить значительную часть жизни на поиск и обретение „русского пути“, как тем его предшественникам, которым мешало барство или социал-демократическое воспитание».

См. также: **Дмитрий Быков**, «Зори над распутием» — «Новый мир», 2004, № 4.

Александр Штамм. Авторитарный этатизм: пиррова победа? Подводя итоги выборов в Госдуму. — «Посев», 2004, № 1.

«Налицо рост (!) прокоммунистически настроенной части избирателей». По подсчетам автора статьи, примерно 30,6 % в 2003 году против 28,6 % в 1999 году.

См. также: «Все политические силы, преодолевшие на [думских] выборах 5%-ный барьер, особенно Жириновский, шли под лозунгами социальной справедливости, в том или ином виде. „Единая Россия“ вообще выдвинула более коммунистические лозунги, чем КПРФ», — говорит Михаил Делягин в беседе с Владимиром Винниковым («Завтра», 2004, № 5, 27 января <<http://www.zavtra.ru>>).

Это критика. Выпуск 22. Беседу вел Михаил Эдельштейн. — «Русский Журнал», 2004, 22 января <<http://www.russ.ru/columns/critic>>.

Говорит Михаил Золотонос: «Особые надежды я связываю с Путиным. В связи с наступлением гэбухи по всему фронту, от экономики до идеологии (вождем этого наступления Путин и является), литература может испытать подъем, вызванный реакцией на политическое давление и погружение в океан дерьма».

«Вопрос [интервьюера] вызван непониманием природы того же [платоновского] „Котлована“, который насыщен конкретной полемикой со Сталиным, то есть со сталинскими статьями, опубликованными в „Правде“ в 1929 — 1930 гг., и в этом смысле „газетно-публицистичен“».

См. также — постскриптум Михаила Эдельштейна: «Едва ли среди сегодняшних обозревателей можно найти человека, способного соперничать с ним в последовательности отрицания текущего литпроцесса. <...> даже основной соперник Золотоносова — Виктор Топоров помимо того, что всех ругает, еще и свой собственный литпроцесс выстраивает на обочине общего. Мне очень не нравится русская литература в версии издательства „Лимбус-Пресс“, равно как и то, что происходит вокруг „Национального бестселлера“, но Топоров по крайней мере пытается что-то противопоставить тем тенденциям в русской литературе, с которыми воюет как критик. Золотонос же остается единственным, кажется, в современной русской критике гением чистого отрицания».

Составитель Андрей Василевский.

«Вопросы литературы», «Дружба народов», «Знамя»

Белла Ахмадулина. Посвящения. — «Знамя», 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/znamia>>.

Очень красиво смотрятся строчки, набранные полужирным старославянским. Очень.

В посвящениях Юрию Росту и Андрею Вознесенскому — немного об институте премий («...Премий, прений / вдали пребудем» и «Что — слова? Что — докучность премий?..») Действительно, что? Ведь по сути — ничего. Суета, докучность.

И все-таки традиционная «справка об авторе», занимающая своим петитом чуть более половины страницы (35 строк), я думаю, достойна специальной премии. Или книги рекордов. Нет, серьезно: неужели кто-то опасается забвения заслуг Б. А. перед словесностью? Думаю, в этой части болезнь Альцгеймера (о ней в «Знамени» художественно пишет Леонид Зорин, см. рецензию в № 4 «Нового мира» за этот год) нам, читателям, никак не грозит.

Овик Вардумян. «Истинная литература та, у которой один адресат — и это я, только я». Беседы с Грантом Матевосяном. С армянского. Перевод Ирины Маркарян. — «Дружба народов», 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/druzhba>>.

Беседы не предназначались для печати. Публикатор много разговаривал со своим любимым писателем, очевидно без всякого диктофона, и потом, дома, старался скрупулезно восстановить речь Г. М. на бумаге. Работал так же, как и Лидия Чуковская по отношению к Анне Ахматовой. Как давний читатель прозы и почти всех интервью значительнейшего современного прозаика, свидетельствую: реконструкция удалась и, возможно, будет частью творческого наследия Матевосяна, которого не стало в прошлом году.

В этих беседах говорят о многом, но главным образом о мастерстве:

«28.09.99.

— Что для вас слово?

— Я его не приемлю. Слово в тексте выступает как спаситель. Я всегда избегал этого. Текст сам по себе должен быть сильным, а не так, чтобы одно слово спасало весь текст. Все слова должны быть одинаково сильными. Спасительной силой слова чаще других пользовался Маари. Посреди плохонького текста вдруг, глядишь, появляется слово, которое одно спасает целую страницу. Вот так, на одном слове или фразе, держатся тексты, которым несть числа. Истинные же, большие художники не знают слова, оно для них незначимо. В тексте Ованеса Туманяна слово незначимо, все слова настолько точны, что ни одно неотделимо от других. Кажется, перед тобой проплывает вереница абсолютно серых слов, которые рождают большую яркую картину. Сами по себе тусклые, лишённые значения слова образуют текст, полный смысла. Не знаю, какой из меня писатель, но читатель я хороший и всегда прекрасно разбирался в литера-

туре. И всегда был приверженцем культуры не слова, а текста, культуры целого. Я всегда „гасил” слова, выбрасывал из текста.

В „Гикоре” (рассказ классика. — Л. К.) Туманяна нет слов, „Гикор” сам целиком — одно слово. В этом плане могу сослаться на бесспорный авторитет. Араму Ильичу Хачатуряну, который, кроме прочего, был музыковед от Бога, задали вопрос, относящийся к истории создания балета „Гаянэ”. Речь о „Танце с саблями”. Хореограф балета нашел, что балету чего-то недостает, и предложил Араму Ильичу дописать сценку. И он сочинил знаменитый „Танец с саблями”, а к концу жизни не раз каялся: „Зачем только я его написал. Он мне весь балет испортил...” Это то же слово. Небольшой „текст”, а вот выпятился и сместил центр балета на себя...»

Сергей Гандлевский. Два стихотворения. — «Знамя», 2004, № 1 <<http://magazines.russ.ru/znamia>>.

.....
 Знать по памяти вдох твоего вождельня и выдох
 И иметь при себе, когда кликнут с вещами на выход,
 При условии, что память приравнена к личным вещам.
 («Мую старую молодость, старость мою молодую...»)

Александр Зорин. Нестандартная фигура. Борис Крячко в письмах и воспоминаниях. — «Дружба народов», 2004, № 1.

Как-то очень хорошо и значительно, что прижизненная сердечность и дружба двух писателей продолжилась в посмертной, увы, судьбе одного из них. Крячко — первоклассный, недооцененный прозаик; мне странно, что его большой книги до сих пор не издано, что лучи внимания лишь только скользят по его неординарной, мастеровитой фигуре. Зорин *продлевает* Бориса Юлиановича. Кстати, напечатанное в «Дружбе народов» немного короче и написанного, и корпуса имеющихся в архиве писем.

«Есть еще выражение — „и смех и горе”. Спасительная амбивалентность душевного состояния. Потому что безграничное веселье так же губительно для души, как и безысходное несчастье. Такая душа не находит спасения свыше, и Бог жалеет ее, посылая саморегулирующее свойство. До времени, конечно. Душа, как и тело, стареет, и ее ресурсы, не питаемые духом, конечны. Колеблющаяся душа, стареющая Психея, ищущая психбольницу.

Борис Крячко — русский писатель, и свидетельствует он о русской душе. „И живут люди от одной драмы до другой. А они разные, эти драмы, и в каждой что-нибудь забавно: фарс, ирония, шутка тонкая, порой даже до буфонад дело доходит, потому что смешное с печальным так в нашем быту повязаны, как жизнь со смертью”...»

Ильф до Ильфа и Петрова. Вступительная статья и публикация А. И. Ильф. — «Вопросы литературы», 2004, № 1 (январь — февраль) <<http://magazines.russ.ru/voplit>>.

«До» — это 1923 — 1927 годы, когда по приезде из Одессы Ильф начал работать в московских газетах и юмористических изданиях. Ильф еще не знал, что его призвание — сатира, он ищет свой стиль и «свой интерес», «поначалу берется за героические, драматические и даже мелодраматические темы». Весьма вероятно, что некоторые его прозаические этюды — это пародии на «Одесские рассказы» Бабеля, а иногда ранняя ильфовская стилистика весьма «отдает Зошечкой». Ильф захвачен темой кинематографа, массовой культуры вообще — и так далее. «Он словно делал наброски для будущего большого полотна, и отдельные мелочи из его запасов пригодились в совместной работе с Петровым».

Приводятся рассказы и фельетоны главным образом из газеты «Гудок».

«<...> Миша Безбрежный встал и выложил свою простую, как собачья нога, речь: — Кто первый боец на скотобойне?»

Мы все любили Мишу мозгами, кровью и сердцем. Он был профессор своего дела. Когда Миша вынимал из футляра свой голубой нож, бык мог пожалеть, что не написал духовного завещания раньше.

Ибо Миша не какой-нибудь лентяй, который ранит бедную тварь так долго, что она за это время свободно может посчитать, сколько раз ей пихали горячее клеймо в бок и почему был пуд сена в девятнадцатом году на Старом базаре.

Нет!

С Мишей расчет был короткий.

Пар вылетал из быка прежде, чем он успевал крикнуть „до свиданья” (из рассказа «Антон Половина-на-половину»).

Г. Кнабе. Вторая память Мнемозины. — «Вопросы литературы», 2004, № 1 (январь — февраль).

Небольшой научный труд главного научного сотрудника РГГУ, автора многих книг по истории, культуре и языку античности посвящен, коротко говоря, отношениям меж-

ду памятью и забвением. «Историческая жизнь — всегда агон, постоянное — ежеминутное и вечное — напряжение в борьбе между памятью как сознательным усилием, структурным инстинктом *сохранения* и — преобразованием, обновлением, естественно предполагающим *забвение* исходного содержания, *забвение* как энтропию».

«Мнемозина (историческая память. — П. К.), как все живое, преобразуется и меняет облик. Ей тоже захотелось идти в ногу со временем: избавиться от опеки дотошных историков, сбросить с себя иго философской серьезности и академической ответственности и вызывать из бесконечной галереи прошлого после сколь угодно длительного — или сколь угодно краткого — перерыва любые образы, вдруг показавшиеся им подходящими. В них все явственней вплетены тона и краски „второй памяти“, где так много лишнего логики и внутренней необходимости, несерьезного и необязательного, а потому — игры, иронии и произвола, так много навеянного моментом. Но момент — это всегда момент *времени*, всегда *история* — та, в частности, в которой нам приходится жить, схваченная и переживаемая здесь и сейчас».

Владимир Корнилов. Запах духов. (Давняя история). Стихи. Публикация Ларисы Беспаловой. — «Дружба народов», 2004, № 1.

Здесь публикуется поэма 1958 года и стихи 2000 — 2001 годов. Посмертные корниловские подборки оставляют светлое ощущение: его *неухода*. Даже — сугубо публикаторски: они выходят и выходят, одна интереснее другой. Голос, звук, суровая и беззащитная музыка звучат, как звучали. «Есть у поэтов надежное средство: / Хочется что-нибудь вынуть из сердца...»

Майя Кучерская. Чтение для впавших в уныние. Современный патерик. — «Знамя», 2004, № 1.

Рассказы, притчи, легенды о батюшках.
Целомудренно, элегантно, смешно, любовно.
Есть и на грани фола.
Прямо. Не знаю. Что. Сказать.
Надо посоветоваться.
Уж очень понравились.

Светлана Львова. Но ничего не поделаешь — хочется быть наядой. — «Дружба народов», 2004, № 1.

Снился мне город — один на Земле, землю не покоренный.
Город друзей мне привиделся — город, каких не бывает.

Правила там любовь, а больше никто не правил.
Она была. И ничего не было выше нее.

Она жила в каждом мгновенье, в любом человеческом поступке.
Она смотрела из взглядов и говорила из слов.

(«Из Уитмена»)

Е. Пономарев. Россия, растворенная в вечности. Жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции. — «Вопросы литературы», 2004, № 1 (январь — февраль).

Тут, по мнению автора, все было замешено на мироощущении и идеологии вольных и невольных изгнанников. «Эмиграция должна явить всему миру остатки канувшей в лету Великой России. Неустанно напоминать о ее духовной мощи. Служить посредником между „сопричтенными“ и живущими, находясь на границе миров. Так получает новую жизнь целый ряд мифологем серебряного века. Все они накладываются на новую идеологическую структуру, формулирующую новую „миссию русской эмиграции“: она состоит в том, чтобы зафиксировать, хоть как-то сохранить уходящую русскую культуру. Эта миссия (проекция интеллигентского „служения“) в ее бытовом, психологическом, творческом и сакральном аспектах приводит к рождению особого жанра эмигрантской литературы — биографии.

Часто этот жанр сравнивают с серией «ЖЗЛ», появившейся в Советском Союзе, однако это сравнение кажется поверхностным. Биографии, созданные в эмиграции, имеют иную идеологическую основу и идеологическую направленность. Для советского автора „замечательные люди“ „живее всех живых“, эмигрант даже о себе пишет как о мертвом».

Точно замечено о сопряжении эмигрантских житий с «осовремениванием религиозной проблематики», о том, что каждая новая биография короче предыдущей, так как идеи уже были высказаны, остается лишь иллюстративный материал и т. д. Эмигранты, Борис Зайцев в частности, и сами писали о том, как — в тамошних житийных книгах — деятели русской культуры выходят из истории и становятся персонажами мифа. И «погибшая Россия приобретает черты небесного воинства». Все так: мученические венцы, «последние могики», что же мы потеряли... Но как же хороши иные из них, и как

много они, действительно, дали *сюда*: и «Державин» Ходасевича, и книги Берберовой, и беллетризованные жития святых Б. Зайцева и Шмелева. И хотя позднее, в пятидесятые, традицию житийной биографии, как замечает Пономарев, некоторые авторы продолжают как бы по инерции, выходит все равно здорово. Корней Чуковский в письме к Зайцеву назвал его книгу «Чехов» (1954) поэтической и «осиянной».

Несмотря на то что *иконостасы* и *пантеоны* (эмигрантский и советский) типологически во многом родственны, останутся просто талантливые и неталантливые книги, верно ведь?

Вано Сирадегян. Две новеллы. С армянского. Перевод Тиграна Акоюна. Предисловие Анаит Баяндур. — «Дружба народов», 2004, № 1.

Великолепный рассказчик, таинственный и в своем роде одиозный писатель, политик-оппозиционер, неизвестно где находящийся ныне, Вано, как считают любящие его прозу критики, — «наш армянский Шолом-Алейхем». Здесь два рассказа: «Анжик» (1983) и «Жаль ребенка» (2000 — 2001).

«Надо просто довольствоваться чувством, что сегодня пьешь тот же кофе, что и пятнадцать лет назад. Не исключено, что это давно уже не тот кофе, возможно, что вкус уже другой, но память вкуса подсказывает: вкус тот же. Не исключено также, что, если когда-либо будет потеряно и чувство вкуса, память вкуса не позволит догадаться об этом. Возможно, что, когда приблизится смерть, привычка жить не позволит догадаться и об этом. <...> Нет никого, кто явился бы из небытия на свет Божий по своей воле, и, значит, жизнь не может быть наказанием, потому что нельзя наказать невинного. Никто не рождается по своей воле, значит, не для того дарована ему жизнь, чтобы потом он с ужасом чувствовал свой уход. По большому счету, жизнь не может оплачиваться коварством. Уход в иной мир должен быть неосознаваем, как не бывает осознанным рождение. Обратное было бы нелогичным.

Ты не можешь чувствовать конец своего бытия, потому что невозможно почувствовать последний миг перед уходом. Поймать и прочувствовать этот последний миг не дано никому, ибо невозможно осознать и миг предпоследний. И так — до бесконечности, потому что никто до конца и не будет верить в неотвратимость последнего момента. „Не должен верить“, — пробормотал Одинокий».

Он очень густой и звучный, язык этого повествователя: и в философском этюде, из которого я цитировал, и в маленькой истории любви («Анжик»). Вот бы кто-нибудь помог «Дружбе народов» издать — сборником — армянскую прозу, печатающуюся на страницах журнала последние годы. Она необыкновенно удачна.

Корней Чуковский — Николай Чуковский. «Мы очень разные литераторы...» Переписка 1921 — 1963. Вступительная заметка, подготовка текста и примечания Е. Н. Никитина. — «Знамя», 2004, № 1.

Переписка с сыном. 33 из 238 писем.

Открывается классическими письмами (чуковедом они известны, публиковались) о «вступлении в жизнь», об ответственности перед собой, «об опасности заплесневения души».

Как ни относиться к литературной и человеческой судьбе Н. Чуковского, внимательный читатель, любящий историю отечественной словесности, должен быть ему весьма признателен. Я даже не отличную книжку «Водители фрегат» и переводы из Стивенсона да Сетона-Томпсона имею в виду. Например, он вызвал к жизни (независимо от того, достигли ли они цели) такие пронзительные, глубокие, горячие размышления своего знаменитого отца. Когда-то они были только фактом их личной жизни, а теперь стали еще и значительным фактом литературы.

Кстати, когда мне говорят, какой разный Корней Иванович в письмах к дочери (см. рецензию на их переписку, изданную в прошлом году «Новым литературным обозрением» — «Новый мир», 2004, № 2) и к сыну, — искренне не понимаю, чему тут удивляться. Да, они (писатели Николай и Лидия Чуковские, старшие дети Корнея Ивановича) абсолютно полярны между собой *по всему*, но для него *в главном* — равны. Дети. Они, думаю, скорее всего, не осознавали, какими усилиями он изыскивал и направлял свою родительскую мудрость, общаясь с ними. И уж тем более говоря с одним о другой и наоборот.

Евгений Шкловский. Рассказы. — «Дружба народов», 2004, № 1.

«Мать, белобрысый и Илларион» и «Сироты».

О *неуловимом* и *несознаваемом*, о любви и смирении. Замечательная, на мой вкус, проза.

Е. Щеглова. О, не тоскуйте мне о нем. Современный писатель в зеркале самооценки. — «Вопросы литературы», 2004, № 1 (январь — февраль).

В разнообразной литературе о литераторах содержатся главным образом жалобы. Бедные (в прямом смысле, как они считают) и растерянные писатели пишут о себе,

бедных и растерянных. Есть известные примеры. Автор полагает, что оснований для всхлипов и рыданий в литературе о *соли земли русской* не так уж и много. «Ибо свобода, как известно, есть немалое бремя, и не каждому она по душе. За свободой стоит не уютная соборность (советская, конечно. — П. К.), а одиночество. <...> К тому же вождельный интеллигентизм демократизм, за который немало людей заплатили жизнью, бывал и бывает поверхностным. Тогда расплачиваться за него жизнью не надо. Тогда он может обернуться и внутренней пустотой, и скудостью мысли, и какой-нибудь эксцентричностью. И не избавиться от довольно неприятной мысли, что частенько замешены эти прорвавшиеся на печатные страницы писательские страдания на начале в значительной степени конформистском».

А те, что посостоятельнее, без лишних соплей кладут значительную часть жизни на приватизацию арендованных у писательских властей дач — добавлю я от себя.

Игорь Яковенко. Время изживать терроризм. — «Дружба народов», 2004, № 1.

Идеология, этика, классификация терроризма — все тут есть. В том числе — исторические экскурсии, там и сям вплавленные в очерк-размышление.

Обстоятельно и ясно. И как это ни дико, оптимистично.

Составитель Павел Крючков.

ДАТЫ: 1 мая исполняется 80 лет со дня рождения Виктора Петровича Астафьева (1924 — 2001).

Поправки

Уважаемые подписчики и читатели «Нового мира»! Прошу простить меня за неточность, которую я допустил в рецензии на книгу Надежды и Майи Улановских «История одной семьи» («Новый мир», 2004, № 1).

Несколько раз я назвал мужа Надежды и отца Майи, Александра Улановского, «контрразведчиком», тогда как он был разведчиком или военным разведчиком. Дьявольская разница — добывать «американского завода план» (военная разведка) или убивать перебежчиков (контрразведка ГПУ). Пользуюсь возможностью, любезно предоставленной мне журналом, и исправляю эту неточность.

Никита Елисеев.

Правильная дата конфликта арестанта Боголюбова с генералом Треповым — 13 июля 1877 года (см. в статье Николая и Анастасии Литвиновых «Антигосударственный террор в Российской империи» — «Новый мир», 2003, № 11, стр. 134).

Редакция.

ИЗ ЛЕТОПИСИ «НОВОГО МИРА»

Май

10 лет назад — в № 5 за 1994 год напечатана «Одиссея» Евгения Федорова.

35 лет назад — в № 5 за 1969 год напечатана статья В. Лакшина «Марк Щеглов. (Напоминание об одной судьбе)».

50 лет назад — в № 5 за 1954 год напечатаны повесть-сказка Михаила Пришвина «Корабельная чаша» и статья Марка Щеглова «„Русский лес“ Леонида Леонова».

65 лет назад — в № 5 за 1939 год напечатаны пьеса Леонида Леонова «Волк. (Бегство Сандукова)» и книга рассказов Михаила Пришвина «Лисичкин хлеб».

SUMMARY

This issue contains a novel by Dmitry Bavilsky «Nodelma», a tale by Rodion Beletsky «The Author, Kovrov and Baranov Travelling to Ivanovo» as well as a story by Roman Solntsev «The Keys». The poetry section of this issue is made up of the new poems by Vera Pavlova, Dmitry Bobyshev, Maria Kamenkovich and Yury Kublanovsky.

The sectional offerings of this issue are as follows:

«*Studies of Our Days*»: «Cuban Notebooks» by archimandrite Augustine (Nikitin) «In a Large and Happy Prison» — the ending.

«*Close and Distant*»: «Time Has Its Own Topography» — a publication of letters (the end of 60th — 70th) by the writer Yury Dombrovsky to the writer Vitaly Syomin, the author of the famous novel «Seven Persons in the House».

«*Literary Critique*»: «Extending the Language: the „Khontuy” Effect» — an article by Maksim Krongaus highlighting new phenomena in contemporary Russian prose.

«Редакция не обязана отвечать на письма граждан и пересылать эти письма тем органам, организациям и должностным лицам, в чью компетенцию входит их рассмотрение» (Закон РФ «О средствах массовой информации», ст. 42).

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Словесное сочетание «НОВЫЙ МИР» зарегистрировано ЗАО «Редакция журнала „Новый мир”» в качестве товарного знака по классам МКТУ 16, 38, 41, 42.

Редакция журнала «Новый мир» не имеет никакого отношения к деятельности одноименных компаний в Москве и за ее пределами.

Общественный совет: А. Г. Битов, С. Г. Бочаров, А. Г. Волос,
Д. А. Гранин, Б. П. Екимов, Ф. А. Искандер, Ю. М. Каграманов, А. А. Ким,
А. С. Кушнер, А. Н. Латынина, Б. Н. Любимов, А. М. Марченко, В. С. Непомнящий,
П. А. Николаев, О. А. Славникова, М. О. Чудакова

Главный редактор А. В. Василевский

Редакционная коллегия: М. В. Бутов, В. А. Губайловский, Р. Т. Киреев,
С. П. Костырко, П. М. Крючков, Ю. М. Кублановский, О. И. Новикова,
И. Б. Роднянская, О. Г. Чухонцев

Корректоры Н. Н. Замятина, С. Л. Луконина

Редактор-библиограф А. И. Фрумкина

Компьютерная верстка — И. Н. Колесникова

Компьютерный набор — Т. В. Дорофеева

Адрес редакции: 127994, ГСП-4, Москва, К-6, Малый Путинковский пер., д. 1/2.

Телефоны: главный редактор — 209-57-02, ответственный секретарь — 209-91-81,

отдел прозы — 200-54-96, отдел поэзии — 229-56-92, отдел критики — 209-05-88,

зав. редакцией (хозяйственные вопросы) — 209-62-68,

для справок, продажа журналов — 200-08-29.

Факс: 200-08-29. Электронная почта: nmir@lenta.ru;

по вопросам зарубежной подписки: novy-mir@mtu-net.ru

Сетевой журнал «Новый мир»: http://magazines.russ.ru/novyi_mi

Свидетельство Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № 77-15286 от 28 апреля 2003 г.

Учредитель и издатель — ЗАО «Редакция журнала „Новый мир”».

Сдано в набор 20.01.2004 г. Подписано к печати 29.03.2004 г. Формат бумаги 70x108 1/16. Бумага кн.-журн.

Высокая печать. Объем 15,0 печ. л., 21,0 усл. печ. л., 27,0 уч.-изд. л.

Тираж 9000 экз. Зак. 4222. Цена договорная.

Отпечатано с оригинал-макета в ФГУП Издательство «Известия» Управления делами Президента РФ,
101999, ГСП-9, Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРЕМИЯ «ANTHOLOGIA»

учреждена редакцией журнала «Новый мир»
в феврале 2004 года в виде специальных почетных дипломов,
отмечающих высшие достижения современной русской поэзии.

По решению Координаторского совета лауреатами премии
по итогам 2003 года стали:

МАКСИМ АМЕЛИН

за книгу «Конь Горгоны» (М., «Время», 2003);

ИННА ЛИСНЯНСКАЯ

за поэтические подборки «Сорок дней» («Знамя», 2003, № 9),
«День последнего жасмина» и «Без тебя»
(«Новый мир», 2003, № 1, 10);

ОЛЕГ ЧУХОНЦЕВ

за книгу «Фифа» (СПб., «Пушкинский фонд», 2003).

Правом выдвижения кандидатов на премию 2004 года обладают
творческие организации, критики, издательства.

Торжественное вручение дипломов лауреатам 2003 и 2004 годов
состоится на юбилейном вечере в честь 80-летия
«Нового мира» одновременно с вручением
премии имени Юрия Казакова
и ежегодных редакционных премий авторам журнала
в начале 2005 года.

Предложения лиц и организаций,
заинтересованных в соучредительстве/сотрудничестве,
будут внимательно рассмотрены.

Координаторский совет:

**АНДРЕЙ ВАСИЛЕВСКИЙ,
ВЛАДИМИР ГУБАЙЛОВСКИЙ,
ИРИНА РОДНЯНСКАЯ.**

Контактный телефон (095) 209-57-02

nmir@lenta.ru